
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 5(57), 2020 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2020

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ

- Осипова Н.Г.** Религия и общество:
дифференциация и диверсификация протестантских течений 1314
- Аганов П.В.** Психоанализ Зигмунда Фрейда:
социально-философский генезис 1333
- Лебедева М.Л.** Французское региональное политическое
пространство: концептуально-теоретическая характеристика 1343

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Каратуева Е.Н.** Защита и использование окружающей среды
как главные политические тренды современности 1354
- Маковский В.А.** Влияние СМИ на государственную политику 1365
- Смирнова Т.С.** Политические и институциональные
ограничения национализации 1373
- Крылов А.А.** Информационная
поддержка демократических институтов 1378
- Старосек А.К., Белоусова М.А.** Публичные слушания
как институт делиберативной демократии 1385
- Султанов К.А.** Система государственного управления Амира Темура 1394
- Юлдашев Б.Э.** Недостатки в деятельности современного руководителя 1401
- Устюжанинов И.Д.** Роль КПРФ в региональном политическом
процессе в 2000-2006 гг. (на примере Кировской области) 1406

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

- Елишев С.О.** Тоталитарные религиозные секты
и деструктивные культы как антисистемные организации 1416
- Шукуровский А.Р., Шмидт В.В.** Государственная политика
России в сфере культуры в первой четверти XXI века:
проблемы модели и особенности 1433
- Филина Н.В.** Проявление религии и религиозности
в современной молодежной среде (по материалам Омской области) 1446

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

- Евдокимова Н.В., Кукушкина В.В.** Российско-китайское
гуманитарное сотрудничество в Ростовской области 1457
- Похожяев В.И.** О проблемах в реализации приоритетов современной
государственной национальной политики Российской Федерации 1464

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Пряхин В.Ф. О воздействии пандемии COVID-19 на процессы глобализации	1473
Дубровина О.В., Дубровина О.Ю. Глобальное и региональное в условиях пандемии COVID-19. Воздействие на сферу образования.....	1481
Парфейников И.С., Парфейников В.И. Особенности развития санаторно-курортного комплекса Кавказских Минеральных Вод в результате интеграционных процессов между Россией и Азербайджаном (на примере региональных инвестиционных проектов)	1490
Содилов Ш.Д. Афганистан как источник угрозы региональной безопасности	1495
Каримов Ф.Э. Роль и значение этнических и религиозных факторов в политической системе Ближнего Востока.....	1504
Попов С.И., Омерович А.Р. Итоги выборов депутатов Бундестага 2017 года и их политические последствия	1512
Хлопов О.А. Геополитические изменения газового рынка в контексте новых энергетических технологий и устойчивого развития.....	1517
Хао Лун Мир в борьбе с новой эпидемией коронавируса (COVID-19): взгляды китайских и российских ученых	1528
Джамиев Б.А. Особенности формирования и развития многопартийности в Узбекистане	1547
Бурыгин А.А. Нормативно-правовая база и национальная политика России в области борьбы с исламским экстремизмом	1555
Огуз Шахбаз. Boundaries of Turkish Academic Literature on Post-Soviet Space/Границы турецкой академической литературы на постсоветском пространстве.....	1565
Палилов Д.Е. Инициатива «Один пояс, один путь» в современных условиях: политические аспекты.....	1572
Ндайисаба Огюстин. Район Великих озер Африки (РВО): коллективная оборона как соответствующее решение проблем неспособности конголезских вооруженных сил	1578
Лукин А.Д. Северный Морской путь мост между Востоком и Западом: перспективы и реалии освоения Транс-Арктики	1588
Лэй Шуан. Белая книга по арктической политике Китая – современная стратегия КНР в Арктике.....	1594
Петрова Н.А. Сотрудничество Санкт-Петербурга с городами-побратимами в регионе Балтийского моря.....	1604

<i>Сабитова Э.Ш.</i> Особенности международно-правового режима Арктики	1613
<i>Тушков А.А.</i> Реформирование военно-политического японо-американского союза в конце XX века как ресурс взаимодополняемого развития.....	1619
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	
<i>Букин О.А.</i> К вопросу о взаимодействии российского ислама и глобального исламского мира в контексте безопасности России	1627
<i>Чернышова Л.В.</i> Психологические особенности сетевого имиджа Д. Трампа	1635
<i>Лещенко С.А.</i> Многополярность как объективная перспектива развития современной системы международных отношений.....	1642
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ	
<i>Медведев Н.П.</i> Послесловие к статье Лебедевой М.Л. «Французское региональное политическое пространство: концептуально-теоретическая характеристика»	1649
НАШИ АВТОРЫ	1656
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	1664

CONTENTS

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLICY

- Osipova N.G.** Religion and Society: Differentiation
and Diversification of Protestant Movements..... 1332
- Agapov P.V.** Psychoanalysis of Sigmund Freud:
Social-Philosophical Genesis..... 1342
- Lebedeva M.L.** French Regional Political Space:
Conceptual and Theoretical Characteristic 1353

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Karatueva E.N.** Protection and use of the Environment
as the Main Political Trends of our Time..... 1364
- Makovskiy V.A.** Influence of Media on Public Policy 1372
- Smirnova T.S.** Political and National Restrictions on Nationalization..... 1377
- Krylov A.A.** Information Support for Democratic Institutions 1384
- Starosek A.K., Belousova M.A.** Public Hearings
as an Institute of Local Deliberative Democracy..... 1393
- Sultanov K.A.** On the Issue of Amir Temur's Public Administration System 1400
- Yuldashev B.E.** Shortcomings in the Today Directors' Activities 1405
- Ustyuzhaninov I.D.** The Role of CPRF
in Regional Political Process in 2000-2006 (in Kirov Region) 1415

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

- Elishev S.O.** Totalitarian Religious Sects
and Destructive Cults as Unsystem Organizations 1432
- Shukurovskiy A.R., Shmidt V.V.** National Particularities
of Russian Cultural Policy 1445
- Filina N.V.** Manifestation of Religion and Religion
in Modern Youth (Based on the Materials of the Omsk Region)..... 1455

POLITICAL REGIONALISM

- Evdokimova N.V., Kukushkina V.V.** Russian-Chinese
Humanitarian Cooperation in Rostov Region..... 1463

Pokhozhaev V.I. On Problems in the Implementation of the Priorities of Modern State National Policy of the Russian Federation..... 1472

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLICY

Pryakhin V.F. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Globalization..... 1480

Dubrovina O.V., Dubrovina O.Yu. Global and Regional in the Conditions of the COVID-19 Pandemic. Impact on Education..... 1489

Parfeynikov I.S., Parfeynikov V.I. Features of Development of the Caucasian Mineral Waters Sanatorium and Resort Complex as a Result of Integration Processes Between Russia and Azerbaijan (on the Example of Regional Investment Projects) 1494

Sodikov Sh.D. Afghanistan as a Source of Regional Security Threat 1503

Karimov F.E. Role and Significance of Ethnic and Religious Factors in the Middle East Political System 1511

Popov S.I., Omerovich A.R. The Results of Bundestag Elections in 2017 and their Political Consequences 1516

Khlopov O.A. Geopolitical Changes of the Gas Market in the Context of New Energy Technologies and Sustainable Development..... 1527

Hao Long The World in the Fight Against the New Coronavirus Epidemic (COVID-19): Views of Chinese and Russian Scientists..... 1546

Dzhamiev B.A. Features of Formation and Development of Multiparty System in Uzbekistan 1554

Burygin A.A. Legal Framework and National Policy of Russia in the Field of Countering Islamic Extremism..... 1564

Oguz Sahbaz. Boundaries of Turkish Academic Literature on Post-Soviet Space..... 1565

Palilov D.E. The Belt and Way Initiative in Modern Conditions: Political Aspects 1577

Ndayisaba Augustin. Great Lakes Region of Africa (GLR): Collective Defense as an Appropriate Solution to the Problems of Incapacity of the Congolese Armed Forces 1587

Lukin A.D. The Northern Sea Route is a Bridge Between East and West Perspectives and Realities of the Development of the Trans-Arctic..... 1593

Lei Shuang. White Paper: China's Arctic Policy – Present Strategy of the PRC in the Arctic..... 1603

Petrova N.A. Cooperation of St. Petersburg with its Sister Cities in the Baltic Sea Region 1612

<i>Sabitova E.Sh.</i> Features of the International Legal Regime of the Arctic	1618
<i>Tushkov A.A.</i> Northern Pacific Cross-Border Space (North Pacific Cross-Border Space) in Regional and Global Security	1626
STUDENT SCIENCE	
<i>Bukin O.A.</i> On the Issue of Interaction between Russian Islam and the Global Islamic World in the Context of Russia's Security	1634
<i>Chernyshova L.V.</i> Psychological Features of the Network Image of D. Trump	1641
<i>Leshchenko S.A.</i> Multipolarity as an Objective Perspective for the Development of the Modern System of International Relations	1648
REFLECTIONS ON READ	
<i>Medvedev N.P.</i> Afterword to the Article by M. L. Lebedeva “French Regional Political Space: Conceptual and Theoretical Characteristics”	1655
OUR AUTHORS	1660
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	1664

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОТЕСТАНТСКИХ ТЕЧЕНИЙ

В данной статье рассматривается социальная проблема трансформации традиционных религиозных доктрин в квазирелигиозные течения, которая находит свое наиболее наглядное отражение в процессе дифференциации и диверсификации протестантизма в виде постпротестантских, а точнее – псевдопротестантских движений и культов. Автор обращается к анализу причин, прежде всего – социальных, реформации церкви, истории возникновения и укрепления первых протестантских течений – лютеранства, кальвинизма, англиканства и анабаптизма, выделяет социальные корни и ключевые принципы протестантского вероучения. Подобный анализ позволяет прийти к выводу, что, строго говоря, протестантизм – это исторически ограниченное явление, восходящее к Реформации XVI в., предоставившее, в то же время, возможность собственной трактовки Библии любыми его апологетами. Это привело к тому, что протестантизм не смог остаться в рамках единого учения и культа. В нем достаточно быстро стало появляться большое количество близких по духу, но достаточно отличных направлений и течений, поскольку важнейшим критерием для понимания различных положений Библии считалась точка зрения их основоположников. Данное обстоятельство способствовало вырождению самого духа протестантизма, традиционной протестантской этики, основанной на аскетизме, трудолюбии, скромности, честности и т.п. При этом ключевым мотивом деятельности лидеров постпротестантских новообразований различного рода, число которых стремительно растет, является исключительно финансовый успех. Данное обстоятельство порождает специфическую реакцию со стороны традиционного протестантизма в виде протестантского фундаментализма.

Ключевые слова: реформация, протестантизм, ключевые принципы протестантизма, протестантская этика, постпротестантизм, постпротестантский культ, новые религиозные формы, мегацерковь, протестантский фундаментализм.

Достаточно часто под **социологией религии** понимают отрасль социологии, изучающую религию как социальный феномен, а также социальные функции различных религий, их влияние на нравственные ценности и мировоззрение отдельных индивидов и социальных групп. Хотя предмет социологии религии достаточно обширен и многогранен, в его основе лежит взаимодействие между религией и обществом, а именно влияние различных форм социального поведения людей на их религиозное поведение и, наоборот, значение религиозности и ее социальные последствия для широких социальных групп и обществ в целом [2]. В данной связи известный научный интерес представляет социальная проблема, связанная с трансформацией традиционных религиозных доктрин в квалирелигиозные течения, которая находит свое наиболее наглядное отражение в процессе дифференциации и диверсификации протестантизма до псевдопротестантских движений и культов.

Термин «протестантизм» происходит от протеста, заявленного германскими князьями и рядом имперских городов против отмены в 1529 г. Шпейерским рейхстагом права выбирать исповедание, которого они добились в 1526 г. Однако в более широком смысле протестантизм ассоциируется с социально-политическим и нравственным протестом поднимающегося, но все еще бесправного третьего сословия против отживших средневековых порядков и стоящей на их страже католической церкви. В конце XII века католическая церковь сделалась владычицей большей части христианского мира, однако пропасть между мирянами и духовенством становилась все больше. Соответственно росла и популярность «ересей» различного типа.

К XIII веку, когда многие территории Западной Европы были полностью захвачены еретиками, всерьез встал вопрос о самом существовании католической церкви в ее традиционной форме. На IV Латеранском соборе 1215 г. все «ереси» были осуждены, после чего их представители подверглись гонениям и расправам, в первую очередь со стороны церковной власти, в виде инквизиции. «Бесконтрольная, безапелляционная, самодержавная, не знавшая никакого другого закона, кроме единственного “так я хочу, так я велю, и пусть доводом будет моя воля”, инквизиция долгие века была символом абсолютной власти, орудием борьбы со свободой совести, вероисповедания и особенно – со свободой мысли» [7].

Главной причиной появления все новых и новых движений протестантского типа, наиболее влиятельным из которых впоследствии стало реформаторское, служил именно диссонанс между неограниченной властью католической церкви и злоупотреблениями ее священнослужителей. Так, среди пороков служителей католической церкви, которые детально описал Г. Ли в своей книге «История инквизиции. Современная версия» [7], можно выделить:

– симонию – продажу и покупку церковных должностей или духовного сана;

– практику бенефиций – раздачу духовным лицам доходных должностей или участков земли в качестве вознаграждения;

– продажу индульгенций, которая приняла профессиональный характер.

В кругах католических священнослужителей процветало мздоимство – нередко они отказывались венчать или хоронить, требуя уплаты денег вперед. Прелаты не стеснялись извлекать нечистый доход из безнравственного поведения безбрачного духовенства, взимая с него особый налог, уплатив который священник мог спокойно жить со своей наложницей [7].

Следует отметить, что во многом способствовали развитию злоупотреблений, обозначенных выше, личная и имущественная неприкосновенность лиц духовного звания, их полное неподчинение светскому правосудию. Священников подчиняли особому специальному церковному суду (*purgatio canonica*), благодаря которому духовное лицо или легко получало оправдание или подвергалось незначительному наказанию. В ведении церковных судов были не только все духовные дела, но и большая часть светских, а штрафы, налагаемые ими на граждан, составляли видную часть доходов духовенства.

Исторически причиной возникновения протестантизма послужили отступления католической церкви от чистоты христианского учения, а также последовавшие за ним многочисленные изменения в области догматов, богослужения, религиозной жизни прихожан. Церковные нововведения привели к тому, что во многих случаях римско-католическая церковь оказалась неспособной в полной мере удовлетворять религиозные потребности верующих.

Предстоятели католической церкви пытались усилить свое влияние на светскую власть европейских государств, в результате западная церковь стала более походить на административную организацию, чем на духовный организм. Продажа индульгенций, инквизиция и тому подобные явления шли вразрез с христианским религиозным мироощущением. К тому же, в силу ряда исторических причин, неоднократно возникало церковное двоевластие. Например, в 1378 году церковная власть оказалась поделенной между двумя папами – Урбаном IV и Климентом VII, каждый из которых утверждал о законности своего избрания и требовал беспрекословного подчинения себе.

Сложившаяся ситуация выявила несостоятельность католицизма, и среди богословов и прелатов римской церкви созрела мысль о необходимости прекращения раскола и церковных реформ. Попытки внутренней реформации предпринимались в течение более двухсот лет, но из-за сопротивления папской кафедры и инквизиции, оставались бесплодными. Это привело к тому, что реформаторское движение не могло уже ограничиться внутрицерковными масштабами.

Предтечами Реформации считаются профессор Оксфордского Университета Джон Уиклиф (1320-1384), отстаивавший приоритет Священного

Писания по отношению к Священному Преданию, а также его последователь профессор Пражского Университета Ян Гус (1371-1415). Однако взрыв всеобщего негодования нашел себе горячего выразителя в лице ученого, еретика Мартина Лютера (1483-1546) [7], который в 1512 г. получил степень доктора богословия и стал профессором библеистики в университете г. Виттенберга.

Еще в 1510 году М. Лютеру пришлось наблюдать распушенность папского двора и римского духовенства. В 1516 году, в связи с очередной активизацией продажи индульгенций М. Лютер выступил с обличениями этого явления. 31 октября следующего – 1517 года он прибил к дверям виттенбергской замковой церкви знаменитые «95 тезисов», в которых в которых изложил свою позицию в отношении злоупотреблений католической церкви.

На волне народного недовольства всевозможными злоупотреблениями, которые в то время нередко возникали в Церкви, а также стремления части немецкого духовенства к независимости от Рима, М. Лютер и его тезисы стали быстро набирать популярность. Предупреждения со стороны церковных властей не образумили его, а напротив, привели к еще более резким выпадам в адрес Церкви. Если прежде критика М. Лютера была направлена преимущественно против практики продажи индульгенций, то теперь она затрагивала и вопросы вероучения, постепенно приобретая характер ереси. При этом у М. Лютера появились многочисленные сторонники, в основном среди зажиточных горожан. Часть из них была настроена радикальнее чем он сам. Как католический священнослужитель и богослов, М. Лютер был вызван в церковный суд, чтобы снять с себя обвинение в ереси. Однако он отказался явиться, что привело к его окончательному разрыву с Церковью в 1520 г. М. Лютер был лишен сана и отлучен от Церкви.

Постепенно М. Лютер выработал собственное учение, значительно расходившееся с католическим. Так, М. Лютер выступил с идеями признания безусловного авторитета Библии (заменив авторитет церкви авторитетом Библии) и отвергнул личное право папы трактовать Библию, предоставив его всем мирянам. Согласно 95 тезисам М. Лютера [8], воля человека должна беспрекословно подчиняться Богу, а спасение достигается только личной верой в заступничество Иисуса Христа [13]. Единственным источником вероучения он объявил Священное Писание, причем не все – «второканонические» библейские книги были признаны им апокрифами и выброшены из Библии, к апокрифам М. Лютер отнес также Послание к Евреям и Апокалипсис. К сентябрю 1522 г. он перевел на немецкий язык Новый Завет, к 1523 г. закончил перевод Пятикнижия, а к 1534 г. Им была переведена вся Библия. Хотя в переводе М. Лютера имелись существенные ошибки, для того времени он был непревзойденным и быстро распространился среди протестантов, положив начало настоящему буму переводов Библии на национальные языки.

Особую роль в доктрине М. Лютера играет учение «об оправдании только верой» (*justificatio sola fide*), разработанное им в противовес католическому учению о заслугах святых и власти Церкви использовать эти заслуги, в частности, через раздачу индульгенций. М. Лютер отверг почитание святых (а также иконы, св. мощи и все, что связано с культом Богородицы и святых), заявив, что между человеком и Богом не должно быть никаких посредников, кроме Самого Христа. Церковь земная также не является таким посредником, поэтому уделаемые ею Таинства не могут быть источником благодати. Все Таинства, кроме Крещения и Евхаристии, Лютер отрицал.

Последователи М. Лютера – лютеране – образовали Лютеранскую Церковь. Лютеранство, которое сегодня является доминирующим вероисповеданием в Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии и Эстонии, а также на Севере Германии и Латвии, считается первым собственно протестантским исповеданием, поскольку с ним связано само начало Реформации.

Безусловно, взгляды Мартина Лютера сыграли ведущую роль в формировании идеологии Реформации и зарождении протестантизма. Однако сторонники Реформации изначально не были согласны между собой по многим принципиальным вопросам, что вскоре привело к возникновению множества самостоятельных протестантских течений.

Движение за очищение церкви не ограничилось Германией. В Швейцарии движение реформации возглавил француз Жан Кальвин (1509-1564), который, в вопросах вероучения, представлявшего собой крайнее направление в реформаторском движении, пошел значительно дальше М. Лютера в отрицании христианской традиции. Особое место в учении Ж. Кальвина занимает доктрина предопределения ко спасению. Он учил, что ни личная вера, ни добрые дела не могут ничего изменить в жизни человека. Бог избрал одних ко спасению, а других – к вечной гибели. Избранные получают дар веры и рождаются свыше, их свободная воля при этом не играет практически никакой роли.

Согласно Ж. Кальвину, каждый человек в любое время и в любом месте находится на службе Бога и несет ответственность за предоставленные ему Богом дары: время, здоровье, собственность. Основной формой служения Богу является труд. Результат этого труда – материальное благосостояние – воспринимается как Божье благословение и указание на то, что человек входит в число предопределенных ко спасению.

Учение Ж. Кальвина – кальвинизм (реформаторство) способствовало формированию особой этики кальвинизма, основанной на принципах «мирского призвания» и «мирского аскетизма». Основной добродетелью его последователи – кальвинисты считали труд, а грехом – праздность, из чего следовало крайне негативное отношение к любым развлечениям. Города, в которых господствующим вероисповеданием становился кальвинизм, превращались в подобия гигантских казарм: звон колокола указывал общее

для всех жителей время пробуждения, молитвы, отхода ко сну и т.д. Яркая цветная одежда запрещалась, все праздники и развлечения также отменялись. Смех считался тяжелым грехом. Единственным днем отдыха было воскресенье, которое посвящалось молитвам и пению псалмов.

Из Швейцарии кальвинизм распространился по другим европейским странам: его сторонники появились в Нидерландах, некоторых областях Франции (гугеноты), Германии, Венгрии и Чехии. Идеи кальвинизма оказали огромное влияние также на английских и шотландских протестантов. В Англии на основе кальвинизма возникло течение пуритан, требовавших радикальной реформы – «очищения» Церкви. В середине XVI в. кальвинисты объединились со сторонниками другого видного деятеля Реформации – Ульриха Цвингли (1484-1531), образовав Реформатскую Церковь Швейцарии [9].

Протестантское движение проникло и в Англию, где получило название «англиканство». Ближайшим поводом для начала реформации в Англии послужила ссора между папой Климентом VII и английским королем Генрихом VIII, который под этим предлогом избавился от многовекового влияния Ватикана на политику Англии.

Несмотря на то, что англиканство стоит ближе всех к Католической Церкви, сохраняя отдельные традиционные черты в доктрине, в обрядах и в церковном устройстве, оно также является одним из первых направлений протестантизма. Англиканство возникло в ходе Реформации и имеет все вероучительные признаки протестантизма: отрицание главенства Римского Папы, отрицание присутствия Христа в Евхаристии, отрицание таинства священства и т.п.

С точки зрения своего устройства, Англиканская Церковь является церковью национальной и государственной. Именно поэтому сами англикане обычно не относят себя к протестантам, а свою церковь называют просто «Церковью Англии».

Еще одним протестантским течением, возникшим в Германии в эпоху Реформации, являлся анабаптизм. Название «анабаптизм» в переводе с греческого означает «перекрещенцы», поскольку одним из основных положений учения анабаптистов был тезис о необходимости сознательного восприятия христианства. Исходя из этого, они отрицали крещение младенцев, а тех, кто был крещен в детстве, перекрещивали. Начало движению положил суконщик Николас Шторх (1483-1565) из г. Цвиккау в Саксонии, который знал Священное Писание и считался «пророком». Он начал проповедовать новое учение вместе с Томасом Мюнцером и Марком Штюбнером около 1520 г.

Учение анабаптистов было наиболее радикальным отрицанием католичества, по сравнению с другими протестантскими доктринами. Его последователи принимали только Новый Завет, а Ветхий рассматривали как второстепенное приложение к нему. По их представлениям, Откровение,

заключенное в текстах Священного Писания, продолжалось и в современную им эпоху посредством мистического озарения свыше. Поэтому в их среде нередко встречались люди, считавшие себя «пророками». Спасение понималось ими сугубо индивидуально, поэтому они отрицали церковную иерархию и таинства.

Анабаптисты распространились по Германии, Швейцарии и Голландии в виде мелких автономных общин. В каждом городе вероучение было особенным, хотя были и общие положения: возврат к апостольским временам, крещение взрослых, отрицание Церкви как института, а также всех обрядов и таинств. Уже в XVI веке анабаптисты делились на 40 различных направлений. Часть из них проповедовала насильственное свержение властей и установление на земле «тысячелетнего царства». Постепенно анабаптизм утратил политический характер и приобрел пацифистские черты. Идеи анабаптистов оказали влияние на моравских братьев и индепендентов в Англии [14].

Известно, что отцы Реформации – М. Лютер, Ж. Кальвин и другие, призывали к возвращению основ христианской веры, к той вере, какой она была в первоначальной чистоте в апостольские времена. Стремление очистить веру от культурных и политических наслоений, чуждых христианству заимствований и «плодов ложных умствований», «вернуться к ее основам» – стало одной из стержневых черт протестантского мировоззрения. Как отмечает отечественный исследователь С.Б. Филатов, «согласно протестантскому вероучению, спасение возможно только от Иисуса Христа. Ничто – ни личные добрые дела, ни священнодействия церковнослужителей – не приближает к спасению; только вера, свободно даруемая Богом, – источник спасения» [12].

Действительно, ключевым принципом протестантизма является спасение личной верой. Этот принцип был противопоставлен католическому принципу об оправдании делами, согласно которому каждый жаждущий спасения должен делать все, что нужно церкви, и, прежде всего, содействовать ее материальному обогащению. Протестантизм не отрицает, что не бывает веры без добрых дел. Добрые дела полезны и необходимы, но оправдаться ими перед Богом невозможно, лишь вера дает возможность уповать на спасение. Поэтому все направления протестантизма в той или иной форме придерживались учения о предопределении: каждому человеку еще до его рождения предуготовлена его судьба; она не зависит ни от молитв, ни от деятельности, человек лишен возможности изменить судьбу своим поведением.

При этом протестанты опираются на исключительный авторитет Библии. Ими «признается только одна книга – Библия, в которой следует искать выражение Божьей воли и Божьей мудрости. Сочинения богословов, пророчества и религиозные прозрения «святых» католической церкви – не более, чем человеческие измышления, ценность которых сомнительна» [12]. В соответствии с принципом «Только Писание, только вера, только благодать» («*Sola Scriptura, sola fides, sola gratia*») протестанты считают единственным авто-

ритетным источником веры Священное Писание, полностью отвергая Священное Предание (а, следовательно, всю предшествовавшую им традицию Церкви) и Учительство Церкви (авторитет Папы и Вселенских Соборов).

Известно, что любое христианское вероисповедание признает Библию в качестве основного источника Откровения. Однако содержащиеся в Священном Писании противоречия привели к тому, что в католицизме право трактовать Библию принадлежало только священникам. С этой целью было написано большое количество произведений отцами церкви, принято большое количество постановлений церковных соборов, что в совокупности называется Священным Преданием. Протестантизм лишил церковь монопольного права на толкование Библии, полностью отказавшись от трактовки Священного Предания как источника Откровения. Не Библия получает свою достоверность от церкви, а любая церковная организация, группа верующих или отдельный верующий могут претендовать на истинность проповедуемых ими идей, если они находят свое подтверждение в Библии. Отсюда вытекает еще одно из ключевых отличий протестантизма – признание священства всех верующих. Протестанты считают, что каждый человек непосредственно связан с Богом. Это приводит к отказу от разделения людей на клир и мирян и утверждению равенства всех верующих в вопросах веры.

Каждый верующий при хорошем знании Священного Писания может быть для себя и других людей священником. Таким образом, духовенство никаких преимуществ иметь не должно, а само его существование становится лишним. Так, в протестантизме было отменено иерархическое устройство церкви, монашество и целибат, а должность священнослужителя стала выборной. Протестантские служители называются не священниками, а пасторами (от лат. *pastor* – «пастух», «пастырь»), а некоторые деноминации вообще не имеют специальных служителей.

Следует отметить, что протестантизм имеет ряд существенных не только догматических, но также организационных и культовых отличий от православия и католицизма.

В вопросах **церковного устройства** между отдельными протестантскими деноминациями существуют значительные расхождения. В англиканстве и лютеранстве сохраняется епископат, общины Пресвитерианской Церкви (отделившейся от англиканской) возглавляются пресвитерами, часть протестантских церквей не признает вообще никакой централизованной церковной организации, выступая за полную автономию общин (например, конгрегационалисты и др.).

Религиозный культ в протестантизме существенно сокращен и упрощен. Протестанты разделяют общехристианские представления о бытии Бога как Творца мира, о его триединстве, о греховности человека, о бессмертии души и спасении, о рае и аде. Но они отвергают католическое учение о чистилище, о Божественном откровении и некоторые другие.

Число таинств сокращено до двух: крещения и причащения; все богослужение сведено к чтению проповедей, совместным молитвам и пению гимнов и псалмов. В нем упразднено право служителей церкви на отпущение грехов, поскольку это считается прерогативой Бога, отменено почитание святых, икон, мощей, чтение молитв за умерших, поскольку эти действия признаны языческими предрассудками. Количество церковных праздников сведено к минимуму. Почитание библейских праведников остается незабываемым, но было лишено элементов фетишизма, свойственного культу святых в католицизме. Богослужение в протестантизме происходит на родном для верующих языке, обычно в скромных молитвенных домах.

Однако даже среди ведущих **направлений протестантизма с самого начала не было единства в вопросах, связанных с культом, с внешней обстановкой церкви.**

Так, лютеране сохранили распятие, алтарь, свечи, органную музыку, а кальвинисты от всего этого отказались. Оно же сохранило некоторый элемент чудесного в истолковании причащения, считая, что при исполнении обряда Тело и Кровь Христовы реально присутствуют в хлебе и вине. Кальвинизм же считает такое присутствие символическим. Месса была отвергнута всеми направлениями протестантизма. Богослужение везде ведется на родном языке. Оно состоит из проповеди, пения молитвенных гимнов, чтения тех или иных глав Библии.

Трактовка таинства как обряда, при совершении которого происходит чудо, в протестантизме приглушена. При этом лютеранство оставило из семи таинств только два – крещение и причащение, а кальвинизм – лишь крещение. Некоторые направления протестантизма проводят крещение только в зрелом возрасте, считая, что человек должен сознательно подойти к выбору веры; другие, не отказываясь от крещения младенцев, проводят дополнительный обряд конфирмации подростков, как бы второго крещения.

В целом, **в результате реформационного движения** и распространения **протестантизма** по всей Западной Европе, католический мир, который объединял все народы Западной Европы под духовным руководством папы римского, прекратил **монопольное существование**. Единая католическая церковь была заменена множеством национальных церквей, которые способствовали росту национального сознания народов Европы, а также их культурному, социально-политическому и экономическому развитию.

Так, основным же достижением Реформации признано то, что она значительно способствовала смене старых феодальных экономических отношений на новые капиталистические отношения. Стремление к экономии, к развитию промышленности, к отказу от дорогостоящих развлечений (равно как и дорогостоящих богослужений) стимулировало накопление капитала, который вкладывался в торговлю и производство. В итоге протестантские государства начали опережать в экономическом развитии ка-

толические и православные. Даже сама протестантская трудовая этика протестантов вела к развитию экономики.

Важно отметить, что термин «Протестантская трудовая этика» был введен в научный оборот немецким социологом и философом **Максом Вебером** в его знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» в 1905 году.

В этой работе М. Вебер обосновал вывод о том, что в Германии, население которой представлено как католиками, так и протестантами, наилучших экономических успехов добивались протестанты; именно они составляли костяк предпринимателей и высококвалифицированных технических специалистов. Кроме того, наиболее динамично развивались протестантские страны, такие, как США, Англия и Голландия. При этом М. Вебер особо подчеркивал аскетизм предпринимателей-протестантов, многим из которых были чужды показная роскошь и упоение властью, и которые рассматривали богатство лишь как свидетельство хорошо исполненного долга перед Богом.

С точки зрения М. Вебера, критерием полезности профессиональной деятельности выступает, прежде всего, ее доходность: «Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому, вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом заработать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете одной из целей вашего призвания, вы отказываетесь быть управляющим Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть» [1].

Протестантизм быстро и широко распространился в Европе. Он, в частности, укрепился в Германии, Швейцарии, Франции, Нидерландах, Англии, Шотландии, Дании, Швеции, Венгрии, Чехии и Польше. Благодаря Контрреформации, начавшейся в 40-х гг. XVI в., население ряда стран: Франции, Чехии, Венгрии, Польши, юга Германии удалось вернуть в лоно Католической Церкви. Часть наиболее радикально настроенных протестантов (*пуритане, баптисты, квакеры*) бежала от преследований в Новый Свет, заложив идеологические основы будущих Соединенных Штатов. Именно Америка стала в последствии центром распространения протестантизма.

К сожалению, в современной популярной литературе достаточно часто существенно искажена история возникновения и социальная суть протестантизма, сумбурно и в целом неверно изложены теологические основы этого направления в христианстве, размыта хронология развития данного религиозного движения.

Строго говоря, протестантизм – это исторически ограниченное явление, восходящее к Реформации XVI в., а в собственном смысле этого слова протестантскими конфессиями являются лютеранство, кальвинизм, англиканство и анабаптизм. Однако, возможность собственной трактовки Библии

в протестантизме любимыми его апологетами привело к тому, что он не смог остаться в рамках единого учения. В нем достаточно быстро стало появляться большое количество близких по духу, но достаточно отличных направлений и течений, поскольку важнейшим критерием для понимания различных положений Библии считалась точка зрения их основоположников.

Во-первых, активно шло разделение и дробление первых протестантских конфессий. Так, от Англиканской Церкви отделилась более радикальные протестантские группировки: пресвитерианская церковь, а также пуритане, индепенденты, квакеры и другие. Основные вероучительные положения кальвинизма заимствовали реформаты, конгрегационалисты, пресвитериане и ряд других протестантских деноминаций.

Во-вторых, в XVII столетии оформляются течения «протестантизма второй волны» – квакеры, баптисты, и многие другие.

В-третьих, в XVIII – XIX вв., на фоне движения религиозного возрождения – «ревайвализма» – возникают протестантские течения «третьей волны» – как самобытные (например, методизм), так и отделившиеся от ранее созданных деноминаций (адвентизм и т.п.), получившие собирательное название «евангельские христиане».

Ряд исследователей выделяет также «четвертую волну» протестантизма или неопротестантизм, к представителям которого относят протестантские деноминации, образовавшиеся в XIX – XX вв., – пятидесятников, премилленаристов, постмилленаристов и т.п.

В самом деле, процесс возникновения в протестантизме новых течений, начавшись со времен Реформации, не прекращается до сих пор. В данной связи общее количество протестантских и неопротестантских деноминаций невозможно вычислить даже приблизительно, при том, что некоторые самостоятельные церкви насчитывают всего несколько десятков человек.

Однако следует подчеркнуть, что многие деноминации и религиозные группы, которые возникли позже, в периоды «второй», «третьей» и «четвертой» волн, хотя их порой и относят к протестантизму, по своей сути протестантскими отнюдь не являются. Они представляют собой «квазиденоминации», которые часто называют постпротестантскими или постпостпротестантскими, возникшими по причине изначального разобщения и последующей дифференциации протестантских деноминаций.

Во-первых, протестантизм никогда не представлял собой единого целого, он всегда имел тенденцию к разделению. Причиной этого, по мнению британского ученого Н. Кона служило то, что «первые реформаторы напрямую обратились к тексту Библии. Но когда эти люди взялись за чтение Библии, они сразу начали по-своему интерпретировать ее истины и их интерпретации не всегда согласовывались между собой» [20].

Во-вторых, протестантские лидеры всегда считали необходимым отделять себя (в том числе, организационно) от тех своих коллег-реформаторов,

которые были, по их мнению, недостаточно строги в приверженности основным принципам христианской веры.

Данные обстоятельства привели к появлению множества несовместимых воинствующих реформаторских движений, каждое из которых было уверено в исключительной правильности собственной интерпретации веры [24].

Как уже было показано выше, по мере распространения протестантизма сначала возникло множество крупнейших (англиканство, лютеранство, кальвинизм) и крупных (адвентизм, баптизм, анабаптизм, методизм, пятидесятничество, реставрационизм и др.) протестантских конфессий. Затем из них выделились более мелкие деноминации. В конечном счете, образовался целый ряд протестантских церквей, – каждая с ее собственным отличительным богословием и чувством своего избранного статуса в глазах Бога [27].

Тенденция протестантизма к дроблению, заложенная в Европе еще в XVII веке, стала особенностью религиозной жизни во многих странах мира, но особенно – в Северной Америке. Как отмечает М. Ратвен, «религиозная Америка стала божественным универсамом, где церковь может быть найдена, адаптирована или изобретена, чтобы удовлетворить почти любому вкусу» [28]. До сих пор даже относительно маленькая церковь продолжает разделяться и дальше, поскольку ее сторонники ведут активный поиск еще более «чистого» набора основных принципов, чтобы подвести под них свое поведение. В неустанном поиске истинной доктрины этот религиозный универсам, постоянно развивается, а ассортимент его продукции продолжает всесторонне расширяться, чтобы удовлетворять требованиям изменяющегося спроса [27].

Специалисты отмечают, что существование самой допустимости веры «по-другому» развязало руки всевозможным любителям изысков в области религии. Догматы большинства этих новых, постпротестантских течений не имеют под собой никаких теологических оснований, доказательств и логики и базируются исключительно на субъективном мнении или даже фантазиях своих основателей [11]. Согласно М.А. Нойлу, профессору факультета истории университета Нотр-Дама, «современное протестантское разнообразие – это нечто гораздо большее, чем просто широкая география. Действительно, приверженцы церковной протестантской традиции, которая восходит к Европейской Реформации, сегодня разбросаны по всему миру. Однако гораздо большую роль в протестантизме стали играть локальные независимые церкви, которые являются исключительным продуктом последнего столетия» [25].

Как уже было показано выше, протестантизм пренебрегает такими средствами консервации церковной доктрины как верность Преданию, сакрализация авторитарно организованной церковной бюрократии. Для него нет непогрешимых авторитетов, он требует от верующего чтения Библии и самостоятельного размышления о ее смысле. Все это способствует сравнительно легкой и быстрой либерализации, а также секуляризации протестантского сознания [12].

В этой связи в настоящее время довольно остро стоит проблема своеобразного **вырождения протестантизма**. Она находит проявление в утрате характерных для него стремлений к аскетизму, трудолюбию и чести, а также в аморальности современного постпротестантского мира.

В широком смысле под **пост-протестантизмом** понимается движение в христианстве XX и XXI вв., стремящееся отграничить себя как от Римской католической церкви, так и от традиционных протестантских деноминаций. При этом сегодня вряд ли правомерно заявлять о существовании какой-либо постпротестантской церкви, поскольку и протестантизм изначально не имел единой церкви, а предполагал сетевую структуру. На наш взгляд, более корректным представляется понятие постпротестантские церкви, поскольку слово «церковь» в постпротестантизме – это трендовое название конкретной религиозной организации, которое сопровождается словами «Бог», «Христос», «Библия» и т.п.

Сегодня постпротестантизм представляет собой обширную (многотысячную) совокупность самостоятельных, практически не связанных друг с другом церквей, сект и деноминаций.

Последний крупный пересмотр церковной жизни у протестантов произошёл в 60-70-е годы XX в. Из-за стремительного развития науки человек получил множество знаний о природе, отказался верить в то, чему его учили в воскресной школе, и хотел во всем разобраться самостоятельно. Так началось обновление форм религии и возник социальный феномен, который в социологии называют «постпротестантизмом». Этот феномен, который научился очень хорошо подстраиваться под текущие настроения общества, коренным образом отличается от традиционного протестантизма.

Во-первых, Мартин Лютер, Жан Кальвин и их ближайшие последователи своей целью ставили достижение «чистоты веры» (в своем понимании), поиск религиозных истин. Для современных постпротестантских движений характерно в основном стремление к достижению личных целей, ведущих к обогащению, и удовлетворению собственных амбиций.

Во-вторых, представители традиционных протестантских конфессии, хотя и руководствовались тезисом о спасении через веру, вели достаточно скромный образ жизни, старались следовать Библейским заповедям и думали скорее о спасении души, чем о земной жизни. Постпротестанты сохранили этот тезис, но стали трактовать его по-иному: поскольку мы уже спасены, то надо сосредоточиться на временной жизни.

В-третьих, если для протестантизма был важен не опыт, накопленный церковью, а переживания отдельной личности, все же подчиненной определенным религиозным (церковным) догматам и требованиям, то постпротестанты развили эту идею дальше: если главное – иметь веру в душе, для чего тогда вообще нужна церковь? Отсюда постпротестант получает право сам выбирать, каким образом исповедовать свою веру.

В-четвертых, у протестантов богослужение сохранилось, хотя и в несколько упрощенном (по сравнению с католицизмом и православием) виде. У постпротестантов церковная «служба» стала весьма своеобразной, напоминающей светское развлекательное мероприятие. В их среде бытует мнение, что если сейчас люди по-другому, а не так, как, скажем, во времена царя Давида, чувствуют Бога, то значит, и религиозные чувства надо выражать по-новому.

Однако ключевое отличие, на наш взгляд, заключается в том, что у постпротестантов исчезло характерное для традиционных протестантских конфессий восприятие Бога, прежде всего, как карающего Судии, проклятию им грешников и т.д. Поэтому постпротестант никогда не стремится к нравственному очищению и святости. Он остается таким, каков он есть, желает везде чувствовать себя комфортно и удовлетворять, прежде всего, свои насущные, порой весьма низменные потребности.

Для того, чтобы считаться членом постпротестантской церкви, вовсе не обязательно даже соглашаться с церковными догматами. Человек может не верить в Троицу, но при этом считаться прихожанином и участвовать в церковных службах – собраниях. Смысл таких собраний – совместное проживание позитивных эмоций, хорошего настроения, общение, знакомства и проповедь, которая помогает лучше сориентироваться в современной жизни, стать «успешным» человеком. Таковую постпротестантскую службу часто называют празднованием или торжеством [5].

Прихожанин приходит на место, где предполагается служба, «получает программку, наливает кофе, берет печенье или пончик и садится в полуосвященном зале. Играет легкая современная музыка, на установленных в зале мониторах появляются слова песен (например: «Христос, спасибо за все, я счастлив»). Программа «богослужений» примерно такая: ланч с пастором, чтение Писания (5 минут), проповедь (от 3 до 40 минут), «причащение» (5 минут), сбор пожертвований (5 минут), совместное пение (10-30 минут). Таким образом, вся служба проходит примерно за один час. При этом ключевым моментом в подобных собраниях является атмосфера. Ради ее создания в церковь привносятся атрибуты едва ли не из всех мировых культур: например, в Епископальной церкви многие занимаются йогой. В других общинах помещения украшают свечами, как в православном храме, или выкладывают на полу изображение лабиринта, что характерно для католических костелов» [5].

Собрания постпротестантов представляют собой не только совместную молитву, сколько стремление хорошо провести время в кругу единомышленников, людей, которых интересует то же что и тебя: та же музыка, литература. Прихожанам вообще не обязательно посещать храм. Можно просто встретиться у кого-нибудь на квартире, включить музыку и поговорить на темы, касающиеся религии.

Как отмечает Е.А. Иванова, в США для подобных псевдорелигиозных организаций созданы все возможности заработать большие деньги: они

не платят налоги и без проблем получают кредиты. При грамотном маркетинге «постпротестантская» церковь в Америке – очень доходный бизнес, доступный любому человеку, поскольку в соответствии с Конституцией США церковь может открыть любой человек [6].

Постпротестанты очень широко представлены в обществе главным образом за счет книг, которые их пасторы издают огромными тиражами. Например, тираж книги пастора Джоела Остина «Твоя лучшая жизнь сегодня» составил 4 млн экземпляров. В основном постпротестантская литература сочетает тезисы популярной психологии с привлекательными и броскими названиями: «7 шагов улучшить вашу жизнь», «Стань лучше», «Жизнь со смыслом» и т.п. Их авторами являются известные персоны, медиафигуры, а сами церкви активно используют телевидение, радио и Интернет.

Таким образом, религиозная практика широко оперирует терминами популярных психологических книг по самопомощи, а теологические вопросы сводятся к набору рациональных шагов, практик, выполнение которых приносит максимальное удовлетворение (ранее – «систематическая теология», сейчас – «7 шагов к успешной жизни»). Самые успешные ППЦ определяют себя как организации с «четкой миссией и готовые к новизне» [4].

Следует отметить, что в США получила развитие организация специализированных «христианских» каналов, к тому же другие каналы охотно продают свое эфирное время для так называемых «проповедей», на ниве которых целый ряд телепроповедников – телеевангелистов, например, Б. Грэхэм и Дж. Фэвелл, получили исключительную общественную популярность [21; 22]. При этом особенно ценным временем для проповедников является ночь, когда телевизор чаще всего смотрят люди, которые либо находятся в депрессии, либо одиноки. Чтобы занять время и отвлечься от проблем, они переключают каналы с одного на другой, а тут как раз появляется «христианская программа» с логотипом «Приди к нам – и все устроится». Каждая проповедь в церкви заканчивается словами: «Приведи в следующий раз своего друга для его спасения», и, как отмечают специалисты, этот призыв имеет значительный успех.

Причины популярности постпротестантских церквей ученые видят в том, что они представляют собой очень хорошо раскрученные структуры, которые для своей «раскрутки» используют не только современные маркетинговые стратегии, но даже прибегают к услугам специальных агентств по церковному маркетингу.

Когда церковь начинает пользоваться популярностью и количество прихожан растет, то службы начинают проводиться чаще, сопровождаются развлекательными и образовательными программами для детей и взрослых, открываются разные курсы и т.п. Через несколько лет, если церковь стабильно развивается, лидеры открывают еще одну подобную церковь, например, в другой части города или другом городе. Она предлагает своим прихожанам точно такой же набор служб, программ и курсов, что и первая.

Таким образом, в стране создается сеть церквей, которые предлагают своим прихожанам определенный, удобный им стиль жизни под модным прикрытием «религиозности». Следует особо отметить то, что практика веры в этих церквях подразумевает то, чтобы научить человека зарабатывать, поэтому как правило они организуют множество курсов по бизнесу, нацеленных на «неожиданный финансовый успех». При этом акцентируется не сам процесс труда, как у традиционных протестантов, а его итог, прежде всего, – быстрый и ощутимый финансовый результат [6].

В свою очередь, финансовый результат достигается за счет масштабов одновременного охвата большого числа прихожан во время богослужений, во время которых активно практикуется постоянный сбор пожертвований. Для этого создаются так называемые мегацеркви, – феномен американского происхождения, когда их здания строятся по подобию больших культурно-развлекательных центров, в которых есть все: помещения для службы, спортзал, кинотеатр, салон красоты, бары, рестораны и т.п. [6].

В научной литературе под «мегацерквями» понимаются конгрегации с еженедельной численностью в 2000 и более прихожан. Уже к 2010 году ученые насчитывали более 1400 подобных организаций в США, в том числе – 195 – в Калифорнии и 191 – в Техасе. При этом только несколько из них идентифицировали себя с лютеранством, пресвитерианством и методистством, чуть более – с баптизмом. Однако подавляющее большинство, включая крупнейшие, с числом еженедельных прихожан в 20 000 и выше, считали себя пятидесятническими, а чаще вовсе «вне всякой деноминации» или «независимыми» [25].

Если же число прихожан относительно невелико, то, наряду с появлением мегацервей активно практикуется создание новых религиозных форм – от миссиональных, родственных и эмергентных религиозных организаций до возникновения «домашних групп». Так, миссиональные церкви отвергают служение профессиональных миссионеров и готовят к проповеди каждого человека. Родственные церкви сосредотачиваются на укреплении и поддержании близких отношений и семейной атмосферы внутри общины. Эмергентные церкви служат площадками для диалога различных мировоззрений – на богослужениях используются буддийские медитации и занятия йогой, православные свечи, различные языческие культовые атрибуты и даже ритуальные для проведения обрядов черной магии. «Домашние группы» состоят из нескольких человек и провозглашают радикальный разрыв с любой централизацией. ППЦ – это еще и образовательная психотерапевтическая группа. ППЦ предлагает образовательные, консультирующие программы, тренинги, групповую психотерапию, малые группы встреч и т.д. В то же время 84% мегацерквей США включают и малые группы встреч, «40% американцев регулярно участвуют в подобных группах поддержки» [4].

Следует согласиться и с тем, достаточно часто ряд постпротестантских движений, особенно сектантского толка, проводит через свои структуры антигосударственные и антиобщественные установки. В то же время их относительная конкурентоспособность на рынке религиозных услуг, представляет известную угрозу как традиционным религиям, так и общественной морали. Во многом это касается США, где относительно высок общий уровень религиозности (число активных верующих превышает 50% населения), поэтому религиозные процессы, имеющие массовый и более эмоциональный характер, продолжают оказывать существенное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь этой страны [12].

Необходимо отметить, что реакция со стороны традиционных протестантских конфессий на подобные «протестантские новообразования» находит выражение в последовательной протестантской ортодоксии, в том числе и в форме протестантского фундаментализма.

Протестантская реформа имела целью возвращение христианству его «фундаментального» духа, очищение церкви от всех средств власти и управления, которые папство создало за 500 лет [23]. Парадоксально, но протестантское движение, которое имело намерение сражаться с тоталитаризмом средневекового католицизма, стало убежищем не только для квазирелигиозных (постпротестантских групп), но и для религиозных фундаменталистов [17; 26]. Так, религиоведами отмечаются «антимодернизм и традиционализм протестантских фундаменталистов, отличающихся крайней приверженностью своей религиозной группе, жесткой дисциплинированностью и стремлением обратить в свою веру всех остальных» [3; 29].

На наш взгляд, социологам важно сосредоточиться на тех возможных негативных социальных последствиях, которые являются результатом излишне активной деятельности ряда псевдорелигиозных движений, выдающих себя за протестантские, только прикрывающихся псевдорелигиозной риторикой, преследующих деструктивные для общества цели, но, тем не менее, становящихся, по ряду причин весьма привлекательными все более широких слоев населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / Пер. с нем. и общ. ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990.

2. Гараджа В.И. Социология религии / Социологическая энциклопедия: в 2-х т. М.: Мысль, 2003. Т. 2.

3. Гаджиев К.С. Протестантский фундаментализм в общественно-политической жизни США. Религия и политика. М.: ИНИОН РАН, 1983.

4. Иванова Е.А. Постпротестантская церковь как основная тенденция современного протестантизма США // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3.

5. *Иванова Е.А.* Постпротестантизм – религиозный «Макдональдс»? Часть 1 // Интернет-ресурс Православие.Ru // <http://pravoslavie.ru/37793.html>
6. *Иванова Е.А.* Постпротестантизм – религиозный «Макдональдс»? Часть 2 // Интернет-ресурс Православие.Ru // <http://www.pravoslavie.ru/37807.html>
7. *Ли Г.Ч.* История инквизиции. Современная версия. Аннотация к книге американского ученого. М.: Эксмо, 2007.
8. *Лютер М.* 95 тезисов. СПб.: Роза мира, 2002.
9. *Пучков П.И.* Кальвинизм / Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
10. *Пучков П.И.* Протестантизм / Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
11. *Таевский Д.* Сетки мира. Ростов-на-Дону.: «Феникс», СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад», 2007.
12. *Филатов С.Б.* Возвращение к основам (протестантский фундаментализм) / Фундаментализм. М.: Институт Востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2003.
13. *Элбакян Е.С.* Лютер М. / Религиоведение / Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006.
14. *Элбакян Е.С.* Анабаптисты / Религиоведение / Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006.
15. *Челищев В.И.* Фундаментализм и фундаменталисты. М.: РГСУ, 2010.
16. *Albanese K.* America, Religions and Religion. New York: Wadworth Publishing Company, 1999.
17. *Ammerman N.* Bible Believers: Fundamentalists in the Modern World. New Brunswick, 1987.
18. *Barkun M.* Christian Identity / The Encyclopedia of Millennialism and Millennial Movement / R. Landes (ed.). New York: Routledge, 2000.
19. *Berger P.* Religion in Post-Protestant America / Commentary. May, 1986.
20. *Cohn N.* The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. London: Secker and Warburg, 1957.
21. *Graham B.* The Holy Spirit: Activating God's Power in Your Life. London, 1979.
22. *Harding S.* The Book of Jerry Falwell: Fundamentalist Language and Politics. Princeton, 2000.
23. *Elton G.R.* Reformation in Europe: 1517-1559. London: Fontana, 1963.
24. *Lindberg C.* The European Reformations. Oxford and Malden, MA: Blackwell, 1996.
25. *Noil M.A.* Protestantism. A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2011.
26. *Mellind P.* Fundamentalism in America: Millennialism, Identity and Militant Religion. Edinburgh, 1999.

27. *Sim S.* Fundamentalist World. The New Dark Age of Dogma. Cambridge: Icon Books Ltd., 2005.

28. *Ruthven M.* The Divine Supermarket: Travels in Search of the Soul of America. London, 1989.

29. *Woolf A.* Fundamentalism (Ideas of Modern World). London, 2003.

N.G. OSIPOVA

*Doctor of Sociology, Professor;
Dean at the Faculty of Sociology, Professor;
Chairperson of the Department of Modern Sociology
of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

RELIGION AND SOCIETY: DIFFERENTIATION AND DIVERSIFICATION OF PROTESTANT MOVEMENTS

This article deals with the social problem of transformation of traditional religious doctrines into non-religious movements, which is most clearly reflected in the process of differentiation and diversification of Protestantism in the form of post – Protestant, or rather pseudo-Protestant movements and cults. The author analyzes the causes, primarily social, of the reformation of the Church, the history of the emergence and strengthening of the first Protestant movements – Lutheranism, Calvinism, Anglicanism and Anabaptism, highlights the social roots and key principles of the Protestant faith. Such an analysis allows us to conclude that, strictly speaking, Protestantism is a historically limited phenomenon, Dating back to the reformation of the XVI century. At the same time, it provided an opportunity for any of its apologists to interpret the Bible in their own way. This resulted in Protestantism failing to remain within a single teaching and cult. It quickly began to appear a large number of similar in spirit, but quite different directions and trends, since the most important criterion for understanding the various provisions of the Bible was considered the point of view of their founders. This circumstance contributed to the degeneration of the very spirit of Protestantism, the traditional Protestant ethics based on asceticism, hard work, modesty, honesty, etc. At the same time, the key motive for the activity of the leaders of post-Protestant neoplasm of various kinds, the number of which is rapidly growing, is exclusively financial success. This circumstance generates a specific reaction from traditional Protestantism in the form of Protestant fundamentalism.

Key words: *reformation, Protestantism, key principles of Protestantism, Protestant ethics, post Protestantism, postprotestant cult, new religious forms, megachurch, Protestant fundamentalism.*

ПСИХОАНАЛИЗ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ГЕНЕЗИС

В статье обсуждаются теоретические и методологические проблемы генезиса психоанализа З. Фрейда, выделяются основные научные подходы и парадигмы в исследовании возникновения психоанализа.

Ключевые слова: *теоретико-методологический подход, парадигма, психоанализ, психоаналитическая традиция, концептуализация, системный подход, философско-антропологический анализ.*

В истории западной социально-философской мысли, вряд ли можно найти более популярную, оказавшую сильное влияние на все сферы духовной жизни западного общества теорию, какой является теория психоанализа австрийского психиатра Зигмунда Фрейда.

Психоанализ как определенное теоретическое направление возникает в первом десятилетии XX в. из потребностей медицинской практики. Представляя собой с самого начала лишь своеобразный метод лечения неврозов, применяемый в клинических условиях вместо гипноза, психоанализ в дальнейшем становится основанием для нового направления в психологии, а затем превращается в своеобразную философию, претендующую на универсальность, всеобщность своей методологии в решении не только медико-психологических, но и социальных проблем.

Психоаналитический подход к изучению человека и общества, оказал сильное влияние на гуманитарные науки. В противоположность господствовавшему в прошлом веке взгляду на человека как на существо разумное и осознающее свое поведение, он выдвинул концепцию внутренней конфликтности человека. Источник – не сознание, а более обширная сфера психической жизни – бессознательное, сложный комплекс неосознаваемых побуждений. Фрейд сравнивал сознание с айсбергом, только ничтожно малая часть, которого выступает над поверхностью воды.

В психоанализе необходимо различать несколько проблемно-теоретических аспектов. Первый непосредственно связан с медициной, практическим

лечением неврозов, методами: свободных ассоциаций, толкования сновидений и др. Цель практического психоанализа – лечение неврозов и коррекция психики.

Второй аспект – это теория личности. Зигмунд Фрейд создал оригинальную и законченную психодинамическую теорию личности, которая складывалась на основе практического психотерапевтического опыта и теоретических размышлений. Эта теория взаимодействует с другими теориями в психологии, такими, как гештальт-терапия, рефлексология, когнитивная психология.

С момента своего возникновения психоанализ прошел значительную эволюцию, главной особенностью которой явилось возрастание социально-философского, социокультурного аспекта. Под социально-философской ориентацией подразумевается возникновение и постепенное развитие в рамках психоанализа стремлений психоаналитиков использовать свою методологию в изучении и объяснении сущности социальных явлений.

При рассмотрении эволюции социально-философских идей в рамках психоанализа представляется целесообразным выделить в истории психоанализа два этапа; биопсихологический, в рамках которого возникает собственно социологическая концепция З. Фрейда, и антропологически-психологический, в рамках которого возникает социально-философская концепция Э. Фромма [1. С. 724-731; 2].

Фрейд, создавая свою теорию происхождения невроза и соответствующую технику лечения, рано или поздно, но обязательно должен был выйти за пределы чисто медицинских интересов, поскольку он в анализе причин возникновения нервного заболевания с самого начала обращает внимание на роль и значение моральных, социальных факторов, хотя сферу их действия ограничивает рамками семьи. Изучая причины и характер симптомов истерических заболеваний, Фрейд делает заключение о том, что патологические феномены возникают на основе процесса вытеснения из сферы сознания в подсознательную сферу эмоций, влечений или реакций, которые нежелательны или неприятны сознательному человеческому «Я».

Изучение различных невротических заболеваний привело Фрейда к рассмотрению социальных условий человеческого существования как главных препятствий на пути к психическому здоровью человека. Проблему происхождения невроза он выводил из конфликта двойственности природы человека: биологического (инстинкты) и социального.

Первая работа Фрейда, посвященная социальным проблемам – «Цивилизованная» сексуальная мораль и современные нервные заболевания» (1908) [10] – содержит те положения, которые стали ядром психоаналитической социологии и социальной психологии. В этой работе Фрейд излагает свой взгляд на взаимоотношение человеческих инстинктов и общества. Фрейд утверждает, что сексуальные и агрессивные импульсы человека,

присущие ему от природы, всегда действуют вопреки социальной необходимости и противоречат моральным требованиям и ценностям любого общества. Главной причиной происхождения и прогрессирования невротических заболеваний, полагает Фрейд, является чрезмерное подавление и ограничение общественной моралью сексуальных инстинктов. Социальная регуляция поведения вступает в конфликт с биологически заданными влечениями. Фрейд позднее сместил акценты, рядом с сексуальным влечением поставил столь же изначально агрессивное влечение, «инстинкт смерти». Каждый человек по отдельности является антиобщественным существом, стремящимся к удовлетворению своих влечений. Всякая общественная жизнь строится на принуждении и запрете на непосредственное удовлетворение влечений, имеющих изначально асоциальный характер.

Теория З. Фрейда носит ярко выраженный биопсихологический, инстинктивистский характер. С помощью теории неизменных биологических врожденных инстинктов, а также гипотезы о вечной непримиримой борьбе между жизнью и смертью в каждом организме Фрейд пытался найти источник психической деятельности человека. В его представлении психическое биологично по своей природе и совершенно не зависит от внешнего мира, от социальной действительности. Считая, что структура инстинктов является детерминантой человеческого поведения, Фрейд полностью отрицал возможность влияния окружающей среды на изменение психической структуры человека.

Если с помощью теории инстинктов Фрейд пытается вскрыть причины психической деятельности человека, то с помощью «теории вытеснения» он пытается объяснить динамику человеческого поведения. По Фрейду, человек в силу строгой необходимости самосохранения в условиях общественного существования вынужден подавлять свои инстинкты и направлять их энергию по социально приемлемым каналам. «Наша цивилизация, – пишет он, – основана на подавлении инстинктов» [10. Р. 25; 6. С. 106; 6], психическая энергия которых отводится от первоначальной сексуальной цели и перераспределяется на различные социально полезные нужды. «Именно благодаря этому, – считает он, – накапливается и создается общий фонд материального и идеального богатства цивилизации» [10. С. 25]. Способность человека под воздействием общественных требований переключать сексуальные побуждения на другие пути, Фрейд называет сублимацией. «Сублимация инстинктов – особенно ярко выраженная черта культурного развития; именно она дает возможность высшим формам психической деятельности – научной, художественной и идеологической – играть в культурной жизни значительную роль» [7. С. 36-37]. Степень сублимации определяется возможностью того или иного индивида, которая в свою очередь зависит от силы его сексуального инстинкта. В том случае, когда требования цивилизации превышают по своей силе способность индивида к сублимации, тогда, считает Фрейд, появляются преступники или невротики.

По Фрейду, в обществе перед человеком под напором сильных инстинктов, которые требуют своей реализации, открываются три возможности. Если его внутренние побуждения получают беспрепятственный выход, то он превратится в преступника, если они будут вытеснены, то он станет невротиком, и, наконец, если они будут сублимированы в социально полезную деятельность, он сможет без всяких трений жить в данном обществе. Чтобы устранить первые две «возможности», которые вносят определенную дисгармонию в социальную жизнь, необходимы, по мнению Фрейда, терапевтические меры двоякого рода: во-первых, каким-то образом заставить общество понизить требования, предъявляемые к индивиду, и тем самым ослабить слишком сильный процесс вытеснения инстинктов, во-вторых, усилить власть человеческого сознания в борьбе с инстинктами и посредством усиления рационального контроля увеличить способность индивида к сублимации. Единственно приемлемое решение в конфликте между биологической человеческой природой и обществом Фрейд видел в отыскании способа наиболее оптимальной адаптации индивида к социальным требованиям. Он был убежден, что все качественное многообразие человеческого поведения сводится к особенностям и характеру процесса вытеснения инстинктов, к различным видам конфликтов между биологическим началом в человеке и социальной средой.

Описанные Фрейдом конфликты социального и биологического, которые происходят на бессознательном уровне, на самом деле не отражают сложных, а главное реальных, взаимоотношений внешних и внутренних факторов, определяющих психическую деятельность человека, не вскрывают действительных движущих сил его поведения. Неизменяемой системе внешних условий общества у Фрейда противостоит статичная система внутреннего мира человека в форме неизменяемых инстинктов. Взаимодействие между внешним и внутренним оказывается тоже статичным.

Конфликт между человеческой природой и обществом, по Фрейду, представляет собой не диалектическое единство и взаимопроникновение противоположностей, а лишь сопоставление сторон, не зависящих друг от друга. Внешние социальные условия человеческого существования, согласно Фрейду, не определяют психическую деятельность, а только препятствуют ее проявлению, тормозят реализацию инстинктивных влечений. Подобная социально-психологическая интерпретация взаимоотношения человеческой природы с обществом приводит Фрейда к дилемме, которую он никак не может решить: с одной стороны, ограничение и отказ от инстинктов выступает для него как одно из необходимых условий существования общества, цивилизации вообще, с другой – беспрепятственное и полное их удовлетворение рассматривается им как необходимое условие психического здоровья человека.

Общество, по мнению Фрейда, является продуктом трех независимых переменных: 1) необходимости (Ананке), исходящей от природы; 2) дуа-

листической пары инстинктов: любви и смерти (Эрос и Танатос); 3) различных институтов и идеалов, представляющих собой социальную среду, общество. Развитие цивилизации определяется взаимодействием этих трех переменных. Общество, Фрейд считает глубоко трагичным феноменом, так как оно неустойчиво, ненадежно, потому что синтезирование и примирение этих трех компонентов не только никогда не завершается, но и вообще в принципе не возможно. Несмотря на то, что общество стремится извлечь пользу из инстинктивных побуждений человека с целью сохранения и упрочения социальной жизни, все, что оно может сделать, – это лишь установить сомнительное равновесие, которому всегда грозит опасность со стороны необузданных инстинктов человека. Фрейд неоднократно обращает внимание на внутренние противоречия, присущие обществу, и не раз подчеркивает их неустранимость. Процесс культуры является делом Эроса, который стремится объединить отдельных индивидов, затем семьи, затем племена, расы и нации в один большой союз – в человечество, считает Фрейд. «Почему это так должно происходить – мы не знаем; просто такова активность Эроса. Человеческие массы должны быть либидинозно связаны; одна необходимость, одни преимущества объединения в труде не могли бы их удержать вместе» [7. С. 58].

Природный инстинкт агрессивности, заложенный в человеке, враждебность каждого против всех и всех против каждого противоречит программе цивилизации. Этот инстинкт является главным представителем и производным инстинкта смерти, который мы находим рядом с Эросом. Оба они правят миром. Существование различных социальных и культурных систем, по Фрейду, наглядно отражает эту «конфликтную амбивалентность, вечную борьбу между Эросом и инстинктом разрушения» [7. С. 67]. В связи с этим американский психолог Н. Браун совершенно справедливо отмечает, что в понимании Фрейда «история делается не нашими сознательными намерениями, не хитростью разума, а хитростью влечения» [9. Р. 16].

Социальная жизнь, по Фрейду, это беспрестанная, никогда не умолкающая борьба между инстинктами и моралью, биологическими потребностями индивида и требованиями той группы, общества, к которым он принадлежит. Общество, полагает он, не имеет какой-либо реальной основы в природе человека. Отсюда парадоксальный в своей абсурдности вывод – человек не создан для общества, но в то же время он в нем нуждается. Идеалом Фрейда является общество, в котором отсутствует какое-либо принуждение по отношению к индивиду и предоставляется свободный простор для удовлетворения и реализации его инстинктов. Но поскольку последнее невозможно, так как инстинкты по своей природе являются антагонистичными обществу, постольку, считает он, основанием любого реально существующего общества вполне закономерно являются насилие и принуждение.

Каждого индивида Фрейд рассматривает как потенциального врага общества не только потому, что он несет в себе деструктивные желания, но и по-

тому, что подавляющее большинство людей в его представлении ленивы, неразумны и не приспособлены для того, чтобы жить совместно. Общество, согласно Фрейду, утверждает себя, постоянно преодолевая сопротивление и инертность масс, и задача его заключается не только в том, чтобы подавить деструктивные влечения, но и в том, чтобы заставить людей примириться с теми ограничениями и жертвами, которые оно требует от них, предлагая взамен всевозможные, компенсации. Последние составляют своеобразный «психический инвентарь культуры», который включает в себя мораль, искусство, религию, политику. В силу того, что человеческие инстинкты – либидо и агрессия рассматриваются Фрейдом как антисоциальные по своей сущности, он отводит обществу чисто негативную, дисциплинарную роль в развитии человека. Влияние общества на человека исчерпывается практически большей или меньшей степенью подавления его инстинктов. Общество, по его мнению, обеспечивает специфический контроль над инстинктами для того, чтобы сделать возможным существование социальных человеческих отношений. Оно возникает из потребности обуздать непокорные сексуальные и агрессивные желания человека, сдерживать и очистить его инстинктивные импульсы.

Фрейдовская теория человеческого существования, человеческой природы близка к концепциям Маккиавели, Шопенгауэра. Человеческой сущности чуждо какое-либо доброе начало, поэтому зло, разрушительная тенденция господствуют в мире. По мнению Фрейда, в человеке никогда не было и нет никаких гуманных чувств, побуждений и только страх перед насилием сдерживает и обуздывает антисоциальную человеческую природу.

Так же пессимистична точка зрения Фрейда на перспективы развития цивилизации. Он считает, что по мере развития цивилизации необходимость в вытеснении инстинктов становится все большей и большей, и история в конце концов неизбежно превращается во всеобщий невроз. Успехи, которые делает общество в своем развитии, достаются ему дорогой ценой, ценой постепенного возрастания у человека чувства неудовлетворенности, которое, по его мнению, пропитывает всю историю цивилизации. Выражаясь, фрейдовским языком, «ценой прогресса цивилизации... является увеличение чувства вины» [7. С. 67-68].

Считая, что у человека нет никакой надежды на изменение существующего положения вещей, Фрейд советует подчиниться неизбежному. Необходимо мужественно принимать жизнь такой, какая она есть, – вот вывод, к которому он приходит. С точки зрения Фрейда, мир, в котором мы живем, является лучшим из миров только потому, что он единственно возможный мир. Будущее – иллюзия, поэтому все жизненные идеалы и вера в прогресс человечества являются тоже иллюзорными. Единственная цель жизни, согласно Фрейду, это сам процесс существования, т.е. вечная борьба за выживание. Этот пессимизм Фрейда органически вытекает из его психоаналитической теории происхождения и развития цивилизации.

Фрейд экстраполирует выводы, полученные на основе анализа поведения отдельного больного индивида, на группы людей, нации, народы. Снимая качественное различие между нормой и патологией, он считает, что здоровый человек отличается от невротика только тем, что имеет социально полезную форму невроза. В его представлении невротические явления носят не случайный характер, а всеобщий, универсальный, присущий всем людям без исключения в любые времена. Отсюда его уверенность в том, что можно «рассматривать народы подобно тому, как мы рассматриваем отдельного невротика» [11. Р. 129]. Выводы, полученные им из анализа индивидуального поведения, он использует для характеристики социальных явлений, для истолкования законов исторического развития. В результате универсализации патологического феномена фрейдовская интерпретация истории выглядит как прогрессирующий невроз всего человечества.

Историю общественного развития Фрейд рассматривает через призму своей психоаналитической теории. Доктрина универсального невроза всего человечества является своеобразным психоаналитическим аналогом теологической доктрины первородного греха.

Философской основой, на которой возникала психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда, и в частности его социология, являются принципы западноевропейской традиции в философии (Кант, Гартман, Шопенгауэр, Ницше, Бергсон). Хотя сам Фрейд не считал себя приверженцем какой-то одной философской доктрины, тем не менее, его внимание притягивали те философские системы, которые выражали откровенный иррационализм. У Э. Гартмана и Л. Бергсона он заимствует идею бессознательного. Ницше и Шопенгауэр привлекали его тем, что постоянно подчеркивали значение бессознательных эмоций и сексуальности в определении различных сторон человеческой жизни. Неоднократно в ряде произведений он признает влияние их идей на свое творчество.

Работа З. Фрейда «Неудовлетворенность культурой» (1930) [7] вышла практически одновременно с «Двумя источниками морали и религии» Бергсона и «Человеком и техникой» Шпенглера при всех различиях имеются общие сходные предпосылки: инстинктивные влечения находятся в конфликте с ныне существующей культурой, которая в свою очередь является продуктом спонтанной активности, «жизни» [3. С. 1033-1048]. Западно-европейская культура рассматривается как предел отчуждения от жизненных истоков, насилие над природой человека; словами Ортеги-и-Гассета, как «всеобъемлющее лицемерие», крушение «витальности». Сходный рас-суждения можно найти и в «Конфликте в современной культуре» Зиммеля, в «Переписке из двух углов» Иванова и Гершензона, и в поздних произведениях Шелера.

В работе «Основные психологические теории в психоанализе» Фрейд писал: «Можно указать на знаменитых философов как на предшествен-

ников, прежде всего великого мыслителя Шопенгауэра, бессознательную «волю» которого в психоанализе можно отождествить с душевными влечениями» [4. С. 22].

Исследуя психические расстройства мелкого и среднего буржуа австрийской столицы и придя к выводу, что причиной большинства из них являются чрезмерные ограничения моралью естественных сексуальных влечений человека, он придал частным случаям характер всеобщности и построил на этой основе претенциозную теорию универсальной человеческой природы. Фрейд правильно констатировал связь многих изученных им неврозов с конфликтом в сознании между сексуальными стремлениями человека и моральными требованиями общества. Но он был не прав, распространив черты, наблюдаемые в одном определенном обществе, и притом у части населения, на все прошлое и будущее человечества.

По мере того как психоаналитическая теория наряду с клинической терапевтической областью своего применения все более и более использовалась Фрейдом при изучении социальных проблем, она стала выступать в роли определенного метода в объяснении различных явлений общественной жизни. Фрейд твердо был уверен в том, что, не насилуя сущности психоанализа, его можно применять с таким же успехом и к истории культуры, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах [8. С. 177]. Социологическая концепция Фрейда – это не просто побочный продукт психоаналитической теории; это логическое завершение внутреннего развития, неотъемлемая составная часть этой теории. Биологизм, пансексуализм, гипертрофизация роли бессознательного составили основу социальной философии Зигмунда Фрейда в целом.

За долгие годы активной научной деятельности и клинической практики Зигмунд Фрейд создал: одну из первых развернутых теорий личности; систему клинических наблюдений, основанных на его терапевтическом опыте и самоанализе; оригинальный метод лечения невротических расстройств; метод исследования тех психических процессов, которые почти невозможно изучить какими-либо другими способами.

Независимо от того, принимаем мы или отвергаем какие-то идеи психоанализа, невозможно оспорить тот факт, что влияние Фрейда на западную цивилизацию и науку XX века было значительным и глубоким. Американский психолог Л. Трилинг писал в 1955 году: «Фрейдистские идеи прочно обосновались в нашей культуре ... Они имеют решающее влияние на образование и воспитание, чрезвычайно важны в антропологии, социологии, литературоведении. Мы можем сказать, что они стали интегральной частью нашего современного интеллектуального аппарата» [5. С. 9].

В истории человечества очень немногие идеи оказали столь широкое и разнообразное воздействие. Взгляды Зигмунда Фрейда на природу человека – сложный путь понимания таких аспектов психической жизни чело-

века, которые считались темными, скрытыми, недоступными. Это – серьезный вклад в комплекс наук о Человеке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аганов П.В.* Религия в творчестве Эриха Фромма: социально-психологические аспекты проблемы // Вопросы политологии. 2020. № 3 (55).
2. *Аганов П.В.* Философская антропология Эриха Фромма: социокультурный психоанализ: монография. М.: Новый индекс, 2020.
3. *Кудаев А.Е.* Психоанализ культуры Зигмунда Фрейда // Психология и психотехника. 2014. № 10 (73).
4. *Курцин И.Т.* Критика фрейдизма в медицине и физиологии. М.-Л.: Наука, 1965.
5. *Соколов Э.В.* Введение в психоанализ. Социокультурный аспект. СПб.: Лань, 1998.
6. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Избранное. Кн. 2. М.: Московский рабочий, 1990.
7. *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой. М.: Московский рабочий, 1990.
8. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. Т. 2. М.-Пг.: Госиздат, 1922.
9. *Brown N.O.* Life Against Death. N.Y., 1959.
10. *Freud S.* "Civilized" Sexual Morality and Modern Nervousness. "Sexuality and the Psychology of Love". N.Y., 1963.
11. *Freud S.* Moses and Monotheism. N.Y., 1939.

P.V. AGAPOV
*Candidate of Sociology, Associate Professor,
Department of History and Theory of Sociology
at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

PSYCHOANALYSIS OF SIGMUND FREUD: SOCIAL-PHILOSOPHICAL GENESIS

The article discusses the theoretical and methodological problems of the genesis of psychoanalysis Z. Freud, highlights the main scientific approaches and paradigms in the study of the emergence of psychoanalysis.

Key words: *theoretical and methodological approach, psychoanalysis, psychoanalytic tradition, conceptualization, systematic approach, philosophical and anthropological analysis.*

ФРАНЦУЗСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Цель написания статьи – выделить доминанты организации регионального политического пространства на примере Французской Республики. Исходным является понятие «регион». В статье раскрыто научное толкование названного термина, исходя из теоретического осмысления его содержания. Тема исследования – характеристика французской модели организации власти регионов. В качестве объекта исследования выступают властные технологии отношений «центр-регионы».

Автор, прежде всего, использует метод моделирования как вариант определения объекта, определенного образца в целях выделения определяющих составляющих для характеристики регионального политического пространства французского региона. Данный метод в совокупности с системным способом определения искомого научного знания позволяет выделить основные уровни регионального политического процесса Франции.

Вопрос исследования, поставленный в статье, является актуальным, что определено продолжающимся поиском верной реакции на вызовы административной эффективности отношений «региональная политика и власть».

Комплексное изучение концептуальных теоретических характеристик региональной политики как таковой, позволило автору выделить модель и особенности политического инструментария организации отношений «центр-регионы» современной Французской Республики.

Ключевые слова: *регион, региональное политическое пространство, модель, аналогия политики, унитаризм, федерализм, трансформация.*

Обращение к политической реальности процесса взаимоотношений территориальных единиц любого государства предопределено политическими изменениями, своего рода вызовами технологий организации отно-

шений «региональная политика и власть», трансформацией самих взглядов на порядок и возможности выделения, определенного рода концепций применительно к теоретическим исследованиям.

Французское государство выбрано автором в силу убеждения, что унитарное государство с признаками федеративных характеристик отношений «центр-регионы» возможно может стать в некотором роде образцом построения эффективной системы административных отношений властных уровней.

Речь идет о проявлении особой сферы общественной жизни, области отношений, которые характеризуют политический процесс государства, его элементы, относящиеся к функционированию власти уровня регионов.

Исходя из вышесказанного постановка концептуально-теоретических проблем, «возникающих в процессе реализации региональной политики, ее институционализации, вполне очевидна» [3].

Автор ставит перед собой цель выделить доминирующие аспекты организации регионального политического пространства на примере Французской Республики.

Исходя из поставленной цели исследования вытекают его задачи: проанализировать географические и политологические подходы в зарубежной и отечественной политической науке; определить на основе имеющихся теорий основное содержание понятия «регион»; прибегая к методу моделирования как способу определения образца, модели для рецепции, выделить особенности политического инструментария организации отношений «центр-регионы» современной Французской Республики, основные уровни регионального политического процесса Франции.

Решение поставленных в исследовании вопросов означает продолжающийся поиск способов и вариантов их отражения посредством практических решений власти [13. С. 415], которые должны иметь основной признак и характеристику, признак легитимности, быть признаны населением страны, а соответственно, поддержаны.

Вопрос специфики функционирования регионального политического пространства государства, является актуальным, что подтверждено продолжающимся поиском верной реакции на вызовы административной эффективности отношений «региональная политика и власть».

Комплексное изучение концептуальных теоретических характеристик региональной политики как таковой, позволило автору выделить модель и особенности политической организации отношений «центр-регионы» современной Французской Республики.

Основным понятием для характеристики регионального политического процесса, несомненно, является термин «регион». Обобщения научных исследований зарубежной и отечественной политологии позволили автору определить понятие регион как целостность и одновременно часть целого, обладающей, с одной стороны, признаками гомогенности (однородности),

а с другой стороны, признаками когерентности (внутреннего единства, системности). Кроме того, в содержание искомого понятия автор вкладывает следующее: регион – это одна из единиц территориальной структуры государства, имеющая региональные властные институты, наделенные соответствующими компетенциями.

По мнению автора, «региональная политика каждого государства по своему уникальна», а потому «представляется возможным говорить о ... возможной модели организации регионального пространственного развития» [6. С. 950]. Сущностные характеристики региональной политики заключены в определении направлений, а возможно, и закономерностей, развития взаимоотношений «центр-регионы», «нахождения компромисса между интересами политических акторов» [7. С. 15, 101].

Начало XXI века ознаменовано продолжающимися изменениями в сфере территориального устройства государств. Заметны две взаимоисключающие тенденции: глобализация и децентрализация. Те политические процессы, которые связаны с возрастанием роли власти региона, увеличения его возможностей в плане компетенции и представительства обусловлены, прежде всего, политическими факторами.

Глобализация процесса децентрализации центральной власти характерна «для ряда государств Европы» [12. С. 15].

Если речь идет о децентрализации, в таком случае необходимо говорить о принципе субсидиарности, под которым автор понимает технологии властных институтов решения вопросов на максимально низком уровне управления. Франция времени Пятой Республики до настоящего времени находится в поиске варианта эффективной децентрализации, обеспечив тем самым оптимизацию эффективности системы государственного управления [14. С. 3].

Автор исследования выделяет модель организации политического регионального процесса Французской Республики. Эта модель вступает как существующий паттерн (образец) пространственного политического развития [6. С. 956]. Названная автором модель позволяет описать зарождение и эволюцию организации политических институтов уровня «региональная политика» – «власть», выделить значимые факторы, характеризующие региональный политический процесс Франции [5. С. 8].

Модель французской региональной политики обозначена в более ранних исследованиях как «Модель французской региональной политики «Субсидиарная интеграция» («Modèle de la politique régionale française Intégration subsidiaire») [6. С. 956]. Автор, используя понятие субсидиарности, допускает определенную аналогии политики. По аналогии как таковой и в связи с тесной взаимосвязью политической науки и юриспруденции, понятия «субсидиарность» и «ответственность» представляют собой, по мнению автора, единое целое [6. С. 956]. Содержание принципа субсидиарности за-

ключается в выполнении центральной властью «субсидиарной» (вспомогательной) роли, эффективно решающей те задачи, которые не могут быть в достаточной мере выполнены на региональном уровне [4. С. 120].

Кроме того, в рамках организационной модели французской региональной политики должны быть созданы дополнительные властные технологии как ограничение политического влияния центральной власти.

Внимание автора обращено к политическим институтам, сложившимся в рамках французского регионального процесса, отношений центральной власти и политических сообществ субнационального уровня.

Франция – это страна умелого соотношения между факторами стабильности и изменчивости. Главное достоинство французского опыта – в автономности, самобытности, внутренней обусловленности этой «удивительной изменчивости, прослеживающейся по всем осям политической культуры» [11. С. 192-211].

В рамках региональной политики регламентируются взаимосвязи между центром и регионами, определяются права и полномочия административных единиц, складывается практика влияния центра на регионы и регионов на центр. Для России характерна многоуровневая структура региональной политики. Соответственно актуальна проблема выбора формы государственно-территориального устройства: между концепцией унитарного государства и федеративной моделью. Российское законодательство может найти новый «угол зрения» для более точного восприятия ряда внутренних российских конституционно-правовых проблем [8. С. 8]. Как следствие, выводы, полученные в результате такого исследования, могут быть применены как в ходе дальнейшего углубленного теоретического осмысления зарубежной конституционно-правовой тематики, так и в отечественной политической и правовой практике.

Интересы территориальных единиц унитарной Франции не менее представлены в государственной политике, чем в федеративных государствах. В современном мире государственное устройство не формирует ни качество, ни успешность этого регулирования, однако формирует его модель, схему, механизмы и процедуры.

В современных унитарных государствах нередко существует несколько звеньев административно-территориальных единиц в зависимости от численности населения и территориальных размеров государства. В тоже время, в унитарных государствах четко выражен принцип политического единства. Едины конституция, система органов государственной власти (компетенция которых не распределена между государством и территориями), система права, судебная система, единое гражданство. Главным «децентрализатором» являются не политически самостоятельные субъекты (территориальные образования), а местные самоуправляющиеся административно-территориальные единицы.

Как отмечалось выше, исходным понятием для концептуальной характеристики регионального политического пространства является термин «регион» [4. С. 21]. Ниже следует таблица 1, включающая минимум дефиниций понятия «регион», однако отражающая, по мнению автора исследования, имеющие место основные подходы для установления научного содержания искомого понятия.

Исходя из многозначности термина «регион», автор ставит акцент на его содержание как образования, «возникновение и функционирование которых обусловлено политическими доминантами» [9. С. 23-24].

Политическая субъектность политического региона, по мнению А.В. Полосина, является квалифицирующим признаком, в то время как остальные характеристики выступают как основание, условие формирования или форма ее проявления [1. С. 122].

Политическая субъектность региона, применительно для любого политического региона, выражена в следующих признаках: обладание собственной территорией; самостоятельное установление собственного наименования; наличие своей системы органов государственной власти; наличие собственной правовой системы; наличие официальной символики, столицы или административного центра; конституционное распределение (разграничение) полномочий между разными уровнями публичной власти [1. С. 123].

Политический регион (пространственно организованное или исторически сложившееся территориальное сообщество) – это определенный уровень политических отношений. В тоже время ряд авторов политическую определенность рассматривают как одну из характеристик любого региона. Другие авторы считают это свойством регионов определенного типа. Третьи авторы понимают регион как субъект политики, а соответственно, объект политического анализа [9. С. 24]. Являясь активной политической единицей, политическим актором, регион становится субъектом политической регионализации, уровнем политического действия, выступает как совокупность властных институтов, обладающих определенными компетенциями в рамках определенной территории государства.

Региональную политику современной Франции можно охарактеризовать как «сильный центр – сильные регионы (определенная относительность содержания)». Однако в обозначенной автором модели французской региональной политики центральная власть должна играть вспомогательную роль, что для реального политического процесса Франции не характерно. Степень централизации власти высока, а регионы выступают в большей степени как политические акторы, выполняющие сервиллистские функции.

По мнению автора, для организации французского регионального политического пространства характерны следующие доминанты:

1. Франция является унитарным государством, характеризующимся достаточно автономными и самодостаточными региональными политически-

Научные подходы определения понятия «регион»

Толкование термина «регион»	
Географический подход	<p>1) комплекс, состоящий из земли, воздуха, флоры, фауны и человеческого населения, которые могут рассматриваться в их особых отношениях друг с другом и которые составляют вместе определенную и характерную часть поверхности Земли (Х. Маккиндер);</p> <p>2) те зоны, которые заключают в свои рамки существенную однородность доминирующих физических условий и, соответственно, преобладающих укладов обитания (Х. Маккиндер);</p> <p>3) географический термин для описания такого типа окружающей среды, в котором географические элементы соединены друг с другом определенными и постоянными отношениями (Х. Маккиндер);</p> <p>4) группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический, или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю район мира (Макарычев А.С.);</p> <p>5) область, район; часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения (Макарычев А.С.);</p> <p>6) средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений, встречаемых на земном шаре (P. James, F. Jones);</p> <p>7) физическая реальность, существующая в определенных географических координатах (Полосин А.В.) [9. С. 51].</p>
Политологический подход	
Западная политическая школа	<p>1) собирательный термин, определенный через функции: гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, культурную и языковую близость, общность хозяйственных структур и исторической судьбы (Бусыгина И.М.);</p> <p>2) административный регион как область, объединенная по управленческому принципу и обладающая едиными полномочиями (Вайденфельд В., Вессельс В.);</p> <p>3) пространственная единица среднего размера, которая носит промежуточный характер и чьим материальным субстратом является территория (Schmitt-Egner P.) [15. С. 179-200];</p> <p>4) аналог особого «мира» с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением (Ф. Бродель).</p>
Отечественная политология	<p>1) властная составляющая:</p> <p>а) нижестоящее, по отношению к понятию центральной власти; часть государства, совокупность нескольких государств, имеющих функциональные связи и образующих общую систему (Сардарян Г.Т.);</p> <p>б) синоним субъекта Российской Федерации (Трейвиш А.И.);</p>

Отечественная политология	<p>в) территория в административных границах Российской Федерации, характеризующаяся основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т.е. наличием политико-административных органов управления (Игнатов В.Г., Бутов В.И.);</p> <p>г) область политического пространства, отличающаяся особой политической организацией или (и) наличием особого политического интереса (Смирнов А.Н.);</p> <p>2) территориальная составляющая:</p> <p>а) понятие, с помощью которого можно обозначить территорию, выделенную по определенным признакам и отделенную по этим признакам от другой территории, т.е. другого региона (Туровский Р.Ф.);</p> <p>б) территория (геотерия), по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории (Алаев Э.Б.);</p> <p>в) обозначение территории, охватывающей несколько государств или административно-территориальных единиц соседних государств (Lars Ryden);</p> <p>г) комплекс явлений, обладающих единством и целостностью, разнообразные относительно целостные территориальные образования, имеющие масштабный критерий (Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.);</p> <p>д) геотерия (территория, акватория или совокупность последних), отвечающая рядом признаков: наличие внутренней целостности, единства или генетической взаимосвязи между ее частями; присутствие признаков, отсутствующих в других целостностях; специфическая роль в структуре международных отношений и признание этой роли фактически всеми основными участниками внешнеполитического процесса (Межевич Н.М.);</p> <p>е) территориальная единица субнационального уровня (Туровский Р.Ф.);</p> <p>ж) динамическая самоорганизующаяся, самовоспроизводящаяся и саморазвивающаяся система, включающая территорию, территориальную общину, социально-экономическую инфраструктуру и органы местного (само-) управления; субъект социально-экономических и политических отношений в пределах государства (Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю.) [10. С. 30];</p> <p>з) определенная пространственная единица, фиксирующая территориальное членение мира (Володин А.В.) [1. С. 121];</p> <p>3) совокупность двух составляющих:</p> <p>а) государствоподобное или территориальное образование, обладающее различной степенью самостоятельности (автономное образование, субъект федерации), которое характеризуется в аспекте его взаимодействия с государственной властью (центральной или федеральной) (Орехович А.В.);</p> <p>б) имеющая установленные границы территория, обладающая функциональными отличиями от иных территорий, представляющая собой уровень власти, находящимся между государством и местным самоуправлением (Сардарян Г.Т.);</p> <p>в) органическое единство территории, населения, экономики и государственной власти (Полосин А.В.) [9. С. 25].</p>
---------------------------	---

Узкий смысл понятия	административная единица первого субнационального уровня
Широкий смысл понятия	часть государственной территории, характеризующейся определенными политическими качествами и характеристиками
Позиция автора	целостность и одновременно часть целого, обладающая, с одной стороны, признаками гомогенности (однородности), с другой стороны, признаками когерентности (внутреннего единства, системности); одна из единиц территориальной структуры государства, имеющая региональные властные институты, наделенные соответствующими компетенциями

ми процессами. Это определяет их влияние на спектр политических изменений в процессе эволюции трансформации государственности.

2. Основная черта французской модели региональной политики – высокая степень централизации власти. Властные структуры регионов становятся реальными субъектами преобразований. Они призваны обеспечивать решение как задачи местного, так и общегосударственного масштаба.

3. Необходимы новые технологии контроля над ситуацией в регионах, создание механизмов, исключающих появление режимов с авторитарной составляющей. Истинное отражение интересов, поиск их согласованности, уравнивание полномочий позволяет выделить модели отношений уровня «центр-регионы».

4. Наличие в регионах нескольких уровней выборных властных институтов стало мощным конфликтогенным фактором политического развития. Это всегда противостояние политических акторов, государственного и регионального уровней власти.

Регионы на законодательном уровне получили возможность самостоятельно устанавливать параметры местного самоуправления, что привело к огромным различиям между территориями. В отношениях «центр-регионы» конфликтогенность проявляется на уровне конфликтов регионального характера. Подобного типа конфликты сочетают различного характера интересы, их интенсивность и острота определена институциональной организованностью и, как правило, идеологической составляющей. Формы проявления региональных конфликтов многообразны, а потому возникает необходимость принятия верного политического решения: предупредить, избежать, предотвратить, либо остановить проявление конфликтогенов.

Гражданское неповиновение как форма политического участия характеризуется стремлением избегать насилия для достижения целей, но в то же время, имеет место нарушение законодательства. Следует понимать, что иногда во имя свободы, приходится прибегать лишь к относительно оправданным средствам [2. С. 259, 261]. На первый план выходит проблема равновесия, согласия и стабильности.

5. Французская региональная политика предстает как образец странственного развития. Это государство с унитарной формой территориального построения с признаками федерализма. Данное обстоятельство представляется важным в рамках возможности разумной трансформации федеративных отношений современной России. Федерализация России в рамках трансформации положительного опыта Французской республики должна строиться по трем направлениям: законодательное разделение уровней компетенции по вертикали; максимальный учет интересов регионов в общегосударственной политике; повышение экономической самостоятельности регионов в пределах, ограниченных только конституцией; выравнивание статуса всех субъектов федерации. Властные структуры регионов должны стать реальными субъектами преобразований, основная политическая цель которых – обеспечение общенациональных и региональных задач посредством интеграции при соблюдении принципа «субсидиарности».

6. Построение моделей уровня «центр-регионы» возможно через соотношение имеющих место форм центрального контроля и форм регионального участия, которые устанавливает политический центр. Региональный политический процесс предстает как система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов (балансов): сил, интересов и отношений.

7. Для Франции характерен адресный подход к развитию конкретных регионов, сложилась система прямых взаимоотношений центра и регионов. Политический центр выступает организующим началом, при имеющем место соподчинении органов управления различных уровней и сохранении значительной региональной обособленности [6. С. 958].

8. Прямое заимствование французской модели организации регионального политического процесса неприемлемо для России, поскольку особенность региональной политики определяется не только формой отношений «центр-регионы», но и конкретными условиями политической системы общества, ее историей, политической традицией, менталитетом, спецификой политической культуры. Возможным представляется разумная рецепция механизмов функционирования политических институтов государственного регулирования территориями.

9. Умелое построение соотношения компетенции политического центра и регионов, позволяет Франции через факторы политической изменчивости по-прежнему демонстрировать фактор стабильности, которая поддерживается постоянством государственной административной структуры и организацией территориальных коллективов.

Региональная политика должна соответствовать определенной стратегии – единым, концептуально проработанным положениям политики государства применительно к регионам, стратегии, основывающейся на выборе способов решения двух проблем: эффективной интеграции территорий (здесь сталкиваются унитаризм и федерализм) и контроля над зонами геопо-

литического риска. Вопрос стоит перед тактическими действиями, возможными акторами политического воздействия на политическую реальность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Володин А.В.* О политической субъектности регионов РФ // *Власть*. 2012. № 6.
2. *Залысин И.Ю.* Идеи Г. Торо о гражданском неповиновении и современный политический процесс // *Пробелы в российском законодательстве*. 2013. № 5.
3. *Лебедева М.Л.* Политическая конфликтогенность отношений «центр-регион» (на примере Французской Республики) // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2015. № 5.
4. *Лебедева М.Л.* Французский политический процесс в региональном измерении: вызовы современности: Монография. Иркутск: ООО «Мега-принт», 2017.
5. *Лебедева М.Л.* Методология региональных исследований политического пространства // *Вопросы политологии*. 2018. № 4 (32).
6. *Лебедева М.Л.* Властные технологии организационной модели французской региональной политики // *Вопросы политологии*. 2019. Т. 9. № 5.
7. *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005.
8. *Орехович А.В.* Развитие регионализма в странах Европы: конституционно-правовой аспект. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011.
9. *Полосин А.В.* Регион в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Автореф. дис. докт. полит. наук. М., 2013.
10. *Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю.* Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Изд-во Академический проект, 2006.
11. *Салмин А.М.* Природа и роль базовых политических ориентаций (на примере Франции) // *Полития*. 2005. № 3.
12. *Сардарян Г.Т.* Политические проблемы взаимоотношений регионов с центральной властью в Италии. Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2015.
13. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
14. *Тупикин А.П., Шилов В.С.* Центр и регионы во Франции и России (Опыт сравнительного исследования): Монография. М.: Изд-во РАГС, 2008.
15. *Schmitt-Egner P.* The concept of Region: Theoretical and Methodological notes On Its reconstruction // *European Integration*. 2002. Vol. 24. № 3.

M.L. LEBEDEVA

*PhD in politics, associate professor,
Associate Professor at Political Science,
Russian State Agrarian University – MSHA
K.A. Timiryazev, Moscow, Russia*

FRENCH REGIONAL POLITICAL SPACE: CONCEPTUAL AND THEORETICAL CHARACTERISTIC

The purpose of this article is to highlight the dominants of the organization of a regional political space using the example of the French Republic. The starting point is the concept of «region» The article discloses the interpretation of the named term, based on a theoretical understanding of its content. The research topic is a characteristic of the French model of regional power organization. The object of research is the imperious technologies of the relations «center-regions».

First of all, the author uses the modeling method as an option to define an object of some kind in order to highlight the defining components for characterizing the regional political space of the French region. This method, in conjunction with a systematic method for determining the required scientific knowledge, makes it possible to identify the main levels of the regional political process in France.

The research question posed in the article is relevant, which is determined by the ongoing search for the right response to the challenges of the administrative effectiveness of relations between «regional politics and power».

A comprehensive study of the conceptual theoretical characteristics of regional politics as such allowed the author to highlight the model and features of the political tools for organizing center-region relations of the modern French Republic.

Key words: *region, regional political space, model, analogy of politics, unitarianism, federalism, transformation.*

ЗАЩИТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ГЛАВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена анализу защиты и использования окружающей среды, влиянию современных экологических трендов на стратегию тех или иных экологических организаций.

В периоды кризисов особенно остро обнажаются проблемы, которые ставят человека перед выбором приоритетов ради обеспечения безопасности. Во время инфекционных эпидемий часто встает вопрос об отношении социума к окружающей среде. Если ее использование биотеррористами ради достижения политических целей не вызывает сомнения, то многие экологические организации часто предпочитают заниматься защитой громких дел, которые могут принести им известность или упрочить собственную значимость в глазах общественности.

Ключевые слова: экологические движения, экотерроризм, биотерроризм.

Пандемия коронавируса, захлестнувшая мир, продемонстрировала, что население многих стран способно пойти на любые жертвы ради обеспечения безопасности. В разные периоды своей истории мировые сообщества сталкивались с проблемами, разрешение которых ставило их перед выбором – свобода или безопасность, спасение окружающей среды или здоровье человека.

Большую роль в определении собственной социальной позиции и «правильности» выбора каждого индивида всегда играли разного рода социальные объединения. Появляющиеся новые социальные движения, в том числе экологические, по мнению А. Турена, борются не столько за скудные ресурсы, сколько за признание своих идентичностей или за право на их преобразование [2]. Многие экологические организации часто проявляли крайнюю нерешительность в принятии четкой позиции, когда разрешение проблемы «человек – природа» не могло принести громкой славы. И тогда

на первый план политической активности выходили эко- и биотеррористы разного уровня, использующие окружающую среду ради спасения «больного» общества.

В социуме всегда будут приветствоваться действия в защиту абстрактной окружающей среды, которые повышают политические рейтинги экоорганизаций и способствуют упрочению собственной значимости индивидов. Но, когда под угрозой окажется реальная безопасность общества, окружающая среда может превратиться из цели спасения в его средство. А главной проблемой становится необходимость выбора между экобезопасностью или защитой окружающей среды и биобезопасностью или борьбой с биологическими угрозами, которые несет в себе окружающая среда.

Экологические тренды. В XIX-XX веках европейское сообщество одобряло и приветствовало гуманизм к домашним и диким животным, но безмолвствовало в отношении их лабораторных собратьев. Германия, Франция, также как и другие европейские страны не сталкивались в этот период с социальными протестами против жестокого обращения с животными в медицинских лабораториях. Исключение составляли только США и Великобритания, в которых все же получили развитие антививисекторские движения. Все дело в том, что защита животного мира, как такового, не затрагивала жизнь каждого индивида, в то время как лабораторное животное, ценой своей жизни могло спасти жизнь человека.

Распространение в Великобритании опасного заболевания крупного рогатого скота, вирус-возбудитель который легко передавался человеку, вызывая у него тяжелое нейродегенеративное заболевание, обнажил в обществе серьезную проблему относительно того, какое место среди современных трендов ведущих экологических организаций занимает реальная защита окружающей среды.

Первый подтвержденный случай «коровьего бешенства» (1) в Великобритании был зафиксирован в 1986 году, но поскольку инкубационный период заболевания может составлять от нескольких месяцев до восьми лет, назвать точную дату инфицирования оказалось невозможно. Британское и ирландское расследование причин вспышки болезни показало, что она была вызвана кормлением крупного рогатого скота кормами с добавлением костной муки, сделанной из останков инфицированных коров. В 2012 году в Великобритании последний раз было зарегистрировано 177 случаев заболевания «коровьим бешенством» людей [5]. По данным Всемирной Организации Здравоохранения передача болезни людям происходила в результате употребления ими мяса зараженных коров. При появлении первых симптомов, пациенты обычно испытывали депрессию, апатию или беспокойство. К моменту же смерти жертвы «совершенно неподвижны и немые».

Несмотря на опасность заражения, большую угрозу для окружающей среды стали представлять способы борьбы с распространением инфекции.

По рекомендации санитарной службы ЕС было принято решение забивать здоровый скот. Этот процесс принял настолько массовый характер, что очень быстро правительственные структуры перестали справляться с утилизацией забитого скота, что, в свою очередь, привело к накоплению разлагающихся останков, нашествию крыс и отравлению сточных вод. Но оказалось, что меры, принимаемые для предотвращения последствия заражения, еще больше усилили загрязнение окружающей среды. После сожжения такого количества забитых туш, в атмосфере в больших количествах был выявлен диоксин – один из самых мощных известных канцерогенов, выделяющийся из костров при сжигании древесины, ряда масел и химических соединений, таких как ПВХ (поливинилхлорид) и дезинфицирующих средств.

В результате принятых мер было уничтожено более 2 млн. здоровых животных, фермы оказались загрязнены и непригодны для использования, а погребальные костры за время эпизоотии произвели достаточно диоксиновых соединений, чтобы накопить опасную дозу для двух миллиардов человек.

В этой ситуации вполне ожидаемыми могли стать резкие заявления в защиту животных со стороны природоохранных организаций. Но, к сожалению, этого не последовало. Известные в Великобритании общества по защите прав животных заняли, в основном, наблюдательную позицию, прикрываясь либо ограниченными возможностями в решении этой проблемы, либо заявлениями, что сама проблема не входит в их компетенцию. И это, несмотря на то, что Великобритания известна своими зоозащитными законами и организациями (3).

Руководитель сельскохозяйственного отдела Королевского общества предотвращения жестокого обращения с животными (RSPCA) Марк Рэнсон подошел к решению проблемы крайне осторожно. В частности, он заявил следующее: «К сожалению, у нас нет возможности участвовать в принятии решений по этой проблеме, но есть возможность высказывать свое мнение, и мы это делаем. Естественно, мы выступаем за то, чтобы забой скота, по каким бы причинам он ни происходил, проводился наиболее гуманным способом» [7]. Он подчеркнул, что вообще ставит под сомнение необходимость массового забоя скота, поскольку пока не существует достоверной информации о том, что мясо зараженных коров приводит к возникновению у человека болезни Кройцфельда-Якоба. Второй аспект, который беспокоил RSPCA заключался в росте негуманного отношения к животным, поскольку большинство из них все равно подлежало бы уничтожению.

Пресс-секретарь британского отделения другой более активной в своих действиях экологической организации Greenpeace Мирелла Линденфельс вообще заявила, что никакой определенной позиции по этой проблеме у организации нет и предложила обратиться к другим природоохранным обществам, с которыми и следует обсуждать эту проблему.

В этом случае очень верно выражение Джорджа Оруэлла о том, что «одни животные ровнее, чем другие», причем в буквальном смысле. Весь мир пом-

нит масштабную кампанию, которую развернула Greenpeace, защищая китов не только от китобоев, но и от ученых, изучавших болезни морских млекопитающих. Руководству университета Флориды пришлось уволить доктора Ричарда Ламбертсена, использовавшего для биологических экспериментов частицы тканей китов, в результате давления со стороны Greenpeace. Радикально настроенные члены организации стали посещать матчи университетской футбольной команды и прерывать их криками «Университет, хватит убивать китов».

Не менее значительными были действия активистов Greenpeace за чистоту Северного моря. Они развязали целую информационную войну с компанией Shell, которая, по их мнению, угрожала морским обитателям затоплением нефтяной платформы Brent Spar. В прессе массированно распространялась антишелловская реклама, в школах рассказывалась «правда о Shell». Кроме того, по всей Европе прокатились акции протеста, митинги, демонстрации, бойкоты бензоколонок и магазинов Shell. В результате, руководству компании пришлось уступить и платформу разобрали на берегу.

В разное время объектами спасения Greenpeace становились страдающие от охотников-эскимосов белки, исчезающие в результате французских ядерных испытаний тихоокеанские кораллы и погибавшие во время войны в Персидском заливе птицы. Но уничтожение миллионов коров и загрязнение атмосферы в результате последующего сжигания трупов, что несомненно является вопиющим антиэкологическим фактором, осталось без внимания этой всемирно известной природоохранной организации. Представители экологических организаций, как правило, используют любой информационный повод, для того чтобы проявить свою активность, но в этом конкретном случае они безмолвствовали. Все дело в том, что для «зеленых» радикалов помимо защиты окружающей среды очень важно привлечение внимания к «эффективной» работе своей организации. В случае с погибающими дикими животными одобрение обществом любых экстремальных действий гринписовцев гарантировано. Но если выбирать абстрактную для большинства охрану окружающей среды и собственное здоровье, которому угрожает болезнь, переносимая коровами, то выбор будет сделан в пользу последнего. Таким образом, защита домашних животных не всегда оказывается такой же выигрышной в глазах общественности, как защита дикой природы.

Решительных действий можно было бы ожидать от радикальных экологических организаций, одна из которых («Отряд милосердия») вообще сменила свое название на более революционное – «Фронт освобождения животных». Но, хотя активисты «Фронта» утверждали, что животные – не собственность, и никто не имеет право владеть любыми живыми существами, свою активность они направляли на освобождение представителей дикой фауны. Своим бездействием они опровергали собственный тезис о недопустимости видовой дискриминации, защищая диких животных

и оставляя без внимания домашних, которые становятся интересны экотеррористам, в основном, только в качестве громкого повода заявить о себе. Так, Дейв Бленкинсон получил 5 лет за установку взрывных устройств под пустыми машинами, которые использовались для перевозки животных на бойню. Животные не были освобождены, но террорист стал известен.

Активисты «Фронта» сравнивают разрушение лабораторий и других предприятий с акциями движения Сопротивления по подрыву газовых камер в нацистской Германии. Пропагандируя насилие в отношении тех организаций, которые нарушают права животных, представители современных радикальных экологических движений забывают о том, что первые в истории протестные движения против жестокого обращения с животными тесным образом переплетались с антисемитизмом. В 1880-1890 годах германские активисты поднимали вопрос о гуманном умерщвлении рогатого скота, и основную проблему они усматривали в кошерном способе забоя. Главной мишенью для нападков со стороны защитников животных стали именно еврейские сообщества. Таким образом, все радикальные организации объединяют преимущественно политические лозунги, а идеология спасения животных отходит на второй план.

21 апреля 2004 года активисты «Фронта» в Москве выпустили из вивария МГУ лабораторных животных, предназначенных для опытов. По мнению заведующего кафедрой Высшей нервной деятельности МГУ Валерия Шульговского, акция «Фронта освобождения животных» в виварии МГУ была бессмысленна: «Животные не выживут в природе, они даже боятся покидать клетку. И главное, крысы не могут пить чистую воду, только разбавленную спиртом» [8]. Акция была громкой и новой для российского общества. Животные, действительно, были выпущены на «волю», но через несколько дней погибли, потому что были не приспособлены к жизни вне лаборатории. Свобода для животных не всегда связана с жизнью в дикой природе. Одомашненные, лабораторные животные, рожденные в ограниченном пространстве не представляют другой жизни. Так, 205 хорьков, украденных в 2005 году из племсовхоза «Пушкинский» в Подмосковье и выпущенных на «свободу» в лесу, так и не смогли там адаптироваться. Они нашли моток старой сетки, отдаленно напоминавшей им клетку, в которой они привыкли жить и остались возле нее. Замдиректора племсовхоза Светлана Юмашева назвала активистов «Фронта освобождения животных» «фашистами». Часть животных удалось отловить и вернуть на ферму, а часть из них погибла в незнакомой среде обитания [1].

В ноябре 2004 года активисты «Фронта» выпустили из лаборатории в университете Айовы около 400 животных, а затем разлили на полу опасные химические вещества. В этом случае «воля» оказалась для «пленников» смертельно опасной, многие животные погибли, утонув в химикалиях. Через несколько дней один из активистов «Фронта освобождения животных»

Дэвид Скортон признал ответственность «Фронта» за взятие лаборатории, но при этом он заявлял лишь о том, что все животные были выпущены на волю [3]. То есть значимым был сам факт «освобождения». Дальнейшая судьба «освобожденных» уже не играла никакой роли для подобной «зоозащитной организации».

Спасение животных для организаций подобного рода является всего лишь символом и оправданием их разрушительной деятельности. В швейцарском цирке *Circus Royal* была запланирована акция, в ходе которой планировалось выпустить на свободу белого сибирского тигра. Но оказавшись около клетки хищника, защитники животных решили изменить свои намерения и освободить вместо тигра белого кролика – домашнего питомца дочки клоуна [9].

Экологические движения во всем мире часто декларируют противоречивые цели своей деятельности. Так, возникшее в США экологическое движение *Green New Deal* не преследует цели освобождения животных, но ради построения устойчивой и экологически безопасной экономики предлагает крайне радикальные методы. Один из его лидеров – член палаты представителей США Александрия Окасио-Кортес, вообще предложила уничтожить коров, поскольку метан, содержащийся в навозе поступает в атмосферу и загрязняют окружающую среду [6]. Таким образом, экологическая безопасность государства может быть достигнута путем убийства животных.

В мире существует множество зоозащитных и природоохранных организаций. Но реальной защитой окружающей среды занимаются лишь немногие из них. Большая часть известных экологических движений, как умеренных, так и радикальных, в основном, заняты «защитой» громких экологических дел, которые могут принести им политические дивиденды. Экологи сами назначают угнетенных и сами борются за их права, в большей степени, для социально-политического утверждения и удовлетворения собственных интересов.

«Главный биотеррорист»? Экологические активисты никак не использовали в своих целях историю с коровьим бешенством и другими заболеваниями, переносимыми животными. Но угроза распространения опасных инфекций, с катастрофическими последствиями для всех сфер жизни оказалась привлекательной для биотеррористов. В Новой Зеландии в 2005 году в канцелярию главы правительства поступило письмо с требованием денежных выплат и изменения налоговой политики. В письме указывалось, что вирус «коровьего бешенства» уже распространен на Ваихеке – одном из островов близ самого населенного новозеландского города Окленд. Если требования не будут удовлетворены, автор письма угрожал заразить опасной болезнью и другие города. Премьер-министр Новой Зеландии Хелен Кларк охарактеризовала угрозу заразить скот на островном государстве вирусом «коровьего бешенства» как биотерроризм: «Я считаю это биотерро-

ризмом, а за подобные преступления существуют очень суровые наказания. Если угроза окажется истинной, ущерб для нашей экономики будет катастрофическим» [10]. На Ваихеке был введен карантин, и хотя факт заражения так и не подтвердился, его угроза все же смогла нанести существенный вред экономике страны. По данным региональных СМИ, ЕС и Япония прекратили экспорт живого скота из Новой Зеландии на свои рынки. Согласно подсчетам экспертов, если бы угроза оказалась реальной, в течение двух лет Новая Зеландия потеряла бы до \$7,3 миллиардов, отмечает «Доминион пост» [10].

Расхождения в позициях по отношению к эко- и биобезопасности демонстрируют и американские государственные чиновники. Так, председатель Национального научно-консультативного совета по биобезопасности США Самюэль Стенли, заявил: *«Я уверен, что главный биотеррорист – это сама природа. И нам нужно приложить все усилия, чтобы быть на шаг впереди»* [4]. Продолжая эту логику, следует мобилизовать все научно-исследовательские человеческие ресурсы на противостояние угрозам, которые несет в себе окружающая среда. Ради достижения этой цели в США отменили трехлетний запрет на производство смертельно опасных вирусов в лабораторных условиях. Как сообщает 20 апреля 2020 года ВВС, данное решение в американском правительстве объяснили тем, что «потенциальная польза исследований компенсирует возможные риски» [4]. Согласно источнику, лабораториям теперь можно синтезировать вирусы гриппа, атипичной пневмонии и ближневосточного респираторного синдрома (MERS). Но, при этом на исследовательские институты ложится прямая ответственность за то, что возбудители потенциально могут вызвать эпидемию. Самюэль Стенли подчеркнул, что базовые исследования с использованием этих вирусов в лабораториях, доказавших отсутствие риска, – это ключ к мировой безопасности. Естественно, последовало уточнение, что исследования будут проводиться только в том случае, если сопряженный риск компенсируется возможной пользой.

Но эксперименты с вирусами, основная задача которых – минимизирование возможных угроз от природных эпидемий, или оружия «главного биотеррориста», могут и сами стать источником искусственного биооружия. Так, по мнению Марка Липсича, эпидемиолога из Гарвардского университета, такие эксперименты почти никак не помогут в подготовке к эпидемиям, при этом они могут стать причиной вспышек заболеваний. Кроме того, опубликованные результаты исследований о возбудителях заболеваний могут быть использованы для создания вирусов-мутантов. Следует вспомнить, что запрет на подобные исследования был введен после того, как в нескольких государственных учреждениях США были нарушены правила безопасности при работе с вирусами, в том числе с возбудителем сибирской язвы и птичьего гриппа. В 2014 году 75 сотрудников Центра контроля

и профилактики заболеваний США в Атланте оказались в зоне, предположительно зараженной бактериями сибирской язвы, а в исследовательском центре рядом с Вашингтоном была обнаружена коробка, со старыми пробирками, содержащими вирус оспы [4].

В то время как в руководящих структурах США продолжают споры о необходимости экспериментов с опасными вирусами ради обеспечения биобезопасности, боевики запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» продумывают способы использования возможностей природы как «главного биотеррориста», а именно ее нового порождения коронавируса COVID-19. Активно обсуждаемый в обществе вопрос о том, является ли вирус искусственно созданным биологическим оружием, отступает на второй план перед опасностью его использования террористами именно в качестве биооружия.

Один из членов организации «Братья-мусульмане» (организация, запрещенная в РФ) Бахгат Сабер с помощью своей страницы в Фейсбук, призывал египтян с симптомами коронавирусной инфекции немедленно идти в полицейские участки, офисы прокуроров, здания судов, посольства и здороваться со всеми сотрудниками за руки, чтобы «отомстить коррумпированному правительству» президента Египта Аделя Абделя Фаттаха ас-Сиси. Сам же террорист пообещал, что если заболеет, то перезаражает всех сотрудников египетского консульства в Нью-Йорке. Руководители пакистанской террористической организации «Лашкаре-Тайба» (запрещена в РФ) через соцсети приказали своим последователям специально встречаться с зараженными и в последствии распространять коронавирус среди других членов общества. Так называемые «белые радикалы» предлагают своим уже заболевшим сторонникам разводить инфекцию в бульоне, заполнять пульверизаторы и заражать представителей властей и евреев, которых обвиняют в создании коронавируса.

Поддерживающий связи с двумя неонацистскими группировками National Socialist Movement и Vorherrschaft Division, Тимоти Уилсон был ликвидирован ФБР, когда собирался подорвать автомобиль у госпиталя, где содержатся инфицированные COVID-19. Уилсон считал, что коронавирус «был создан евреями, чтобы всех убить», но сам при этом призывал «кашлять другим в лицо», «заражать как можно больше полицейских и докторов» [11].

В современной ситуации террористам не нужно придумывать изощренные способы нападения, добывая культуры опасных бактерий и вирусов. Достаточно просто воспользоваться тем, что «дает» природа в качестве «главного биотеррориста».

Защитники окружающей среды выступают против ее использования в любых целях. По мнению экологических террористов мир без воздействия человека на окружающую среду – идеален. Активист ELF («Фронт

освобождения Земли») Джейкоб Дженсен так описал мир, в котором он хотел бы жить: «Я вижу город без электричества, телевидения, Интернета, автомобилей и сотовых телефонов. Одежда шьется из натурального полотна. Инструменты изготавливаются из камня. Люди добывают пищу собирательством, охотой и рыбалкой, а готовят ее на костре...». Правда достигается этот идеальный мир бесчеловечными методами. Подавляющее большинство «эльфов» передвигаются только на велосипедах, но во время поездок они разбрасывают на проезжей части острые металлические осколки, чтобы прокалывать шины проезжающих автомобилей (2).

Коронавирус практически полностью осуществил их требования. Самолеты не летают, машины используются реже, производство не работает в полную силу, следовательно, и экотеррористическую активность можно снизить. Но, несмотря на кажущееся приближение к идеальному миру, кризисная ситуация показала и обратную сторону влияния принимаемых мер на окружающую среду. Девиз экологов: «reuse, recycle, reduce» в условиях пандемии не работает. Одноразовые медицинские маски, перчатки, защитные костюмы не перерабатываются. В Ухани, например, медицинские отходы выросли в шесть раз – с 40 до 240 тонн. В результате самоизоляции возросла нагрузка на электросети. Вся коммуникация происходит в онлайн – звонки, переписка, просмотр фильмов и пр.

Экоактивисты и общественные организации уверены в том, что вынужденное снижение выбросов продлится недолго и по мере снижения темпов пандемии производства вернуться на прежний уровень, а все виды транспорта заработают с новой силой. В Greenpeace отмечают, что коронавирус нельзя назвать спасителем природы, потому что восстановление мировой экономики с высокой долей вероятности приведет к резкому росту загрязнения воздуха. По мнению Centre for Research on Energy and Clean Air (Финляндия), подобная ситуация уже произошла в 2008 году, когда Китай выбрал «самую грязную из существовавших за всю историю человечества стратегий» по выходу из экономического кризиса [12]. Теоретически ничто не мешает стране поступить так и в нынешней ситуации, и, по некоторым данным, выбросы там уже постепенно возвращаются к прежним. А администрация Трампа вообще не готова придерживаться идеи «зеленого восстановления», которое позволит вернуть экономику в старое русло с меньшим ущербом для окружающей среды. Производители пластика на фоне пандемии заявляют, что одноразовая посуда гораздо безопаснее многоразовой, а загрязняет она, в конечном итоге, только воду.

В периоды глобальных мировых кризисов неизбежно возникает проблема выбора между охраной окружающей среды и здоровьем человека, которая всегда разрешается в пользу последнего. Известная всем Грета Тунберг заявляла, что мы должны бороться с пандемией и климатическими изменениями одновременно. Но политики обязательно используют ситуацию с но-

вым коронавирусом, чтобы не решать вопрос противостояния изменению климата [12].

Проблема выбора всегда будет существовать в социуме, но все же хочется представить, что «идеальный мир» – это не мир без электричества, телевидения и интернета, а мир, в котором человек при любых обстоятельствах будет восприниматься частью природы и решать все ее проблемы «человеческими» методами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) «Коровье бешенство», так же известное, как губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота (BSE) – это нейродегенеративное заболевание, способное мутировать и распространяться на человека. Штамм, поразивший британских коров, был способен вызывать болезнь Крейтцфельда-Якоба (vCJD).

(2) Николас Гэнди из Вайоминга повредил, таким образом, шины более 700 автомобилей и был осужден на 8 лет заключения. Нападениям подверглись и сотни автомобилистов: «эльфы» останавливали машину на шоссе, связывали и выбрасывали водителя в кювет, а потом топили автомобиль или сбрасывали его в ущелье.

(3) 18 апреля 1880 года Уильям Палтни, депутат от Шотландии внес в Британский парламент Билль против травли быков. В 1822 году Ричард Мартин провел через Палату Общин закон, запрещающий жестокое обращение с животными. В 1824 году было создано общество по предотвращению жестокости в отношении животных. В 1835 году был принят Акт против жестокого обращения с животными, а в 1919 году – Билль по защите собак и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Экология: Зеленый террор // Русский Newsweek. Вып. 37 (161).
2. *Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society.* N.Y.: Random House, 1971.
3. <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/latysheva/usecologs/>.
4. <https://eadaily.com/ru/news/2020/04/20/ssha-nazvali-prirodu-bioterroristom-i-snyali-zapret-na-proizvodstvo-virusov>.
5. http://zavtra.ru/blogs/yashur_katastrofa_britanskih_fermerov.
6. <https://www.infox.ru/news/285/214334-eko-marazm-v-ssa-hotat-unictozit-korov-ctoby-spasti-zemluno>.
7. <https://www.kommersant.ru/doc/12360>.
8. <https://www.murmansk.kp.ru/daily/23296/29642/>.
9. https://www.policeoracle.com/news/ALF---Too-Much-Rabbit_11767.html.
10. <https://ria.ru/20050511/39963679.html>.
11. <https://riafan.ru/1263019-biologicheskoe-oruzhie-2020-goda-kak-terroristy-ispolzuyut-koronavirusnyu-pandemiyu>.
12. <https://tech.onliner.by/2020/04/09/coronavirus-air>.

E.N. KARATUEVA
*Candidate of political science,
associate Professor of the Department of management
of socio-political processes and history of the
Saint Petersburg state agrarian University,
Saint Petersburg, Russia*

PROTECTION AND USE OF THE ENVIRONMENT AS THE MAIN POLITICAL TRENDS OF OUR TIME

The article analyzes the protection and use of the environment, the impact of modern environmental trends on the strategy of certain environmental organizations.

In times of crisis, especially acute problems are exposed that put people before choosing priorities for the sake of ensuring security. During infectious epidemics, the question often arises about the attitude of society to the environment. If its use by bioterrorists to achieve political goals is not in doubt, many environmental organizations often prefer to protect high-profile cases that can bring them fame or strengthen their own importance in the eyes of the public.

Key words: *ecological movements, ecoterrorism, bioterrorism.*

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ

Статья посвящена вопросу влияния СМИ на государственную политику: подробно рассмотрены степень и характер подобного влияния на функционирование государственной политики, роль СМИ в формировании общественного мнения социально-активного населения страны; приведены актуальные примеры влияния СМИ на поведенческие характеристики общества и, как следствие, изменение политического курса; предложен вариант минимизации негативного воздействия СМИ на государственную политику в виде формирования демократического информационного общества.

Ключевые слова: государственная политика, СМИ, новые электронные медиа, формирование общественного мнения, UGC-контент, социальные сети, информационное общество, демократическое информационное общество.

С развитием информационного общества и глобального информационного пространства, которые характеризуются стремительным распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и повсеместной равнодоступностью к открытым мировым информационным ресурсам, влияние СМИ на государственную политику становится все более очевидным. Однако уровень и характер подобного влияния неоднозначны. С одной стороны, массмедиа являются основным источником информации о решениях в сфере государственной политики и текущем состоянии общества и экономики, а значит призваны формировать позитивное отношение общества и, как следствие, поддержку выбранного властью политического курса, объясняя преимущества последнего. С другой стороны, недоверие социально-активного населения к публикуемым новостям в федеральных СМИ и переход основной массы мыслящих и трудоспособных граждан в социальные сети, мессенджеры, анонимные новостные каналы не только затрудняют взаимодействие общества и власти в интересах государства, но и имеют негативные последствия для реализации выбранной и пропа-

гандируемой государственной политики. Другими словами, нарастающая доступность информации и плюрализм мнений (в том числе и зарубежных информационных ресурсов) исторически способствовали снижению уровня доверия к СМИ. Показательным примером является развитие СМИ в постсоветской России.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 8; 10; 11; 13].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

С распадом СССР прекратили свое существование социально-экономическая и политическая системы, произошло резкое понижение жизненного уровня населения. В области экономики предпринята попытка перехода к приоритету частной собственности, упразднению государственного регулирования и открытости в связях с внешним миром, что, безусловно, отразилось и на СМИ.

В конце 1991 года был принят Закон «О средствах массовой информации», который во многом повторял основные положения Закона «О печати и других средствах массовой информации» (принят 12 июня 1990 г.): отмена цензуры и плюрализм учредительства – учредителями СМИ в соответствии с законом могли быть государственные органы, политические партии, общественные организации, объединения граждан, созданные в соответствии с законом, трудовые коллективы, а также граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста. Закон о печати, запретив цензуру, юридически обеспечил формирование свободных СМИ, которое происходило с начала 1986 года. Закон носил не разрешительный, а заявительный (регистрационный) характер. Предоставив широкие права на учреждение печатных изданий и других средств массовой информации, закон ввел их регистрацию как проявление новых принципов строительства журналистики в демократическом обществе. Средства массовой информации приобрели статус капиталистических информационных предприятий, который автоматически повлек за собой серьезные проблемы, связанные с расходами на производственные нужды, поставив СМИ на грань экономического выживания. В этих условиях медиа искали поддержку в двух направлениях: от государства (государственные дотации медиа, заложенные в бюджете оказывались ограниченными (в условиях системного кризиса), что ставило вопрос об адресной поддержке, которая, в свою очередь, была обусловлена политическим весом издания, уровнем лояльности к властям, возможностями самого издания пролоббировать свои интересы); от частных спонсоров, позволяющих укрепить финансовое положение изданий. Речь шла о возможностях приватизации медиа представителями крупного финансово-про-

мышленного капитала [7]. Медиа теперь воспринимались как средство достижения политических целей, обеспечения своего давления, достижения политических и бизнес-целей. Фактически, к середине 90-х годов СМИ стали неотъемлемым элементом в структуре крупнейших финансово-промышленных групп. В десятку ведущих российских бизнес-групп того периода входили: Газпром, Лукойл, Интеррос-Онэксим, Менатэп-Роспром-Юкос, группа Инкомбанка, группа Березовского, группа банка Российский кредит, консорциум Альфа-групп, группа МОСТ, АФК Система. Группа Березовского контролировала значительную часть самого мощного национального канала телевидения ОРТ, владел 75% акций четвертого по полярности в России телеканала ТВ-6, влиятельными печатными изданиями («Независимая газета», «Новые известия», журналы «Коммерсантъ», «Огонек»). Основными составляющими Группы МОСТ (В. Гусинский) были банк, медиа группа и страховая группа. В информационный холдинг группы МОСТ входили второй по популярности в России телеканал НТВ, сетевой канал ТНТ, спутниковый проект НТВ+, издательский дом газеты «Сегодня», «7 дней», журнал «Итоги», радиостанция «Эхо Москвы». Группа АФК Система, будучи близкой к правительству Москвы практически полностью контролировала московские электронные и печатные СМИ: телеканал ТВЦ (5 место по популярности в общероссийских рейтингах), ряд печатных изданий и радиостанций. Наряду с группой Березовского и медиа холдингом МОСТа, АФК Система была одним из ведущих субъектов медиа рынка того времени. Медиа активность таких бизнес групп как Газпром, Лукойл, Интеррос-Онэксим является не столь высокой, хотя и финансировали ряд наиболее авторитетных СМИ. Принадлежавшие им СМИ охватывали все население страны, а значит крупнейшие финансово-промышленные группы с легкостью могли лоббировать свои интересы, прививать массовому сознанию правильные точки зрения, формировать и влиять на общественное мнение [2]. Во второй половине 90-х годов российскую медиа реальность можно было охарактеризовать понятием «информационная война», феномен которой стал рост противоречий внутри ведущих финансово-промышленных группировок. Субъектами информационных войн выступали как представители бизнес групп, так и федеральные власти. Был создан информационно-пропагандистский аппарат давления на конкурентов, государство, различные слои российского общества. Стало понятно, что средства массовой информации являлись не только пространством политической коммуникации и обмена мнениями между гражданами и их представителями в лице партий, профсоюзов и прочих групп, медиа выступали средством эффективной мобилизации общественной поддержки в борьбе противоборствующих промышленно-финансовых группировок, которые в сфере своей непосредственной активности имели не только бизнес, но и политику. Их деятельность была сопряжена с подчинением власти своим интересам, в том числе власти го-

сударственной. Важнейшими их составляющими были СМИ (прежде всего ТВ), аналитические службы, занимающиеся политическими, а не бизнес-проектами. В этой связи интересным представляется вывод, что принятый закон оказался несовершенным, и необходимы меры, направленные на сдерживание и минимизацию влияния таких финансово-промышленных групп на общественное мнение, которое зачастую шло вразрез интересам власти и государства. По сути, власть, передав СМИ в руки финансово-промышленных групп вынуждена была договариваться с олигархами и заручаться их поддержкой, поскольку влияние на общественное мнение находилось теперь не в руках власти. Что касается потребителей информации (общества), то вместо СМИ, контролируемых государством, которые не отличались многообразием точек зрения на вопросы государственной политики, они получили СМИ, контролируемые олигархами, которые по-прежнему не отличаются многообразием. В таких условиях сохранять высокий уровень доверия к СМИ практически невозможно. Показательными стали действия Путина, направленные на усиление роли государства (обеспечение политической лояльности крупного частного капитала, подчинение интересов финансово-промышленных групп интересам государства). Апогеем таких действий можно назвать конфликты вокруг телеканалов НТВ (переход НТВ под контроль основного акционера «Газпром-медиа», на которого существенное влияние оказывало государство, и назначение нового генерального директора; апрель 2001 г.) и ТВ-6 (ликвидация телекомпании, в которую перешли ряд журналистов НТВ; январь 2002 г.). На примере событий вокруг данных телеканалов очевидным становится целый ряд политических противоречий, субъектами которых выступали власти с одной стороны и владельцы медиа с другой. Конфликты продемонстрировали, что в реальности свобода медиа в значительной мере зависит от явных или скрытых владельцев, что российское законодательство несовершенно в регулировании деятельности медиа, что у общества фактически нет дееспособных механизмов влияния ни на СМИ, ни на власть [6].

В результате (с развитием ИКТ и повсеместного доступа в Интернет) общество постепенно «ушло» от получения информации в официальных источниках (государственные либо частные медиа группы), понимая тенденциозность (предвзятость) содержания подобных СМИ. Социально-активное население сформировало (и продолжает формировать) свои группы по интересам в социальных медиа и новых ИКТ (многочисленные анонимные каналы с многомиллионными подписчиками в мессенджерах, которые публикуют информацию на определенную тематику – экономика, политика, оппозиция и т.д.) с преимущественно UGC-контентом (6), которому, по мнению самих пользователей, можно доверять. При этом информация из официальных источников крупнейших медиа групп потребляется выборочно. Выбор обусловлен тем, что потребители новостей обычно предпочитают

источники информации, которые воспроизводят их собственную, независимо приобретенную точку зрения. В этой связи остро встает вопрос достоверности информации, поскольку достоверность, как таковая, уходит на второй план: из массива информации пользователь выбирает не то, что основано на фактах и доказательствах в определенном резонансном вопросе, а то, что соответствует его субъективным убеждениям.

Учитывая тот факт, что негосударственные СМИ вынуждены обеспечивать себя самостоятельно, освещение событий зависит от того, что хотят услышать потребители. Такой подход гарантирует наличие лояльной аудитории с высокой покупательной способностью, которую, в последствии, легко монетизировать, предлагая рекламируемые товары и услуги. Это означает, что СМИ поставляют достоверную информацию лишь в том случае, если большая часть их аудитории готова ее услышать. В противном случае трактовка тех или иных событий, форма подачи информации или же ее умалчивание будут скорее недостоверными, способными только укрепить сформированное на фейковых новостях ложное общественное мнение. Фактически это приводит к тому, что новые электронные медиа (2) способны не только влиять на государственную политику, но и существенно менять политический курс, поскольку от их содержания зависит значение, которое общество придает различным резонансным вопросам и событиям как внутри страны, так и за ее пределами.

Актуальным примером является ситуация с коронавирусом в мире: средства массовой информации повсеместно уделяют пристальное внимание распространению вируса – публикуют материалы о скорости распространения, количеству летальных исходов, режиме самоизоляции, что безусловно отражается на коллективном поведении. Именно в таких критических ситуациях проблема достоверности информации выходит на первый план. Это явление уже называют «инфодемия»: волна недостоверной информации, домыслов, слухов из разных источников, которые люди передают друг другу и провоцируют панику. Причем последствия инфодемии наблюдаются уже сейчас. Например, в Великобритании жгут вышки 5G из-за слухов, что 5G распространяет коронавирус. YouTube ужесточает политику и будет удалять все видео, связанные с теорией заговора; twitter более тщательно проверяет все сообщения, чтобы заблокировать потенциально вредный контент; WhatsApp ограничивает распространение (переслать сообщение можно только в один чат) так называемых «часто пересылаемых сообщений (они помечены двойной стрелкой)». Борьба с недостоверной информацией может привести к тому, что государство ужесточит наказания за фейки и шутки на социально-резонансные темы (5) и усилит контроль, что в свою очередь может привести к цензуре, которая безусловно скажется на уровне доверия общества к публикуемой и распространяемой информации федеральными СМИ.

При этом важным остается вопрос критики действий власти в отношении режима самоизоляции и новых распоряжений правительства касательно функционирования бизнеса, который молниеносно резонирует в сети Интернет, привлекая сторонников оппозиции.

Показательными в этой связи явились так называемые он-лайн митинги (1), прошедшие 20 апреля в Ростове-на-Дону, к которому позже присоединились Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Красноярск, Нижний Новгород и другие города. Для этого они использовали функцию «Разговорчики» в мобильной версии «Яндекс.Карт» и «Яндекс.Навигатора». Жители городов ставили точки возле здания правительства и требовали либо ввести полноценный карантин, чтобы можно было рассчитывать на государственные гарантии, либо снять ограничения, из-за которых многие лишились работы и источников дохода. Всего появилось несколько сотен протестных комментариев. В течение нескольких часов новость подхватили практически все СМИ, появилась информация в социальных сетях с сотнями тысяч комментариев и репостов (3). После виртуального митинга глава Ростовской области потребовал изменить порядок выдачи пропусков в Ростове, изменить работу пунктов выдачи, увеличить их количество, а также скорректировать порядок выдачи пропусков дистанционно.

Отрицать влияние СМИ на государственную политику стратегически неверно. Необходимо предпринимать действия, которые позволят направить нарастающее влияние на усиление поддержки политического курса. В этой связи основной функцией государственной политики должно стать нивелирование негативного и усиление позитивного влияния СМИ, ИКТ и новых электронных медиа на политику государства с помощью эффективной нормативно-правовой базы, которая позволит своевременно реагировать на внешние информационные угрозы, бороться с распространением недостоверной информации внутри страны по резонансным вопросам.

Реализация данной функции возможна при условии формирования нового информационного общества – демократического информационного общества (ДИО). При этом ДИО рассматривается как синергия (4) демократической политической системы и информационного общества, которому присущи прозрачность и достоверность информации в современных реалиях, благотворно влияющих на формирование общественного мнения, уровень доверия к СМИ и власти, обеспечение информационной безопасности и, как следствие, политической устойчивости государственной политики.

Для усиления благотворного влияния СМИ на государственную политику необходимы: во-первых, доступ к СМИ – информация должна достигать релевантной аудитории (что возможно только при высоком уровне доверия к федеральным СМИ); во-вторых, СМИ должны освещать информацию, актуальную для принятия политических решений, важных для широкой общественности; в-третьих, социально-активное население должно иметь

возможность влиять на деятельность должностных лиц, опираясь на полученную информацию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Источник: Meduza, новость от 20.04.2020 // <https://meduza.io/feature/2020/04/20/v-gorodah-rossii-proshli-virtualnye-mitingi-protiv-rezhima-samoizolyatsii-protestuycuschie-ispolzovali-servisy-yandeksa>

(2) Под новыми электронными медиа автор понимает традиционные цифровизованные СМИ – телевидение, радио, пресса, а также ИКТ, социальные сети и мессенджеры

(3) Репост – возможность поделиться чужой публикацией на своей странице в социальной сети, оставляя ее в первоначальном виде с сохранением ссылки на первоисточник. Репост, или перепост, как еще называют этот прием, присутствует практически во всех социальных сетях, являясь одним из основных способов обмена информацией.

(4) Синергия – суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы.

(5) Следственный комитет возбудил дело из-за шуточного видео о том, что коронавирус создали в государственном научном центра «Вектор» и умышленно распространяли с помощью взрыва и лесных пожаров.

(6) User generated content (UGC) – контент, созданный пользователями для пользователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ананченко А.Б., Титов В.В., Шаповалов В.Л.* Формирование политической идентичности в современной России: основные тенденции и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

2. *Ачкасов В.А., Еремеев С.Г.* Глобализация и основные тенденции в развитии современного мира. СПб., 2009.

3. *Василенко И.А.* Сравнительная политология. 2014.

4. ВЦИОМ – уровень доверия к СМИ // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190>.

5. Левада центр // <https://www.levada.ru/2019/04/25/odobrenie-institutov-vlasti-12/>.

6. *Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции. 2018.

7. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация и общество. М., 2004.

8. *Петров Д.Ю.* Политические коммуникации в условиях развития современных информационных технологий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 8 (53).

9. Румин Ислам. Информация и общественное мнение. От репортажа в СМИ к реальным переменам. М., 2010.

10. Сулейманова Ш.С. Роль СМИ и национальных общественных объединений в реализации стратегии национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

11. Сулейманова Ш.С. СМИ – «мягкая сила» управления общественным мнением // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1.

12. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Мальхиной; Под ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2004.

13. Яланузьян М.С. Интернет как политический инструмент XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

V.A. MAKOVSKIY

*Postgraduate student at the Chair
of political science, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

INFLUENCE OF MEDIA ON PUBLIC POLICY

The article is devoted to the issue of the influence of media on public policy: the extent and nature of such influence on the functioning of public policy, the role of the media in shaping the public opinion of the socially active population of country are considered in detail; actual examples of the influence of media on the behavioral characteristics of society and, as a result, the political shift are provided; an option to minimize the negative influence of media on public policy in the form of a democratic information society is proposed.

Key words: *state policy, media, new electronic media, formation of public opinion, UGC content, social media, information society, democratic information society.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу политических и институциональных ограничений национализации. Сам процесс национализации рассматривается как ресурс, способный решить ряд проблем, стоящих перед государством, но при этом имеющий политические и национальные ограничения. Среди политических ограничений выделяются: угрозы обострения отношений со странами, резиденты которых могут быть акционерами (инвесторами) национализируемых компаний и роста внутривнутриполитической напряженности. Среди институциональных – угроза использования законодательства о национализации для борьбы с конкурентами (перераспределения экономической власти) и угроза роста социальной напряженности и перераспределительных настроений в обществе. Подчеркивается, что политические и институциональные ограничения процесса национализации находятся в зависимости от объективных социально-экономических причин и смен лидирующих властных элит, а снять ограничения поможет детальная законодательная регламентация всех процессов национализации, начиная с процедур принятия решения о национализации и заканчивая обоснованием форм и размеров выплаты компенсаций, а также постоянное совершенствование правоприменительной практики.

Ключевые слова: национализация, политические ограничения, институциональные ограничения, политика приватизации, законодательство о национализации.

Социально-экономические ограничения проектов национализации можно с некоторой степенью условности разбить на группы: политические и институциональные.

Политические ограничения.

Угроза обострения отношений со странами, резиденты которых могут быть акционерами (инвесторами) национализируемых компаний. На международном уровне право государства на осуществление национа-

лизации имущества, принадлежащего частным собственникам, не вызывает сомнения. Так, Руководство по регулированию прямых иностранных инвестиций МБРР признает право государства на осуществление экспроприации и национализации любой собственности, в том числе и иностранной, при соблюдении следующих условий:

- эти меры должны осуществляться для достижения общественно полезных целей;
- они должны осуществляться на законных основаниях в соответствии с применимой к данным обстоятельствам юридической процедурой;
- при осуществлении национализации не допускается дискриминация;
- бывшим владельцам должна быть гарантирована быстрая, адекватная и эффективная компенсация [4].

Аналогичные нормы содержит и Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Ст. 8 данного закона гласит: «Имущество иностранного инвестора или коммерческой организации с иностранными инвестициями не подлежит принудительному изъятию, в том числе национализации, реквизиции, за исключением случаев и по основаниям, которые установлены федеральным законом или международным договором Российской Федерации... При национализации иностранному инвестору или коммерческой организации с иностранными инвестициями возмещаются стоимость национализируемого имущества и другие убытки. Споры о возмещении убытков разрешаются в порядке, предусмотренном ст. 10 настоящего Федерального закона» [5].

А в ст. 10 предусматривается, что: «Спор иностранного инвестора, возникший в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, разрешается в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами в суде или арбитражном суде либо в международном арбитраже (третейском суде)».

Тем не менее, проведение национализации имущества, принадлежащего иностранным инвесторам, может вызвать международное напряжение. Соответствующая угроза связана, как правило, с национализацией, проводимой по политическим причинам (резкая смена власти, обострение международных отношений, начало или угроза начала военных действий). В таких условиях национализация является сопутствующим фактором, усугубляющим международную напряженность.

В качестве примера можно привести национализацию, имевшую место в России после революции 1917 г. Другой пример – национализация правительством Египта франко-английской «Всеобщей компании Суэцкого канала» (1956). Несмотря на то, что Декрет о национализации компании предусматривал выплату компенсации владельцам акций «по их котировочной стоимости на парижской бирже ценных бумаг в день, предшествующий

вступлению в силу настоящего закона», национализация положила начало Суэцкой войне 1956 г., в которой принимали участие Великобритания, Франция и Израиль. Канал был частично разрушен, часть кораблей потоплена. Ряд государств заморозили денежные средства государства Египет. Только вмешательство СССР, США и ООН позволило остановить войну. Судоходство было восстановлено 24 апреля 1957 г.

Международное напряжение вызвала и национализация компаний полуострова Крым после его перехода под юрисдикцию РФ. Всего было национализировано более 250 объектов, включая 141 государственное предприятие, принадлежащее ранее Украине. Большинство бывших собственников национализированных компаний считают национализацию незаконной.

Если национализация не обусловлена политическими причинами, возрастание напряженности между странами может иметь место в тех случаях, когда имеются обоснованные сомнения в справедливости величины компенсации бывшим собственникам.

Эту проблему, как уже отмечалось, можно снять с помощью детальной регламентации способов и процедур определения величины компенсации, а также реальными возможностями использования судебной системы для защиты интересов всех участников процесса.

Угроза роста внутривнутриполитической напряженности. Данная угроза обусловлена тем, что национализация, как и приватизация, могут использоваться как инструменты борьбы за политическую власть.

В ряде исследований отмечается, что в истории многих стран можно выделить циклы смены политик национализации и приватизации (НП-циклы). «В частности, в Мексике за первым «прорыночным» периодом 1867-1910 гг. последовали национализация 1910-1940 гг., приватизация 1940-1958 гг. и новая национализация в 1958-1983 гг., сменившаяся в 1983 г. очередным приватизационным бумом. В Чили, Перу, Бразилии, Аргентине, Уругвае – всюду, хотя и не синхронно, наблюдались аналогичные НП-циклы. В Малайзии после 1957 г. доминировала политика приватизации вплоть до 1970 г., когда началась интенсивная национализация, а в 1980 г. произошла очередная смена политики» [3. С. 30].

Аналогичные циклы наблюдались в Великобритании и во Франции.

Проследить соответствующие циклы можно и на примере российской экономики. Тотальная приватизация 1990-х – начала 2000-х гг. была прервана прямо противоположными процессами – усилением государственного влияния в экономике посредством создания государственных корпораций, начавшегося в 2007 г. и продолжающегося до сих пор (консолидация пакетов акций) [6. С. 4737-4741].

Нетрудно заметить, что соответствующие циклы, как правило, обусловлены не только объективными социально-экономическими причинами, но и сменами лидирующих властных элит. При каждом типе проводимой политики (приватизация или национализация) преимущество получает

та или иная группа элит, что обостряет борьбу за власть и в дальнейшем может привести к очередному политическому перевороту.

Институциональные ограничения.

Угроза использования законодательства о национализации для борьбы с конкурентами (перераспределения экономической власти). Помимо борьбы за политическую власть национализация может быть использована для перераспределения экономической власти. В условиях корпоративной формы собственности, когда собственность отделена от управления, основной контролирующей системой любой крупной компании является группа управляющих (в частном случае эта группа может состоять из одного лица – CEO). Власть данной группы покоится не только на реальных полномочиях распоряжения ресурсами, но и на асимметрии информации, обостряющей проблему «принципал – агент». Соответственно, усиление государственного участия в капитале компании может быть связано с желанием определенной группы лиц сменить команду управляющих и таким образом обеспечить себе возможность приватизировать доходы формально государственной компании [1].

Для преодоления соответствующей угрозы необходима детальная законодательная регламентация всех процессов национализации, начиная с процедур принятия решения о национализации и заканчивая обоснованием форм и размеров выплаты компенсаций, а также постоянное совершенствование правоприменительной практики.

Угроза роста социальной напряженности и перераспределительных настроений в обществе. Данная угроза связана с тем, что часть населения может посчитать кампанию по национализации началом борьбы с институтом частной собственности как таковым. Опасность такого развития событий в России чрезвычайно велика, поскольку все социологические опросы свидетельствуют о крайне негативной оценке значительной частью общества социально-экономических результатов приватизации [2].

Усугубляет данную ситуацию относительно слабая защищенность прав собственности в нашей стране. Причем речь идет не только о частной, но и о государственной собственности. В таких условиях очередное изменение структуры собственности, как минимум, не будет способствовать усилению общественного уважения к правам собственности.

Элиминировать соответствующую угрозу в рамках решения задач национализации очень трудно. Для решения проблемы необходимо совершенствование всех механизмов спецификации и защиты прав собственности, включая повышение прозрачности бизнеса и развития действительно независимой судебной системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гордеева Е.С. Концентрация капитала в компаниях с государственным участием: автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук: 08.00.01. М.: МГОУ, 2012.

2. Малахов Р.Г. Приватизация как институциональное изменение // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 // <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3782>

3. Полтерович В.М. Приватизация и рациональная структура собственности. М.: Институт экономики, 2012.

4. Портал «Доступно о праве в России» // <https://jurkom74.ru>

5. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Ст. 8.

6. Шелудякова И.Г., Дукарт С.А. Цикл национализация-приватизация: сравнительный анализ работ по проблеме преобразования режимов собственности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2.

T.S. SMIRNOVA

*Graduate student of the department
of political science and law, Moscow Region State
University, Mytishchy, Russia*

POLITICAL AND NATIONAL RESTRICTIONS ON NATIONALIZATION

The article analyzes the political and institutional constraints of nationalization. The process of nationalization itself is seen as a resource that can solve a number of problems facing the state, but at the same time having political and national restrictions. Among the political constraints are: threats of aggravation of relations with countries whose residents may be shareholders (investors) of nationalized companies and the growth of domestic political tension. Among the institutional ones are the threat of using legislation on nationalization to fight competitors (redistributing economic power) and the threat of growing social tension and redistributive sentiments in society. It is emphasized that the political and institutional limitations of the nationalization process depend on objective socio-economic reasons and changes in the leading power elites, and detailed legislative regulation of all nationalization processes will help to remove restrictions, starting with the decision-making process on nationalization and ending with the justification of the forms and sizes of compensation, as well as continuous improvement of law enforcement practice.

Key words: *nationalization, political constraints, institutional constraints, privatization policies, nationalization laws.*

аспирант кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Орел

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Для России, как демократического государства, важно не только развивать демократические институты, но и создавать необходимую базу для их широкой информационной поддержки. Информационное законодательство в России является достаточным для удовлетворения информационных потребностей граждан и общества. Необходимые законы, регулирующие отношения, связанные с реализацией права на информацию и на доступ к информации государственных органов власти и управления, приняты еще 2006-2010 гг. Много уже сделано в организационном плане при формировании системы информационно-разъяснительной работы в процессе реализации избирательных прав граждан со стороны ЦИК РФ. Все органы государственной власти и управления на федеральном и региональном уровнях в Российской Федерации имеют собственные официальные сайты. Очевидно, однако, что существующих практик информационной поддержки демократических институтов в России пока еще недостаточно. В научно-теоретическом аспекте, данная проблема изучена недостаточно и знание не является систематизированным.

В связи со сказанным, в рамках настоящей статьи, указаны проблемы научного и практического характера по формированию системы информационной поддержки институтов демократии в современной России и осуществлена попытка постановки данной проблемы в целях определения места информационной поддержки институтов демократии в структуре государственной информационной политики.

Ключевые слова: *демократия, демократические институты, информационная поддержка, информационные технологии.*

В целом ряде принятых в Российской Федерации в последние несколько лет концепций и документов стратегического характера среди приоритетов развития страны и общества содержится приоритет обеспечения информа-

ционной поддержки демократических институтов в России. В частности, речь идет о Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Концепции внешней политики Российской Федерации, а также Доктрине информационной безопасности России. Последняя закрепляет обеспечение информационной поддержки демократических институтов в России в качестве одной из составляющих национальных интересов Российской Федерации в сфере информационной безопасности.

Целью настоящей статьи является анализ состояния обеспечения информационной поддержки демократических институтов государства в России. Источниковой базой для настоящего исследования послужили документы, размещенные в открытом доступе на сайтах kremlin.ru, pravo.gov.ru, в информационно-справочной системе «КонсультантПлюс» и на сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Подчеркнем, что данная тема является актуальной, в связи с тем, что все больше информационные и мобильные технологии, социальные сети становятся инструментом способным оказывать влияния вплоть до формирования необходимого политического результата и, де-факто, приобретают статус политической технологии. Информационная поддержка институтов демократии, таким образом, приобретает функцию противостояния негативным тенденциям, связанным с возможностями манипулирования общественным мнением, вплоть до развязывания информационного противоборства.

Рассматриваемая проблема приобретает дополнительную значимость в связи с тем, что в отношении демократических институтов современного российского государства идет постоянная критика со стороны оппонентов власти как внутри страны, так и за ее пределами. Несмотря на разного рода критику, объективно целый ряд институтов демократии в России создан, и они активно развиваются.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 4; 6; 7; 8; 16].

Однако проблему развития демократических институтов нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Глава государства – Президент России В.В. Путин неоднократно заявлял о важности развития демократических представительных институтов власти и подчеркивал, что «Несмотря на «рассказы об отсутствии демократических институтов в РФ», они существуют».

Однако имеющаяся критика в отношении развития институтов демократии в России, на самом деле, вполне может свидетельствовать о недостаточности развития современных методов и средств осуществления информационной поддержки демократических институтов в стране как гарантию

обеспечения прозрачности и открытости власти, широкого информирования граждан страны о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, предоставления им объективной и актуальной информации, данных и т.д.

Проблема актуальная для современной политической науки еще и в связи с тем, что она недостаточно раскрыта исследователями-политологами. Хотя вопросам информационной деятельности в политике и государственном управлении в политической науке значительное внимание было уделено уже более полутора десятков лет назад [9; 10; 11]. Однако сегодня становится очевидно, что многое было сделано в области развития законодательной базы информационной деятельности государства по отношению к обществу и электронные правительственные сервисы, объединенные под названием «электронное правительство». Политологические исследования ушли в тематику социальных сетей, Интернет-исследований и политического участия [2. С. 95; 2; 3] и т.д.

Однако информационная поддержка институтов демократии – это несколько иной аспект. Это, прежде всего, деятельность полномочных политических и государственных институтов, связанных с информационным сопровождением, информированием населения страны, институтов гражданского общества и т.д.

Между тем, ясно, что политическая практика и практика государственного управления не смогли в полной мере использовать разработанные ранее, но вполне своевременные рекомендации российской политической науки [12; 13; 14]. В связи с чем, сегодня возникает вновь проблема недостаточности работающих практик информационной поддержки развития демократических институтов на федеральном и региональном уровне, на местах, что объясняется, на наш взгляд, отсутствием комплексной деятельности в данном направлении со стороны государства, прежде всего. В дополнение к сказанному – на фоне широкого спектра закрепленных в Конституции Российской Федерации демократических свобод – полное отсутствие системы политического просвещения и/или формирования политической культуры в государстве.

В научно-теоретическом осмыслении проблема, на наш взгляд, обусловлена еще и тем, что такого рода государственная работа по политическому образованию граждан страны в современное время не включена в арсенал информационной политики государства. Потенциал политических знаний среди населения страны в целом и молодежи, в частности, минимален. Политическая грамотность, политическая культура, включающая в себя культуру демократии, политическое сознание – термины, которые носят сегодня исключительно теоретический смысл, т.к. де-факто – это отсутствие соответствующих институтов, действующих от имени государства [15. С. 33], им сформированные и поддерживаемые. Исключение составляет только

Министерство обороны Российской Федерации, в котором в 2018 году Указом Президента России было создано или, скорее, воссоздано Военно-политическое управление.

Между тем, в части развития системы политпросвещения, показателен опыт современной ФРГ, где в структуре Министерства иностранных дел Германии (Bundesministerium des Innern) непрерывно, начиная с 1950 года, данными вопросами занимается Федеральный центр политического образования (Die Bundeszentrale für politische Bildung). И, главное то, что немецким обществом такого рода деятельность государства воспринимается положительно и активно.

Важным считаем начать с толкования содержания понятия «информационная поддержка институтов демократии». Сами названные выше концепции и доктрины не расшифровывают данную позицию. Однако еще в 2010 году в своей статье «Демократия и качество государства» В.В. Путин так сформулировал ее суть: «Растущее количество информации о политике должно перейти в качество политического участия, гражданского самоуправления и контроля. Прежде всего, это – общегражданское обсуждение законопроектов, решений, программ, принимаемых на всех уровнях государственной власти, оценка действующих законов и эффективности их применения.

Граждане, профессиональные, общественные объединения должны иметь возможность заранее «тестировать» все государственные документы. Уже сейчас конструктивная критика со стороны сообществ предпринимателей, учителей, медиков, ученых помогает избежать неудачных решений и, напротив, найти лучшие.

Подчеркнем, что информационную поддержку институтов демократии следует рассматривать с учетом следующих позиций, которые уже устоялись в политико-правовой науке. Речь идет об удовлетворении информационных потребностей граждан/реализации прав граждан на саму информацию и на доступ к информации. В этой связи, важны как формы информационной поддержки и информационная составляющая демократических институтов, так и информационно-технологические/цифровые возможности доступа к информации.

Исходя из данного посыла, можно утверждать, что информационная поддержка, например, главного демократического института – избирательного процесса, волеизъявления народа, развивается последовательно на протяжении последних почти двух десятков лет. Обеспечение доступа к информации обеспечивается через сайт ЦИК РФ, а также благодаря внедрению ГАС «Выборы», ее принятию в постоянную эксплуатацию с июня 2000 года. Согласно федерального закона о ГАС «Выборы» «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы» – автоматизированная информационная система, реализующая информационные процессы при подготовке и проведении выборов и референдума».

На наш взгляд, заслуживает положительной оценки информационная работа, проделанная ЦИК РФ в период президентской кампании 2017-2018 гг. Так, для полного и своевременного информирования избирателей ЦИК РФ утвердила ряд постановлений. В рамках реализации избирательной Концепции с 18 декабря 2017 года по 18 марта 2018 года проводилась информационная кампания в сети Интернет. На главной странице официального сайта ЦИК России cikrf.ru был создан раздел «Выборы Президента России 18 марта 2018 года», в котором аккумулировалась информация о ходе подготовки и проведения федеральной избирательной кампании, о кандидатах на должность Президента Российской Федерации и о политических партиях, выдвинувших кандидатов. По ее итогам размещены подготовленные статистические и аналитические материалы в свободном доступе.

На Втором международном форуме «Развитие парламентаризма» в Москве, президент России Владимир Путин, заявил, что: «Цифровые технологии, искусственный интеллект, эпоха социальных сетей, больших данных несомненно окажут влияние на политику, парламентскую деятельность, законотворческую практику, откроют новые горизонты для расширения прямой демократии для непосредственного интерактивного участия граждан в принятии решений, в формировании правовой базы от общенационального до местного уровней».

Считаем, в этой связи, что обеспечение информационной поддержки демократических институтов становится важнейшим направлением государственной информационной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ананченко А.Б., Титов В.В., Шаповалов В.Л.* Формирование политической идентичности в современной России: основные тенденции и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).
2. *Бронников И.А.* Гражданский Интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2017. № 4.
3. *Коробов А.А., Мельникова Т.С., Митяева Н.В.* Формирование общественной потребности в развитии систем электронного правительства и электронной демократии в современной России. Монография. Саратов, 2016.
4. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Глебов В.А.* Горбачев – Ельцин – Путин: дискуссия вокруг моделей политического режима. Что дальше? // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 5 (45).
5. *Мельникова Т.С.* Современное состояние развития электронного правительства и электронной демократии на федеральном и региональном уровне: контекст общественной потребности // Информационная безопасность регионов. 2015. № 3 (20) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-razvitiya-elektronnogo-pravitelstva-i-elektronnay-demokratii-na-federalnom-i-regionalnom-urovne-kontekst>.

6. *Петров Д.Ю.* Политические коммуникации в условиях развития современных информационных технологий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 8 (53).

7. *Сулейманова Ш.С.* Роль СМИ и национальных общественных объединений в реализации стратегии национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

8. *Сулейманова Ш.С.* СМИ – «мягкая сила» управления общественным мнением // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1.

9. *Устинович Е.С.* Государственная политика в сфере информационных технологий. Курск: Издательство «VIP», 2011.

10. *Устинович Е.С.* Система информационной деятельности федеральных органов исполнительной власти. Правовой аспект. Издание второе. М.: Изд-во «Юридическая книга», 2014.

11. *Устинович Е.С.* Электронное государство: взаимодействие органов публичной власти и общества (политико-правовой аспект). Монография. М.: Русайнс, 2018.

12. *Устинович Е.С.* Конституционно-правовые основы информационной деятельности в политике и государственном управлении. Монография. М.: Русайнс, 2018.

13. *Устинович Е.С.* Социальная политика государства в условиях национальной цифровизации. Монография. Курск: Издательство ЮЗГУ, 2019.

14. *Устинович Е.С.* Информационная деятельность в государственном управлении современной России (изложение концепции в научных статьях). Курск: Изд-во «Деловая полиграфия», 2015.

15. *Устинович Е.С.* От «патернализма» к «взаимодействию»: трансформация отношений власти и российского общества в условиях цифрового развития // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1.

16. *Яланузьян М.С.* Интернет как политический инструмент XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

A.A. KRYLOV

*Graduate student of the Department
of Political Science and Public Policy,
Central Russian Institute of Management – Oryol
branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Oryol, Russia*

INFORMATION SUPPORT FOR DEMOCRATIC INSTITUTIONS

For Russia as a democratic state, it is important not only to develop democratic institutions, but also to create the necessary basis for their broad information support. Information legislation in Russia is sufficient to satisfy the information needs of citizens and society. The necessary laws governing relations related to the exercise of the right to information and access to information of state bodies of power and administration were adopted in 2006-2010. Much has already been done organizationally in the formation of an outreach system in the process of exercising citizens' electoral rights by the CEC of the Russian Federation. All government bodies at the federal and regional levels in the Russian Federation have their own official websites. It is obvious, however, that existing practices of information support for democratic institutions in Russia are still not enough. In the scientific and theoretical aspect, this problem has not been studied enough and knowledge is not systematized.

In connection with the above, within the framework of this article, problems of a scientific and practical nature on the formation of a system of information support for democratic institutions in modern Russia are indicated and an attempt is made to pose this problem in order to determine the place of information support for democratic institutions in the structure of state information policy.

Key words: *democracy, democratic institutions, information support, information technology.*

ПУБЛИЧНЫЕ СЛУШАНИЯ КАК ИНСТИТУТ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Статья посвящена решению проблемы легитимности публичной власти в регионах Российской Федерации. В статье рассмотрены вопросы информирования населения о деятельности местного управления и ее обратной связи в форме площадок обсуждения социальных вопросов в региональном контексте. Дан ответ на вопрос, что такое «делиберативная демократия»: заочное анкетирование, улучшение потенциала политической диагностики, возможность сельских поселений действовать в рамках закона? Нужна ли реализация практики публичных слушаний в контексте местного электората? Актуален ли опрос о свободе дискурса как основополагающего фактора эффективного управления?

Ключевые слова: *местное управление, публичные слушания, участие граждан в решении вопросов местного значения, способы информирования населения о вопросах управления, эффективность политических институтов, легитимность местной власти, делиберативная демократия, выражение мнения по публичным вопросам, свобода дискурса, принцип плюрализма.*

Введение. Публичные слушания обоснованно рассматриваются М.П. Беспаловой в качестве одного из институтов, способствующих эффективному построению диалога между органами власти и населением, а также обеспечивающих активное взаимодействие между местными сообществами и институтами публичного управления [1. С. 129]. О.А. Хлопов справедливо отмечает, что недостаточная реализация формы волеизъявления – публичных обсуждений, немногочисленные факты организации открытого дискурса по актуальным политическим и экономическим вопросам тормозят модернизацию демократического развития в нашей стране [11. С. 279].

А.А. Тушковым с опорой на работы Ю. Хабермаса высказаны обоснованные суждения о важности общественного дискурса, включающего в себя

как представителей власти, так и общественности, в том числе ее оппозиционно-настроенных представителей [9. С. 37].

Рассматривая вопрос *актуальности* выбранной темы, следует отметить, что институт публичных слушаний успешно зарекомендовал себя в многолетней практике зарубежных стран, между тем, в России публичные слушания до настоящего времени зачастую воспринимаются как формальная процедура, проведение которое не влияет на принятие политических решений, что требует проведения анализа сложившейся ситуации. Кроме того, институт публичных слушаний обычно рассматривается как классическая модель делиберативной демократии, которая в последнее время выступает как одно из возможных направлений развития публичного управления в целях преодоления наметившегося кризиса представительной демократии.

Целью настоящей работы является установить современный уровень развития института публичных слушаний как формы местной делиберативной демократии, оценить имеющиеся проблемы в практике его использования с учетом необходимости соблюдения принципа делиберативности дискурса и выработать рекомендации по повышению их эффективности. Под делиберативным дискурсом при проведении публичных слушаний для целей настоящей работы мы условимся понимать основанное на принципах свободы и равноправия рациональное обсуждение вопросов местного значения, результаты которого подлежат учету органами публичного управления при принятии итогового решения.

Основу *методологии* настоящего исследования составили методы сравнительного анализа, контент-анализа и метод изучения официальных документов.

Результаты исследования и их обсуждение. Институт публичных слушаний в настоящее время распространен в большинстве стран мира, но США можно с уверенностью отнести к тем государствам, в которых он успешно реализуется и имеет давнюю историю, которая берет свое начало с XVII века [13]. Важно подчеркнуть, что публичные слушания в России имеют глубокие социально-культурные корни, а также отражают традиции, обычаи и менталитет российского наследия. Свое начало современные публичные слушания, их идеи и технологии ведут от Вечевых собраний, которые проводились в Древнерусском государстве, Копных и Земских собраний, Казачьих кругов, которые проводились вплоть до XVIII века на большинстве территорий, входящих в состав современной России [13].

Представляется достаточно перспективным обращение к истории вопроса проведения публичных слушаний в России. Так, сходы граждан (голытьбы и бродяг) не принимало никаких решений, тогда как решения, принимаемые Вече, учитывались князьями, поскольку на вече граждане соединялись со своими общинами и старостами [13].

Важно подчеркнуть, что зарубежные исследователи проблем реализации формы публичных слушаний в США и государствах-членах Европей-

скогосоюза также отмечают делиберативный характер данного института, высоко оценивают его практическую применимость для получения и учета общественного мнения на уровне высших законодательных органов США, Германии и Польши, отмечают преобладание принципа открытости в проведении данных мероприятий для посетителей, включая представителей прессы, в указанных государствах [14. С. 16].

Американские исследователи Вильям Х. Бэйкер (William H. Baker), Х. Лон Аддамс (H. Lon Addams), Брайан Дэвис (Brian Davis) справедливо указывают на то, что институт публичных слушаний на муниципальном уровне должен основываться на принципах равенства и справедливости, учитывать право граждан быть осведомленными в вопросах местной политики и высказывать свое мнение по вопросам публичного управления на данном уровне власти, учитывать потребность в выражении интересов несогласных или оппозиционных групп, а также на постулате о наличии у компетентных органов власти необходимости иметь представление о том, как та или иная проблема воспринимается гражданами [15. С. 490]. При этом указанные авторы обращают внимание и на то, что в научной среде выделяют следующие проблемы, ставящие под сомнение эффективность данного института: 1) сложность для понимания современных задач для того, чтобы доверить их решение ответственности; 2) общественность, как правило, пассивна или субъективна; 3) демократичное и рациональное принятие решений имеют разные цели; 4) органы публичной власти не хотят делить свои полномочия по принятию решений; 5) гражданское участие означает более медленный, затратный, сложный и эмоциональный политический процесс [15. С. 491].

На основе сведений о практике реализации публичных слушаний на территории Российской Федерации мы постарались установить, насколько данные суждения соответствуют практике проведения указанных процедур на территории нашей страны.

Конституционный суд РФ в Определении № 931-О-О от 15.07.2010 указал, что, несмотря на то, что публичные слушания не являются формой народовластия, данная процедура направлена на: «...открытое, независимое и свободное обсуждение общественно значимых проблем (вопросов), имеющих существенное значение для граждан, проживающих на территории соответствующего публичного образования», при этом они обеспечивают возможность участвовать в данном обсуждении лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты планируемым решением, вне зависимости от наличия специальных знаний или членства в каких-либо объединениях, а также подчеркнул открытость принятия политических решений в рамках данной процедуры для граждан [5. С. 143]. Данная позиция высшего судебного органа на территории нашей страны во многом коррелирует с вышеуказанными суждениями зарубежных исследователей о необходимости обеспечения открытого и свободного дискурса во время проведения данной процедуры.

Результаты недавних социологических исследований, проведенных Общероссийским конгрессом муниципальных образований (ОКМО), показали, что публичные слушания активно используются более чем в 67 субъектах Российской Федерации [4. С. 78]. Кроме того, было установлено, что в публичных слушаниях в течение последних лет участвовало только 3% населения. Согласно информационно-аналитическим сведениям Министерства юстиции РФ, в 2017 г. в России было проведено почти 70 тыс. публичных слушаний. При этом наиболее часто в региональном разрезе публичные слушания проводились с участием жителей следующих субъектов федерации: Астраханская (9%), Новгородская и Томская области (по 8%), Еврейская автономная область (10%), Республика Тыва (13%), Ненецкий автономный округ (10%) [7].

Несмотря на указанные выше сведения, характеризующие значительную роль публичных слушаний в управлении на местах, ряд специалистов указывают на недостатки организационно-правового обеспечения публичных слушаний на территории Российской Федерации.

Так, В.И. Ильин, В.В. Огнева справедливо отмечают пробелы муниципальной правовой базы, влияющие на управленческий потенциал публичных слушаний, в том числе на отсутствие механизмов, позволяющих изменять их продолжительность в зависимости от сложности поставленных на обсуждение вопросов, недостаточной проработки механизма защиты права граждан на инициирование публичных слушаний в части обязательности рассмотрения и принятия по ним решения уполномоченными органами публичной власти, обоснованности формирования состава организационных комитетов, обеспечивающих проведение публичных слушаний, по критерию недопустимости участия в них исключительно представителей органов местного самоуправления, вопросы участия в публичных слушаниях граждан, которые не проживают на территории соответствующего муниципального образования, но интересы которых затрагиваются выносимыми на обсуждение вопросами, времени проведения публичных слушаний (рабочее или нерабочее), юридическом оформлении принимаемого по итогам слушаний документа, фиксирующего в полном объеме выдвинутые предложения по результатам обсуждения с учетом которых и должно приниматься итоговое решение [6. С. 87]. Отмечается, что в порядке исключения отдельные требования о признании результатов публичных слушаний недействительными могут заявляться заинтересованными лицами еще до момента издания итогового акта. Например, в г. Перми при соблюдении всех правил и требований проведения публичных слушаний, гражданам в равной мере представляется право на внесение в письменном виде своих предложений, что позволяет определить, выделить и обсудить в дальнейшем альтернативные предложения [7].

Помимо правовых проблем названные авторы обоснованно отмечают тенденции пассивности, недостаточного участия жителей населенных пун-

ктов в публичных слушаниях по местным вопросам, связывая это и с ненадлежащим осуществлением органами местного самоуправления полномочий по информированию о проведении консультативных мероприятий, которые зачастую ограничиваются лишь печатными средствами массовой информации [6. С. 88]. Следует отметить существование искусственных, надуманных препятствий и ограничений, которые не позволяют гражданам участвовать в проведении и организации публичных слушаний. Например, на территории Мамонтовского сельского поселения Московской области правовые акты излишне подробно регламентируют порядок сбора подписей инициативной группой в целях поддержки публичных слушаний и их проведения. В тоже время, в Минераловодском районе Ставропольского края на публичные слушания можно выносить только узкий круг вопросов [6. С. 89].

Подобные проблемы организационно-правового характера в части недостатков муниципальной правовой базы, препятствующие надлежащей организации и учету результатов при проведении публичных слушаний, затрагивались и в более ранних исследованиях [12. С. 348], при этом Н.Н. Жадобина обоснованно указывает на не соответствующую закону практику установления в местном законодательстве исчерпывающего перечня случаев по проведению публичных слушаний только для обсуждения проектов конкретных муниципальных правовых актов, что исключает возможность использования данной процедуры при принятии решений по иным вопросам местного значения [3. С. 225].

О правомерности выводов указанных авторов о проблемных моментах при организации и проведении публичных слушаний свидетельствуют и недавние публикации в средствах массовой информации на территории Омской области. Так, представителями органов местного самоуправления города Омска на совместном совещании о предварительном рассмотрении вопроса о внесении изменений в Правила землепользования и застройки города, связанных с организацией и проведением публичных слушаний, высказаны предложения о необходимости расширения каналов информирования горожан о планируемых публичных слушаниях, а также об их организации во внерабочее время, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы на современном этапе развития института публичных слушаний [2].

Кроме того, при рассмотрении обозначенной выше проблемы некомпетентности участвующих в общественных обсуждениях лиц в сфере градостроительства следует отметить, что в практике проведения публичных слушаний на территории Омской области существуют примеры положительного влияния предложений граждан на принятие политических решений.

Так, при изучении протоколов публичных слушаний по проекту генерального плана Новоомского сельского поселения Омского муниципального района Омской области от 11.09.2018 в д. Путинцево, от 12.09.2018 в д. Кала-

чево, от 13.09.2018 на территории ст. Фадино представителями общественности высказаны обоснованные замечания относительно планируемого к принятию генерального плана поселения, включая факты несоответствия планируемой к принятию территориальной зоны с общественно-деловой застройкой длительному нахождению в границах части указанной зоны жилого дома, о планах по застройке земельных участков, не соответствующих предлагаемому к утверждению генеральному плану, о неотображении в генеральном плане существующих объектов промышленного назначения [8].

Полагаем, что данные замечания являются существенными, их надлежащий учет влияет на легитимность планируемого к принятию управленческого решения в виде муниципального правового акта об утверждении генерального плана поселения. Кроме того, указанные факты ставят под сомнение вышеназванные тезисы зарубежных исследователей о том, что управленческие решения, выносимые на публичные слушания, слишком сложны для понимания обычным гражданам.

Рассматривая указанные выше суждения зарубежных исследователей о нежелании органов публичной власти «делиться» своей компетенцией с населением, а также о негативном влиянии гражданского участия на оперативность принятия управленческих решений, мы считаем необходимым привести позицию Н.Е. Продиблех о принципе субсидиарности как основе осуществления местного самоуправления, базирующегося на наиболее полном привлечении жителей к процессам принятия решений на местном уровне [7].

Названный автор также справедливо отмечает, что местное самоуправление может эффективно существовать лишь постольку, поскольку интересы публичной власти отвечают интересам местного населения, отчуждение же властных структур от потребностей и чаяний местных сообществ ведет к разрушению институтов муниципальной власти [7].

С учетом изложенного, мы полагаем, что невозможно говорить об эффективности осуществления публичной политики на местном уровне в условиях отсутствия критерия активного привлечения населения к ее реализации.

Выводы и предложения. По итогам настоящего исследования мы приходим к выводам о том, что публичные слушания на современном этапе являются распространенной и узнаваемой формой участия граждан в осуществлении местного самоуправления на территории Российской Федерации, что подтверждается изложенными выше материалами судебной практики, нормотворческой деятельности представительных органов власти и правоприменительной практики, результатами социологических исследований.

Эффективность публичных слушаний на территории муниципальных образований нашей страны во многом снижается из-за несовершенств муниципальной правовой базы, недостаточно полно регламентирующей порядок проведения данных мероприятий и вопросы надлежащего закрепления принимаемых по их результатам решений, а также пассивности органов

местного самоуправления и (или) населения соответствующих территорий в ходе общественных дискуссий по поставленным вопросам.

Признавая делиберативную сущность указанного института, мы считаем, что важнейшими факторами, позволяющими судить об успешности проведенных публичных слушаний, является наличие во время их проведения рациональных, то есть основанных на заблаговременном и надлежащем ознакомлении, предложений, соблюдение принципа плюрализма мнений и свободы их выражения, а также неукоснительного соблюдения принципа обязательного учета мнения населения при принятии итогового решения, включая мотивированное обоснование отказа в учете тех или иных предложений.

Именно поэтому важнейшей задачей органов местного самоуправления является надлежащее информирование населения о планируемых мероприятиях посредством всех доступных каналов связи, что позволит принять легитимное, основанное на всестороннем анализе ситуации, решение с учетом высказанных представителями общественности позиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беспалова М.П.* Применение публичных слушаний как формы непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5.

2. В Омске публичные слушания хотят сделать по-настоящему публичными // Официальный сайт газеты Коммерческие вести // <http://kvnews.ru/news-feed/v-omske-publichnye-slushaniya-hotyat-sdelat-po-nastoyashchemu-publichnyimi>

3. *Жадобина Н.Н.* Некоторые проблемы правового регулирования участия населения в осуществлении местного самоуправления // Инновационная наука. 2016. № 5.

4. *Кошкидько В.Г.* Формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в России: современная практика и перспективы развития // Вестник Московского университета. 2015. № 3.

5. *Нигматуллина Э.Ф.* Правовое обеспечение комплексного учета мнения населения при выработке градостроительных решений // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2015. № 6.

6. *Огнева В.В.* Управленческий механизм в реализации форм консультативной демократии в системе местного самоуправления / В.И. Ильин, В.В. Огнева // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 6.

7. *Продиблох Н.Е.* Местное самоуправление как ресурс общественного развития: эффективность функционирования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-kak-resurs-obshchestvennogo-razvitiya-effektivnost-funktsionirovaniya>

8. Протоколы публичных слушаний по проекту генерального плана Новоомского сельского поселения Омского муниципального района Омской области от 11.09.2018 в д. Путинцево, от 12.09.2018 в д. Калачево, от 13.09.2018 на территории ст. Фадино // Официальный сайт Новоомского сельского поселения Омского муниципального района Омской области // <http://nva55.ru/index.php/gradostroitelnaya-deyatelnost/protokola-i-zaklyucheniya-publichnykh-slushaniy>

9. *Тушков А.А.* Делиберативные императивы: опыт критического осмысления в контексте политической модернизации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 4.

10. *Тушков А.А.* Делиберативные императивы: опыт критического осмысления в контексте политической модернизации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 4.

11. *Хлопов О.А.* Делиберативная демократия Джозефа Бессета // Политическая наука. 2013. № 1.

12. *Юрьева Н.В.* Публичные слушания как форма участия населения в осуществлении местного самоуправления в сфере землеустройства и территориальной организации сельских поселений // Известия ОГАУ. 2011. № 32-1.

13. *Darryl Holliday.* The Profound History of Public Hearings and Why We're Devoted to Documenting Them // City Bureau // <https://medium.com/city-bureau/the-profound-history-of-public-hearings-and-why-were-devoted-to-documenting-them-bf6f2ba3d5ef>

14. *Mikuli P. & Kuca G.* The Public Hearing and Law-Making Procedures // Liverpool Law Rev (2016). Vol. 37. Issue 1-2.

15. *William H. Baker, H. Lon Addams, Brian Davis.* Critical Factors for Enhancing Municipal Public Hearings // Public Administration Review. July/August 2005. Vol. 65. № 4.

A.K. STAROSEK
*Prosecutor of the Appeal Desk,
Criminal-Judicial Department of the Prosecutor's
Office of the Omsk Region,
Omsk, Russia*

M.A. BELOUSOVA
*Teacher of secondary school No. 32
in Omsk, Omsk, Russia*

PUBLIC HEARINGS AS AN INSTITUTE OF LOCAL DELIBERATIVE DEMOCRACY

The article is devoted to the question of how to solve the problem of the legitimacy of public authority in the regions of the Russian Federation. The article considers the issues of the Omsk region in the format of public agitation on the activities of local government and its feedback in the form of platforms for discussing social issues. And also, what is "deliberative democracy": correspondence questioning, improving the potential of political diagnostics, the possibility of rural settlements to work within the law? Is the practice of public hearings necessary in the context of the local electorate? Is the survey on freedom of discourse relevant to the fundamental factor of good governance?

Key words: *local governance, public hearings, citizen participation in resolving issues of local importance, ways of informing the population about governance issues, the effectiveness of political institutions, the legitimacy of local authorities, deliberative democracy, expression of opinion on public issues, freedom of discourse, the principle of pluralism.*

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АМИРА ТЕМУРА

Данная статья посвящена государственному строительству правителя Амира Темура, придавшего особое значение социально-политико-экономической направленности реформирования устаревших и «строительства» новых устоев государственности. В статье отмечено, что Сахибкиран Амир Темура оставил огромный след в мировой истории не только как великий государственный деятель и полководец, но и как покровитель искусства, культуры, литературы и архитектуры.

Ключевые слова: государство, власть, полководец, историческое наследие, правитель, Амир Темура, созидатель, покровитель науки и культуры, «Уложения Темура».

В научных и популярных публикациях, а также в художественных произведениях Амир Темура зачастую предстает перед читателями как непобедимый воин, стратег, вершитель судеб, но мало кто писал о нем как о великом государственнике и деятельном правителе, уделившем особое значение социально-политико-экономической направленности реформирования устаревших и «строительству» новых устоев государственности.

Именно поэтому один из самых выдающихся периодов в истории становления Узбекистана связан с именем Тамерлана (1336-1405) – всемирно известного государственного деятеля, полководца и реформатора.

За годы своего правления он положил конец феодальной раздробленности, установил торгово-дипломатические связи с наиболее крупными королевствами Европы – Францией, Англией, Кастилией, однако, тут следует заметить, что после смерти Амир Темура торгово-дипломатические отношения с Западной Европой прекратились [3].

Надо отметить, именно Сахибкиран стал основателем не только централизованного государства в Мовароуннахре (Двуречье Сырдарьи и Амударьи) со столицей в Самарканде, но и огромной империи, в которую входили Хорезм, Прикаспийские области, территории современного Афганистана, Ирана и Ирака, частично южного Кавказа и Индии, а также ряда стран За-

падной Азии, включая земли Турции. Благодаря своей государствообразующей деятельности, поддержанию политической и экономической стабильности на территории Ближнего и Среднего Востока, он восстановил главный маршрут мировой торгово-трансконтинентальной магистрали – Великого шелкового пути и обеспечил процветание государства.

В связи с реализацией этой миссии ему удалось воссоединить и благоустроить все важнейшие караванные дороги, связывавшие государства Азии и Европы. Во время правления Амира Темура центральную администрацию государства возглавляли девонбеги, аркбеги и четыре министра. Министры выполняли работу, связанную со сбором налогов, зарплатой военнослужащим и их продовольствием, а также расходами дворца. В период его правления существовало несколько типов землевладения: вакфы, общинные земли, земли тарханов (частные землевладения). Земли вакфов принадлежали мечетям и медресе, и они были освобождены от уплаты налогов.

Согласно «Темур тузуклари» («Уложению Тимура») те, кто восстанавливали пустыню, строили сооружения для отвода грунтовых вод, сажали сады или восстанавливали заброшенные земли, облагались налогом только на третий год приобретения земли. Существовали такие виды налогов, как десятина, крупный рогатый скот и вода, они взимались в соответствии с процедурами, действовавшими годами.

Говоря о государственной политике Амира Темура и его системы управления государством общеизвестно, что основой и верной опорой власти было его войско, считавшееся тогда лучшим во всем азиатском мире. Это стало возможным благодаря тому, что его военное дарование раскрывалось в двух направлениях: как реорганизатора войска и как обладателя талантом непобедимого полководца.

Ярким свидетельством того, что Амир Темур обладал мудростью выдающегося государственного деятеля, стала созданная им великолепная система управления государством, изложенная в труде «Тюзик-и-Тимур» («Уложения Тимура»). Кроме главной администрации-канцелярии (Дивони-бузрук), в его империи существовали еще и областные структуры, следившие за сбором налогов, поддержанием порядка, содержанием общественных зданий, ирригационной сетью и наблюдавшие за населением. Согласно предписанию Темура, периодически проводились опросы, ревизии и проверки. За злоупотребления жестоко наказывали даже самых близких родственников.

Средневековой историк Али Йезди в своем труде «Зафарнома» пишет, что Амир Темур в своих государственных делах оставался непоколебимым, и когда речь шла о чести, достоинстве и интересах государства, то не щадил ни себя, ни своих родственников. Темур говорил: «Если государство не опирается на религию и законы, оно не может сохранить на долгое время своего величия и могущества». Это изречение прекрасно дополняет дру-

гое: «Основу любого государства составляют три вещи: казна, народ и армия. Мудрый визирь бережно и предусмотрительно распоряжается каждым из этих достояний». Ярким примером достоверности его слов и дел служат свидетельства современников в том, что любое решение в военных, политико-экономических вопросах и делах управления государством он принимал только после всестороннего обсуждения с мудрецами, учеными и главными должностными лицами своей империи [5].

Государственный строй эпохи Амира Темура основан на вынесенных из истории уроков, закономерностей, традициях и опыте. Таким образом, возникает логичный вопрос: какие основы государственности были заложены до Амира Темура, что было им заимствовано, а что реформировано? Поскольку в нашем понимании сила и величие государственного деятеля определяется, прежде всего, его глубоким пониманием основ государственности, то именно поэтому вопрос наследия в государственном управлении так важен для нас.

Основы узбекской государственности, которые были заложены до времен Амира Темура:

- 1. Государство должно, прежде всего, быть политически независимым.*
- 2. Политическая целостность государства и общества не должна быть нарушена.*
- 3. Деятельность государства и общества регулируются определенными законами, процедурами и идеологиями.*
- 4. Должна быть создана определенная система для координации различных уровней, направлений и областей управления.*
- 5. Состояние социально-экономических отношений в обществе должно быть в центре внимания государства.*
- 6. Постоянную заботу о развитии науки и культуры следует рассматривать как политику национального значения.*
- 7. В соответствии с обстоятельствами и порядком каждого периода государство должно также заниматься вопросами внутреннего развития общества, используя существующие внешние факторы.*
- 8. Силы, которые находятся в государстве, должны учитывать прошлое, понимать настоящее и планировать будущее с глубоким осмыслением, твердой верой, высокой духовностью и национализмом.*

Эти восемь основ были сформулированы как законы еще до Амира Темура, однако применялись ли они на практике остается вопросом сомнительным. Великая роль Амира Темура в истории узбекской государственности заключается в том, что он смог реализовать эти принципы на протяжении своего правления.

В развитии централизованной государственности «особое внимание Амир Темур уделял деятельности всех слоев населения и обеспечению их интересов. Исходя из этого Амир Темур первым в мировой истории разделил

социальный состав общества на 12 частей, привлек их к управлению обществом и государством в соответствии с их интересами и положением. Интересно, что историкам в этой иерархии было отведено четвертое место» [2].

Шариат, существовавший в то время, установил правление общества на основе девиации. Во времена правления Амир Темура была создана централизованная государственная система, твердо приверженная созданию всех внутренних и внешних условий для развития экономических отношений (сельское хозяйство, ремесленное производство, торговля). Была учтена важность общественных отношений (налоговая система, собственность, учет интересов разных социальных групп и т.д.). Особое внимание он уделял развитию науки и культуры. В соответствии с обстоятельствами своего времени всегда действовал решительно, активно и целенаправленно во внешней политике, с целью подготовки государства к крестовому походу. Он сделал страну крупнейшим в мире политическим, экономическим, культурным центром.

Таким образом, подытожив вышесказанное, можно смело утверждать, что наряду с тем, что Сахибкаран Амир Темура был основателем централизованного государства, великим полководцем, зодчим городов и искусным дипломатом, он также был зрелым ученым.

Доказательством этому могут служить воспоминания испанского посла Руи Гонзалеса Клавихона, во время его присутствия во дворце Амира Темура в начале XV века. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Р.Г. Клавихон, повелитель собрал в столице государства Самарканде представителей разных религий, оказал им всем любезность, а также назначил ответственное лицо для выполнения различных услуг гостям из христианской веры [6].

В то же время Амир Темура обогатил эти восемь законов (основ) еще одной – девятой, суть которой заключается в том, что в управлении государством должны учитываться все социальные слои и интересы общества в целом.

Амир Темура в своем «Уложении» ставит религию и шариат на первый план, тем самым уделяя ему больше внимания, нежели регулированию отношений в социальной сфере. Сам Амир Тимура – человек разносторонне одаренный, он прекрасно понимал, что духовный фактор крайне необходим и без него невозможно существование самого общества и любой человеческой цивилизации [4].

Духовный фундамент имеет в империи Амира Темура особое значение, на него опирается его мощь, сила, слава и величие. Патриотическое чувство, полководческая и воинская деятельность и созданная им своеобразная Восточная цивилизация – великолепное тому подтверждение. Деятели такого масштаба – редкость в истории человеческого общества.

Амир Тимура хорошо понимал значение совета, состоящего из мудрых людей, в управлении государством. В своих «Уложениях» он так писал

об этом: «Десять долей государственных дел я решил с помощью совета и совещаний, и только одну долю – с помощью меча». В условиях строительства правового демократического государства и гражданского открытого общества эти высказывания мудрого государственного деятеля имеют большое практическое значение, и потому они были очень своевременными и актуальными. В духовном наследии А. Тимура очень много полезного для современности.

Тамерлан проводил мягкую политику в регулировании отношений с лидерами различных религий. Были построены мечети, медресе и особенно мавзолей. Многие из них, например, мечеть Джума, мавзолей Кур-Эмира и архитектурный ансамбль Шахи-Зинда находятся в Самарканде, мавзолей Дорус-Сиадат – в Шахризабде, мавзолей Чашма-Айуб – в Бухаре, а мавзолей Хаджи-Ахмад Джассавия – в Туркестане, все эти религиозные сооружения перенесли испытания временем и их можно увидеть и сегодня.

Таким образом, во времена Амира Темура девять основ узбекистанского государства были признаны конструктивными, активная работа по совершенствованию которых и составила основную деятельность государственной политики, проводимой Амиром Темуром.

Мы кратко ознакомились с деятельностью Амира Темура о политической независимости государства и целостности страны. Далее мы попытаемся обобщить его действия в области государственного управления, государственности и военной политики.

Следует отметить, что правление Чингисхана негативно отразилось на развитии всех сфер. Государственное управление не стало исключением. В целом, политические взгляды и воспитание в других кочевых условиях не позволили бы местным чиновникам перенять традиции местного самоуправления.

По этой причине многовековой опыт и традиции государственного управления прошлого не нашли своей преемственности в правлении чингизидов. Учитывая историю этого периода спустя более полутора столетий, станет ясно насколько сложной была ситуация.

Одной из заслуг Амира Темура в формировании узбекского государства стало возрождение классических примеров старой системы государственного управления, несмотря на изменения обычаев и традиций во времена Тамерлана. Власть во времена Амира Темура была разделена на две ветви: даргох и девон (министерства).

Даргох был высшим государственным учреждением. Главой даргоха считался верховный правитель государства. Известно, что Амир Темур после своего правления объявил чингисида Суургхатмиша ханом, то есть верховным правителем, однако из истории известно, что несмотря на свое положение, Суургхатмиш находился в подчинении у Сахибкирана, в связи с чем получил прозвище «поддельный хан».

Такое противоречие возникло потому, что Тамерлан не принадлежал к роду чингизидов, а потому не мог быть ханом. Когда к власти пришел Амир Темура, были сформированы новые реалии общественной жизни, но несмотря на это в 1370 году в стране существовало много могущественных правителей-амиров, помимо Амира Темура, которых поддерживали их местные общественно-политические силы. Они также хотели проводить открытую независимую политику, занимать высший трон. При этих обстоятельствах Амир Темура не мог официально объявить себя ханом, так как это было бы стимулом для противников к протесту.

С другой стороны, вопрос об Эмире Хуссейне не был до конца урегулирован, когда он был повышен до Согдийского хана. Амир Хуссейн официально получил титул Кабул шаха в 1364 г., а в 1365 г. – султана Адила. Следовательно, провозглашение Амира Темура их ханом было бы расценено как уничтожение «ханства» султана Эмира Хуссейна. Надо указать, что этот вопрос основывался на реалиях того времени, все действия проводилось для усиление в будущем власти Амира Темура.

Заключение. Таким образом, историческое наследие, оставленное в качестве наидания потомкам Амира Темура, его изучение и возможность практического приложения, служат путеводной звездой и моральной поддержкой, помогающей выдержать трудности реформирования в экономике и социально-политической жизни, происходящие в Узбекистане в последние годы. Амир Темура остался в истории как великий создатель, покровитель науки и культуры. Он проявил огромный энтузиазм и самоотверженность в деле восстановления разрушенного в результате многолетней феодальной раздробленности и неурядиц народного хозяйства, в перестройке городов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дехконова М.А.* Роль наследия Амира Темура и современность // Военная мысль. 2004. № 10.
2. *Заходер Б.Н.* Империя Тимура // Исторический журнал. № 6. Июнь 1941.
3. *Мўминов И.* Амир Темурнинг Ўрта Осиё тарихида тутган ўрни ва роли. Тошкент: Фан, 1993.
4. *Мўминов И.М.* Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников. Ташкент, 1968.
5. *Эгамбердиева А.М.* Развитие истории времен Амира Темура и Захриддин Мухаммад Бобура // Молодой ученый. 2016. № 4.
6. *Якубовский А.Ю.* Самарканд при Тимуре и Темуридах. Л., 1933.

K.A. SULTANOV
*Seeking a degree at the Republican
Center for spirituality and enlightenment,
Tashkent, Republic of Uzbekistan*

ON THE ISSUE OF AMIR TEMUR'S PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

The article is devoted to the public administration of the ruler Amir Temur, who attached special importance to the socio-political and economic orientation of his reforms of the outdated systems and building of new foundations of states. The article stresses that Sahibkiran Amir Temur left a huge mark in the world history not only as a great statesman and commander, but also as a patron of art, culture, literature and architecture.

Key words: *states, power, commander, historical heritage, ruler Amir Temur, creator, patron of science and culture, “the Laws of Temur.”*

НЕДОСТАТКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

В статье доказано, что изменение мировоззрения и духовного облика руководителя, повышение эффективности руководящей деятельности превращается в актуальную проблему современности. По мнению автора, все недостатки в работе современного руководителя происходят из-за недостаточного усвоения функций и требований поставленных перед ним. Для преодоления данных недостатков необходим глубокий анализ деятельности руководителя страны и специалистов.

Ключевые слова: *руководитель, мировоззрение руководителя, духовный облик руководителя, руководящая деятельность, недостатки, стратегическая функция, инновационная функция, административная функция, коммуникационная функция, социальная функция руководящей деятельности.*

Нынешний этап осуществляемых в нашей стране социально-экономических реформ ставит на повестку дня вопрос дальнейшего повышения эффективности деятельности руководителей. На это есть ряд объективных и субъективных причин, которые проанализированы в докладе президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева на расширенном заседании Кабинета министров, посвященном основным итогам социально-экономического развития страны в 2016 году и важнейшим приоритетам социально-экономической программы на 2017 год. Как заявил главный руководитель страны: «Критический анализ, строгая дисциплина и личная ответственность должны быть ежедневными правилами деятельности каждого руководителя». Как отметил глава страны: «сегодня, анализируя поступательное движение нашей страны по пути устойчивого развития, мы имеем все основания утверждать, что в прошлом году были предприняты решительные шаги по реализации принципиально важных реформ» [1]. Однако президент критически оценил нынешние темпы развития, исходя из требований времени. «Время меняется, – признался он, – современные вызовы требуют новых решений. Сейчас и настало время работать в таких сложных условиях. Мы привыкли искать

оправдания то ситуация плохая, то тяжелые времена, но вопрос в том, кто изменит эту ситуацию, если мы сами не урегулируем положение своим умом, трудом, то никто не сделает этого для нас извне» [2].

Президент Республики Узбекистана отмечает, что за социально-экономическое развитие страны, в первую очередь, ответственны руководящие кадры, к ним предъявляются новые требования, поэтому одной из актуальных проблем современности стало изменение мировоззрения и духовного облика лидера на основе современных требований, повышения эффективности управленческой деятельности.

Для выполнения этой задачи необходимо будет определить характерные черты мировоззрения и духовного облика современных лидеров, проанализировать общие недостатки, связанные с руководящей деятельностью.

Анализ экспертов показывает [3], что сегодняшние лидеры обладают совершенно другим мировоззрением и духовным обликом. Конечно, было бы несправедливо утверждать, что эти недостатки характерны для деятельности всех руководителей, однако анализ показывает, что эти недостатки относятся к числу наиболее распространенных. Специалисты, проводившие научные исследования, связанные с мировоззрением и духовным обликом лидера, связывают эти недостатки с несовершенством следующих функций.

Во-первых, это стратегическая функция, лидер должен быть стратегом, определять основные цели деятельности организации или предприятия, четко представлять стратегию развития. Некоторые руководители считают, что отсутствие стратегических навыков может привести к сокрушительным результатам, вследствие чего эти предприятия или организации не смогут реализовывать возложенные на них функции. Об этом в своих выступлениях говорит и руководитель страны, например, только в 2016 году в результате неправильного определения расположения производства было импортировано почти на 400 миллионов долларов продукции, локализованной в нашей стране [4].

Во-вторых, лидер должен выполнять инновационную функцию. Он должен обладать организационными навыками, навыками реализации производства, стремиться к освоению и внедрению в практику инновационных идей и технологий, связанных со своей сферой. Отсутствие инновационной функции у руководящего органа замедляет внедрение новых идей и технологий и развитие предприятия в целом. Такая ситуация наблюдается в деятельности многих предприятий, действующих в различных регионах Узбекистана. Также глава страны предложил назвать 2018 год годом поддержки активного и предпринимательства, инновационных идей и технологий.

В-третьих, руководитель должен выполнять административную функцию. Он должен иметь представление о результатах деятельности предприятия, которое он возглавляет, целенаправленно распределять полномочия и обязанности, координировать деятельность исполнителей, осуществлять

контроль за подбором квалифицированного персонала, способного выполнять функции предприятия, знать методы поощрения и наказания сотрудников. На данный момент широко критикуются недостатки, связанные с выбором специалистов, проблемами их размещения, их нерасторопностью в контроле за выполнением поставленных задач. Ни для кого не секрет, что ошибки в подборе персонала оказывают негативное влияние на деятельность всей организации, а недостатки в функции контроля снижают производительность труда; несправедливость в мерах поощрения и наказания подрывает морально-психологическую ситуацию в учреждениях.

В-четвертых, лидер должен выполнять коммуникационную функцию. Он несет ответственность за налаживание внутренних и внешних связей, проведение различных переговоров, взаимодействие с другими организациями и гражданами. Глубокий анализ показывает, что в выполнении коммуникационной функции также скрываются различные проблемы. Налаживание внутренних и внешних связей руководителями в некоторых случаях не способствует повышению эффективности предприятия. Этому свидетельствует проведение безрезультатных заседаний, встреч, переговоров. К тому же, нужно учитывать тот факт, что на проведение таких собраний, встреч и презентаций тратятся немалые средства. Этот случай неоднократно подвергался резкой критике со стороны главы страны. Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что большая часть сегодняшних руководителей неправильно обучена и не в состоянии выполнять данную функцию.

В-пятых, лидер должен выполнять социальную функцию. Он отвечает за морально-психологическую обстановку на своем предприятии, за поведение сотрудников, за формирование обстановки, в которой господствует атмосфера поддержки и взаимовыручки. Известно, что на деятельность человека влияют и психологические особенности сотрудников, с которыми он работает в коллективе. В результате взаимоотношений между людьми в коллективе возникает морально-психологическая атмосфера, которая способствует либо доверию между сотрудниками, либо недоверию, сотрудничеству или же наоборот. Выражение этих социальных чувств, норм и требований в реальной деятельности является осмыслением понятия «морально-психологическая ситуация». Именно она создает основу для духовного развития личности, наряду с повышением эффективности производства и трудовой активностью. Шаг к демократическому обществу создает объективные условия для этого, однако на основе этих условий должны быть изменены, усовершенствованы и отношения между лидером и личностью. Тогда морально-психологическая ситуация приобретет позитивный характер.

Вследствие того, что функции, озвученные современными лидерами, не освоены и не выполнены, в мировоззрении и духовном облике лидера, а также его повседневной деятельности выявляется ряд недостатков. Глава нашей страны считает эти недостатки следующими:

«Во-первых, некоторые ведомства и их руководители в определенной степени не понимают потребностей народа.

Во-вторых, допускается поверхностный подход к разработке концепций и программ развития отраслей и территорий.

И наконец, третий, главный недостаток заключается в том, что большинство руководителей привыкли решать проблемы, не выходя из кабинета».

Очевидно, что в деятельности современного лидера остается много недостатков и упущений. Для устранения этих недостатков глава страны Ш. Мирзиёев отмечает, что «Критический анализ, строгая дисциплина и личная ответственность должны оставаться ежедневными правилами деятельности каждого руководителя будь то премьер-министр или его заместители, члены правительства или хакимы регионов» [6]. Также серьезное влияние оказывает обращение к духовному наследию Ислама Каримова для устранения недостатков и упущений в деятельности, а также духовном облике современного лидера.

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что в духовном облике и деятельности руководителей нынешнего периода отмечен ряд недостатков и упущений, необходимость их устранения требует особого внимания к данному вопросу. Эти недостатки связаны с детальным освоением стратегических, инновационных, административных, коммуникативных, социальных функций руководства. В результате этого возникает ряд проблем в повседневной деятельности руководителей. Мнения, идеи главы государства, специалистов, на руководящих постах служат устранению этих недостатков, упущений и проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Боймуродов Н.* Раҳбар салоҳияти. Т.: Янги аср авлоди, 2010.
2. *Веснин В.* Основы управления. М.: Проспект, 2015.
3. *Каримова В.* Етакчи бўлиш масъулияти // Халқ сўзи. 2004. 15 декабрь.
4. *Мирзиёев Ш.* Танқидий таҳлил, қатъий тартиб-интизом ва шахсий жавобгарлик – ҳар бир раҳбар фаолиятининг кундалик қоидаси бўлиши керак // Ишонч. 2017. 17 январь.
5. *Рустамов М., Оқилов О.* Замонавий раҳбар // Халқ сўзи. 2005. 3 август.
6. *Суняйкина Т., Шелкоплясова И.* Проблема уровня сформированности профессиональной компетентности современных руководителей и образовательных организаций // Концепт. 2016. № 3.
7. *Шарпатов Ю.* Проблемы взаимодействия руководителя и коллектива в современных условиях // Современные научные исследования. 2012. № 12.

B.E. YULDASHEV

*Seeking a degree at the Karshi State
University, Karshi, Republic of Uzbekistan*

SHORTCOMINGS IN THE TODAY DIRECTORS' ACTIVITIES

In the article it is proved the changes in the outlook and appearance of the leader on the background of the spirit of the age, development of efficiency of the leader's activity turns into actual problem of the modern age. According to the opinion of the author all drawbacks in the activity of the modern leader occur from not sufficiently mastering the management principles. For overcoming these drawbacks, it is necessary to analyse thoroughly the thoughts and ideas of the leaders of the country and specialists concerning these matters.

Key words: *the leader, the worldview of the leader, the spiritual appearance of the leader, managerial activities, shortcomings in the activities of the modern leader, the strategic function of leadership, the innovative function of leadership, the administrative function of leadership, the communication function of leadership, the social function of leadership.*

РОЛЬ КППФ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В 2000-2006 гг. (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Данная статья посвящена анализу роли КППФ в региональном политическом процессе в 2000-2006 годах. В данный период партия, которая ранее обладала мощным электоральным ресурсом, поддержкой губернаторского корпуса, имела многочисленную фракцию в Государственной Думе, лишилась былой поддержки и перешла в разряд партии «второго эшелона». Причины заключались как во внутренних, так и во внешних факторах: усиление «вертикали власти», конфронтация КППФ с союзниками (Народно-патриотическим фронтом, Аграрной партией России), укрепление «партии власти» в лице «Единой России». В качестве географии изучения взята Кировская область как типичный субъект Федерации, где ранее коммунисты играли заметную роль, но в 2000-2006 гг. утратили политическую инициативу.

Ключевые слова: КППФ, Политическая регионалистика, Политические партии, Политическая система, «Единая Россия», выборы в РФ, Государственная дума ФС РФ, политические институты.

Актуальность данной статьи заключается в том, что изменения в социально-экономическом развитии России в 2010-х годах привели к усилению организаций, которые в течение 2000-х годов перешли во «второй эшелон» партийной системы РФ. В настоящее время «вертикаль власти», которая активно создавалась в течение «нулевых» годов, сталкивается в регионах с возрастающим недовольством населения, вызванным падением уровня жизни. Ряд губернаторов от «партии власти» не смогли переизбраться в 2018 г., уступив место оппозиционным политикам, в том числе – от КППФ (в Республике Хакасия и Орловской области). Таким образом, компартия стала постепенно преодолевать последствия ошибок, допущенных в 2000-х гг., анализу которых посвящена данная статья.

В течение «нулевых» годов региональная политическая система РФ изменялась: постепенно усиливалась «партия власти» за счет привлечения

местного административного ресурса и поддержки со стороны федеральных структур. Принятие ФЗ «О политических партиях» [7. С. 1] в 2001 году и его изменения в 2004 и 2006 гг. снизили число партий, которые могли участвовать на выборах в Госдуму, с 79 в 2000 до 7 в 2012 году [7. С. 355]. Организации, которые в 1990-е годы были на вершине политического олимпа, теряли контроль над регионами. Одна из ведущих политических сил, Коммунистическая партия РФ, в течение 2000-х годов лишилась поддержки в субъектах Федерации, которые с 1996 года считались базовыми для компартии (т.н. «красный пояс»), а также в регионах, где КПРФ была основным политическим актором.

В этих субъектах РФ главы администрации были членами компартии или состояли «родственным» КПРФ Народно-патриотическом союзе России. Впрочем, в 2003-2006 годах ситуация изменилась: представители КПРФ теряли поддержку, коммунисты-главы субъектов Федерации не переизбирались. В частности, глава Кировской области В.Н. Сергеенков, который выступал под эгидой НПСР, отказался от участия в выборах 2003 года, под давлением со стороны «партии власти».

Цель исследования: определить динамику участия КПРФ в политическом процессе Кировской области в 2000-2006 гг.

Задачи исследования:

- выявить общие закономерности снижения популярности Компартии на федеральном уровне в начале 2000-х годов;
- изучить роль компартии в региональной политической системе Кировской области;
- определить внутреннее состояние кировского регионального отделения КПРФ: материально-техническую, финансовую обеспеченность;
- изучить влияние изменений в федеральном законодательстве, которые привели к уменьшению роли оппозиционных партий (в т.ч. КПРФ) в Кировской области.

Методология исследования основывается на сравнительном методе (сравнивается динамика в изменении поддержки КПРФ на региональном и федеральном уровнях), системном анализе (выделяются общие причины падения и восстановления поддержки компартии в данных регионах).

Географические рамки исследования определены Кировской областью, где в конце 1990-х годов была самая высокая поддержка коммунистических сил.

Хронологические рамки определены 2000-2006 годами. Этот отрезок времени в наибольшей степени характеризует динамику изменения популярности КПРФ в Кировской области: от доминирования коммунистов в исполнительной власти в начале 2000-х гг., до укрепления позиций «Единой России» в региональном политическом поле в 2006 году.

Обзор литературы. Анализ изменений партийной системы в Российской Федерации посвящены такие работы, как «Становление партийной системы

в современной России» Ю.Г. Коргунока [12. С. 381], «Партийная система современной России» П.В. Данилина [7. С. 15], работы Б.А. Исаева. В них акцентируется внимание на эволюции партийного представительства на федеральном уровне, в том числе описывается роль КПРФ в данном процессе.

Отдельное место занимают исследования, посвященные партийной регионалистике таких авторов, как Р.Ф. Туровский [17. С. 256], А.В. Кынев [13. С. 5], Г.В. Голосов [6. С. 23]. Авторы анализируют изменения, которые происходили в региональных политических системах РФ, выделяя общие характерные черты. Отдельно следует выделить работы В.В. Иванова [9. С. 12], который описывает причины усиления роли «партии власти» в субъектах Федерации. Данный материал позволяет уточнить роль губернаторского фактора в изменении устройства политической системы регионов и выяснить позицию оппозиционных сил, в том числе и КПРФ, по данным изменениям.

Следует выделить работы, посвященные роли КПРФ в региональных политических процессах: это диссертация Л.В. Богатыревой [2. С. 10], которая на примере регионов Центрального федерального округа описывает изменения, коснувшиеся роли КПРФ в 2000-е гг. в партийной системе частей России. Также следует выделить статьи Д.Б. Тева [16. С. 98], К.Д. Николенко [14. С. 389], Л.И. Бениной [1. С. 51-58], Я.Ю. Шашковой [20. С. 132] – данные работы раскрывают особенности регионального представительства КПРФ по разным федеральным округам.

Следует отметить, что работ, которые касались бы непосредственно анализа роли КПРФ в партийной системе Кировской области крайне мало. Как правило, они отражают общее состояние различных общественных движений в известном субъекте Федерации. Следует выделить статьи Т.Б. Витковской и О.Б. Подвинцева [4. С. 22], а также Н.А. Чермных и Д.В. Ильина [19. С. 181], посвященные анализу модели власти и электоральным предпочтениям жителей г. Кирова. Отдельно выделяются сборники, созданные при действующих структурах, таких как Избирательная комиссия Кировской области [11. С. 201], Законодательное собрание Кировской области [10. С. 201], где описывается динамика изменения поддержки КПРФ в регионе, а также деятельность фракции коммунистов в парламенте субъекта Федерации.

Следует выделить материалы в Государственного архива социально-политической истории Кировской области (с 2018 – структурное подразделение Центрального государственного архива Кировской области), которые позволяют проанализировать состояние самой Компартии: ее материально-техническую оснащенность, состав членов, политические настроения в региональном и местных отделениях.

Роль КПРФ в российском политическом процессе в 2000-2006 годах. К началу XXI века Коммунистическая партия располагала весьма су-

щественными политическими ресурсами: после победы на выборах в Государственную думу в 1999 году, коммунисты заняли 95 мест [7. С. 353], став самой крупной фракцией в парламенте. В регионах партию поддерживало 26 глав администраций субъектов Федерации [9. С. 132]. Такое положение, на первый взгляд, кажется успешным. Однако Коммунистическая партия в течение первой половины 2000-х гг. лишилась большей части своего губернаторского корпуса, а количество депутатов, получивших мандаты в Госдуме следующего, IV созыва, стало существенно ниже.

В начале работы III Госдумы между фракциями КПРФ и «Единство» было заключено пакетное соглашение [14. С. 391] по распределению думских комитетов. КПРФ поддержала кандидату председателя правительства М. Касьянова, одобрило законопроект о ввозе радиоактивных отходов на территорию РФ, выступило с одобрением федеральных конституционных законов «О гербе» и «О гимне» [15. С. 1].

Однако в 2002 году партия начала терять свои позиции: коммунисты лишились ряда постов глав комитетов Госдумы, руководство компартии настаивало на прекращении полномочий спикера палаты. В итоге Г. Селезнев за нарушение партийной дисциплины был исключен из состава КПРФ. Результатом внутренних противоречий стала потеря некоторых ключевых лиц в партии, который привел к ослаблению и утрате лидирующих позиций среди левых сил в РФ и к последующему расколу в КПРФ в 2004 году. Данная ситуация позволила партиям и объединениям левого фланга объединиться в 2003 году в избирательный блок «Родина» и занять 37 мест в Госдуме IV созыва, потеснив КПРФ.

Таким образом, выделяются следующие факторы, повлиявшие на потерю компартией ведущих позиций.

1. Укрепление «партии власти» – формирование «Единой России» как новой организации, выражающей интересы российской власти.

2. Накопившиеся противоречия между союзниками компартии и ее руководством.

3. Появление новых партий, которые придерживались «левой» идеологии, в частности, партии «Родина».

4. Внутренние противоречия внутри КПРФ.

Эти факторы сказались на поддержке компартии на местах. После цикла губернаторских выборов 2000-2004 годов, партия потеряла контроль над базовыми регионами (т.н. «красным поясом»), среди которых были субъекты ЦФО (Костромская, Брянская, Рязанская, Ивановская области), а также регионы Сибири и Дальнего Востока, где поддержка КПРФ была существенной как на парламентских выборах 1999, так и на выборах глав администрации регионов. Одним из показательных примеров того, как сторонники компартии теряли контроль над ситуацией в регионе служат события 2000-2006 годов в Кировской области – субъекте Федерации, который

не входил в состав «красного пояса», однако где роль КПРФ была ключевой в формировании региональной политической системы.

Роль КПРФ в партийной системе Кировской области в 2000-2006 гг. Начало нового века кировское областное отделение КПРФ встречало, готовясь к губернаторским выборам, которые проводились совместно с выборами Президента РФ. На партийном совещании в феврале 2000 г. было решено поддержать действующего главу области В.Н. Сергеенкова, который победил на выборах 2000 года, продлив себе срок полномочий еще на года. Несмотря на то, что сам губернатор не был членом КПРФ, он поддерживал контакт с региональной ячейкой Компартии. Областная структура КПРФ на тот момент была одной из многочисленных по Кировской области.

При этом в Кировской области существовали и другие политические силы левого спектра («Трудовой Киров», РКРП, РКП), которые были малочисленны и не были представлены в полной мере в парламенте региона, не имели широкой сети первичных и местных отделений. Как правило, данные объединения кооперировались с КПРФ по вопросам протестной активности, агитации и работы с профсоюзами. Тем не менее, ведущую роль занимала КПРФ в силу ее многочисленности.

В отчетах за 2001 год указывается рост численности партии в регионе до 2-х тыс. человек, при том, что в 1993 году численность не превышала 100 чел. Росту популярности КПРФ в 1990-е годы способствовала социальная напряженность в Кировской области, рост недовольства действующей властью, активное сотрудничество с профсоюзными движениями. Однако данная форма реализации политической активности не противоречила сотрудничеству с действующей властью, поскольку и губернатор, и руководители местных органов власти участвовали во взаимодействии с КПРФ.

Материально-техническая оснащенность партии в регионе была не в самом лучшем состоянии: на все местные отделения был только 1 персональный компьютер, 1 мини-типография, несколько телефонов-факсов [5. С. 2]. Из бухгалтерской отчетности следует отметить, что финансирование отделения шло, в основном, за счет членских взносов, и на пленумах обкома часто поднимался вопрос о «должниках» по местным отделениям, в частности, Свечинское, Лузское – восток и север области как наиболее пострадавшие от экономического кризиса 1990-х годов.

Данные наблюдения по материально-техническому состоянию позволяют сделать вывод, что региональное отделение во многом опиралось на внутренние ресурсы – поддержка из ЦК была несущественной [5. С. 3], отсутствовала внешняя поддержка: ведущие предприниматели Кировской области спонсировали набиравшее силу «Единство», которое в 2002 году образовало в результате объединения с отделением партии

«Отечество – Вся Россия» областную ячейку «Единой России». Таким образом, финансовое состояние КПРФ не могло в полной мере позволить коммунистам добиться контроля над политической системой Кировской области, а также стало одним из факторов перехода партии на второстепенные позиции в регионе.

Другим фактором ослабления коммунистических сил в Кировской области стало усиление «Единой России». Данный процесс не являлся уникальным для региона, но был характерным для всей страны: партия, опиравшаяся на административный ресурс и на поддержку крупного регионального капитала, смогла в течение 2002-2006 годов закрепить свои позиции во всех субъектах Федерации. В Кировской области этот процесс также связывался с отставкой ер еенкот .

брать 6 мест, из которых 5 [11. С. 180] – по единому избирательному округу Кировской области. Причиной такого результата, особенно по одномандатным округам, стала низкая активность местных региональных отделений, малое финансирование кампаний, а также тот факт, что на 27 округов КПРФ смогло выдвинуть 15 человек по одномандатным спискам против 27 у «Единой России», которая взяла 28 мандатов из 54 – большинство в региональном парламенте. В сравнении с III созывом, депутатов-коммунистов уменьшилось в два раза, с 14 до 6 [11. С. 180], что позволяет сделать вывод о потере коммунистами возможности использовать региональный парламент как площадку для продвижения своей политической программы.

В итоге, три фактора, которые привели к переходу КПРФ на второстепенные роли в Кировской области, следующие:

1. Усиление роли РО «Единой России» при поддержке исполнительной власти региона и федерального центра.

2. Слабая материально-техническая и финансовая база КПРФ, отсутствие активного внешнего финансирования в первой половине двухтысячных годов.

3. Снижение численности депутатов от КПРФ в региональном парламенте.

Заключение. Таким образом, ключевыми факторами в утрате лидирующих позиций КПРФ в российском политическом процессе связаны с несколькими факторами:

- внутрипартийные противоречия, которые привели к расколу партии в 2002-2004 годах и потере союзников (НПСР);
- усиление других левых сил, которые в 2003 году создали блок «Родина»;
- усиление «Единой России», которая смогла в регионах найти поддержку среди местной политической и экономической элиты.

Таким образом, изменение роли КПРФ в кировской региональной политической системе не выделяется на фоне аналогичных процессов в других субъектах Федерации и полностью подчеркивает тренд создания «вертикали власти», которая не предполагала активную политическую оппозицию со стороны левых сил. Кировская область не относилась к числу регионов с массовой поддержкой Коммунистической партии, но позиции данной политической силы были достаточно сильны, несмотря на слабое финансирование и поддержку из ЦК КПРФ, при этом другие политические организации левого фланга либо были малочисленны, чтобы организовать достойную оппозицию КПРФ и выбирали сотрудничество с партией («Трудовой Киров», РКРП), либо не были представлены в Кировской области (партия «Родина»).

Впрочем, второстепенность отнюдь не означала снижение активности партии в регионах. Показательны, в этом плане, участия областного комитета КПРФ и действия кировского горкома партии во время протестных собы-

тий зимы 2005 года, которые были вызваны попыткой федеральной власти изменить порядок начисления некоторых льгот. В итоге, Коммунистическая партия становится одним из главных акторов, который инициирует забастовочные и протестные акции в Кировской области в середине 2000-х.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бенина Л.И.* Динамика идейных установок левых сил в современной России // Вестник БИСТ (Башкирского Института Социальных Технологий). 2016. № 3.

2. *Богатырева Л.В.* Политические партии в системе отношений «центр-регион» в 2000-е гг. (на примере ЦФО). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования. М., 2013.

3. *Васильев В.А.* 15 лет от имени народа. Киров: Триада-плюс, 2009.

4. *Витковская Т.Б., Подвинцев О.Б.* Институциональный дизайн и модели власти как факторы успеха инкубентов на выборах глав МСУ (по материалам Пермского края, Кировской и Свердловской областей) // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2014. № 1.

5. ГАСПИ КО. Ф-6977. О. 1. «Кировское областное отделение КПРФ».

6. *Голосов Г.* Российская партийная система и региональная политика 1993-2003 гг. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

7. *Данилин П.В.* Партийная система современной России. М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели»», 2015.

8. *Закатнова А.* Зачистка левых коридоров // РГ. Выпуск № 3431 // <https://rg.ru/2004/03/18/kroty.html>.

9. *Иванов В.В.* Глава субъекта РФ. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов): в 2-х т. В 2 кн.: История: Кн. I. М.: «Издание книг ком», 2019. Т. 1.

10. *Ивонина А.М.* Страницы истории – 20 лет. Областная Дума – Законодательное Собрание. Киров: О-Краткое, 2014.

11. История выборов в Вятском крае: сборник документов и материалов / Сост.: Т.И. Асяева, В.С. Жаравин, Е.Г. Комарова, А.Г. Поляков, Л.Г. Сахарова, Е.Н. Чудиновских / Отв. ред.: И.Г. Верзилина, А.Г. Поляков, Л.Г. Сахарова. Киров, 2010.

12. *Коргунюк Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007.

13. *Кынев А.* Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009.

14. *Николенко К.Д.* КПРФ в 1999-2003 гг.: потеря инициативы и спад влияния // Труды института российской истории РАН. 2015. № 13.

15. *Никольская А., Нестерова С.* Большевики вернули гимн // Газета.ру // <https://www.gazeta.ru/2000/12/07/spoemtedruzj.shtml>.

16. *Тев Д.Б.* Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 1.

17. *Туrowsкий Р.Ф.* Федеральные выборы 2003-2004 годов в региональном измерении // Третий электоральный цикл в России. 2003-2004 годы. СПб., 2007.

18. Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/.

19. *Черных Н.А., Ильин Д.В.* Электоральное поведение жителей города Кирова (по материалам выборов в региональный парламент 2001-2016 гг.) // Материалы VII межрегионального форума / Отв. ред. Игошина Ю.В., Костин А.А. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»», 2017

20. *Шашкова Я.Ю.* Структура партийной элиты парламентских партий в регионах // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1 (17).

I.D. USTYUZHANINOV

*Post-graduate second year student,
Department of History of social movements and
political parties Faculty of History Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

THE ROLE OF CPRF IN REGIONAL POLITICAL PROCESS IN 2000-2006 (IN KIROV REGION)

This article is devoted to the analysis of the role of the Communist Party in the regional political process in 2000-2006. During this period, the party, which previously had a powerful electoral resource, the support of the governor's corps, had a large fraction in the State Duma, lost its former support and transferred to the rank of "second tier" party. The reasons were both internal and external factors: the strengthening of the "vertical of power"; the Communist Party's confrontation with allies: the Popular Patriotic Front, the Agrarian Party of Russia; and due to the strengthening of "United Russia". The Kirov region was taken as a region for study, as a subject of the Federation, in which the Communists played an important role, but lost the initiative during 2000-2006.

Key words: *Communist Party of the Russian Federation, Political regional studies, Political parties, Political system, United Russia, elections in the Russian Federation, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, political institutions.*

ТОТАЛИТАРНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕКТЫ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ КУЛЬТЫ КАК АНТИСИСТЕМНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с осмыслением сущности и роли тоталитарных сект и деструктивных культов в процессе жизнедеятельности современного российского общества. В последние несколько лет существования СССР и первое десятилетие существования Российской Федерации со стороны различных государственных должностных лиц и институтов преобладало нейтральное, а то и благодушно позитивное отношение к деятельности различного рода «синкретических» религиозных организаций и образований. Они же, по своей сути, являясь антисистемными структурами и организациями, активно занимались различного рода деятельностью однозначно деструктивного характера, создающей угрозу национальной безопасности и закономерно приводящей к дисфункции, а в конечном счете и дискредитации института религии в целом. Работа представляет интерес для специалистов в области религиоведения, социологии, политологии, культурологии, права.

Ключевые слова: религиозная организация, секта, деструктивный культ, антисистема, синкретизм.

Слово «секта» происходит от латинского существительного «secta» (школа, партия, учение), производного от глагола «sequor» (следовать за кем-то, повиноваться). Изначально термин «секта» являлся нейтральным и служил для описания деятельности обособленных политических, философских или религиозных групп. Его использовали для обозначения образа мышления, стиля жизни, а в более конкретном смысле – политической партии или философской школы, к которой причисляли человека. Позднее «секта» стала категорией, которой обозначали религиозную, политическую, философскую или иную группу, отделившуюся от основного направления и противопоставляющей себя ему, или организованную традицию, имеющую своего основателя и особое учение [25].

Так, В.И. Даль трактовал секту как «братство, принявшее свое, отдельное учение о вере» [4]. Однако впоследствии, при появлении обособленных еретических групп внутри самого христианства (например, катаров, вальдепсов и т.п.) это слово уже для самих христиан стало обозначать «раскол или ересь» [4] – сообщество, исповедующее ложное учение, «ересь», обособившееся от католической церкви. Тем самым, его смысл был существенно заужен. Например, в законодательстве дореволюционной России «сектой» обозначали конфессии, не признаваемые государством, и разделяли их по степени «вредности» на «вреднейшие», «вредные» и «наименее вредные».

И все же, само по себе понятие «секта», также, как и родственное ему понятие «культ», не несут какой-либо оскорбительной смысловой нагрузки и широко распространены в обиходной русской речи, объективно отражая деятельность некоторых нетрадиционных религиозных групп. Например, в контексте индуизма слово «секта» вообще не используется для обозначения некой отколовшейся группы, а лишь указывает на организованную традицию, имеющую своего основателя. В современной России таковыми считают религиозные организации, «имеющие многовековую историю, но представляющие инокультурную религиозную традицию, не имеющую исторических, этноконфессиональных корней на территории России или бывшего Советского Союза, привнесенные в последнее десятилетие из-за рубежа, находящиеся в формальном подчинении зарубежным религиозным центрам и координируемые ими. К ним могут быть отнесены, например, многочисленные протестантские группы и движения американского, южнокорейского или иного происхождения, некоторые течения ислама, буддизма и т.п.» [18].

По своей сути секта – это разновидность религиозной организации, необходимым и достаточным признаком которой является вероучение, - то есть совокупность догматических принципов и представлений, составляющих «символ веры». В данной связи отделить секту от какого-либо маргинального религиозного течения достаточно сложно, поскольку в самом понятии секты достаточно субъективизма, который накладывается той конфессией, от которой откололась секта. Так, в протестантизме существование самой допустимости веры «по-другому» развязало руки всевозможным любителям изысков в области религии. Догматы большинства постпротестантских течений не имеют под собой никаких теологических оснований, доказательств и логики и базируются исключительно на субъективном мнении или даже фантазиях своих основателей [20].

Тем не менее, религиозная секта, в отличие от традиционной религиозной организации, (например, прихода у православных, шула – у иудеев), представляет собой достаточно узкую группу лиц, замкнутых на своих интересах, (причем не только культовых или вероисповедальных), не совпадающих с интересами общества, а порой – противоречащих им. Как правило,

секты противопоставляют себя общепризнанной в данном регионе церковной организации или сложившимся религиозным традициям [20].

При этом, чем больше такое религиозное разделение, тем меньше шансов у какой-либо религиозной группы доминировать. Как только начинается индивидуальная интерпретация Священного Писания, становится трудно управлять направлением, в котором она будет развиваться, поэтому самый вероятный результат — появление тоталитарных сект. Каждая из сектантских групп претендует на то, чтобы стать единственным источником истинной интерпретации Библии, а все другие рассматриваются, в лучшем случае, как дезинформированные, а в худшем — как агенты Антихриста. Эта пагубная тенденция во многом способствует появлению так называемых деструктивных сект и культов (привлекающих в свои ряды множество членов), деятельность которых носит явный асоциальный и тоталитарный характер [23].

Обычно, в широком смысле, под тоталитарными сектами понимают особые религиозные, а также общественные, коммерческие, образовательные или спортивные организации, для которых характерны авторитарные методы управления, ограничения прав человека для членов организации и деятельность, представляющая опасность для жизни и здоровья граждан.

Деструктивный культ определяется учеными как «разновидность культа, разрушительного по отношению к естественному гармоническому состоянию личности: духовному, психическому и физическому (внутренняя деструктивность), а также разрушительного к созидательным традициям и нормам, сложившимся социальным структурам, культуре, порядку и обществу в целом (внешняя деструктивность)» [22].

Первым исследователем, давшим, не совсем удачное, на наш взгляд, определение «тоталитарной секты», следует считать А.Л. Дворкина. По мнению этого исследователя, к тоталитарным сектам относят «особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками» [5].

Следует отметить, что введенный в научный оборот А.Л. Дворкиным термин «тоталитарная секта» характерен преимущественно для России и стран Западной Европы. В США и Великобритании он особого распространения не получил. Для обозначения подобного рода типов религиозных организаций в этих странах обычно используют термин «деструктивный культ». Российские религиоведы и сектоведы часто используют термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» как своеобразные синонимы для обозначения тех типов религиозных организаций, деятельность которых направлена на осуществление полномасштабного контроля над

образом жизни и сознанием своих членов, что закономерно приводит к деградации их личности, а также различным асоциальным поступкам. Иногда их объединяют политкорректным собирательным названием «новые религиозные движения».

Гораздо более удачным представляется определение «тоталитарной секты», которое дал профессор А.И. Осипов. В частности, в своей книге «Тоталитарные секты: технология обмана», этот исследователь отмечал, что «тоталитарные культы, деструктивные организации, деструктивные секты – это разные названия одного и того же. <...> Тоталитарная секта – это организация, построенная по иерархическому принципу с железной дисциплиной, подчиненная лидеру (лидерам). Лидер этой организации, используя методы скрытого и явного психологического воздействия, добивается трансформации психики членов своей организации, устанавливает тотальный (*то есть полный, всеобъемлющий* – С.Е.) контроль над их сознанием, поведением и образом жизни, что позволяет держать членов организации в состоянии зависимости и использовать их в своих корыстных целях» [15].

В частности, в России можно выделить группы религиозных организаций в отношении характера деятельности которых постепенно входят в научный обиход эти термины – «тоталитарная секта» и «деструктивный культ».

Одними из них являются так называемые новые религиозные движения (НРД), возникшие в последние полтора века, которые «по основам верования не соотносимы ни с одной из известных мировых религий» [18]. Они, как правило, заявляют о принципиальной новизне собственного учения, своей надконфессиональности, подчиняются зарубежным религиозным центрам, возглавляются харизматическими лидерами. Примерами таких религиозных движений являются кришнаиты, муниты, сайентологи, АУМ Сенрике.

Другие объединяют новые религиозные движения «отечественного происхождения, возникшие или структурно оформившиеся» [18] с конца 80-х – начала 90-х годов XX столетия. В их числе Белое братство – Юсмалос, а также «мурашковцы», «Божьи дети», «виссарионовцы», последователи П.К. Иванова.

Кроме того, существуют новые антирелигиозные движения и культы – «Церковь Сатаны», «Международная Ассоциация ведьм и колдовства», культ Исида, культ Калли [24].

Исследователи выделяют критерии, которыми можно пользоваться при идентификации любой секты, в том числе и тоталитарной.

Главным критерием в их числе является противопоставление, доходящее до одержимости, собственного верования или культа какому-либо другому (как правило, превалирующему в данном регионе) религиозному течению. Кроме того, учеными установлено, что секты появляются преимущественно в среде религий, претендующих на исключительность, абсолютную истин-

ность и полную непогрешимость своего учения. Каждая община сектантов считает себя единственной обладательницей той «истины», которая спасает их от «греховного» мира [24].

Однако подобные претензии современных сектантов на свою исключительность приводят к тому, что многие сектанты начинают считать только себя «праведными» и чуть ли не «святыми». Ко всем остальным людям они относятся с недоверием и часто с неприязнью. Даже провозглашаемые сектантами равенство, братство, любовь утрачивают подлинно гуманистическое содержание, так как чаще всего эти лозунги относятся только к «братьям и сестрам по вере» [24].

При этом секта, как правило, предлагает тип религиозности, неотъемлемыми компонентами которого являются рациональная проповедь, современный язык, эффектное эмоциональное воздействие, соответствующий именно «современному человеку» и легко вписывающийся в культурно-психологическую структуру его личности. Очерчивая свой догматический базис и отделяясь, как правило, от некой «материнской» религии, секта создает прекрасные условия для отождествления религиозной и социальной идентификаций. Именно поэтому она и приобретает в жизни «среднего» сектанта более значимое место, чем церковь в жизни «обычного» верующего.

Определяющим признаком тоталитарной секты является наличие особой, а именно тоталитарной внутренней организации. Так, решения относительно того, как рядовым членам секты следует жить – мыслить, действовать или чувствовать, принимаются исключительно ее руководством. Они также должны получать разрешение, чтобы пойти на свидание, переменить работу или вступить в брак; существуют правила, определяющие, какую одежду носить, как воспитывать детей, где жить и т.п.

Тоталитарную секту всегда характеризуют жесткие и специфические отношения между ее лидером и «паствой». Так, исследования показывают, что большинство современных новых религиозных движений носит выраженный личностно-авторский характер: группа учеников и последователей спланируется вокруг харизматического лидера, имеющего свое специфическое видение мира, подтвержденное преимущественно личным опытом. По его «проекту» группа обрастает социальными связями, формирует собственную структуру и систему деятельности [16].

Различного рода пророки, «учителя», «гуру», подвижники и даже порой священники из традиционных конфессий, обладающие харизмой – особой, личностной притягательностью, способностью почти гипнотически воздействовать на других, – становятся источником притяжения при формировании групп религиозных сектантов. Создание новой конфессии деструктивного толка, как правило, происходит после произошедшего с основателем этой конфессии сверхъестественного события – озарения, просветления и т.п. [12]. Эти люди не только способны породить «религиозные объек-

ты», но и, что гораздо важнее, эффективно внушать их другим или выражать религиозные чувства многих [12].

Важно подчеркнуть, что «паства» – в тоталитарных религиозных организациях также имеет особенности. Обычно это деиндивидуализированные личности, которым присущи боязнь самостоятельности, ответственности, свободы. Их отличают отсутствие критичности, сознательная изоляция от мира, от знаний, от информации, грубое невежество. Убежденность в купе со строгой поведенческой регламентацией дает этим людям душевный комфорт и покой» [11].

Образ жизни рядовых сектантов, насыщенный молитвами и «служением», основан на поклонении лидеру, безоговорочном выполнении его многочисленных и изнуряющих поручений, а также на физической депривации (например, на ограничении сна, отказе от разнообразной пищи и т.п.). Эти тяготы компенсируются «психологическим наркотиком» в виде коллективных экстатических ритуалов, разными путями вводящих паству в состояние эйфории [14]. В то же время широко известно, что вступление в ту или иную секту или новообразование, в особенности в тоталитарную секту или деструктивный культ, часто закономерно приводит к распаду семейных отношений, разрыву контактов с друзьями и внешним миром. «Человек, вступающий в ряды какой-либо секты или культа, более не ассоциирует себя со своей национальной общностью. Секта заменяет ему не только семью, но и народ, нацию, Родину. Происходит полное изменение человеческой личности, а в масштабе социальной группы или социума в целом – коренная цивилизационная трансформация» [17].

Важной отличительной особенностью тоталитарных сект и религиозных культов является то, что они очень энергично занимаются вербовкой новых членов, активно вовлекая их в жизнь своих религиозных общин. При этом очень часто секты пользуются специальными манипулятивными приемами и методами для того, чтобы посредством превращения вновь завербованного человека в лояльное, послушное, раболепное и подобоострастное существо, контролировать его поведение, мысли и эмоции, а также всецело эксплуатировать в собственных целях.

Как подчеркивают исследователи, манипулятивные методы по регулированию поведения могут быть чрезвычайно эффективными и приводить к состоянию глубинной зависимости. Эти методы базируются на двух основных принципах: 1) если человека можно заставить вести себя так, как хочет кто-либо другой, то его можно заставить и поверить в то, чего этот другой хочет; 2) внезапные, резкие перемены способны сделать человека особенно подверженным влиянию извне и привести к неожиданным и глубоким переменам его мироощущения, системы ценностей и веры [24].

Исследователи Р.Д. Лифтон, Т. Патрик, М. Сингер, С. Хассен и ряд других [13; 21; 28; 29] в своих работах акцентировали внимание на использо-

емые сектантами и адептами различных культов методов и практики вербовки новых членов, психологического воздействия на них с последующей «промывкой мозгов», а также применения специальных манипулятивных технологий. При этом их несомненной заслугой стало выделение ряда условий, способствующих эффективному «реформированию мышления» или «промывки мозгов» [21], которые одновременно отражают ключевые этапы или схему механизма манипулятивного воздействия, осуществляемого практически во всех тоталитарных сектах и деструктивных культах. Суть этого механизма, нашедшая, в частности, анализ в работах С. Хассена и М. Сингер, состоит в следующем.

На первом этапе задачей религиозных манипуляторов является «установление контроля над временем, в котором существует человек, особенно в периоды размышлений, и над физической окружающей средой» [21]. Скрытой целью этого этапа служит «создание у новичка ощущения бессилия, страха и зависимости» [21]. На втором этапе запускается процесс обеспечения новичка образцами, демонстрирующими и, что самое главное, закрепляющими, те новые поведенческие стандарты, которые желательны для религиозного авторитета. В ходе третьего этапа запускается механизм «закрепления достигнутого», посредством создания специальной, жестко контролируемой системы любых проявлений инакомыслия со стороны новичка, когда любые его сомнения приравниваются к личной неполноценности [21]. При этом вполне очевидно, что «новообращенный» остается в неведении относительно установления контроля над его сознанием, поскольку в условиях его «информированного согласия» успешно изменить мышление и поведение человека в желательном направлении достаточно сложно.

Таким образом, человек фактически становится «безвольным рабом манипуляторов» в лице деструктивных сект и культов, из рук которых он уже не в состоянии самостоятельно выйти. Важно отметить, что одновременно с установлением контроля над языком, эмоциональным состоянием, процессом мышления и сознанием, регламентацией всех сфер жизнедеятельности новых членов, идет активная пропаганда основных положений сектантской «вероятельной» доктрины, которые служат импульсом к непосредственным антисоциальным действиям.

Обозначенные выше особенности, приемы и методы достаточно наглядно проявляют себя в тех тоталитарных сектах и деструктивных культах, которые неправомерно, а порой – просто лживо – относят себя к ответвлениям традиционных восточных религий, активно действуют в Западном мире.

Известно, что одним из крупнейших ответвлений в индуизме (в рамках вишнуизма) является кришнаизм, который в самой Индии является одной из школ индуизма, мирно сосуществующей с другими школами. Однако, будучи перенесенным на западную почву, что, в принципе, в индуизме не поощряется, кришнаизм обрел достаточно асоциальный и тоталитарный характер.

Так, в 1963 году членом вишнуитского общества «Гудья Вашнава», индийским религиозным деятелем Ш.Б.С. Прабхупадой была создана псевдоиндуистская секта – Международное общество сознания Кришны, известная в России под названием «Харе Кришна».

В середине 60-х годов XX в. Ш. Прабхупада, которому якобы было велено проповедовать кришнаизм на Западе [24], где для этого имелись благоприятные условия, особенно – бытовое, упрощенное понимание сущности восточных религий, начал проповедовать «кришнаизм» в Нью-Йорке. Добровольные пожертвования американцев вскоре помогли ему создать организованное «Движение Сознания Кришны», довольно быстро распространившее свое влияние на всю Америку, а вскоре – и на Западную Европу. Как отмечают исследователи, «консервативный и даже реакционный характер «миссионеров – кришнаитов» импонировал тем людям, которые были разочарованы различными аспектами современного западного общества, а его псевдонаучные, антиинтеллектуальные и фундаменталистские элементы в известной степени олицетворяли для них возврат в прошлое» [26].

На самом деле, этот «западный кришнаизм» имеет «не больше отношения к индуизму, чем мальчик, воткнувший себе в волосы перья и раскрасивший лицо акварельной краской, к настоящим апачам и могикам» [24].

Во-первых, западный кришнаизм монотеистичен – Кришна является верховной личностью, которая проникает во все и присутствует во всем. Кришна имеет много имен, в частности Аллах, Будда, Иегова, а другие боги индуистского пантеона, как и пророки других религий, считаются полубогами и слугами Кришны. Также утверждается, что Вишну является воплощением Кришну, а не наоборот [19]. В политеистичном индуизме же Кришна, изображаемый с голубой кожей и играющий на своей флейте, часто появляется в популярном индийском искусстве [27], является популярной фигурой. Но наравне с ним всегда выделяются и почитаются другие заметные боги.

Во-вторых, в западном кришнаизме существует собственная демонология, описывающая врагов Кришны. Если, по учению Кришны, животных убивать нельзя, то людей убивать не только можно, но и нужно, если они принадлежат к породе ненавидящих Кришну демонов. А если заставить человека в момент, когда его убивают, читать мантру «Харе Кришна», то его карма будет значительно улучшена [19].

В-третьих, хотя западные кришнаиты признают общеиндуистскую концепцию реинкарнации и кармы, карма и освобождение из процесса перерождения зависят у них лишь от уровня преданности Кришне.

Адепты секты ведут активную деятельность по привлечению в нее новых членов, что несвойственно индуизму. При этом «они представляются или как последователи древнейшей (пяти тысячелетней индийской традиции) или как члены 800 миллионной “армии индуизма“, что неверно. Более

того, “священная кришнаитская книга” – “Бхагават-Гита как она есть” представляет собой адаптированный к учению и американизированный пересказ подлинника с комментариями к нему» [24].

Тем не менее, идеи, которые проповедовал Ш. Прабхупада, привлекали своей простотой и рациональностью. Каждое предписание и запрет в кришнаизме (в том числе вегетарианство, отказ от табака, лука и чеснока, безбрачие, общинная жизнь и постоянное повторение – 1 728 раз в день «Харе Кришна Мантры») получают логичное объяснение. Конечная цель каждого кришнаита – слияние с «верховой личностью Кришны»; счастье и радость жизни обретаются верующими уже на начальных ступенях обучения [24].

В ритуализированной жизни Кришнаитской общины, принципы которой Ш. Прабхупада разработал лично и которая очень строго регламентирована, выделяется ряд основных занятий: слушание о Кришне, повторение мантры, воспоминание, служение, богослужение, молитва, послушание, поддержание дружбы с Кришной, выражение экстаза по отношению к нему и т.п. Важным элементом жизни общины является распространение религиозной литературы, которая предлагается на улицах одновременно с пропагандой идеи секты, а также практикуются те занятия, которые приносят кришнаитам деньги [20].

В конечном счете, у человека, вступившего Международное общество сознания Кришны, не остается никакой личной свободы. Он попадает в абсолютную зависимость от Гуру (руководителя секты) – ему начинают предписывать даже то, как и о чем думать [24]. Фактически он становится послушным орудием в руках псевдорелигиозных авантюристов, которые, обладая громадными материальными ресурсами, ведут активную кампанию в СМИ и устраивают громко рекламируемые «гуманитарные» акции для улучшения своего имиджа в массовом сознании.

Проникновение буддизма в Японию привело к появлению там ряда синкретических сект, наиболее известной из которых в XX столетии стала секта «Аум Синрике» (Учение истины АУМ) [20]. Эта секта была основана японцем Секо Асахара (настоящее имя Тадзуо Мацумото) в июле 1987 г. после восьми лет практики буддизма в Гималаях. Вероучение этой секты, название которой в переводе с японского языка означает «Путь к истинной энергии познания» базируется на буддизме ваджраяны, с которым, однако, имеются очевидные расхождения. Так, догматические положения данной секты были разработаны лично ее лидером – Секо Асахарой, возведенным в ранг пророка. Так, С. Асахара рассматривался как Будда, Христос, Индра, король асуров, строитель всех мировых пирамид, основатель цивилизации каменного века, воплощение всех человеческих знаний, слуга Шивы.

Члены секты делились на монахов, живущих в общежитиях, и мирян, живущих дома и посещающих еженедельные собрания-семинары. Для вступления в секту достаточно было заполнить анкету и заплатить вступительный

взнос. Первую ступень посвящения неофит получал бесплатно, последующие – путем набора баллов (в основном за количество розданных листовок). Адепту секты вменялись в обязанность либо активное жертвование (измеряемое в конкретных денежных суммах), либо работа на секту. При этом к членам секты, покинувшим ее ряды, применялись меры воздействия вплоть до физической расправы [20]. С момента проведения членами этой секты в марте 1995 года террористического акта в токийском метро с применением боевого отравляющего вещества «зарин» [20] Аум Синрике попала в разряд тоталитарных, фундаменталистских религиозных организаций [23].

К числу тоталитарных псевдорелигиозных организаций следует отнести синкретические новообразования.

Под синкретизмом понимают смешение разнородных религиозных элементов, обрядов, культов, верований в одном религиозном течении. Наибольшее распространение получил синкретизм в христианстве и различных около христианских течениях, существенно меньше – в исламе, буддизме и индуистских верованиях, и практически он не распространен в замкнутых локальных религиях наподобие конфуцианства и даосизма [20].

Одной причиной увеличения количества синкретических образований считается появление, начиная с середины, а особенно в конце XIX века, массы исследований по культуре Индии, Китая, Японии, которое породило широчайший интерес к восточным религиям. Одновременно отсутствие необходимой терминологии, достоверных переводов первоисточников и, как следствие, искаженное адаптированное представление о них, способствовали дешевой популяризации этих религий, облегченному и существенно видоизмененному их восприятию.

Другой причиной развития синкретических образований стал определенный идеологический и религиозный кризис в среде европейской интеллигенции середины-конца XIX в., вызванный утерей старых идеалов и поискам частью общества новых религиозных концепций. В этой ситуации широчайшее развитие в среде интеллигенции получили различные формы мистицизма и оккультизма, приведшие впоследствии к образованию целой серии синкретических эзотерических учений [20], порожденных воображением Г. Олкотта, Е. Блаватской, А. Безант и Е. Рерих, а также многочисленных спиритуалистов, розенкрейцеров и т.д. [20].

Важным элементом подобных религиозных образований является эзотеризм, то есть идея о наличии некоего тайного знания, доступного лишь посвященным, которыми объявлялись руководители и основатели этих движений. Массовое участие в околорелигиозных культах неконформистски настроенной молодежи сообщило им еще более ярко выраженный конфронтационный и негативистский настрой по отношению к нормализованной религиозности и господствующим церквям. Оккультизм быстро встал на коммерческие рельсы, породив известный принцип «хочешь стать богатым – создай свою религию» [8; 9].

Наглядным примером деструктивной синкретической практики, использующей все обозначенные выше приемы и технологии, служит деятельность различных религиозных сект и культов под общим названием Нью Эйдж (Новой Эры, Нового Века).

Общей особенностью этих новых религиозных движений, а также псевдорелигиозных движений, групп, организаций, оккультной, эзотерической, синкретической направленности, ставших очень популярными на Западе в 70-е годы XX века, являлось то, что они активно стремились внедрить в неокрепшее сознание западной молодежи и иных социальных групп идею о наступлении новой эры в развитии религиозной ситуации в мире. Астрологическая Эра Водолея, наступающая на рубеже XX-XXI веков, по мнению значимой части сторонников Нью Эйдж, должна была ознаменовать кардинальные изменения в духовной, культурной и религиозных сферах жизни людей, когда на смену христианству, ассоциируемому с уходящей астрологической эрой Рыб, а также современной западной культуре, должно было прийти новое синкретическое нетрадиционное религиозное учение или религия [5; 10].

Как отмечает А.Л. Дворкин, в более широком смысле «Нью Эйдж» – «это широко распространенное оккультное неоязыческое движение, основанное на определенной довольно свободно сформулированной идеологической базе, которое сформировалось во второй половине шестидесятых годов в Калифорнии. <...> Дать сколько-нибудь точное определение движения «Нью Эйдж» <...> довольно трудно. Можно назвать его конгломератом различных спиритистских и оккультистских групп, культов, школ, сект и учений. Само же название его может ввести в заблуждение, потому что в религиозной сути Нью Эйдж собственно нового ничего нет, все это – старые замшелые идеи и старые, траченные молью теории» [5].

Действительно, как указано на одном из сайтов, популяризирующих деятельность «Нью Эйдж», «это движение за развитие человеческого потенциала, конечной целью которого является личная трансформация человека «путем самосовершенствования и развития хороших качеств. При этом ключевым в данном процессе является не изучение чужих догм, а получение собственного мистического опыта, который позволит человеку подняться на следующую ступень в самопознании. Этот мистический опыт и готовы передать ему адепты данного движения, которое якобы «пришло на смену традиционным религиям, ответив на актуальные вопросы духовного развития современного человека, поставив перед ним новые цели и указав на пути их достижения».

Для поиска так называемого «Личностного Бога», а также «ответов на актуальные для человечества вопросы», а также построения своей жизни согласно принципам Нью-Эйдж, многие последователи данного движения, в числе которых муниты и сайентологи, объединялись в общины,

коммуны, ашрамы, эко-поселения и т.д. Среди них: Финдхорн (Шотландия), Даманур (Италия), Фарм (США), Белый Лотос (Австрия), Ауровиль (Индия), Кристальные Воды (Австралия); Школы и центры личностного роста и духовного развития: Институт Мира, Урантия, Лама Фаундейшн (Нью Мексико), Форум, Всемирные Центры Взаимоотношений, Лайфспринг и подобные ему тренинговые компании, танцы Народов Мира, множество восточных групп по всему миру (центры Ошо, Дхамма Хаус, общество Веданта, Бахаи, Мехер Баба, Ананда Марга) и др.

С этой же целью обозначенные выше и многие другие многочисленные новообразования тоталитарно-сектантского типа, объединенные в данном движении, практикуют нетрадиционные, но весьма дорогостоящие методы лечения, среди которых акупунктура, приборы с био-обратной связью, хиропрактика, специальные упражнения и массажные техники, диету, «натуральные растительные препараты» (часто на основе наркотиков), и многие другие типы «терапий», которые в совокупности позволяют их лидерам управлять «внутренним пространством», то есть сознанием своих членов, подавлять способность к критическому мышлению и направлять действия в нужное им русло.

Популярность подобного рода антисистемных идей, течений, практик и движений многие исследователи напрямую связывают с последствиями молодежной «контркультурной революции» в Западном мире, с активным их продвижением различными субъектами общественной жизнедеятельности, а также особой поддержкой средствами массовой информации и пропаганды. На самом деле, также, как и «сексуальная», «контркультурная», «молодежная» «революции» и «бунты», феномен «Нью-Эйдж» являлся разновидностью масштабных экспериментов социальной инженерии, одним из объектов которого стала сначала западная, а затем и российская молодежь [5; 8; 9].

Если говорить о России, то в период «перестройки», и сразу после прекращения существования СССР, на постсоветском пространстве и, в частности, в Российской Федерации активизировалось большое количество неизвестных ранее в нашей стране религиозных сект, а также появились различные собственные религиозные новообразования. Стремясь заполнить возникший духовный вакуум, все эти нетрадиционные для России религиозные организации, развернули целенаправленную пропаганду своих воззрений, прежде всего, в рядах молодежи, как самой перспективной, деятельной, но в то же время неопытной и, внушаемой части общества.

К специфической особенности сект и культов, существующих на российской почве, следует отнести социально-демографический состав этих религиозных образований – это «преимущественно молодые люди из образованных и обеспеченных слоев общества» [1]. Так, большую часть членов тоталитарных сект подобного рода составляет молодежь в возрасте от 20

до 30 лет – «верующие первого поколения». В данной связи и руководящие должности в них также «занимают молодые и неопытные люди, стоящие на пороге психологической зрелости и лишь готовящиеся войти во взрослую жизнь, что считается причиной крайних действий некоторых НРД. У новых сект очень высокая текучесть, так как молодые люди через год-другой меняют свои представления о том, чего они хотят в жизни» [10].

Деятельность подобных организаций в отношении молодежи коренным образом отличается от направлений деятельности и методов осуществления молодежной политики традиционных для России религиозных конфессий и деноминаций. Ее характерными чертами являются развитие миссионерской, просветительской и информационно-издательской деятельности с целью пропаганды своего «вероучения», а также широкое применение различных манипулятивных психосоциальных технологий, методов воздействия на сознание с акцентом на вербовку наиболее «подходящих» для сект и новообразований представителей молодежи.

При этом необходимо подчеркнуть, что очевидным и доказанным является антисистемный, антипатриотичный, антиобщественный и антигосударственный характер воспитания молодежи в значительном количестве сект и новообразований. Любовь к России, культурной традиции, вере своих предков, своей семье, активная и патриотичная гражданская позиция – являются неприемлемыми для целого ряда сект и новообразований, в особенности имеющих иностранные корни и финансирование.

Главной целью публичной активности религиозных сект и новообразований в отношении молодежи является вербовка новых членов. Эта вербовка может осуществляться как на улице, в общественном транспорте или на дому, с раздачей соответствующей литературы и материалов, с последующим приглашением пройти психологические тестирования, посетить сектантские центры, выставки, семинары, тренинги, поучаствовать в организуемых сектой благотворительных и иных акциях, так и в обычных государственных и общественных учреждениях – в школах, ВУЗах, спортивных клубах и организациях, местах досугового времяпрепровождения молодежи.

На наш взгляд, существенно облегчает процесс «культовой вербовки» особенности ценностных ориентаций и предпочтений современной молодежи в сфере досуга, а также ее предрасположенность к участию в массовых шоу, концертах, и различных увеселительных мероприятиях. Эти склонности молодых людей достаточно активно используют сектанты, предоставляя молодым людям «возможность участвовать в различных многотысячных конгрессах, семинарах, массовых молениях, костюмированных шествиях, сеансах психотерапии и в других различных мероприятиях, направленных больше на эмоциональное состояние человека. В процессе проведения таких акций от участников требуется усваивать несложную информацию; человек пребывает в хорошем настроении, а часто и в различных

экстатических состояниях, то есть получает то, к чему стремится его душа, к чему он заранее тяготеет» [3].

Методы, к которым прибегают активисты деструктивных сект и культов, основаны на использовании дефектов социализации и процессов воспитания молодых людей, усугубленных различными жизненными обстоятельствами. Так, достаточно известным методом стал простой, но эффективный метод, получивший в мунитской секте «Церковь объединения» наименование – «бомбардировка любовью», когда «новобранец» «чувствует, что им кто-то искренне заинтересован, что у него наконец-то появились настоящие друзья, о которых он так долго мечтал» [5].

Достаточно часто тоталитарные секты и деструктивные культы при осуществлении вербовки новых членов используют откровенный обман, скрывая от новичков информацию об истинных целях организации и ее доктрине. Следует отметить, что секты и новообразования, стремясь укорениться на российской почве, занимаются активной финансово-хозяйственной деятельностью, широко используют в своих целях СМИ, вербуя сторонников и лоббируя своих интересы в государственных и общественных органах различного уровня. При этом деятельность сектантских религиозных объединений и организаций иностранного происхождения, как и многих других НКО, не может осуществляться без масштабных финансовых влияний от спонсоров, прежде всего, без активных внешних финансовых вливаний [17].

Большую обеспокоенность среди экспертов вызывает активное проникновение сект и новообразований в учебные заведения, систему здравоохранения и социальной защиты, реабилитационные центры, закрытые режимные объекты, предприятия, научно-исследовательские институты. Ведь нет никакой гарантии, что, занимаясь вербовкой новых членов и сбором информации о своих членах и их деятельности, данные организации не занимаются одновременно осуществлением разведывательной деятельности в интересах других держав – геополитических противников России, а также подготовкой очередной «цветной» революции или кадров для экстремистских и террористических организаций.

Учеными давно доказан тот факт, что деятельность целого ряда религиозных сект и новообразований носит откровенно экстремистский и террористический характер, и они оказывают явно негативное влияние на общество. Иными словами, тоталитарные секты, деструктивные культы не просто манипулируют людьми и особенно – молодежью, но и представляют в настоящее время одну из реальных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Дело в том, что достаточно часто религиозные секты и культы являются своеобразными пособниками спецслужб, используют методики их работы, возглавляются бывшими и как бы «бывшими» сотрудниками спецслужб.

Так, они активно применяются спецслужбами иностранных государств для сбора разведывательной информации, операций по дестабилизации

обстановки в стране, подготовке различных рукотворных «революционных» сценариев и государственных переворотов. Как справедливо отмечает И. Полонский, «практически все секты иностранного происхождения представляют собой “агентов иностранного влияния” на территории России, с дисциплинированной и готовой на выполнение любых поручений своего руководства паствой» [17].

Таким образом, современные тоталитарные секты и деструктивные культы, несмотря на небольшой период своего существования в России, по мировоззрению их членов, а также антиобщественному и антигосударственному характеру их деятельности являются настоящими антисистемами, то есть, религиозно-идеологическими системами с негативным мирозерцанием, способствующим сокращению жизни этноса, распаду общества, разложению и упрощению культуры, стремящимися уничтожить посредством революций, государственных переворотов или реформ столь ненавистный им порядок и традицию, подчинив себе или просто поработив изначально несогласное с ними большинство того или иного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Баркер А. Новые религиозные движения. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
2. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: Морфологический анализ. Ч. 1. М., 1999.
3. Боков А.В. Методы контроля сознания в деструктивных культах // Интернет-ресурс Религиозная безопасность // <http://www.tds.net.ru/index.php/nauchnye-trudy/91-sektovedenie/133-metody-kontrolya-soznaniya-v-destruktivnykh-kultakh>
4. Даль В.И. Секта / Толковый словарь живого Великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 4.
5. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Издательство Христианская библиотека, 2012.
6. Елишев С.О. Молодежная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации // Пространство и Время. 2013. № 1 (11).
7. Елишев С.О. Молодежная политика религиозных сект и новообразований в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4.
8. Елишев С.О. Социальное манипулирование современной молодежью. Диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04 [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2018.
9. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2018.
10. Конь Р.М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2008.

11. *Краммер Дж., Олстед Д.* Маски авторитарности: очерки о гуру. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
12. *Красиков В.И.* Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М.: Водолей Publishers, 2006.
13. *Лифтон Р.Д.* Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма. Х.: Виват, 2015.
14. *Никольский Н.М.* История русской церкви. М.: Издательство политической литературы, 1983.
15. *Осинов И.А.* Тоталитарные секты: технология обмана. Мн.: Белорусский экзархат – Белорусская Православная Церковь, 2000.
16. *Сафронов А.Г.* Религиозная мобильность // <http://www.countries.ru/library/religio/relnob.htm>
17. *Полонский И.* Секты как угроза национальной безопасности России // Военное обозрение // <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html>.
18. Религии России: учебное, справочно-аналитическое пособие по вопросам государственно-конфессиональных отношений и религиоведению / Под общ. ред. О.Ю. Васильевой, В.В. Шмидта. М.: Изд-во РАГС, 2009.
19. *Силантьев Р.А.* Международное общество сознания Кришны / Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
20. *Таевский Д.* Секты мира. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад», 2007.
21. *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», «Издательский дом Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.
22. *Хвьяля-Олинтер А.И., Лукьянов С.А.* Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М., 1996.
23. *Челищев В.И.* Фундаментализм и фундаменталисты. М.: РГСУ, 2010.
24. *Шапарь В.Б.* Секты – угроза национальной безопасности России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
25. *Яблоков И.Н.* Социология религии. М.: Мысль, 1979.
26. *Brockington J.* Hinduism and Christianity. Basingstoke and London: Macmillan, 1992.
27. *Lind M.A.* Hinduism, Fundamental / Encyclopedia of Fundamentalism / В.Е. Brasher (ed.). New York, London: Routledge, 2001.
28. *Patrick T., Dulack T.* Let Our Children Go! N.Y.: E.P. Dutton and CompaN.Y., Inc., 1976.
29. *Singer M.T.* Psychotherapy Cults // Cultic Studies Journal. Vol. 7. № 2.

S.O. ELISHEV

*Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Modern Sociology
at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

TOTALITARIAN RELIGIOUS SECTS AND DESTRUCTIVE CULTS AS UNSYSTEM ORGANIZATIONS

The article deals with issues related to understanding the essence and role of totalitarian sects and destructive cults in the life of modern Russian societies. In the last few years of the existence of the USSR and the first decade of the existence of the Russian Federation, neutral, if not complacently positive attitudes towards the activities of various «syncretic» religious organizations and entities prevailed on the part of various State officials and institutions. They, in their essence, being anti-system structures and organizations, were actively engaged in various types of activities of a uniquely destructive nature, creating a threat to national security and naturally leading to dysfunction, and ultimately discrediting the institution of religion as a whole. The work is of interest to specialists in religious studies, sociology, political science, cultural studies, and law.

Key words: *religious organization, sect, destructive cult, anti-system, syncretism.*

DOI 10.35775/PSI.2020.57.5.013

УДК 32.323

А.Р. ШУКУРОВСКИЙ

*аспирант кафедры национальных и
федеративных отношений Института государственной
службы и управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

В.В. ШМИДТ

*доктор философских наук, профессор,
государственный советник Российской Федерации 1 кл.;
заместитель председателя Ассамблеи народов России,
член Управляющего совета Ассоциации российских религиовед-
ческих центров, директор Центра религиоведческих и этнокультур-
ных исследований и экспертизы Института государственной
службы и управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИ И ОСОБЕННОСТИ

*В статье представлен обзор проблемных зон модели культурной поли-
тики РФ, ее ценностно-идеологические аспекты, а также выделены осо-
бенности. Регулирование правоотношений субъектов культурной полити-
ки предусматривает, помимо определения границ прав и ответственности
сторон, такие важные для целей развития культуры аспекты как: регу-
лирование прав и свобод этнических общностей и народов в культурном
пространстве; установление регламентов в отношении объектов куль-
турного наследия народов России; урегулирование отношений по вопросам
обмена в сфере культуры, определение объема полномочий и ответственно-
сти государственных органов за создание условий для сохранения и раз-
вития культурных ценностей и наследия.*

Ключевые слова: *Россия, государственная культурная политика, новая
модель культурной политики.*

Политика государства в сфере культурного развития (культуры) – это со-
вокупность принципов и норм, которыми оно руководствуется в своей де-
ятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а так-

же сама деятельность государства в области культуры: такое содержание понятия «национальная культурная политика» закреплено законодательно в ст. 3 Федерального Закона «Основы законодательства РФ о культуре» [9].

Фактически закон о культуре обозначил новый этап институционального становления этой сферы, определив политику в области управления культурой одним из приоритетов национальной государственной политики, а также закрепив определяющую роль государства в качестве субъекта разнородного управления этой важной для социально-культурного развития общества индустрии.

Регулирование правоотношений субъектов культурной политики предусматривает, помимо определения границ прав и ответственности сторон, такие важные для целей развития культуры аспекты как: регулирование прав и свобод этнических общностей и народов в культурном пространстве; установление регламентов в отношении объектов культурного наследия народов России; урегулирование отношений по вопросам обмена в сфере культуры, определение объема полномочий и ответственности государственных органов за создание условий для сохранения и развития культурных ценностей и наследия [12]. Вместе с принятием закона российская культура «получила» в определенном смысле иной статус – для государства она декларируется одним из приоритетов и получает правовое оформление.

Обращая внимание на конструктивные трансформации – введение таких новых для социокультурной практики понятий (терминов) как «национальное и региональное культурное наследие», «единое культурное пространство страны», укажем на ряд специфических проблем и особенностей этого этапа:

– *во-первых*, проблемы финансирования (на практике, несмотря на принятый нормативно-правовой акт, ситуация с восстановлением потенциала культуры за последние десятилетия кардинально не изменились: хотя законодатель закрепил нормы финансирования в объеме 2% федерального бюджета и не менее 6% от объема бюджета субъектов РФ [12], они фактически игнорировались; ситуация стала несколько меняться с развитием таких инструментов как Национальные проекты [25] – связанных с показателями, определенными в Целях устойчивого развития ООН);

– *во-вторых*, сферу в части теоретико-методологической обеспеченности характеризует широкий разброс подходов к базовым определенностям – понятийно-категориальный аппарат и философско-аксиологические установки (ценности и идеологемы), применяемые к атрибуции и интерпретации феноменов и явлений, способных составить ценность для культуры, культурных отношений, все еще не имеют актуальной концептуализации, как и стратегий развития (совершенствования). Все это усугубляет, с одной стороны, кризис управления – онтические (историко-генетические) и онтологические (аксиолого-идеологические) стратегии в принципе не могут

быть обеспечены, так как на их стыке не формируется феномен «концептуальное единство», если только они не входят в более сложную систему, например, эпистему, или не заданы как аксиома (образуют фрактальное ядро); с другой, эта кризисность стимулирует диалог классических и новационных форм и средств, включая разработку идеологии «национальная идея/русская идея» – ее и формулы, и/или оснований, хотя это и выглядит сомнительным из-за историко-политических и культурно-идеологических особенностей историогенеза России, сформировавшейся как государственно-цивилизация [20. С. 29-47; 16; 13].

Вслед за Г.А. Аванесовой и О.Н. Астафьевой, укажем на парадокс, характеризующий состояние отрасли: «к объявленному Году культуры в России (2014 г.) культурная политика государства практически балансировала между разными содержательными полюсами, формируя порой трудно совместимые содержательные векторы своей деятельности, которые к тому же постоянно изменялись» [3. С. 193-201]. (Кроме того – и это требует особого осмысления, – понятие «культура» в законе оказалось не формализованным).

Итак, основные направления культурной политики России были определены еще в 2006 г. в Постановлении Правительства [11], но и они почти не учитывали особенность России как многонационального, сложносоставного общественно-государственного образования – тот цивилизационно значимый поликультурный феномен, исторически объемлющий как формы территориально-административных форм организации множества этносов и народностей, так и формы и уровни организации культурной жизни. (Этот аспект является сущностным, поскольку речь идет не только о сохранении богатейшего наследия, составляющего понятие «культура России», но и принципах управления государственно-общественными отношениями – принципе субвенционализма, обеспеченном моделью общественно-религиозных и государственно-религиозных отношений, с одной стороны, а с другой – подходами к праву на мировоззренческую определенность и гарантиям этого вида свобод).

Будучи социальным институтом, культура нуждается в формировании сложного механизма взаимодействия различных субъектов, ответственных за ее состояние, а потому правомерно говорить о системно-эпистемологическом подходе к формированию уровней культурной политики, организующей пространство коммуникаций и реальных мер по обеспечению жизнеспособности этого института, в воспроизводство которого вовлечена вся общественно-государственная система в целом [18. С. 15-38]: государственные и негосударственные институты – органы власти и управления, начиная от федеральных и заканчивая местными поселковыми территориальными объединениями, коммерческие и некоммерческие организации и фонды, творческие коллективы и союзы, представители этносов и народностей, включая религиозные и этно-политические образования.

В целях разработки и обеспечения разного рода стратегий и концепций, чтобы они имели консолидирующее значение и были заинтересованно восприняты, необходима многоэтапная процедура формирования и рассмотрения. Ответом на запросы общества стала Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. (Распоряжение Правительства № 326-р от 29.02.2016) [10].

Обратим внимание на то, как акцентированы приоритеты культурной политики.

На первом месте обозначено «усиление и расширение влияния российской культуры в иностранных государствах»; на последнем – формирование новой модели культурной политики.

Вероятно, именно «новая модель» предназначена раскрыть механизм взаимодействия участников культурного пространства, объединенных идеей поиска «тождества в разнообразии», призванных обеспечить определенный баланс интересов в части переосмысления, с учетом национально ориентированных политико-идеологических контекстов, таких категорий как общее/индивидуальное (генерализация/ре-конструкция), конкретное/всеобщее (индивидуализация/ре-интерпретация), что обеспечит историческую преемственность политик и освоение новых практик – обеспечит ответ на вызовы новой культурной парадигмы, способной учитывать эффективность/качество новых моделей и технологий организации социального пространства, которое все более виртуализируется, «глобально» обостряя проблемы природы, – затрагивая все без исключения сферы жизнедеятельности человека – его антропо-, социо-, семио-, аксио-, онто-генез в контексте способов и подходов к концептуализации, с учетом когнитивных искажений.

Так, в ожидаемых результатах реализации мер в рамках новой концепции развития культуры в России (гл. VII Стратегии) обозначено, что она позволит сформировать «новую *ценностно-ориентированную модель* государственной культурной политики, включающую в себя также и региональное измерение с учетом федеративного устройства Российской Федерации». При этом анализ содержания модели в том варианте, как она структурирована законодателем, позволяет сделать вывод, что она не отвечает установке на ценностную (аксиологическую, философско-методологическую и идеологическую) определенность, соотносимую с образом национальной идеи и/или ее базовыми архетипами, а скорее провоцирует критические вопросы к виду этой «инноватики».

Первый вопрос о ценностях, которые провозглашены как результат Стратегии. Они не только не зафиксированы в модели, кроме ценности участия государства в качестве стратегического инвестора, но и не вполне понятно, как и за счет чего некий продукт считать как ценностно значимый, как ценность. Финансирование (объем и принцип) – базовый для любой политики аспект, но он не исчерпывает содержания модели культуры, тем более столь

сложной, как она сложилось в контексте российской политической истории. Поэтому при всей важности ответственности субъектов за экономическое содержание культуры, вряд ли это можно отнести к анонсированной законодателем «ценностной модели культуры».

Второй вопрос возникает при анализе положения об унаследованном от советской патерналистской модели установки на иждивенчество у части субъектов культурной политики в отношении обязательств государства: какова правомерность такого рода формулировок в контексте «ценностной модели», особенно если речь идет о достижении баланса интересов – гармонизации системы общественных интересов в целом, как это, например, определяется в Стратегии государственной национальной политики [1; 4. С. 76-84].

Третий вопрос касается оценки рисков и проблем в части собственно этой модели.

Так, в качестве рисков, «определяющих целесообразность выработки новой модели культурной политики» обозначены: сложности межведомственного взаимодействия по вопросам развития культуры, неполное соответствие инфраструктуры культуры вызовам нового времени, недофинансирование культуры и недиверсифицированность источников ее поддержки, несовершенство системы институтов развития и, наконец, необходимость учета целей, задач и приоритетов Основ государственной культурной политики и Стратегии в документах стратегического планирования и прогнозирования. Любопытен факт, что в ряд поставлены все реальные проблемы, причем они рассматриваются как угрозы новой модели, но сама модель не содержит адекватного алгоритма расчета этих угроз – она не обладает системно-эпистемологическим признаком. Более того, она требует детализации, поскольку именно в этих угрозах раскрывается реальное положение современной культуры.

Еще одной неоднозначной концептуальной особенностью документа в части инвестиционной обеспеченности являются апелляция к опыту зарубежных стран, что он «свойственен» для мировой практики – систем наднациональных, а потому «идеологически» не в полной мере может быть транслирован в условия России, которая является государством федеративным, а ее мультикультурализм – исторически сложившаяся форма, обеспечивающая национальный мир и согласие за счет безусловного уважения к этно-культурным ценностям и их защиты. А потому встает вопрос, каким образом соотносить обозначенные угрозы, например, «неполное соответствие инфраструктуры культуры вызовам нового времени» с мировым опытом развитых зарубежных стран и соответствующей их экономическому положению инфраструктурой?

Если речь идет об уникальном российском опыте обеспечения (воспроизводства и сохранения) этнокультурного, мультинационального разнообразия (в смысле «мир-система»), по многим аспектам не имеющей аналогов

в мировом культурном пространстве (ареалах региональных цивилизаций), то не разумнее ли было бы сперва сформировать (просчитать эффективность) модель, определив а) принципы ее функционирования, б) разграничив сферу ответственности субъектов в) разработав в соответствии с запросами общества адекватную российской культурно-мировоззренческой уникальности функциональную модель. После решения этих задач закономерным выглядит приоритет запроса на идеократическую функцию культуры – «усиление и расширение влияния российской культуры в иностранных государствах».

В контексте означенных проблем еще раз обратим внимание на бытующие подходы к анализу условий реализации культурной политики – ее патерналистский (просоветский) и партнерский (модернистско-демократический) характер. Принято считать, что «эти две различные по своей природе концепции сосуществуют» [6. С. 109-114], однако исходя из анализа содержания «новой модели», участие государства остается все-таки распределительным, а система финансирования – централизованной. Не умаляя важности решения вопросов финансового обеспечения развития института культуры, особенно в условиях перманентного экономического кризиса, полагаем, что важно критически переосмыслить философско-аксиологические (идеологические) основания, которые могут (должны) составлять основу модели культурной политики, – ее смыслообразующие подходы, принципы и механизмы.

По какому пути пойдет общество в поисках (формировании) культурно-идеологической (само-)идентичности – будет ли это прозападное, проазиатское (восточное) или, к чему склоняется большинство исследователей, сформируется вариант некоторого евразийского синкретизма – уникальной медианной/срединной модели развития, представляется важным для понимания сущности государственной политики, но в тексте документа, и оно не нашло отражения [8. С. 60-67].

Особенностью культурной политики, которая базируется на доминирующих в обществе социокультурных нормах и стереотипах, с учетом особенностей их регионального полиморфизма, являются не только исторически сложившиеся традиции мультинационального и мультирелигиозного (поликонфессионального) государства, а также и представления о сильной власти – значимости федерального центра со смещением приоритетов в сторону государственных (корпоративно-автократических) интересов. При этом административно-политические (географические) особенности России также являются существенным фактором, который стимулирует обратные, анти-унитаристские, тенденции – векторы на сохранение и развития естественного разнообразия и национального богатства российской культуры, что, собственно, фиксируется в упоминавшихся выше Стратегии государственной национальной политики и профессиональном стандарте «Спе-

циалист в сфере национальных и религиозных отношений» [23. С. 46-66; 7. С. 119-157; 2. С. 108-118].

Однако позиция Российского государства при всей многовекторности и сложности ее внешней политики, в последние десятилетия сопровождается все более ярко выраженными риториками, опирающимися на ценности и идеологемы моно-центристских (-теистических) систем, что хотя и обеспечивает ей серьезные онтические (историософские, доктринальные) преимущества, но при этом, как указывает А.Б. Шатилов: «Если говорить о взаимоотношениях России и Евросоюза, то их резкое ухудшение в 2013-2014 гг. во многом стало следствием несовпадения мировоззрений российского и европейского руководства. Действующая власть ориентирована на религиозные и традиционные ценности, что уже изначально создает ситуацию «недоговороспособности» с левыми либералами» [19. С. 14-19; 21. С. 65-74; 22. С. 46-60].

Завершая обзор, отметим: нормативный правовой акт – это всегда «портрет/образ» существующего в обществе как Общественного договора, так и своего рода реестр базовых смысло-образов – ценностей. Поэтому проблемой особого порядка, на наш взгляд, является ценностно-целевая неопределенность главного объект-субъекта культуры – человека, с которым – идентификационными основаниями которого, как и основаниями субъектности в целом, – увязываются базовые трансформационные принципы и подходы, включая переход на новые формационные уклады и к новой системе миропорядка.

Поскольку человек есть элемент системы и тут же ее пра-основание, следовательно, лишь ему и принадлежат аксиоматические определенности для способов своих метафизических вопрошаний-построений; поэтому все виды социальных (антропологических) систем демонстрируют фрактальную зависимость, детерминизм и воспринимаются как естественные, живые, но на деле являются искусственной, второй, природой [17; 5; 24]. Все технические, аппаратные средства – мир Машин – относится к этой же среде-сфере – второй природе, которая в условиях начала цифровой эпохи (формации) оказывается для человека его внешней средой – реальностью, чьи структура и качественные признаки (характеристики) поступательно будут оказывать на человека непосредственное и все более серьезное влияние. Поэтому уже сегодня обострена проблема взаимодействия естественных и саморазвивающихся искусственных систем: что послужит стимулирующим фактором и понудит человека к необратимым изменениям в его отношении к этой среде (по сути – ко второй природе, которая уже гипостазирована, например, в форме над-национальных образований, и действует по аналогии с первой) настолько, чтобы возникающая и нормативно оформленная на начальных этапах субординация (логика/принцип/процессуальность) реальностей на последующих этапах окончательно поработила антропологическую и семиотическую сферы жизни – сделала их зависимыми?

Перспектива становления нового порядка непосредственно связана с опытом культурно-метафизической (3) [14; 15] и нормативно-правовой (4) деятельности человека: с одной стороны, это процесс вопрошания при сравнительно небольшом разнообразии форм и моделей, а с другой – фактическая неограниченность видов природ (видов и уровней противоречий, формирующих очередные, все новые и новые, природы), которые создают анти(квази)-антропный мир, вполне себе равный по объему, если не больший в сравнении с миром физическим, который, как и последний, требует своей систематизации – онтологизации и алгоритмизации. Это, на наш взгляд, самый существенный и даже сущностный вызов классическому миру (миру Нового времени) – всем значимым этнонациональным/общественно-государственным образованиям, поскольку уже сейчас требует определенности в подходах к субъектности и объемам правовой определенности/ограниченности живых (естественных/моральных = аксиологических) и искусственных (квази-живых) систем. И эта базовая определенность как своего рода идеология (определенность по цели и смыслозначению) суть политика государства, в целом, и отдельных его институтов, в частности, отвечающих за сферу культуры и образования – отвечающих за воспроизводство этнокультурных, межнациональных, межрелигиозных и межинституциональных отношений, а потому эта политика, ее базовые принципы и идеологии, подходы и концепции, должна быть формализована – должна иметь хотя бы самую общую, начальную понятийно-категориальную определенность, включая перечень подходов, используемых каждым конкретным видом субъектов, участвующих в обеспечении государственной отраслевой политики.

Сегодня человек стоит перед вызовом формирования новой системы противоречий, в частности, между природой интенции (индивидуально-личностным началом бытия) (1) и, с учетом факта свободно умножающихся реальностей, которые легко семиотизируются, в том числе и из себя своими же аппаратными средствами, – природой воли/силы (институционализированными формами социального бытия) (2). И хотя понимание этого фундаментального противоречия известно давно, и оно уже несколько веков эффективно действует – противоречие преодолено: лезвие номинализма (бритва Оккама) все еще продолжает быть ценностью, хотя в новых условиях – активной генерации Природ/Реальностей, – с учетом «природной» особенности собственно Природы быть самозначимой – формировать критерии истинности (онтологизироваться) и сообразно им действовать, – в этих новых условиях и «лезвию бритвы» будет непросто обеспечить собственную генерализацию – обновить концептуализацию (теорию) с учетом мульти-онтологизма реальностей (сфер).

Смежная, возникающая здесь, проблема – как и за счет чего обеспечить сущностное антропного бытия – сущностное Человека, – чтобы в мире/куль-

туре, в том числе и на национальном/региональном уровнях, обеспечивалось естественное и/или интенсифицированное воспроизводство естественных метафизик, а не искусственных (квази-философских и квази-религиозных – идеологических) систем?

Что этим ядром бытия человека является приватное – это очевидно, а потому закономерен вопрос: какой набор данных/информации и какого объема будет достаточен, чтобы принцип субвенционализма обеспечил должным образом устойчивость этой новой, усложненной за счет информационной среды/поля, эпистемы – реальности, которую генерирует и в которой бытует уже не только человек, но и инжиниринговые комплекс-системы, – какой объем нужно будет фиксировать? – А качественно-количественные показатели по этим элементам системы целесообразно ли иметь в документах стратегического планирования, или достаточно будет определить подход и базовые принципы?

Итак, совокупность высказанных тезисов позволяет утверждать, что культурная политика России должна быть обусловлена рядом ее особенностей:

– особенностями ее исторического развития как мультинационального и мультирелигиозного государства. (Эти ее качественные особенности могут быть как угрозой единству и стабильности, так и преимуществом в глобализационных процессах за счет постоянно возобновляемых опытов управления сложными системами.);

– особенностями геополитического положения России: выбор западноевропейского и/или азиатского, либо уникального евразийского, медианного, варианта развития позволит усилить сохранность культуры – самобытность ее традиций и укладов;

– сильная позиция федерального центра и доля участия государства в вопросах регулирования культурной политики, как и интегративного с другими отраслевыми стратегиями элемента, должна оставаться, исходя из содержания Стратегии, преобладающей;

– необходимо формировать многоэтапную процедуру рассмотрения, уточнения и принятия выраженных идей и интересов всех участников, консолидирующих различные интересы в общее пространство позитивного взаимодействия с учетом современных вызовов, актуализирующих проблемы антропо- и семио-генеза.

Таким образом, новая модель культурной политики России должна быть направлена на сохранение этнокультурного, духовно-нравственного многообразия, поддержание единства политико-правовых принципов, обеспечивающих воспроизводство этих систем ценностей, которые немислимы без человека – человека культурного – ядра и цели культуры как таковой, и как таковой культурно ориентированной деятельности.

В этом смысле новая модель может послужить и платформой для сохранения независимости и самобытности Российского государства в сложных условиях глобализирующегося мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Вид аксиологических систем – *естественная, живая система*, – восходящих к творческой энергии и ее потенции, результатом реализации которой является ценность в форме морального суждения – производства и фиксации значимого (имеющего потребительскую ценность) артефакта, – обладающего признаками единства и целостности знака/тропа (единица смысла), – которое, собственно, и проявляет (отражает/фиксирует) уникальную модель производства, данного [материального и/или нематериального] объекта.

(2) Вид анти-(квази)-аксиологических систем – *искусственная система*, – восходящая к способу производства ценности [модель + принцип = алгоритм], но в части ее процедурно-процессуального оформления – механизму отчуждения – приему, в котором происходит переход (трансформация) качественно-количественных признаков (показателей) в институционально-значимое – в форму – в новый уникальный объект, обеспечивающий генерализацию (родо-видовое единство) всех видов качественно-количественных признаков, на базе которых (и/или из которых) и произошло отчуждение-[и]-снятие – проявилась Сила/Власть [Кратос] – т.е. то, что, собственно, с одной стороны, обеспечивает единство всех видов отношений в рамках данной системы, а с другой – ее целостность – родо-видовое непротиворечие, как внутри системы в целом, так на уровне каждого элемента в частности.

(3) Практики (способы и механизмы) мифологизации и метафоризации, формирования историософских доктрин, в контексте которых оформляются религиозные, аксиологические, философско-методологические, политико-правовые системы.

(4) Практики (принципы и механизмы) организации и управления, учета и контроля, сакрализации и права санкции, модель легитимационной и субвенциональной определенности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Судьбы народов России в XXI в.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: научно-методические основания разработки и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Махачкала, 2013.

2. *Аллахвердян Я.О., Богачев М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С.* Религиоведение в контексте национальной безопасности // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 2.

3. *Астафьева О.Н.* Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5.

4. *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2014. Вып. 236.

5. *Копейкин К., прот.* Что есть реальность? Размышления над произведениями Эрвина Шредингера. СПб., 2014.

6. *Котенко В.А., Трифонов Ю.Н.* Государственная культурная политика и особенности ее реализации на современном этапе // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. 2017. № 8.

7. *Ненашев А.Н., Шмидт В.В.* Профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений»: политический аспект и идеологический контекст // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. № 2 (28).

8. *Никулина А.А., Торопыгин А.В.* К вопросу о концептуальной основе развития Евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2017. № 3.

9. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.

10. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

11. Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации: Постановление Правительства РФ от 01 июня 2006 г. № МФ-П-44-2462.

12. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1; в ред. от 01.04.2020) // Российская газета. 1992. № 248.

13. *Проханов А.А.* В поисках русской мечты. М., 2019.

14. *Родзинский Д.Л.* Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии. М., 2006.

15. *Родзинский Д.Л.* Философия в вопросах и ответах. М., 2009.

16. Современная Русская Идея и Государство / гл. ред. спецвыпуска Г.А. Зюганов. М., 1995.

17. *Суриков К.А., Пугачева Л.Г.* Человек в космосе мышления: Введение в эпистемологию. М., 2017.

18. *Харитонов А.С., Шмидт В.В.* Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3.

19. *Шатилов А.Б.* Идеологическая трансформация элиты современного запада в начале XXI в. // Власть. 2015. Т. 23. № 3.

20. *Шевченко В.Н.* Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. 2019. № 62 (1).

21. *Шмидт В.В.* Всеправославный Собор и эпоха глобальных вызовов: возможны ли место и роль в условиях нового миропорядка? // Этносоциум. 2016. № 8 (98).

22. *Шмидт В.В.* Интерпретация личности Патриарха Никона в России и за рубежом (на примере исследования Дж. Биллингтона «Икона и топор») // ПОЛИС. 2008. № 2.

23. *Шмидт В.В.* Специалист в сфере национальных и религиозных отношений: профессиональный стандарт // Этносоциум. 2019. № 8.

24. Эпистемология сегодня: идеи, проблемы, дискуссии / Под ред. И.Т. Кавина, Н.Н. Ворониной. Н. Новгород, 2018.

25. <https://futureussia.gov.ru/kultura>.

A.R. SHUKUROVSKIY

Postgraduate student at the Chair of National and Federative Relations, Institute of Public Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

V.V. SHMIDT

Doctor of Sciences (philosophy), Professor, I Class State Adviser of the Russian Federation; Deputy Chairman of the Assembly of Peoples of Russia, member of the Governing Council of the Association of Russian religious research centers, Director of the Center for religious and ethno-cultural research and expertise of the Institute of Public Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

NATIONAL PARTICULARITIES OF RUSSIAN CULTURAL POLICY

The article presents a systemic approach to the new model of conceptual vision of an actual culture of politics. The degree of validity of the value aspect was considered. National features of cultural policy and their conditionality by historical, geopolitical factors are also reflected in the article. Regulation of relations of the subjects of the cultural policy provides, in addition to determining the boundaries of rights and responsibilities of the parties, such aspects important for the development of culture as the regulation of the rights and freedoms of ethnic communities and peoples in the cultural environment; establishment of regulations in relation to the cultural heritage of the peoples of Russia; settlement of relations for the exchange in the cultural sphere; definition of the scope of authority and responsibility of the state bodies for the creation of conditions for the preservation and development of cultural values and heritage.

Key words: *Russia, cultural policy, new model of cultural policy, public cultural policy.*

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Предметом исследования является современное состояние и особенности проявления религиозности молодежи в Омской области. Объектом исследования является участие религиозных организаций в жизни молодежи. Автор подробно рассматривает такие аспекты как проявление религиозности, духовности и воцерковленности молодежи. Особое внимание уделяется зарубежному опыту религиозного позиционирования молодежи таких стран как Англия, США, Германия. По результатам проведенного исследования был составлен портрет молодежи Омской области. Социологические исследования показали, что участники опроса истинно верующими не являются, несмотря на то, что позиционируют себя с православием.

Для выявления современного состояния и особенностей религиозности в Омской области, а также исследования отношения молодежи к религии нами было проведено социологическое исследование «Отношение к религии современной молодежи». Организационное содействие в проведении данного социологического исследования оказал сервер виртуальных исследований «VirtualExs» город Новосибирск. Новизна исследования заключается в том, что автор проанализировал зарубежный и российский опыт воцерковления современной молодежи. Выявлены условия влияния на религиозность молодежи такие как семья, экономика, учебные заведения, внутренний мир (интересы) молодежи, атеистическая политика государства. Обоснован «неопределенно-религиозный» тип мировоззрения в молодежной среде. Особым вкладом автора в исследовании темы является региональный компонент Омская область.

Основными выводами проведенного исследования является то что, позиционирование молодежи с православием чаще носит формальный характер. Низкий уровень воцерковления молодежи можно объяснить недостаточностью знаний о духовной жизни. Отсутствием тесных взаимосвязей

между образовательными учреждениями и религиозными организациями. Среди молодежи Омской области формируется новый тип мировоззрения «неопределенно-религиозный».

Ключевые слова: молодежь, социология религии, воцерковление, религиозность, вероисповедание, регион, православие, поколение, общество.

Время неумолимо идет вперед, на смену общественно-экономическим формациям приходят новые экономические уклады, которые вносят изменения в систему государственного и местного управления, социальную сферу, культуру и в нашу повседневную жизнь. Уже привычными, а для кого-то обыденными стали слова «цифровая трансформация», «большие данные», «Форсайт-проект», «искусственный интеллект», «5D технологии», «цифровой след», «рынки НТИ» и многие другие. Несмотря на прогресс по-прежнему актуальными остаются вопросы духовности и религиозности молодежи. Вызывает интерес государственно-конфессиональная политика России и отдельно взятых регионов, точки взаимодействия «массового общества» и религии. Меняется ли вероисповедальная политика в регионах? Вызывает ли интерес у нового поколения вопросы религии?

Изучением этих и смежных с религией вопросов занимаются органы государственной власти, регионального управления, органы власти муниципального уровня. В Российской Федерации помимо ежегодных отчетов Росстата, религиозную ситуацию изучают: «Фонд общественного мнения, аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр», некоммерческая исследовательская организация «Среда», ЦНСИ, ИСПИ РАН, и др.

Отношение к религии молодежи в зарубежных странах. Проявлением религии и религиозности в современной молодежной среде занимаются и зарубежные исследователи США, Англии, Франции, Германии и других стран. Европейские страны претерпели трансформацию на религиозном уровне, перейдя от институционального и гомогенного христианского общества к гетерогенному религиозному обществу, где религия становится неотъемлемой, составной частью воспитания каждого подростка.

Интересен германский опыт, где молодежь еще в школьном возрасте знакомят с католицизмом – традиционной конфессией, такое знакомство направлено на самоопределение ребенка, а в дальнейшем образовательно-воспитательный процесс фокусируется на воспитании толерантного отношения к другим конфессиям. Важное значение имеет то, что он воспитывается в духе религиозности соблюдая католические праздники и обычаи, посещая храм [11. С. 259-264; 21. С. 380-390].

Воспитание английских подростков проходит в духе изучения семейно-религиозных ценностей [15; 12. С. 325-345; 10. С. 28-48; 18. С. 458-464]. О важности семейного воспитания в приобщении к вере говорил в своей ра-

боте Старк Р. [20]. Семейное воспитание способствует приобретению знаний о вере, молодежь получает навыки и ценности духовного воспитания, что позволяет сохранить связь между поколениями. Это является важным в современной молодежной среде. Поколение «z» находится в переходной стадии формирования мировоззренческой, гражданской, религиозной позиции.

О передаче веры от человека к человеку в молодежной среде говорила Коллинз-Майо изучая диалог молодежи и религии [14. С. 37; 17]. Непосредственное участие в воцерковлении западного поколения «z» принимает семья, органы власти, институты гражданского общества. Воспитание основывается на духовной, семейной традиции. Исследования, проведенные в Австралии, Финляндии и других странах свидетельствуют о том, что современная молодежь занимается «духовным поиском», приоритетными остаются духовные и материальные ценности [17].

Отмечается всплеск интереса к вопросам религии это вызвано культурными изменениями современного общества [13. С. 80-94]. По мнению Коллинз-Майо религия влияет на духовно-нравственное воспитание, формирует правомерное поведение молодежи [13. С. 80-94]. В своем исследовании Поуп Б., Прайс Дж., Лиллард Д. «влияние религии на результаты деятельности молодежи» доказали, что чем раньше происходит воцерковление подростка, тем реже среди них встречаются проблемы преступности, наркозависимости, сексуальной распущенности. Молодежь во взрослом возрасте, как правило, не меняет своих привычек [19].

О будущем религии в мире и ее месте в обществе, несмотря на сокращение количества воцерковленных, она будет распространяться среди мирового населения [16]. Исследователи с мировым именем считают что в будущем сформируются мировые конфессиональные центры, а также центры нетрадиционных религий которые будут сохранять религиозную традицию и распространять ее между государствами через миссионерскую форму работы [13. С. 80-94].

Религия в жизни молодежи современного российского общества. Большой вклад в изучении вопросов религиозности населения в современной России и ее регионов как относительно самостоятельных территорий, имеющих свою самобытную историю, внесли российские ученые. Многие исследования, проводимые среди молодежи, свидетельствуют об утрате нравственных ориентиров и моральных ценностей. Один из последних ярких событий – это инцидент в храме Христа Спасителя, когда подростки своим поведением оскорбили чувства верующих понимая свою безнаказанность. Эти события убеждают нас в том, что поколение «z» их морально-нравственные устои идут в разрез современному религиозному обществу [3. С. 54-56].

В мировом пространстве и России в последнее время очень остро стоит вопрос миграции из Закавказья, Кавказа, Средней Азии и как следствие

возрастание роли ислама. Особенно заметны эти процессы в приграничных регионах [2. С. 65-67].

Некоторые авторы говорят о необходимости разграничивать религиозность россиян с точки зрения их культурной идентификации с православием и истинно верующими которые регулярно посещают храм, соблюдают церковные каноны [8. С. 46, 47; 9. С. 64, 72; 6. С. 64, 65]. Исследование на тему «отношение к религии современной молодежи» дает целостную картину современных взглядов и представлений нового поколения. Выводы были сделаны по результатам опросов, которые проводились в 2017-2018 году. Они показали, что респонденты осознают значимость религии, религиозное мировоззрение находится на стадии становления. Авторы отмечают, что РПЦ оказалась в сложном положении, вызванном трансформационными процессами, проходящими в социально-экономической, политической сферах. Таким образом религия находится под влиянием общественной трансформации которая приводит ее к приспособлению – это четвертая социальная форма религии [4. С. 102-104].

В настоящее время наряду с традиционными конфессиями возрастает роль нетрадиционных религиозных организаций, как правило, иностранного происхождения. В данной ситуации сложно сделать прогноз какая религиозная организация вызовет интерес в обществе среди молодежи [7. С. 123-124; 5. С. 42, 43; 1. С. 199].

Отношение молодежи к религии в Омской области. Для выявления современного состояния и особенностей религиозности в Омской области, нами было проведено социологическое исследование «отношение к религии современной молодежи». Организационное содействие в проведении данного социологического исследования оказал сервер виртуальных исследований «VirtualExs» город Новосибирск.

Численность выборочной совокупности респондентов была определена в пятьсот единиц, что соответствует 0,06% от численности населения Омской области старше 18 лет. Средняя ошибка выборки по территории социологического исследования 1,6%. Полевые работы проводились в 32 районах Омской области. Выборочная совокупность респондентов сформирована при помощи интервьюирования и анкетирования в образовательных учреждениях. Социологический опрос проводился в период с марта по май 2014 года и в период с марта по апрель 2019 года.

Анализируя данные социологического опроса конфессиональная принадлежность молодежи Омской области выглядит следующим образом. По-прежнему в регионе можно отметить стабильно высокий процент верующих среди респондентов, однако сравнивая 2014 и 2019 года наблюдается незначительное снижение верующего населения на 8% (таблица 1). Это объясняется высокой миграционной убылью населения, а также сме-

ной ценностных ориентиров. Приоритетным для поколения «z» становится не только морально-нравственные устои, но и материальные ценности.

Для определения религиозного позиционирования поколения «z», был задан вопрос «К какому вероисповеданию вы себя относите?» (таблица 2). В 2014 году большая часть респондентов 67% позиционировали себя как православные. В настоящее время конфессиональные предпочтения не изменились. Лидирует в регионе православие. В то же время набирают популярность другие религии – протестанты, католики, баптисты, исламисты.

Для выявления динамики отношения к религии молодежи был задан вопрос «Как изменилась ваше отношение к религии?» Большинство респондентов ответили, что их отношение к религии не изменилось. А 58% опрошенных ответили, что отношение улучшилось или осталось прежним (таблица 3).

Далее всем участникам опроса было предложено указать, как часто они посещают религиозные организации. Из таблицы 4 видно, что новое поколение «z» не позиционирует себя с религией и не являются воцерковленными в духовную жизнь. У 48% респондентов отмечается низкая потребность в посещении религиозных организаций. И только 20% опрошенных активные верующие.

При возникновении трудной жизненной ситуации омичи чаще всего обращаются за помощью к родителям, друзьям. Крайне редко к священникам и экстрасенсам. В качестве своего ответа студенты писали, что они обращаются за помощью к любимому человеку, к бабушкам и дедушкам (таблица 5).

В последнее время среди молодежи стало модно посещать духовников в поисках смысла жизни, в советах, наставлениях. В беседе со студентами оказалось, что для некоторых 17% опрошенных духовность дань моды, поиск ярких впечатлений, инсайтов, получив которые молодежь быстро переориентируется на поиск новых. Для большинства опрошенных духовное наставничество играет важную роль в жизни.

Самым интересным был вопрос о будущем РПЦ в представлении молодежи. Большая часть респондентов считают, что РПЦ будет частью истории или культуры, 18% считают, что продолжит поход во власть и только 12% опрошенных считают, что церковь будет заниматься своей основной функцией – служением (таблица 6).

Процесс воцерковления можно спрогнозировать и с полной уверенностью сказать какой процент опрошенных респондентов с течением времени придет к вере или наоборот навсегда удалится от нее. По результатам исследования видно, что в течение 5 лет только на 8% сократилось число верующих среди молодежи, большая часть опрошенных 68% считают себя православными верующими. Изучать эти вопросы необходимо так-как эти процессы происходят сегодня в Омской области в молодежной среде.

Таблица 1

Считаете ли вы себя верующим человеком?

Варианты ответов	2014 год	2019 год
Считают себя верующим человеком	68%	60%
Не считают себя верующим человеком	16%	30%
Затрудняюсь ответить	16%	10%

Таблица 2

К какому вероисповеданию (конфессии) вы себя относите?

Варианты ответов	2014 год	2019 год
Православие	67%	45%
Ислам	6%	12%
Другие христианские конфессии (католики, протестанты, баптисты и др.)	18%	19%
Другие религии	9%	24%

Таблица 3

За последние годы изменилось ваше отношение к религии?

И если изменилось, то в какую сторону?

Варианты ответов	2014 год	2019 год
Изменилось в лучшую сторону	38%	12%
Изменилось в худшую сторону	27%	24%
Не изменилось	21%	46%
Затрудняюсь ответить	14%	18%

Таблица 4

Как часто вы посещаете религиозные организации?

Варианты ответов	2014 год	2019 год
Был несколько раз в жизни	23%	16%
Никогда не был	8%	47%
По всем праздникам	30%	15%
2-3 раза в месяц	16%	5%
2-3 раза в год	23%	17%

Таблица 5

К кому вы обращаетесь за помощью в трудных жизненных ситуациях?

Варианты ответов	2014 год	2019 год
К друзьям	32%	30%
К родителям	37%	36%
К психологу	12%	10%
К священнику	11%	7%
К экстрасенсу	6%	3%
Ваш ответ	2%	14%

Таблица 6

Каким вы видите будущее русской православной церкви?

Варианты ответов	2014 год	2019 год
Церковь будет источником удовлетворения духовных потребностей	21%	12%
Церковь станет активным участником политики	17%	18%
Затрудняюсь ответить	10%	16%
Церковь станет частью истории	32%	33%
Церковь станет частью культуры	20%	21%
Ваш ответ	0	0

Заключение. Новое поколение «z» воспитываясь под воздействием нового экономического уклада, в период глобальной трансформации в цифровизацию, где подчас одним из главных средств связи становится гаджет, социальные сети, блоггеры стали одним из главных связующих звеньев в молодежной среде 14-16 лет. Позиционирование молодежи с православием в 40% носит формальный характер. Это можно объяснить тем, что молодежь Омской области не посещает храмы, не знает молитв, святых, не отмечают религиозные праздники, нательный крест чаще носят как ювелирное украшения. На вопрос являетесь ли вы крещеным человеком, 60% ответили «да», но чаще крестили их бабушки и дедушки в раннем детстве, а привить им духовных традиций не удалось.

Низкий уровень воцерковления молодежи можно объяснить недостаточностью знаний о духовной жизни. Отсутствием тесных взаимосвязей между образовательными учреждениями и религиозными организациями. Храмы студенты чаще воспринимают как часть истории, архитектуры. Современное воспитание в 40% происходит во вне религиозной сферы. Присутству-

ет и мультирелигиозный феномен неопределенности в сознании омичей, для которого характерен сбор знаний о всех религиозных направлениях. Объяснить такое поведение можно размытостью и нечеткостью российской культуры, в том числе религиозной, американизация ценностных представлений через СМИ, моральный упадок, алкоголизм, *spice*, соль, интернет и прочие виды зависимости. Семейное воспитание тоже оказывает влияние на воцерковление молодежи, в некоторых семьях отсутствуют религиозные традиции. Эта расплата за тяжелый период в истории России, где велась пропаганда атеизма, храмы закрывались, все были пионерами, комсомольцами, коммунистами, товарищами. На смену этому поколению приходит более удаленное от религии общество восьмидесятых, девяностых годов. Новое поколение «Z» это третье поколение, в котором удалось сохранить православную традицию, привить религиозность в молодежной среде.

В настоящее время формируется новый тип мировоззрения «неопределенно-религиозный». На наш взгляд такой тип встречался среди респондентов, для которых религия, вопросы веры, православия не занимают центральных позиций. Религия для молодежи – это ценностный выбор. Центральным вопросом в воцерковлении молодежи является не посещение храмов, не религиозный жизненный уклад, а формирование ценностных ориентиров, связанных с вопросами морали, нравственности, волонтерской деятельности, толерантности.

Бесспорно, важным является и сохранение семейных ценностей, семейных традиций, семейных религиозных практик. И не важно какие это будут традиции вечерний чай, спорт, праздники, выбор профессии, посещение храмов главное не разорвать связь поколений. Не растерять семейных ценностей в период трансформации современного общества, а особенно в молодежной среде, куда легко проникают субкультуры, новые нетрадиционные течения. В воспитании гармонично развитой личности, стремящейся внести посильный вклад в развитие своей малой родины и России должны быть заинтересованы семья, органы власти, представители конфессий, учреждения образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Атлас религий и национальностей России. Опрос некоммерческой исследовательской организации «Среда». 2012 // <http://sreda.org/arena>.

2. Булатова Т.А., Галашова Н.Б., Камарова Н.А. К вопросу о религиозной идентичности населения Томской области // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 11 (126).

3. Васильев А.А., Соловьев В.Ю. Современные методики исторического знания в государственной национальной и конфессиональной политике (на материалах Саратовского Поволжья) // Власть. 2015. № 12.

4. Вера и религия в современной России. Всероссийский конкурс молодых ученых: 25 лучших исследований. М.: «Август Борг», 2014.

5. *Верещагин И.Ф.* Региональное законодательство о государственно-конфессиональной политике (на примере Архангельской области) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6.

6. *Воробьева Н.В., Данилов В.Л.* Воцерковленность современной молодежи: итоги исследования // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2018. № 1 (4).

7. *Гаврицков Д.Ю.* Изменение вероисповедной политики партийно-государственных органов в связи с юбилеем введения христианства на Руси (по материалам Ростовской области) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (191).

8. *Грашевская О.В.* Исследование отношения студенческой молодежи к религии. Проблемы развития территории. 2014. № 5 (73).

9. Молодежь о молодежи. Опрос Фонда общественного мнения от 30 августа 2016 г. // <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>.

10. Ориентиры и ценности молодых россиян. Опрос Фонда общественного мнения от 03 ноября 2016 г. // <https://fom.ru/TSennosti/13083>.

11. Отношение к религиям. Опрос аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр» от 23 января 2018 г. // <https://www.levada.ru/2018/01/23/otnoshenie-k-religiyam/>.

12. *Пронина Т.С.* Вера и конфессиональная самоидентификация в структуре религиозной идентичности современных россиян // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145).

13. Религия и церковь в общественной жизни. Опрос аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр» от 18 апреля 2013 г. // <https://www.levada.ru/2013/04/18/religiya-i-tserkov-v-obshhestvennoj-zhizni/>.

14. *Романович Н.А.* О вере и верующих на примере жителей города Воронежа // Архонт. 2018. № 2 (5). DOI: 10.24411/2587-9464-2018-00017.

15. *Beckford J.A., Luckmann T., Finke R., Adamczyk A.* Diff used Religion and New Values in Italy. The Changing Face of Religion, ed. L.; New Delhi, 1988.

16. *Boschki R.* Wie ökumenisch kann und soll religiöse Bildung sein? Kleine Theologie der Wertschätzung für den ökumenischen Dialog. In S. Altmeyer, G. Bitter, & J. Theis (Eds.), *Religiöse Bildung – Optionen, Diskurse*. Stuttgart, Germany: Kohlhammer, 2013.

17. *Chipriani R.* Longitudinal Study of the Intergenerational Transmission of Religion. *International Sociology*. 2009. Vol. 24. No 3.

18. *Denton M.L., Pearce L.D., Smith C.* Religion and Spirituality On the Path Through Adolescence. Chapel Hill: National Study of Youth and Religion, Research Report. University of North Carolina at Chapel Hill. 2008. No 8 // <http://youthandreligion.nd.edu/assets/102568/>.

19. *Glass J., Bengtson V.L., Dunham C.C.* Cross-National Moral Beliefs: The Influence of National Religious Context In *The Sociological Quarterly*. 2008. Vol. 49.

20. Horvath J., Lee J., Sidebotham P., Higgins J., Imtiaz A. Religion, beliefs and parenting practices. A descriptive study. Sheffield: University of Sheffield, 2008.

21. Leslie Francis, Emma L., Eccles, David Lankshear, Ursula McKenna. Sustaining churchgoing young Anglicans in England and Wales: Assessing influence of the home // Journal of Beliefs and Values. 2019. DOI: 10.1080/13617672.2019.1607013

N.V. FILINA

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of Philosophy, History,
Economic Theory and Law, Omsk State Agrarian University
named after P.A. Kolypin, Omsk, Russia*

MANIFESTATION OF RELIGION AND RELIGION IN MODERN YOUTH (BASED ON THE MATERIALS OF THE OMSK REGION)

The subject of the study is the current state and peculiarities of the manifestation of the religious nature of young people in the Omsk region. The object of the study is the participation of religious organizations in the life of young people. The author considers such aspects in detail as a manifestation of the religious, spiritual and church character of young people. Special attention is paid to foreign experience of religious positioning of youth of such countries as England, USA, Germany. Based on the results of the study, a portrait of young people of the Omsk region was drawn up. Sociological studies have shown that survey participants are not true believers, despite positioning themselves with Orthodoxy.

In order to identify the modern state and peculiarities of religion in the Omsk region, as well as to study the attitude of young people towards religion, we carried out a sociological study «Attitude towards the religion of modern youth.» Organizational assistance in carrying out this sociological study was provided by the virtual research server «VirtualExs» the city of Novosibirsk. The novelty of the study is that the author analyzed the foreign and Russian experience of erecting modern youth. The conditions of influence on the religious character of young people such as the family, economy, educational institutions, internal peace (interests) of young people, atheistic policy of the State have been identified. The «uncertain-religious» type of world view among young people is justified. A special contribution of the author to the study of the topic is the regional component of the Omsk region.

The main conclusions of the study are that the positioning of young people with Orthodoxy is more often formal. The low level of education of young people

can be explained by the lack of knowledge about spiritual life. Lack of close links between educational institutions and religious organizations. Among the youth of the Omsk region a new type of worldview «uncertain-religious» is formed.

Key words: *youth, religion sociology, churching, religiousness, religion, region, Orthodoxy, generation, society.*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Гуманитарное взаимодействие является чрезвычайно важным инструментом формирования международного сотрудничества. Россия и Китай активно развивают взаимодействие в сфере культуры как на страновом, так и на региональных уровнях. В статье проанализированы направления взаимодействия государств, разрабатываемые согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации; показано значение совместных Российско-Китайских проектов (Года России в Китае, Года Китая в России, Года русского языка в Китае и Года китайского языка в России, проекта Дружественных молодежных обменов и т.п.). Показано, что Ростовская область активно участвует во всероссийских проектах, одновременно укрепляя дружественные контакты с Китаем в сфере культуры и образования на региональном уровне. Проанализированы данные по взаимодействию в области образования и показано, что за последнее время значительно повысился интерес к изучению китайского языка в РГЭУ (РИНХ). Сделан вывод о том, что на региональном уровне гуманитарное взаимодействие развивается успешно.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, международный диалог культур, развитие гуманитарных контактов, участие во всероссийских проектах, укрепление дружественных контактов, международный образовательный обмен.

Международное сотрудничество в области культуры является одним из основных компонентов системы международных отношений. Страшные последствия мировых войн, гонка вооружений, и холодная война заставили политиков и ученых задуматься над необходимостью пересмотреть принци-

пы и нормы международных отношений. Возросла необходимость поиска новых путей взаимодействия с другими государствами, преодоления культурных и языковых барьеров, которые мешают развитию выгодных международных отношений.

В 80-е гг. XXI века в теории международных отношений стало популярным понятие «мягкой силы», основоположником которого является Джозеф С. Най. Он полагает, что устоявшиеся внешнеполитические критерии, такие как территория и армия утратили свою актуальность и эффективность. И для того чтобы добиться своего влияния в мире, государства начинают применять «мягкую силу», взаимодействуя с другими странами через науку, образование и культуру. Именно поэтому культуру можно рассматривать как один из ключевых факторов внешней политики стран [11].

Международное взаимодействие в научно-образовательной сфере, а также в сфере искусства – это, прежде всего, поиск новых представлений о культуре, образе жизни, духовном мире людей из разных стран, который способствует процессу «преодоления» культурного барьера.

Культурное развитие является основой процессов глобализации и дезинтеграции, которые характерны для современного мирового развития. В связи с этим, государства стремятся использовать межкультурные обмены в своих интересах в рамках внешней политики. В процесс организации культурного обмена вовлечены международные и государственные организации, которые оказывают значительное влияние на масштабы и характер международных связей в области культуры. Современная внешняя политика государств практически не осуществляется без гуманитарного взаимодействия. Характер и условия международных культурных связей отражают состояние отношений между странами.

Диалог культур способствует появлению «иммунитета» против националистической пропаганды, укрепляя отношения между странами. Общественное мнение, сформированное в процессе культурного взаимодействия, мотивирует политиков искать новые пути развития межгосударственных отношений.

Ключевыми направлениями международного диалога культур являются подготовка и стажировка кадров творческой деятельности, обмен и совместное производство культурных благ, восстановление памятников истории и культуры, разработка и внедрение новых технологий, оборудования и т.д.

Необходимо отметить, что одной из важных задач Правительства Российской Федерации – это использование культурного потенциала в интересах международного сотрудничества. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, культура является одним из приоритетов устойчивого развития, на котором Россия и концентрирует свои ресурсы для обеспечения национальной безопасности. В документе также зафиксировано, что установление культурно-гуманитарных связей и их

успешное развитие на международной арене, способствует формированию благоприятного и объективного имиджа России за рубежом [6. С. 10-21].

За последние несколько лет отношения между Россией и Китайской Народной Республикой переживали стремительное развитие или, наоборот, резкий спад. К началу XXI века отношения между двумя странами постепенно стабилизировались, а на сегодняшний день и вовсе достигли лучшей стадии своего развития.

Несмотря на это, по замечанию профессора Фуданьского Исследовательского института международных проблем в Шанхае Фэн Юйцзюня, «для российско-китайских отношений характерны горячие отношения между правительствами и холодные отношения между народами» [2. С. 32-38].

Что касается российско-китайского сотрудничества, то, благодаря гуманитарному взаимодействию, странам удастся укрепить дружественные контакты путем взаимодействия в сфере культуры, образования, науки, спорта, молодежной политике, а также в области массовых коммуникаций.

За последние 10 лет гуманитарное взаимодействие России и Китая добилось существенного развития. Добиться такого успеха в диалоге культур странам удалось благодаря проектам 2006-2010 гг., а именно путем проведения Года России в Китае (2006), Года Китая в России (2007), Года русского языка в Китае (2009) и Года китайского языка в России (2010). Также был осуществлен проект «Дружественных молодежных обменов» (2014-2015 гг.) и проект «Национальные СМИ» (2016-2017 гг.).

Активно развивается взаимодействие в сфере культуры. Благодаря обоюдной поддержке, страны организывают концертные туры музыкальных коллективов, проводят выставки и фестивали. Дни, Недели, Сезоны и Года китайской и российской культуры, совместные фестивали и выставки, стажировки кадров в сфере театра и музыки, предоставление архивных материалов для национальных библиотек – все это развивает и способствует укреплению гуманитарного сотрудничества между двумя странами.

Особое внимание следует уделить сотрудничеству России и КНР в сфере киноиндустрии. Активно развивается сотрудничество между кинофондами, увеличивается количество академических обменов между кинематографическими вузами России и Китая.

В рамках заключенных соглашений и договоренностей осенью 2016 года в Москве и Ростове-на-Дону был проведен Фестиваль китайского кино. Мероприятие было проведено Продюсерским центром «КиноФест», при поддержке Министерства Культуры Российской Федерации, а также благодаря поддержке телевидения и кинематографа Китайской Народной Республики. Жителям Москвы и Ростовской области была предоставлена уникальная возможность познакомиться с новейшими достижениями китайского кинематографа.

На открытии фестиваля в Москве прибыл знаменитый китайский актер Джеки Чан, который успешно презентовал фильм «По следу» режиссера Ренни Харлина.

Торжественная церемония открытия фестиваля китайского кино в Ростове-на-Дону прошла в кинотеатре «Дом кино». На открытии с презентацией фильма «Книга любви» выступила режиссер Сюэ Сяолу. Она поделилась своим опытом в сфере киноиндустрии и выразила надежду в будущем поработать с режиссерами российской киноакадемии. Необходимо подчеркнуть, что речь Сюэ Сяолу была подготовлена на русском языке.

Стремительными темпами развивается сотрудничество между двумя странами в сфере образования. Стороны уделяют большое внимание подготовке высококвалифицированных кадров, а также развивается деятельность совместных магистратур и аспирантур.

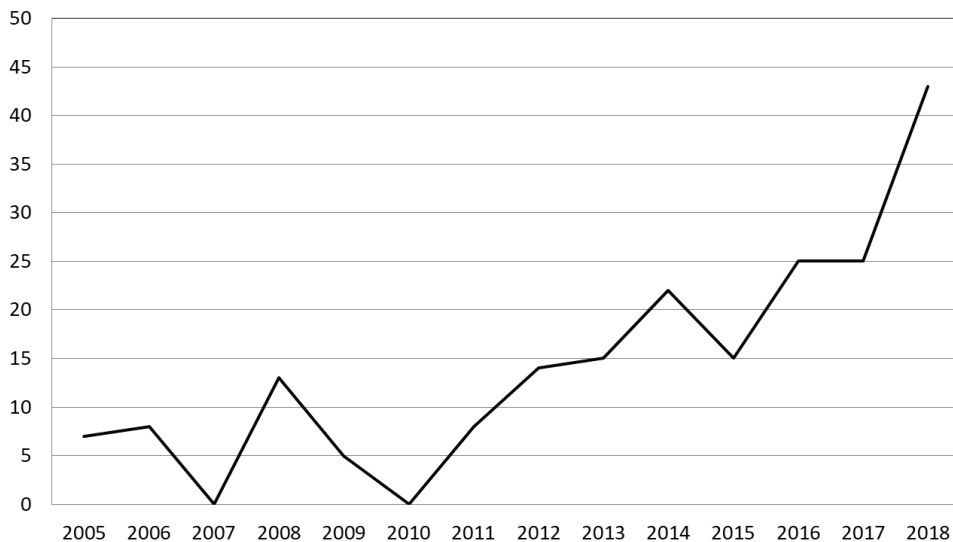
В рамках осуществления гуманитарного сотрудничества в культурной сфере, на 2018 год Ростовская государственная консерватория имени С.В. Рахманинова заключила договор о сотрудничестве с Пекинской организацией продвижения международного образовательного обмена (JIL International Education Exchange Promotion LTD, Beijing). На основе данного соглашения осуществляется подбор и организация приема китайских учащихся на подготовительное отделение Консерватории (довузовская подготовка).

Развитие регионального сотрудничества между провинцией Аньхой и Ростовской областью способствовало привлечению китайских студентов в ростовские вузы. За последние несколько лет количество стажирующихся китайских студентов заметно увеличилось.

Что касается интереса к китайскому языку в России, то с каждым годом возрастает интерес к китайской культуре и языку, что можно проследить по статистике студентов кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей РГЭУ РИНХ. За последние пять лет, количество желающих изучать китайский язык заметно возросло. Благодаря активному изучению культуры, языка, истории и внутривосточного устройства страны между народами двух стран постепенно разрушится «стена» недопонимания. Специалисты по Восточной Азии будут вносить свой собственный вклад в развитие сотрудничества российско-китайских отношений, открывая все новые возможности всестороннего сотрудничества.

Необходимо также выделить активное развитие гуманитарных контактов Ростовской области с провинциями Китая. Количество студенческих и академических обменов увеличивается с каждым годом, что свидетельствует о выгодной и привлекательной среде для китайских студентов. В Ростовской области появляется все больше семинаров и фестивалей, которые повышают интерес жителей к китайской культуре и языку.

Согласно проведенному опросу среди студентов Ростовского государственного университета РГЭУ (РИНХ) факультета Лингвистики и журналистики, многие студенты выбирают китайский язык в качестве основного языка специализации, так как видят для себя перспективу последующего трудоустройства. Немало тех, кто испытывает интерес к культуре Китая

Количество студентов, выбравших китайский язык, 2005-2018 гг.

и в будущем планируют заниматься исследованиями в сфере лингвистики и культурологии.

Также, с каждым годом растет количество желающих сдать международный экзамен на знание китайского языка (汉语水平考试). Согласно данным предоставленным отделом международной мобильностью РГЭУ (РИНХ) за 2019 год, количество участников превышает 360 человек.

Проанализировав последние протоколы заседаний Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, можно сделать вывод, что правительства двух стран уделяют большое внимание культурному диалогу и всестороннему развитию в гуманитарных сферах российско-китайского сотрудничества. Создаются совместные высшие учебные заведения и направления, где совместными усилиями представители двух стран смогут достигать новых целей, расширять сферы сотрудничества, а также смогут внести свой вклад в расширение гуманитарного диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Иванов И.С.* Российско-китайский диалог: Модель 2017. М.: НП РСМД, 2017.
2. *Коршунов С.В., Александрова М.В.* Россия и Китай: новые грани сотрудничества // Качество образования. 2014. № 6.

3. *Костенко П.П.* Российско-китайские отношения на современном этапе // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2016.

4. *Лузянин С.Г.* Россия и Китай: международно-политические, экономические и гуманитарные связи (2016 – начало 2017 года) // Российско-китайский диалог: модель 2017. № 32.

5. *Медяник Е.И.* Совместные проекты в области образования как инновационная форма сотрудничества России и Китая в XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 1.

6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 2. Ст. 4.

7. *Пономарев М.А.* Сотрудничество России и Китая в культурной, образовательной и научной сферах // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. 2009. № 2.

8. Путин дал старт Годам межрегионального сотрудничества России и Китая // <https://regnum.ru/news/2377453.html>.

9. *Рушанин В.Я., Гревцев Г.Я.* Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 3 (43).

10. Союз кинематографистов России: В следующем году российское кино будет показываться в кинотеатрах Китая // <https://unikino.ru/в-следующем-году-российское-кино-будет/>.

11. *Joseph S., Nye Jr.* Soft Power: The Means to Success. In World Politics. Public Affairs. Wielding Soft Power. 2009.

N.V. EVDOKIMOVA
*Associate Professor, Candidate
of Pedagogical Sciences, Head of the Department
of Foreign Languages for the Humanities
of RSUE (RINH), Moscow, Russia*

V.V. KUKUSHKINA
*Master student of the Department
of Foreign Languages for the Humanities
of RSEU (RINH), Moscow, Russia*

RUSSIAN-CHINESE HUMANITARIAN COOPERATION IN ROSTOV REGION

Humanitarian cooperation is an extremely important tool for the formation of international cooperation. Russia and China are actively developing cultural cooperation at both the country and regional levels. The article analyzes the directions of interaction between states developed in accordance with the National Security Strategy of the Russian Federation; The significance of the joint Russian-Chinese projects (Year of Russia in China, Year of China in Russia, Year of the Russian language in China and Year of the Chinese language in Russia, the project of Friendly youth exchanges, etc.) is shown. It is proved that the Rostov region is actively participating in all-Russian projects, while strengthening friendly contacts with China in the field of culture and education at the regional level. The data on the interaction in the field of education were analyzed and it has been shown that recently there has been a significant increase in interest in studying the Chinese language at the Rostov State University of Economics. It is concluded that at the regional level, humanitarian cooperation is developing successfully.

Key words: *Humanitarian cooperation, international dialogue of cultures, development of humanitarian contacts, participating in all-Russian projects, strengthening friendly contacts, International Education Exchange.*

DOI 10.35775/PSI.2020.57.5.016

УДК. 32.323

В.И. ПОХОЖАЕВ

*адъюнкт Военного Университета
Министерства обороны Российской Федерации,
Россия, г. Москва
SPIN-код РИНЦ: 5749-3604*

О ПРОБЛЕМАХ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТОВ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Целью данной статьи является рассмотрение, возникающих проблемных вопросов при реализации приоритетов государственной национальной политики Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов, их статуса, языкового многообразия и проблемы землепользования. Рассматриваются вопросы профилактики экстремизма и оказания помощи соотечественникам, проживающим за рубежом.

Ключевые слова: *государственная национальная политика, многонациональное государство, коренные народы, межнациональная рознь, экстремизм, соотечественники.*

Государственная национальная политика в России прошла несколько больших этапов в своем развитии и на протяжении многих лет является предметом повышенного внимания как со стороны органов государственной власти, так и со стороны научного сообщества, ведущего научные исследования в этой области. Современный этап развития нашего государства связан с новыми геополитическими вызовами и требует принятия незамедлительных, грамотных, взвешенных решений, в том числе и в сфере национальной политики.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [3; 6; 8; 12. С. 188-195; 13; 19. С. 111].

Однако проблему государственной национальной политики нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

На сегодняшний день деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и научно-экспертного сообщества в об-

ласти межнациональных отношений заслуживают высокой оценки. Вместе с тем такая скоординированная и комплексная работа имеет некоторые проблемные вопросы, на которых хотелось бы остановиться.

В первую очередь, обратим внимание на самоопределение республик в составе Российской Федерации. Исторически сложилось так, что наша страна была и ныне существует как многонациональное государство и сегодня органами государственной власти и научным сообществом разработано и внесено в стратегию национальной политики определение: «Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием» [14]. Что же касается национальных республик, входящих в состав Российской Федерации, то как понимается, они согласно стратегии определяются как «народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации – национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность» [14]. Поэтому в национальных республиках России сегодня утверждают: «Любая этнонация – это и есть народ. Сказать «русский народ» или «русская нация» (в этническом смысле) – это одно и то же. Ни одна нация не согласится с тем, что она не является народом» [15]. Исходя из вышесказанного получается, что этнонация – народ, а носитель власти в национальных республиках и субъект самоопределения не все население, а так называемая титульная этнонация, равная народу?

Этничность основой для государственности быть не может и, в связи с этим международное право не признает за этническими группами право на политическое самоопределение. Сегодня границы проживания народов и границы национальных республик не совпадают, ведь только третья часть народов проживают в их пределах, а зачастую титульная нация составляет даже меньшую часть населения. Интерпретация государственности как формы самоопределения в этом случае не приемлема, так как приведет не только к этнизации проблемы самоопределения, но и к соответствующему распределению власти, определенному подбору кадров и ущемлению не титульных народов. Результатом такой политики является создание клановой и этнической солидарности, а также усиление межэтнической напряженности.

Продолжая тему самоопределения, обратим внимание на языковые проблемы. В соответствии с федеральными законами Российской Федерации все языки народов должны иметь один статус и находиться в одном правовом поле, поскольку государство гарантирует их «территориальную» защиту. Однако культурные и языковые интересы сообществ прямо или косвенно зависят от принятой в Российской Федерации системы федерального устройства. Правовая база регионов, на основании принципа этнического

и языкового равноправия, особое внимание уделяет «титულному» населению, а также коренным общностям, длительный исторический период проживающим на данной территории. Таким образом, согласно закрепившейся на законодательном уровне диспропорции, только представители «титулных национальностей» вправе удовлетворять свои этнокультурные потребности во всех сферах общественной жизни. В то время как «нетитулные» этнические сообщества могут довольствоваться только удовлетворением культурных прав, что в свою очередь приводит к минимизации внимания к языкам этих сообществ со стороны государства.

Законом «Об образовании в Российской Федерации» [16] закреплено положение языков в системе образования, на основании которого национальные (этнические) проблемы в этой области выносятся на уровень субъектов Федерации. В связи с чем языки конкретных этносов имеют разное положение по отношению друг к другу и неодинаковый статус. Конечно, это во многом определяется социально-демографическими характеристиками этноса (численность, статус, уровень социального и культурного развития и др.).

Сохранение баланса в языковой ситуации в регионах РФ и организация мероприятий по сохранению национальных языков имеет большое значение как с социокультурной точки зрения – поддержки языкового многообразия, так и политической – для поддержания гармонии межэтнических отношений и консолидации этнических групп в условиях становления гражданского общества [1; 2].

Родной язык, это важнейший компонент этноса и фактор этнической идентичности, это своего рода проявление духа народа. В современных условиях уровень владения языком значительно снижается, утрачивается признак, определяющий национальные стандарты. Причиной тому служит активная миграция населения в крупные города, где происходит языковая ассимиляция с доминирующим русским языком. Языковой сдвиг, приводит к сужению или утрате развития и трансляции этнической идентичности, отделяя человека от этнической культуры или ограничивая в возможности ее восприятия, что влечет за собой внутренне переживание отделенности этнофора от культурных традиций и исторического своеобразия. Частичная потеря возможности говорить на родном языке приводит к обострению чувства дискомфорта, поскольку индивид оказывается на границе разных социальных групп «уже вне «своей» культуры, но еще не интегрирован в «чужую»» [4].

Современное положение малых народов Российской Федерации достаточно неоднозначно и здесь свою роль по их защите играют институты гражданского общества, некоммерческие организации и международные организации, но главенствующей в этой сфере является государство. По-прежнему остается проблемой право владения землями для ведения традиционного хозяйствования и наличия процедур для разрешения споров

такого рода, не всегда решаемое законодательством. Малые народы должны находиться в условиях, способствующих сохранению и развитию культурных и языковых ценностей, но сталкиваясь с доминирующим языком и культурой вынуждены вести конкуренцию по этому поводу.

На основании Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» «безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционной хозяйственной деятельности и занятия традиционными промыслами...» [17]. Конвенция «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» определяет право собственности и владение землями, которые они традиционно занимают [9]. В отличие от данной Конвенции, российское законодательство не содержит положений о признании такого рода прав за коренными народами России. При этом «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока устанавливает признание значения земли и других природных ресурсов как основы традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера одним из принципов устойчивого развития малочисленных народов Севера» [10]. Как отмечают некоторые исследователи, «в настоящее время промышленное освоение земель, даже если они располагаются в местах традиционного проживания коренного населения, входит в сферу экономических интересов государства, поэтому в рамках данной политики не представляется возможным передача земель в собственность коренным народам» [11].

Не менее важной проблемой является борьба за статус, в связи с тем, что статус малого народа предоставляет возможность пользоваться землями и получать государственные субсидии. Рассмотрим суть этой проблемы на примере коми-ижемцев, которые входят в состав коми-зырян и являются этнографической группой численностью 15,5 тыс. чел. Данная этнографическая группа, в соответствие с документами не отнесена к коренным народам и как следствие не имеет прав частного владения. Работа данной категории граждан организована в виде совхозов и различного рода кооперативов, что в свою очередь значительно снижает хозяйственную эффективность и ущемляет их интересы. В соответствии с п. 3 ст. 7 «Земельного кодекса Российской Федерации» «в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и представителей других этнических общностей в случаях, предусмотренных федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, может быть установлен особый правовой режим использования земель указанных

категорий» [7]. То же самое трактует Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» – «правовой режим территорий традиционного природопользования устанавливается положениями о территориях традиционного природопользования, утвержденными соответственно уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления с участием лиц, относящихся к малочисленным народам, и общин малочисленных народов или их уполномоченных представителей» [18]. Таким образом, российское законодательство не устанавливает права малых народов на частное владение землями, а только необходимость в выделении такого рода земель для пользования с особым правовым режимом.

В таком случае установление особого правового режима использования и охраны земель совершенно очевидно нельзя считать установлением права собственности.

Наряду с выше рассмотренными проблемами не стоит забывать на возникающую экологическую проблему в районах традиционного проживания коренных народов. Промышленные предприятия, «выросшие» в непосредственной близости от мест традиционного проживания коренных народов оказывают негативное влияние на окружающую среду, еще больше усугубляя проблемы национальных меньшинств и загоняя их в жесткие рамки.

Таким образом, несмотря на принимаемые государством меры по сохранению, укреплению и развитию этнокультурных ценностей коренных малочисленных народов, остается ряд проблем, требующих внимания со стороны государства и его реагирования на законодательном уровне.

На фоне имеющихся этнических проблем перед органами государственной власти остается не менее важная проблема – профилактика экстремизма. В последние годы экстремизму уделяется достаточно большое внимание со стороны государства, но несмотря на это уровень опасности в регионах остается достаточно высоким.

Особую внимание хотелось бы обратить на опасность, которую представляют националистические силы в составе экстремистских и террористических организаций в виде так называемых «идейных платформ». Целью таких незаконных организаций является нарушение территориальной целостности Российской Федерации путем попыток внесения административно-территориальных изменений.

В тоже время не стоит сбрасывать со счетов влияние экстремистских организаций на молодежь, которая в силу своей неопытности, отсутствию должного воспитания со стороны семьи и общества наиболее восприимчива к радикальным идеям. На сегодняшний день наблюдается рост преступлений, совершаемых молодежью, а экстремизм на фоне этих преступлений становится все более и более организованным. По данным Министерства

внутренних дел Российской Федерации, сегодня в стране зарегистрировано порядка 450 экстремистских молодежных организаций, численность которых составляет около 20 тысяч человек. Молодежный экстремизм – одна из проблем, которая требует постоянного мониторинга, быстрого и взвешенного принятия решений, а самое важное систематической профилактики.

Имеют место быть попытки некоторых организаций, использующих ложно-патриотическую и националистическую риторику под видом, например, спортивных фанатов скрывать свою экстремистскую деятельность. Такого рода деятельность в разы увеличивает состав националистических группировок и распространение концептуальных представлений и идей экстремистской направленности.

К источниками экстремизма в современной России можно отнести: изменение представления о принципах, взглядах и идеях развития современного общества; отсутствие выстроенной иерархии ценностей; проблемы в социальной сфере, подпитываемые экономической нестабильностью; снижающийся уровня культуры граждан страны, а также возникновение различного рода «фобий» (русофобия, ксенофобия и др.). Кроме того, источниками экстремизма могут быть: социальное расслоение и неприязнь одних социальных групп по отношению к другим, духовная дезориентация населения, противоречия между религиями и конфессиями.

В современных условиях наиболее простым способом для экстремистов разжечь пламя этнической розни и тем самым спровоцировать преступления на этой почве является использование сети Интернет, так называемой, «всемирной паутины». Здесь экстремисты проявляют свои настроения в полном объеме. Упрощенная процедура регистрации в социальных сетях (чатах, аккаунтах, сайтах, группах и т.д.) позволят без труда вовлекать в диалог, искусственно создавать конфликты и напряжение в социуме. Следствием такого рода общения является трансформация конфликта из виртуального в реальный, с последующим столкновением между социальными группами и отдельными лицами. Таким способом экстремистские организации стремятся дестабилизировать обстановку в стране. Очевидно, что такая деятельность по разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни должна пресекаться всеми методами и средствами.

При рассмотрении внутренних проблем реализации приоритетов национальной политики не стоит забывать и о внешних, в частности речь идет о добровольном переселении соотечественников, проживающих за рубежом. Государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом и членов их семей» способствует благоприятному переселению соотечественников и предельно упрощает порядок получения гражданства Российской Федерации. Содействие переселению соотечественников из-за рубежа является одним из приоритетов национальной и миграционной политики России.

Вместе с тем в этом направлении просматривается ряд проблем, требующих решения. Одной из таких актуальных проблем, существенно влияющих на реализацию данного приоритета, является неточность в определении «соотечественник». По нашему мнению, данное определение слишком широко, что позволяет говорить о некой размытости формализации принадлежности к термину «соотечественник» и оставляет за собой право причислять к последним любого, кто докажет свою духовную или культурную связь с Россией. Как отмечает В.А. Герасимова: «Требование Ст. 1. п. 3 применяются не в обязательном порядке, а «как правило» означает субъективное мнение ответственного чиновника. Также множество положений закона декларативно, что блокирует механизм их правовой реализации» [5]. Обозначенная неточность в понятии «соотечественник» и излишне широкая интерпретация приводят к затруднениям в точном определении количества соотечественников за рубежом. На сегодняшний день средняя цифра, известная из официальных источников, составляет 30 млн. человек. Соответственно отсутствие точного количества соотечественников приводит к возникновению проблем во всей системе работы: начиная от финансовой составляющей и заканчивая ошибками в расчетах при планировании деятельности на местах.

Таким образом, политика, проводимая государством в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, позволяет говорить о том, что нашему государству не безразлична судьба данной категории лиц, оказавшихся за рубежом зачастую не по своей воле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Язык как социокультурный феномен // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Том 10. Выпуск 4.
2. *Абрамова М.А., Костюк В.Г., Гончарова Г.С.* Самоидентификация и межэтнические установки социокультурных типов молодежи: этническое и региональное // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Том 11. Выпуск 4.
3. *Аствацатурова М.А., Воронцов С.А., Зорин В.Ю., Понделков А.В.* Доктринальные принципы и эмпирические ресурсы современной этнополитики в Российской Федерации (региональный аспект) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 3.
4. *Боргоякова Т.Н., Бурнакова К.Н.* Сохранение языкового многообразия в условиях законодательно установленного двуязычия // European research. 2016. № 6 (17) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-yazykovogo-mnogoobrazziya-v-usloviyah-zakonodatelno-ustanovlennogo-dvuyazychiya>.
5. *Герасимова В.А.* Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sootechestvenniki-za-rubezhom>.

6. Дробищева Л.М. К вопросу о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2.

7. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // <http://docs.cntd.ru/>.

8. Зорин В.Ю., Орешин С.А. Опыт мирного урегулирования чеченского конфликта в 1995-1996 гг.: достижения и просчеты (часть вторая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 9 (54).

9. Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // <https://www.un.org/>.

10. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // <https://legalacts.ru/>.

11. Садохин А., Шабаетов Ю. Этническая «карта» России и культурная политика.

12. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

13. Сулейманова Ш.С. Роль СМИ и национальных общественных объединений в реализации стратегии национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7 (52).

14. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007?index=4&rangeSize=1>.

15. Фарукишин М.Х. Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013.

16. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 06.02.2020) // <http://www.consultant.ru/>.

17. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/>.

18. Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/>.

19. Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A., Medvedev V.N., Amini A.R. Ethno-Language Issue as a Source of Separatism and Instability in Ukraine // Journal of Politics and Law. 2019. Т. 12. № 5.

V.I. POKHOZHAEV
*Adjunct, Military University of the
Ministry of Defence of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

ON PROBLEMS IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRIORITIES OF MODERN STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The purpose of this article is to consider emerging issues in the implementation of priorities of the state national policy of the Russian Federation in relation to indigenous peoples, their status, linguistic diversity and land use issues. The issues of preventing extremism and providing assistance to compatriots living abroad are considered.

Key words: *state national policy, multinational state, indigenous peoples, ethnic strife, extremism, compatriots.*

О ВОЗДЕЙСТВИИ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Пандемия COVID-19 выявила два важных параметра глобального политического процесса – объективную необходимость глобализации, с одной стороны, и весьма низкий уровень целостности и взаимозависимости современного мира.

В этой обстановке часть политиков и политологов обращают внимание на потребность повышения уровня в глобальном управлении, другая – не менее категорично «отменяет» глобализацию и постулирует ренессанс Вестфальской системы национальных государств с фиаско уже состоявшихся интеграционных образований в мировой политике и экономике.

В предлагаемой статье утверждается, что глобализация является объективным процессом. Он может быть заторможен конкретными конъюнктурными обстоятельствами, но «отменить» его нельзя. Также как нельзя отменить потребность в повышении уровня глобального управления. Суть вопроса заключается в том, какими должны быть организационные формы этого глобального управления. Элитарными наднациональными или функциональными демократическими? Вот, в чем вопрос.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, глобализация, глобальное управление, глобальные проблемы, мировое правительство, международные организации, ООН, ОБСЕ, ВОЗ.

Что такое глобализация? Памятное изречение классика мирового юмора Марка Твена «слухи о моей смерти сильно преувеличены» вполне могут быть отнесены к волне антиглобалистских публикаций по поводу воздействия пандемии COVID-19 на международные отношения и будущее мироустройство. Многие политологи сходятся при этом на мнении, что коронавирус, как минимум, сильно замедлил процессы глобализации, а некоторые максималисты считают, что интеграционным процессам в современном процессе положен конец в принципе. «COVID-19, унеся уже не один

десяток тысяч жизней, окончательно разрушил иллюзию устойчивости глобального мира, подорванную многочисленными конфликтами, гибридными войнами, эрозией международного права, искажением истории и разрушением морали», – пишет, например, профессор Александр Стоппе. Глобальная экономика сегодня, по его мнению, трещит по швам, а ее будущее зависит от того, смогут ли правительства всех стран, учитывая, что мир еще глобализирован, взять ситуацию под контроль, хотя бы в течение следующих шести месяцев или года. Если же не удастся обуздать процесс, и кризис продлится дольше, глобализация может уйти в прошлое. Это связано с тем, что чем дольше будет длиться кризис, и чем дольше будут существовать препятствия для свободного перемещения людей, товаров и капитала, тем более естественным будет казаться отказ от глобализации» [9].

В то же время четко выявившаяся в ходе борьбы с вирусом необходимость тесного сотрудничества государств и научных сообществ побудило исследователей другого рода гальванизировать старую как мир идею мирового правительства. Так, бывший лейбористский премьер британского правительства Гордон Браун выступил с инициативой создания временной формы глобального правительства для преодоления двойного медицинского и экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19. В свое время Г. Браун был в центре усилий по борьбе с последствиями финансового кризиса, вызванного обвалом банков в 2008 г. В настоящее время для борьбы с коронавирусом он предлагает учредить «целевую группу с участием мировых лидеров, экспертов в области здравоохранения и руководителей международных организаций, которая будет иметь исполнительные полномочия по координации ответных мер» [13].

Геополитические стратагемы. В серии материалов о воздействии коронавируса на мировой политический процесс немало и геополитических умозаключений о динамике отношений в «четырёхугольнике» (Россия, Китай, США, Евросоюз) главных акторов мирового политического процесса. Очевидная устойчивость китайской системы социальной организации перед лицом новых вызовов и угроз на фоне импотенции т.н. демократических обществ породила прогнозы о возможном еще большем повышении роли Поднебесной на международной арене. И уж, конечно, в контексте происходящего мало кому придет в голову повторять тезис Б.Н. Ельцина о том, что коммунизм – это утопия. Скорее стоит вспомнить прогноз Арнольда Тойнби, наделявшего в середине прошлого века марксизм чертами мировой религии и «вселенской церкви». Эта церковь, по мнению выдающегося британского историка, со временем способна «сохраниться и стать той куколкой, из которой спустя время возникнет новая цивилизация» [14. Р. 13].

Пандемия в итоге, скорее всего, отрицательно скажется на претензиях «Вашингтонского обкома» на глобальное лидерство. Вряд ли, однако, она приведет к образованию какого-либо нового глобального центра. Движение

к демократическому полицентрическому миру продолжится, и это тоже проявление глобализации, но глобализации демократической, а не элитарной.

Глобализация – объективный процесс. Что следует из сопоставления приведенный выше точек зрения? Прежде всего то, что до сих пор в науке, да и в нашем повседневном быту отсутствует единое понимание и толкование самого термина *глобализация*. В этом отношении нельзя не согласиться с авторитетным мнением Н.А. Симонии и А.В. Торкунова, полагающих, что, отсутствие научных школ и «полная свобода творчества» приводит к появлению обильной хаотической и самодеятельной псевдонаучной продукции. «Одним из последствий этого, считают академики, является либо беспорядочное, либо, наоборот, ритуальное использование терминов (глобализация, модернизация, инновация и т.п.), чаще всего без понимания их понятийного содержания. В результате чего мы столкнулись фактически с *понятийным кризисом*, с отсутствием главного инструмента, без которого невозможна коммуникация в научном сообществе, да и само это сообщество» [8. С. 69].

Большинство исследователей толкует глобализацию преимущественно в экономическом плане, т.е. так как впервые употребил этот термин К. Маркс в письме Ф. Энгельсу в конце 50-х гг. XIX в. после вторжения «черных кораблей» коммодора ВМС США Мэтью Перри в японскую гавань Урага: «Теперь мировой рынок существует на самом деле, – писал автор «Капитала», – с выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась» [1. С. 192].

В действительности глобализация в XXI веке представляется процессом, далеко выходящим за рамки только экономики и торговли. Речь идет о качественном скачке в научно-техническом прогрессе, сравнимом с такими рубежами мировой истории как овладение огнем и открытием ядерной энергии. Как нам представляется, итогом дальнейшего развития информационно-коммуникационных технологий, овладения механизмами искусственного интеллекта и НБИК-конвергенция (1) будет не только полное слияние этих технологий в единую научно-технологическую область знания, но и формирование в перспективе нового материального носителя разума на основе гомо сапиенса. И процесс этот носит объективный характер. Его можно затормозить на некоторое время, но невозможно застопорить навечно. Более того, темпы совершенствования современных технологий все более ускоряются. Согласно открытому в 1965 г. Г. Муром закону вычислительная мощность компьютеров будет увеличиваться экспоненциально примерно каждые 2 года. Позднее Мур сам пересмотрел свой «закон» и сократил срок до 18 месяцев. Еще позже изобретатель смартфона Р. Курцвэйл сократил этот срок до 11 месяцев. С 2016 г. специалисты в области информатики говорят о том, что закон Мура исчерпал себя, так как речь идет о смене самих представлений человека о том, каких мощностей может достигнуть обработка и хранение данных.

Глобализация как необходимость. Таким образом, попытки остановить пандемию, заблокировав глобализацию, из той же серии, что и разборка железнодорожных путей донскими казаками для восстановления монархии в России. Глобализация может быть остановлена только одним путем – самоуничтожением человечества вследствие обострения глобальных проблем, одной из которых является бесконтрольное использование достижений научно-технической революции в коммерческих целях. А обеспечить контроль над Молохом Франкенштейна может только объединение усилий всего мирового сообщества, т.е. глобализация. Как заявил на совещании ведущих вирусологов, эпидемиологов и инфекционистов мира генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Т.А. Гебрейесус, сейчас главная задача – объединить усилия и сосредоточиться на отражении распространения вируса, а также изучении его свойств и создании вакцины [3]. Следовательно, блокирование границ и ограничения перемещения на транспорте не должны мешать контактам ученых для разработки противовирусных препаратов.

Следовательно, глобализация необходима. Но не в форме «мирового правительства», за формулой которого очень часто скрывается диктатура монополий одного или группы государств. Такую формулу предлагал Н. Рокфеллер в выступлении в 1962 г. в Гарвардском университете с программной публичной лекцией «Федерализм и свободный мировой порядок». В этой получившей широкую известность речи Н. Рокфеллер высказался за создание общемирового государства, руководимого единым федеральным правительством. Поскольку, однако, по мнению Н. Рокфеллера, задачи построения такого порядка «настоятельно требуют, чтобы США взяли на себя лидерство среди всех свободных народов» [7], его (и других сторонников «мирового правительства» – МИПР) выступления были восприняты как апологетика установления мирового господства ТНК, в которых американский капитал играл бы ведущую роль. Это восприятие усилил и укрепил патриарх американской политологии Г. Киссинджер, провозгласивший в Колледже Св. Троицы в Ирландии в октябре 1999 г.: «...то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов» [12].

Вот именно такой «глобализации», понимаемой как Pax Americana нанес удар коронавирус. И удар этот, возможно, будет фатальным. В тоже время глобализация как единение международного сообщества для противостояния новым вызовам и угрозам, сопутствующим научно-технической революции, только начинается. В этой связи нельзя не сказать, что далеко не все сторонники МИПР вынашивали глобальные геополитические планы завоевания мирового господства. А. Эйнштейн, например, искренне верил в то, что функции мирового правительства вполне может взять на себя только, что созданная тогда ООН. С предложением об этом великий ученый обратился ко всем делегациям в ООН и к группе своих коллег советских физиков.

Нельзя сказать, что слова нобелевского лауреата канули в вечность, не возымев никакого воздействия. На сегодняшний день Россия поддержи-

вает усилия по укреплению центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций [6], что предполагает повышение уровня глобальной управляемости миром посредством наращивания эффективности и представительства ООН.

В данном контексте настораживает критика ООН и ее специализированной организации ВОЗ президентом США Д. Трампом, заявившем 14 апреля с.г. о приостановлении финансирования деятельности ВОЗ. Критика Трампа не лишена здравого смысла. «Некоторые из этих критических тезисов вполне оправданны», – считает в частности эксперт в области международного общественного здравоохранения Женевского центра политики безопасности Ж. Пумероль [2]. Но для корректировки деятельности этой организации необходимы как раз новые вложения и, самое главное, пополнение квалифицированными медицинскими кадрами. Беда всех организаций-членов семьи ООН в том, что они слишком заполитизированы в ущерб компетентности. При назначении на руководящие должности сплошь и рядом решающую роль играют не профессиональные качества, а страна происхождения и лоббирующая группировка. И в преодолении этого порока нам представляется главное направление реформ и совершенствования ООН.

ООН и глобализация. Безусловно, принцип политической репрезентативности в международных организациях не может и не должен быть поколеблен. Национальные государства продолжают оставаться главными акторами политического процесса. В обозримом будущем постоянные члены Совета Безопасности сохранят свои прерогативы, включая право вето при принятии решений. Вместе с тем, если уж говорить серьезно о повышении эффективности международных организаций, то сам собой возникает вопрос о необходимости включения в их структуру консультативных профессиональных органов научной экспертизы. Их необходимость особенно остро проявилась в ситуации с коронавирусом.

Совбез ООН так и не смог обсудить проблему и сказать по этому вопросу публично что-нибудь путное, потому что он не располагает для этого необходимой профессиональной компетентностью и не имеет соответствующих независимых органов научной экспертизы. Какое решение по данному вопросу могут вынести политические представители государств, если внутри самих этих государств мнения относительно происхождения инфекции коренным образом расходятся. В США, например, главный инфекционист страны, директора Национального института аллергических и инфекционных заболеваний Э. Фаучи отверг версию об искусственном происхождении нового коронавируса [4], а президент США вопреки утверждениям руководителей собственных спецслужб заявил, что видел доказательства того, что коронавирус был разработан в Уханьском институте вирусологии [10].

В данной деликатной ситуации весьма полезным было бы мнение независимой международной комиссии, составленное на основе анонимного

анкетирования общепризнанно ведущих экспертов. При этом совсем нет необходимости в проведении помпезных и дорогостоящих очных церемоний с обязательным приглашением «свадебных генералов», председательским молотком, ритуальным графином воды, жирными суточными и авиабилетами бизнес-класса. В течение часа можно провести интернет анкетирование светил мировой науки, используя то самое мощное орудие глобализации, возрастающее значение, которого пандемия выявили особенно наглядно – интернет связь и социальные сети. Разумеется, окончательное решение все равно выносилось бы на политическом уровне, но степень компетентности этого решения была бы значительно выше.

Поучительным в этом отношении может быть пример из не столь уж далекого исторического прошлого. В марте 1980 г. Научный форум Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе принял рекомендации правительствам стран-участниц СБСЕ, в которых в частности говорилось: «Все аспекты ядерного топливного цикла потребуют дальнейших усилий для обеспечения его полной надежности и безопасности с тем, чтобы он был приемлем для населения» [5. С. 5]. Эти рекомендации не были приняты во внимание должным образом, в итоге мы имели трагедии в Чернобыле, Фукусиме, и Бог знает, что еще нас может ожидать, если мы по-прежнему будем пренебрегать компетентным мнением специалистов в угоду сиюминутным потребностям политических и бизнес-элит.

Пандемия COVID-19 должна заставить человечество внимательнее относиться к рекомендациям ученых, научиться отсеивать конъюнктурные кликушества от серьезных и своевременных предупреждений. Ведь и об угрозе коронавируса было компетентное мнение вирусологов, опубликованное еще в 2015 г. в авторитетном научном журнале видным вирусологом Р. Бериком из департамента эпидемиологии университета Северной Каролины и еще четырнадцатью экспертами, китайскими в том числе: «Появление SARS-CoV ознаменовало новую эру в межвидовой передаче тяжелых респираторных заболеваний с глобализацией, ведущей к быстрому распространению по всему миру и огромным экономическим последствиям» [11].

Новая эра в вирусологии, о которой пишут врачи, должна, в конце концов, найти адекватное отражение и в политологии, и в практической политике. Научный форум СБСЕ 1980 г. необходимо институализировать как постоянно действующий совещательный орган в структуре ОБСЕ и ООН.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) НБИК-конвергенция (NBIC-конвергенция) – гипотетическое ядро 6-го технологического уклада, основанное на объединении и синергетическом усилении достижений нано-, био-, информационных и когнитивных технологий. Результатом НБИК-конвергенции будет являться полное слияние этих технологий в единую научно-технологическую область знания.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аттали Ж.* Карл Маркс. Мировой дух. М., 2008.
2. *Бюрнан Ф., Саймон Б., Глаттард Й.* «Коней на переправе не меняют!» // Информационный портал SWI swissinfo // https://www.swissinfo.ch/rus/международная-женева_следует-ли-сократить-финансирование-воз-/45693688.
3. Вирус со многими неизвестными. Врачи призывают объединить усилия в борьбе с новой инфекцией // Российская газета. 12 февраля 2020 г. // <https://rg.ru/2020/02/12/reg-dfo/vrachi-prizyvaiut-obedinit-usiliiia-v-borbe-s-koronavirusom.html>.
4. Главный инфекционист США отверг версию об искусственном происхождении нового коронавируса, информационный портал ТАСС // <https://tass.ru/obschestvo/8276767>.
5. Доклад «Научного Форума» Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Hamburg, 1980.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28 июня 2000 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации // <http://www.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3>.
7. *Рокфеллер Н.* Федерализм и свободный мировой порядок // <http://mogilevec.livejournal.com/13616.html>.
8. *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Структурный кризис в США // Свободная мысль. Москва: Политиздат, 2013. № 1 (1637).
9. *Стонне А.Г.* Пандемия может положить конец эпохе глобализации // Информационный портал МИД РФ. 01.04.2012 // https://www.mid.ru/about/social_organizations/association/-/asset_publisher/w6CkLeKcy2bQ/content/id/4094005.
10. Трамп заявил, что коронавирус – из китайской лаборатории. Разведка с ним не согласна // Информационный портал Би-Би-Си. 1 мая 2020 г. // <https://www.bbc.com/russian/news-5244032611>.
11. *Baric R. and others.* A SARS-like cluster of circulating bat coronaviruses shows potential for human emergence, Nature Medicine. November, 09, 2015 // <https://www.nature.com/articles/nm.3985#auth-14>.
12. *Gindin S.* Social Justice and Globalization: Are they Compatible? // MonthlyReview.2002. Vol. 54. Issue02 (June)//<https://monthlyreview.org/2002/06/01/social-justice-and-globalization-are-they-compatible/#fn1>.
13. *Gordon B.* Gordon Brown calls for global government to tackle coronavirus. The Guardian. 26 Mar 2020 // <https://www.theguardian.com/international>.
14. *Toynebee A.J.* Civilization on Trial. New York, Oxford University Press, 1948.

V.F. PRYAKHIN
D.Sc. (political science),
Professor (International Relations Dept., RSHU),
Professor (Diplomacy Dept., MGIMO-University),
Moscow, Russia

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON GLOBALIZATION

The global pandemic has revealed two important parameters of the global political process – the objective need for globalization, on the one hand, and the very low level of integrity and interdependence of the modern world. In this situation, some politicians and political scientists pay attention to the need for global governance identified by the pandemic while another part of researchers categorically “cancels” globalization and postulates the renaissance of the Westphalian system of nation states with the fiasco of the already existing integration formations in world politics and economics.

The presented author argues that globalization is an objective process. It may be slowed down by specific circumstances, but it cannot be “canceled”. Just as the need to improve, global governance cannot be reversed. The essence of the question is what the organizational forms of this global governance should be. Should it be elitist supranational form or democratic functional ones? That is the question.

Key words: *pandemic, coronavirus, globalization, global governance, global problems, world government, international organizations, UN, OSCE, WHO.*

О.В. ДУБРОВИНА

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и политического
управления Школы политических исследований
Института общественных наук Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

О.Ю. ДУБРОВИНА

*кандидат политических наук, доцент,
координатор Национального союза политологов,
Россия, г. Москва*

ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19. ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СФЕРУ ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье авторы анализируют проблемы образования в условиях глобализации и регионализации, рассматривая период до пандемии и в условиях пандемии COVID-19. Анализируются проблемы, с которыми столкнулась сфера образования на глобальном и региональном уровнях, какие меры принимаются международными организациями, правительствами государств и руководителями субгосударственных регионов, даны некоторые рекомендации для решения возникших проблем.

Ключевые слова: *глобализация, регионализация, образование, пандемия COVID-19.*

Проблема влияния глобализации и регионализации на сферу образования является весьма актуальной и требует научного осмысления. Эти два ведущих тренда современного мира оказывают большое влияние на изменения в образовательном пространстве, особенно в период пандемии COVID-19, когда международные организации, государства и их регионы, вынуждены в тяжелых условиях и в сжатые сроки разрабатывать необходимые стратегии, находить средства для сохранения устойчивости сферы образования и ведения образовательного процесса в условиях глобальной катастрофы.

Еще совсем недавно ученые, рассматривая аспекты глобализации и регионализации, вели речь об энергетических вопросах, о проблемах природных материальных ресурсов, изучалась продовольственная проблема и вопросы окружающей среды и климата, исследовались демографические и экономи-

ческие аспекты, создавалось единое образовательное пространство, а сегодня проблемы глобализации и регионализации уже нельзя рассматривать без изучения такого глобального явления, как пандемия COVID-19, которая охватила все макрорегионы, практически все государства и многие регионы государств, изменила все сферы жизни, в том числе и образование.

Эпидемия COVID-19 вспыхнула в конце 2019 года в китайской провинции Хубэй, и в короткие сроки вирус проник на территорию других стран. В марте 2020 года распространение вируса было признано пандемией, в апреле 2020 года ею были охвачены практически все страны мира, и каждая страна по мере того, как вирус проникал в тот или другой регион, сталкивалась с необходимостью принятия мер по борьбе с последствиями эпидемии, в том числе и для сферы образования.

До пандемии глобализация в сфере образования включала в себя глобальные образовательные процессы, которые проходили в мире в течение XX и XXI века, шло формирование всемирной единой унифицированной системы образования, при которой постепенно стирались различия между входящими в нее образовательными системами.

В 1922 году был создан Международный институт Лиги Наций по вопросам интеллектуального сотрудничества – (МИИС) [6]. В 1945 году была создана Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая стала правопреемницей МИИС. Были определены основные цели ЮНЕСКО: содействие укреплению мира и безопасности за счет расширения сотрудничества государств и народов в области образования, науки и культуры; обеспечение справедливости и соблюдения законности, всеобщего уважения прав и основных свобод человека для всех народов, без различия расы, пола, языка, ориентации или религии [7].

Сразу же после создания ЮНЕСКО начала заниматься восстановлением разрушенных школ и налаживанием прерванных контактов в сфере образования в Западной Европе, а в 1950-х годах и защитой прав человека в области образования. В 1953 году была организована сеть ассоциированных школ ЮНЕСКО, в деятельности которой принимали участие дошкольные учреждения, начальная и средняя школы, учреждения профессионально-технического образования, программы подготовки учителей. Ассоциированные школы уделяли особое внимание информации об ООН и ЮНЕСКО, обучению в области экологии и охраны окружающей среды, изучению культурного и природного наследия, правам и свободам человека. В ЮНЕСКО было выделено четыре главных аспекта в процессе обучения «учиться, чтобы знать, учиться, чтобы уметь, учиться жить и учиться жить вместе» [8].

В 1960 году была принята Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования [9]. До этого момента деятельность в отношении развивающихся стран была бессистемна и в основном направлена на сообщение элементарных сведений из различных областей. После того, как в начале

1960-х годов в организацию вступили новые африканские государства, основное внимание ЮНЕСКО стала уделять развивающимся странам.

В 90-х годах XX века в глобальные процессы было вовлечено среднее профессиональное и высшее образование. В 1991 году была создана программа сотрудничества университетов, также известная как всемирная сеть кафедр ЮНЕСКО [10]. Кафедры ЮНЕСКО занимались обменом опытом, знаниями и технологиями в сфере образования, а также стажировкой преподавателей, что способствовало повышению качества преподавания, подготовки кадров и научных исследований. В 1992 году была создана аналогичная программа в области профессионально-технического образования – ЮНЕВОК [11]. В 90-е годы XX века в сфере образования был запущен Болонский процесс.

В 2000 году в Дакаре (Сенегал) прошел Всемирный форум по образованию. На форуме были сформулированы основная стратегия и цели программы «Образование для всех» до 2015 года [12]. Цели включали обязательное бесплатное начальное образование, равенство полов в начальной и средней школе, повышение качества образования, комплексные меры по воспитанию детей младшего возраста, удовлетворение образовательных потребностей молодежи и взрослых.

В 2009 году состоялась вторая конференция, на которой обсуждались вопросы высшего образования как общественного достояния, рейтинги вузов и др. [13].

В ноябре 2018 года состоялась третья Всемирная конференция в Париже, в которой приняли участие главы 70 государств. Этот политический форум высокого уровня стал главной платформой ООН по вопросам устойчивого развития [14].

Пандемия COVID-19 изменила все. Чтобы ослабить распространение коронавируса, правительства стран по всему миру приняли решение о закрытии учебных заведений в попытке сдержать глобальную пандемию COVID-19. Согласно данным ЮНЕСКО в апреле 2020 года 194 государства закрыли школы в масштабах всей страны, в связи с этим почти 1,6 млрд учащихся оказались вне учебных аудиторий, что составило 90,1% из общего числа учащихся в мире (4). Это может свести на нет достижения мирового сообщества в рамках ЦУР 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» [15].

ЮНЕСКО оказывает непосредственную поддержку странам в работе над минимизацией негативных последствий закрытия учебных заведений для образовательного процесса и созданием условий для непрерывного обучения, особенно в отношении наиболее уязвимых слоев населения. Но несмотря на то, что ООН, ВОЗ и ЮНЕСКО принимают те или иные решения на глобальном уровне, в конечном итоге решать проблемы, вызванные пан-

демией COVID-19, приходится не только каждой стране отдельно, но и каждому региону.

В некоторых странах было осуществлено закрытие школ на местном уровне, и, если эти страны также распорядятся о закрытии школ и университетов в масштабе всей страны, это приведет к срыву учебного процесса для миллионов других учащихся [16].

Студентам, которые обучались за рубежом, было предложено вернуться в свои страны и продолжить обучение дистанционно. Более того, внутри государств студентам, обучавшимся не в своих регионах, было также предложено вернуться в регионы своего постоянного проживания и продолжить обучение дистанционно.

Многие государства принимали то или иное решение в зависимости от ситуации, которая складывалась внутри страны. Так, например, в Китае все школы были закрыты и начали открываться по мере ослабления карантина; в Финляндии дошкольное образование и обучение в 1-3 классах продолжало осуществляться для детей лиц, работающих в секторах, критически важных для функционирования общества, а также для детей с особыми потребностями от дошкольного до старшего среднего образования. Обучение и уход за детьми младшего возраста предоставлялось всем детям, чьи родители не могли организовать уход на дому. На других уровнях образования контактное обучение продолжалось, если это считалось необходимым для завершения обучения. В Исландии начальные школы могли оставаться открытыми в случаях, когда число детей в классе не превышало 20 человек. В Японии университеты были отправлены на весенние каникулы, а в Республике Корея после первоначальной отсрочки в две недели университеты начали учебный год в онлайн-режиме. В Румынии большинство университетов оставались открытыми [3].

Что касается России, то, учитывая размеры страны, большое количество субъектов (85), разный уровень социально-экономического развития, географическое положение, разную плотность населения и т.д., регионы в значительной степени самостоятельно, исходя из объективной ситуации, принимают решение о том, какой режим в субъекте Федерации или его отдельных муниципалитетах может быть введен в связи с COVID-19. Ситуация постоянно меняется. И в разных регионах, даже в их отдельных муниципалитетах она также складывается по-разному. В апреле 2020 года, выступая перед гражданами, Президент России страны заявил, что «в связи с тем, что в разных регионах и муниципалитетах России складывается разная эпидемиологическая ситуация, субъекты Российской Федерации получают полномочия определять профилактические меры самостоятельно. Где-то должны соблюдаться более жесткие ограничения, а где-то при сохранении высокого уровня готовности сейчас достаточно локальных, точечных решений. Эти особенности надо учитывать. В этой связи субъектам и гла-

вам субъектов Федерации по моему указу будут предоставлены дополнительные полномочия» [17].

Меры в системе образования, которые принимаются в государствах и их регионах, показали, что страны столкнулись с целым рядом проблем.

Закрытие школ, даже временное, имеет большие социальные и экономические последствия [2], особенно для малоимущих слоев населения: дети и молодежь лишаются возможностей для роста и развития, это главным образом сказывается на учащихся из малообеспеченных семей, которые не имеют возможностей для получения образования вне школы; многие дети стали недоедать, так как лишились бесплатного или льготного питания, предоставляемого в школах; дети, чьи родители вынуждены работать, например, врачи, медсестры, санитары, другие медицинские работники, оказались без присмотра, родители вынуждены оставлять детей одних, что может быть опасным для их жизни и здоровья и др.

Для минимизации негативных последствий закрытия учебных заведений и создания условий для непрерывного обучения, особенно в отношении наиболее уязвимых слоев населения, многие страны ввели системы дистанционного обучения в школах и вузах.

По данным ЮНЕСКО, 53 государства развернули национальные образовательные платформы для дистанционного обучения [4]. И здесь страны и их регионы столкнулись с новыми проблемами.

По данным Всемирного банка на настоящий момент имеется очень мало систем образования, которые обладают хорошим техническим обеспечением, чтобы осуществить быстрый переход на дистанционное обучение. Более вероятно достижение успеха в тех странах, где дистанционное образование широко применялось до пандемии [5]. Каждая страна решает эту проблему по-своему (3). Вторая проблема связана с тем, что переход на дистанционное обучение требует огромных затрат. Необходимо создание высококачественных и актуальных цифровых учебных материалов, требуется обучение цифровым навыкам, а также внедрение вспомогательных систем управления данными и информацией (6).

Дистанционное обучение приводит к большему социальному расслоению, например, по линии богатые – бедные; проживающие в городе – проживающие в сельской местности; с хорошими показателями успеваемости – с плохими показателями успеваемости и т.д. Этот аспект особенно актуален для детей в бедных районах, с ограниченным доступом в Интернет или вовсе без доступа. В малоимущих семьях и у людей, проживающих в сельской местности, зачастую нет необходимых для обучения компьютеров либо других ресурсов, а это значит, что большинство учащихся будет испытывать трудности при переходе к дистанционному образованию. Преимущество будут иметь учащиеся из обеспеченных семей с уже имеющимся опытом дистанционного обучения.

Может возникнуть проблема для учебных заведений, когда встанет вопрос выбора, каким предметам обучать онлайн, а какие оставить ученикам для самостоятельного освоения. Только некоторые учителя способны осуществить быстрый и эффективный переход к онлайн-модели обучения, поскольку процессы преподавания удаленно и в классах значительно отличаются друг от друга. В этой связи учителям понадобится поддержка и дополнительное обучение (7).

В условиях дистанционного обучения столкнулись с определенными проблемами и родители, которые играют ключевую роль в поддержке своих детей. Даже при самых благоприятных обстоятельствах большинство родителей плохо подготовлены к тому, чтобы осуществлять эффективную образовательную поддержку своим детям, особенно в тех случаях, когда они не обладают достаточными техническими навыками. В многодетных семьях возникает проблема распределения доступных устройств между ними. С большими сложностями столкнулись семьи, в которых есть дети или родители с ограниченными возможностями здоровья или родители заняты в критически важных для борьбы с эпидемией отраслях.

Какие пути решения данных проблем можно предложить?

1. Необходимо обеспечить равный доступ учеников и студентов к цифровым порталам обучения, особенно для учащихся из малообеспеченных семей.

2. Как рекомендует Всемирный банк [5], использовать единый портал для размещения всех программ, приложений, платформ и материалов, необходимых для обучения, а также руководств по использованию для учащихся, учителей и родителей. На этом направлении важной задачей становится предоставление доступа к материалам с помощью широкого набора устройств, в том числе мобильных.

3. При удаленном образовании, когда учащиеся используют различные платформы, приложения и оборудование, у школ остается меньше возможностей для осуществления контроля их качества. В таких случаях важно принятие дополнительных мер для обеспечения безопасности учащихся, особенно когда речь идет о предоставлении программ третьими сторонами или об отсутствии механизмов правовой защиты и регулирования указанной сферы.

4. Необходимо использовать существующие платформы дистанционного образования, которые уже могут содержать необходимый курс или материалы для обучения в различных цифровых форматах. Если таких платформ в стране не существует, то можно использовать открытые образовательные ресурсы (8).

5. Важно разработать новые образовательные платформы (виртуальные классы) (2).

6. Необходимо наладить сотрудничество с образовательными платформами. Основная проблема существующих образовательных платформ заключается в том, что их не всегда возможно использовать при одновременном большом количестве пользователей. Некоторые частные компании

на бесплатной основе предоставили образовательным учреждениям свои ресурсы и сервисы в качестве меры поддержки против распространения COVID-19 (5; 1).

7. Важно наладить международное сотрудничество для обмена образовательными онлайн-ресурсами. В разных странах порой преподается схожий набор предметов, поэтому необходимо рассмотреть возможность перевода иностранных материалов и их использования в образовательных целях.

8. Государствам необходимо предоставить учителям материалы по вопросам обучения в режиме онлайн.

Для решения этих глобальных проблем ЮНЕСКО учредила целевую группу по вопросам COVID-19 для оказания консультативной и технической помощи правительствам, занимающимся обеспечением дистанционного обучения учащихся. Она также проводит регулярные виртуальные совещания с министрами образования для обмена опытом и оценки приоритетных потребностей.

Организация приступила к созданию Глобальной коалиции по вопросам образования и COVID-19, объединяющей государственные учреждения и частный сектор, включая компанию Microsoft и Ассоциацию GSMA, с целью оказания поддержки странам в процессе внедрения систем дистанционного обучения, с тем, чтобы свести к минимуму срывы в образовательном процессе и для поддержания контакта с учащимися [1].

Подводя итог, следует отметить, что в условиях пандемии COVID-19 стремление к открытости мирового сообщества сменилось на стремление к закрытости и обеспечения безопасности. Глобальные проблемы решаются на региональном уровне. Обострились проблемы социальной несправедливости, что четко просматривается в образовательной среде. Государства и их регионы одновременно стали субъектами и объектами как глобализации, так и регионализации.

Выступившие на первый план и резко усилившиеся в период пандемии COVID-19 процессы глобализации, а также возросшая в этой связи взаимозависимость различных стран, регионов и народов обусловили и новый уровень осмысления данной проблемы. Глобализацию и регионализацию сегодня можно рассматривать как основу геополитического равновесия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В Гонконге компания Microsoft предоставила возможность бесплатного использования программы Office 365 Education для 50 тыс. учителей и 800 тыс. студентов.

(2) В Китае и Сингапуре успешно запустили как государственные, так и частные сервисы «виртуальных классов».

(3) В КНР осуществляется государственная поддержка перевода образовательных материалов в цифровой формат. Правительство Южной Кореи

объявило о мерах по поддержке цифрового образования. Новый учебный год в стране начался в режиме онлайн-классов с 9 апреля. (В корейских школах первый семестр учебного года обычно начинается с 1 марта и длится до середины июля).

(4) Данные соответствуют числу учащихся, обучающихся на уровнях МСКО 0-3: образование детей младшего возраста, начальное образование, первый этап среднего образования, второй этап среднего образования, а также на уровнях высшего образования [уровни МСКО 5-8] // Данные о зачислении на основе последних данных Статистического института ЮНЕСКО // <https://ru.unesco.org/covid19/educationresponse>.

(5) Кипрские банки и меценаты обеспечивают нуждающихся детей электронными устройствами (уже поступило 6 тыс. электронных планшетов), а телекоммуникационные операторы – бесплатным доступом в Интернет для обеспечения дистанционного обучения. Министерство образования и науки собрало данные по всем школам Кипра, чтобы выявить потребности учащихся.

(6) Так, например, в Армении запущена единая университетская платформа iUniversity, позволяющая дистанционно обучаться во время карантина.

(7) Так, например, Министерство образования и науки Кипра проводит через Педагогический институт ускоренное обучение учителей по вопросам дистанционного образования. Большое количество материалов для педагогической поддержки регулярно размещается на школьных сайтах и на сайте Министерства.

(8) Так, например, на Кипре на государственном уровне было закуплено необходимое для дистанционного образования лицензионное программное обеспечение. Десятки тысяч детей и учителей вошли в систему с помощью предоставленных им кодов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Департамент глобальных коммуникаций ООН. ООН предпринимает меры по борьбе с COVID-19 во всех сферах, затронутых пандемией // Сайт ООН // <https://www.un.org/ru/coronavirus/united-nations-tackles-covid-19-threat-multiple-fronts>.

2. Adverse consequences of school closures // Сайт ЮНЕСКО // <https://en.unesco.org/themes/education-emergencies/coronavirus-school-closures/consequences>.

3. Coronavirus disease 2019 (COVID-19) Situation Report. 28.03.2020 // Сайт ВОЗ // https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200328-sitrep-68-covid-19.pdf?sfvrsn=384bc74c_2.

4. National learning platforms and tools // Сайт ЮНЕСКО // <https://en.unesco.org/themes/education-emergencies/coronavirus-school-closures/nationalresponses>.

-
5. Remote Learning and COVID-19 // Сайт Всемирного банка // <http://documents.worldbank.org/curated/en/266811584657843186/pdf/Rapid-Response-Briefing-Note-Remote-Learning-and-COVID-19-Outbreak.pdf>.
 6. <https://ru.unesco.org/courier/2020-1/liga-naciy-ideal-proshedshiy-cherez-goda>.
 7. <https://ria.ru/20091123/195110840.html>.
 8. http://www.owlapps.net/owlapps_apps/article?id=16175&lang=ru.
 9. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml.
 10. <http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=theme&id=90>.
 11. https://unevoc.unesco.org/fileadmin/user_upload/pubs/UNEVOC-Network-Manual_ru.pdf.
 12. http://www.ihst.ru/~biosphere/terminal/ADD_11_02/education.htm.
 13. <http://www.unesco.org/new/ru/world-conference-on-ecce/unesco-education-conferences>.
 14. <https://ru.unesco.org/events/vsemirnaya-konferencii-po-voprosam-obrazovaniya-2018-goda>.
 15. <http://sdg.openshkola.org/goal4>.
 16. <https://ru.unesco.org/covid19/educationresponse>.
 17. <http://regnum.ru/news/society/2903717.htm>.

O.V. DUBROVINA

*Doctor of Political Science, Full Professor,
Professor of the Department of Political Science and
Political Management, School of Political Studies,
Institute for Social Sciences, RANEPa,
Moscow, Russia*

O.YU. DUBROVINA

*PhD in Political Science,
Coordinator, National Union of Political
Scientists, Moscow, Russia*

GLOBAL AND REGIONAL IN THE CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC. IMPACT ON EDUCATION

In this article, the authors analyze the problems of education in the context of globalization and regionalization, considering the period before the pandemic and in the context of the COVID-19 pandemic. The authors analyze the problems faced by the education sector at the global and regional levels, what actions are being taken by international organizations, governments and leaders of sub-state regions, some recommendations are given for solving the problems that have arisen.

Key words: *globalization, regionalization, education, COVID-19 pandemic.*

DOI 10.35775/PSI.2020.57.5.019

УДК 32.323

И.С. ПАРФЕЙНИКОВ

*кандидат юридических наук, доцент
Пятигорского филиала Северо-Кавказского
федерального университета, Россия, г. Пятигорск*

В.И. ПАРФЕЙНИКОВ

*магистрант Института Международных
отношений Северо-Кавказского
федерального университета,
Россия, г. Пятигорск*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА КАВКАЗКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД В РЕЗУЛЬТАТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ)

Функциональная ориентированность субрегиона РФ Кавказские Минеральные Воды обусловлена уникальностью его территории по выполнению масштабной рекреационной функции, в первую очередь, через санаторно-курортное оздоровление и туристские услуги. В последнее время в развитии санаторно-курортного комплекса данного региона особо активное участие принимает Азербайджан, что обусловлено тем фактом, что страна давно является стратегическим партнером Ставропольского края, а также тем, что на курортах Кавказских Минеральных Вод отдыхает достаточно много граждан Азербайджана. В рамках данной статьи автор анализирует основные направления развития сотрудничества на территории российской здравницы.

Ключевые слова: *санаторно-курортный комплекс, Кавказские Минеральные Воды, здравница, дипломатические отношения, стратегические партнеры, инвестиции.*

Введение. В результате кардинальных политических, экономических и социальных преобразований, происходящих в стране, а также необходимость выживания в условиях жесткой конкуренции стремительно развивающихся рыночных отношений требуют от хозяйствующих субъектов пристального внимания к организации финансирования основной деятель-

ности, выбору оптимальных источников формирования финансовых ресурсов, их структуре и сфере применения.

Финансовая ситуация в санаторно-курортной отрасли – важнейшей сфере экономики, обеспечивающей охрану и восстановление здоровья населения, за последние годы коренным образом изменилась. Многочисленные санаторно-курортные комплексы, сложившиеся во времена регулярных дотаций со стороны государства, оказались неспособными быстро адаптироваться к новым экономическим условиям и, как следствие, стали нерентабельными в условиях жесткой конкуренции.

Исходя из того, что Кавказские Минеральные Воды – это одна из известнейших здравниц России, которую ежегодно посещают огромное количество людей, развитие этого комплекса, как никогда актуально. Особое значение при этом играют инвестиции, которые привлекаются в регион. Одним из основных инвестиционных партнеров в этом плане является Азербайджан, который ежегодно инвестирует деньги на развитие санаториев в Кавказских Минеральных Водах.

Целью данной статьи является анализ особенностей развития санаторно-курортного комплекса Кавказских Минеральных Вод в результате интеграционных процессов между Россией и Казахстаном.

Методы и методология. В статье используются общенаучные методы, прежде подходы и методы системного анализа и общей теории систем, анализ и синтез, а также сравнения и обобщения. Использование представленных методов позволило провести анализ особенностей развития санаторно-курортного комплекса Кавказских Минеральных Вод в результате интеграционных процессов между Россией и Казахстаном.

Изучению данной тематики уделяли внимание достаточное количество исследователей. В частности развитию санаторно-курортного комплекса Кавказских Минеральных Вод посвящены работы таких авторов как Беляева, К.И. [1], Горбунов А.П. [2. С. 55-64], Киселева Н.Н. [5. С. 658-675], Сарафанова А.Г. [7. С. 56-62], Хурмагов И.А. [8. С. 158-163].

В свою очередь интеграционные процессы сотрудничества России и Азербайджана в области туризма анализировали такие авторы Кудрявцева Ю.В. [6. С. 123-130], Гусейнов Ш.Р. [3. С. 202-206].

Данное авторское исследование обусловлено тем фактом, что работ, в которых бы проводился анализ сотрудничества России и Азербайджана именно на территории Кавказских Минеральных Вод недостаточно.

Результаты. Кавказские Минеральные Воды являются одной из старейших здравниц России, что в свою очередь говорит о том, что данный курорт пользуется большой инвестиционной привлекательностью и имеет огромный потенциал в качестве курорта международного уровня, который характеризуется наличием разных видов отдыха [7. С. 56].

Ухудшение здоровья, рост реальных доходов населения России, рост общественных расходов на укрепление здоровья нации – все это факто-

ры, оказывающие влияние на рост спроса на услуги санаторно-курортного комплекса.

Так, показатели здоровья населения за последние лет 20 значительно ухудшились, что приводит к росту потенциальных клиентов Кавказских Минеральных вод. Среди трудоспособного населения рост таких заболеваний, как сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные составил более 1,5 раза. На данный момент количество потенциальных клиентов больше, нежели данный регион имеет возможности принять [8. С. 158].

Если говорить о развитии данного региона, то к 2020 г. объем ВРП возрос более чем в 2 раза. Так как отмечается рост объемов производства, доходов населения, это обеспечивает рост бюджета региона. Санаторно-курортный комплекс, в свою очередь, вносит значительный вклад в бюджет региона [4].

Постоянно возрастают инвестиции, большая часть из которых направлена именно на развитие санаторно-курортного комплекса. Особое значение имеют инвестиционные партнеры, одним из которых является Азербайджан.

Далее следует обратить внимание на сотрудничество России и Азербайджана на территории региона Кавказских Минеральных Вод.

Дипломатические отношения между Россией и Азербайджаном установлены 4 апреля 1992 года [6. С. 123].

Азербайджан – важный стратегический партнер России. В основе отношений двух стран – принципы равноправия и добрососедства, вековые традиции дружбы и взаимного уважения.

Давние и крепкие связи – это то, чем характеризуются отношения Ставрополя и Азербайджана, который выступает в роли основного внешнеэкономического партнера Ставропольского края. В данном случае для него Ставропольский край является одной из площадок для наиболее успешных инвестиций, как в сельском хозяйстве, здравоохранении, так и безусловно, в туризме.

Край отправляет закавказским соседям зерновые культуры, корма, минеральные удобрения и пластмассу. Ставрополье поставляет значительную экспортную часть зерна в эту республику. Азербайджан инвестирует средства в развитие санаторно-курортной базы Кавминвод. В прошлом году в Ессентуках был открыт построенный на азербайджанские инвестиции санаторий «Источник». Новый санаторий соответствует самым современным стандартам как санаторного лечения, так и индустрии гостеприимства. Он был спроектирован компанией-партнером международной отельной сети Holiday Inn. «Источник» стал крупнейшей здравницей КМВ, введенной в строй за последние годы.

Также азербайджанский бизнес реализовал еще ряд проектов на Кавказских Минеральных Водах. В частности, частные компании Karat holding и «Азнефтьмаш» вложились в проекты по реконструкции санаториев в Кис-

ловодске. Они не только выполнили строительные работы, но и вошли во владение этими санаторными объектами [4].

Общее количество мест составило 1500, стоимость объектов превышает восемь миллиардов рублей. Ввод в эксплуатацию санаториев позволит серьезно увеличить поток туристов из Азербайджана, а сегодня курорты КМВ в год посещают более 30 000 представителей закавказской республики.

В 2018 году азербайджанские инвесторы вложили порядка 2,3 миллиарда рублей в реконструкцию санатория «Академический» в Кисловодске.

Выводы. Сегодня российские Кавказские Минеральные Воды могут успешно конкурировать с прославленными мировыми здравницами, они получили статус федерального курорта, а вместе с ним множество привилегий и возможностей для динамичного развития и масштабных преобразований.

Особое значение в развитие санаторно-курортного комплекса Кавказских Минеральных вод отводится сотрудничеству России и Азербайджану, который каждый год инвестирует средства в развитие санаториев Кавказских Минеральных Вод. Одной из основных причин такого интереса является то, что в регионе отдыхает достаточно большое количество граждан Азербайджана, а кроме этого Азербайджан является основным внешнеэкономическим партнером данного региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беляева К.И.* Основные аспекты инвестиционной привлекательности санаторно-курортного комплекса // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 9.
2. *Горбунов А.П.* Развитие курортно-туристской дестинации Кавказские минеральные воды в контексте общемировых и национальных тенденций // Вопросы регулирования экономики. 2016. № 7.
3. *Гусейнов Ш.Р.* Перспективы совершенствования азербайджано-российских туристических отношений // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015 .
4. Инвестиционный портал Северо-Кавказского региона // http://investkavkaz.ru/news_details?sel=DICT_FSO_NEWS:201820719
5. *Киселева Н.Н.* Развитие Кавказских Минеральных вод // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 4.
6. *Кудрявцева Ю.В.* Двустороннее сотрудничество как фактор развития туризма в приграничных территориях // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2019. № 1.
7. *Сарафанова А.Г.* Развитие туризма в Кавказских Минеральных Водах // Евразийский Союз ученых. 2018.
8. *Хурмагов И.А.* О перспективах развития курортного региона Кавказских Минеральных Вод // Инновационная экономика. 2017. № 5.

I.S. PARFEYNIKOV

*Candidate of Law, Associate Professor,
Pyatigorsk branch of North-Caucasian Federal
University, Pyatigorsk, Russia*

V.I. PARFEYNIKOV

*Undergraduate, Institute of International
Relations, Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia*

**FEATURES OF DEVELOPMENT
OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS
SANATORIUM AND RESORT COMPLEX
AS A RESULT OF INTEGRATION PROCESSES
BETWEEN RUSSIA AND AZERBAIJAN
(ON THE EXAMPLE OF REGIONAL
INVESTMENT PROJECTS)**

The functional orientation of the sub-region of the Russian Federation Caucasian Mineral Waters is due to the uniqueness of its territory in performing a large-scale recreational function, primarily through health resorts and tourist services. Recently, Azerbaijan has been taking a particularly active part in the development of the sanatorium and resort complex in this region, due to the fact that the country has long been a strategic partner of the Stavropol territory, as well as the fact that quite a lot of Azerbaijani citizens rest in the resorts of the Caucasian Mineral Waters. In this article, the author analyzes the main directions of development of cooperation on the territory of the Russian health resort.

Key words: *sanatorium-resort complex of Caucasian Mineral Waters, health resorts, diplomatic relations, strategic partners, investment.*

АФГАНИСТАН КАК ИСТОЧНИК УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются три аспекта символизирующие положение дел в Афганистане и вокруг него: фрагментация внутривнутриполитических игроков, усиливающаяся секьюритизация риторики в отношении Афганистана с соседними странами, и диверсификация глобальных партнеров Афганистана. В то время как стратегия США показала признаки замедления на фоне растущего насилия, Россия разработала свою стратегию и приступила к ее реализации под знаменем ШОС.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, Россия, национальная безопасность, международный терроризм, радикальный ислам.

Борьба с международным терроризмом является главной проблемой, стоящей сегодня перед большинством государств. Терроризм принял новое измерение с формированием глобальных религиозных, финансовых и технологических сетей. Эти связи сделали терроризм мощным источником дестабилизации как на региональном, так и на международном уровнях.

После распада Советского Союза Россия стала основным игроком в геополитических процессах в Центральной Азии. Однако религиозный экстремизм и терроризм в Центральной Азии не только угрожает геостратегическим интересам России, но и создают сложную среду для обеспечения ее национальной безопасности.

Россия сталкивается с проблемами религиозного экстремизма на Северном Кавказе и в иных субъектах компактного проживания мусульман, источники которого исходят из Центральной Азии и Афганистана, а также из некоторых стран Ближнего Востока. Россия считает Центральную Азию важным регионом с жизненно важными геостратегическими и экономическими интересами и заинтересована в поддержании мира и стабильности в этом регионе. Поэтому любые негативные события в центрально-азиатском регионе и Афганистане могут создать серьезные последствия для национальной безопасности России. Таким образом, Россия выступает

за стабильное и дружественное руководство в Афганистане и государствах Центральной Азии, свободное от религиозного радикализма и терроризма [2. С. 186].

В начале прошлого века геополитический теоретик Хартфорд Макиндер постулировал свою «Теорию Хатленда», в которой говорилось о геополитическом значении евразийского центра, ограниченного реками Волги и Янцзы, а также Гималаями на юге и Арктическим океаном на севере. Его теория никогда полностью не проверялась, однако она подчеркивала стратегическое значение центрально-азиатского региона с точки зрения обеспечения международной безопасности. По сути, Центральная Азия находится в одном из самых геостратегических мест в мире, в сердце Евразии, которое Збигнев Бжезинский когда-то назвал «центром мировой власти».

Без сомнения, положение Центральной Азии между Россией, Китаем и Ираном и то, что она находится на перекрестке торговых и энергетических маршрутов, наряду с обширными энергетическими ресурсами региона, является достаточным доказательством ее важности. Сегодня регион состоит из бывших советских республик, а именно из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, которые объявили о своей независимости от Советского Союза в 1991 году.

Эти республики имеют не только общее социальное и культурное наследие, но и ряд угроз безопасности, таких как религиозный радикализм, преступность, коррупция, этнические и гражданские конфликты, водные споры, напряженность на границе и незаконный оборот наркотиков [6. С. 31-39]. Тем не менее, возрождение и радикализация ислама является наиболее заметным событием и главной угрозой для постсоветской Центральной Азии. Действительно, серия террористических атак, которые произошли в Казахстане в 2011 году, большинство из которых были совершены ранее неизвестной исламской террористической организацией – Джунд аль-Хилафа (Солдаты Халифата), еще раз выдвинули на первый план острую и критическую проблему исламского экстремизма, с которым столкнулся весь регион Центральной Азии с момента распада СССР [3].

Стабильность в Центральной Азии имеет решающее значение для безопасности России. Среди важнейших факторов, угрожающих интересам России – это укрепление талибов и проблема исламского экстремизма, незаконный оборот наркотиков, контрабанда и распространение оружия, исходящего из Афганистана.

Традиционное политическое и военное измерение безопасности в значительной степени утратило свою доминирующую роль в современном российском восприятии безопасности. Концепция национальной безопасности Российской Федерации, указывает на то, что анализ угрозы национальной безопасности Российской Федерации показывает, что большинство угроз в настоящее время и в обозримом будущем носит невоенный характер

[4]. К ним относятся угрозы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, терроризмом, организованной преступностью, ухудшением состояния окружающей среды, проблемами массовой миграции и исламского радикализма. Анализ восприятия угрозы Россией показывает, что центрально-азиатские республики находятся в центре внимания обеспечения национальной безопасности. Эти государства с присущими им слабостями режима сталкиваются со смешанными проблемами, такими как этнические и религиозные споры, контрабанда наркотиков, незаконный оборот наркотиков и исламский экстремизм. Более того, борьба между различными странами за усиление контроля над огромными энергоресурсами в Центральной Азии угрожает геостратегической роли России в этом регионе. Несмотря на это, ни при каких обстоятельствах Россия не допустит уменьшения своей позиции в этом регионе. Чтобы защитить свои интересы безопасности в республиках Центральной Азии, Москва делает все возможное, чтобы сохранить ключевую роль в регионе.

Этнонационалистический конфликт в Таджикистане в мае 1992 года сыграл важную роль в том, чтобы сделать решительный поворот в продвижении российской политики в отношении государств Центральной Азии. В результате после этапа политического бездействия Россия предприняла согласованные усилия для восстановления своего экономического влияния, а также военного присутствия в Центральной Азии с целью удержать все внешние и региональные державы от восполнения геополитического разрыва и стратегического доступа в регион.

Россия придерживается прогрессивного подхода в отношении любых возможных проникновений исламских радикальных сил из центрально-азиатского региона, которые стремятся к дестабилизации обстановке на Северном Кавказе и других российских республиках. Распространение радикального ислама из Афганистана в приграничные страны Центральной Азии – Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан – это то, что вызывает опасения у Москвы. Таким образом, военное присутствие России в центрально-азиатских государствах не только помогает контролировать границу Афганистана, но и незамедлительно отвечать на угрозы, когда возникнет такая необходимость.

Помимо этого, Россия является важным актором в политике регионов, имея возможность выступать посредником в локальных конфликтах, которые часто развиваются по этническому признаку. Одновременно Россия может использовать русские диаспоры для предотвращения региональных этнических волнений. Государства Центральной Азии являются домом для многих этнических русских, а также содержат значительные российские военные объекты. Россия опасается, что дестабилизация любого государства в этом регионе вызовет, по крайней мере, большой поток мусульманских эмигрантов из Центральной Азии в Россию. Мигранты из Централь-

ной Азии могут вызвать антимусульманские настроения среди населения России и укрепить связи с преступными группировками. Именно по этим причинам Москва решила вмешаться в гражданскую войну в Таджикистане и предотвратила нежелательный исход конфликта. Именно эта угроза побудила в свое время Россию подстраховаться и поддержать правительство единого фронта в Афганистане.

В настоящее время в Афганистане террористы создают серьезную угрозу безопасности для России. Будучи беспокойным соседом, угрожающим стабильности государствам Центральной Азии и являясь убежищем для международных террористов, Афганистан вызывает серьезную обеспокоенность в отношении безопасности России. Беспокойство в отношении обеспечения национальной безопасности для России вызывает тот факт, что управляемый талибами Афганистан разместил множество повстанческих групп, действующих в Центральной и Южной Азии, на Ближнем Востоке и за его пределами. Аль-Каида, Моджахеды-и-хак Ирана, Фронт освобождения Синьцзяна Китая, Исламское движение Узбекистана и Хизб-уль-Муджахуддин, действующие в Джамму и Кашмире, использовали талибов и пользовались их военной помощью. Важной проблемой здесь является то, что режим талибов в период активизации Джохара Дудаева признал Чечню независимым государством. Отсюда следует, что, режим талибов является смертельной угрозой региональной стабильности и национальной безопасности России.

Так 16 января 2001 года Кабул признал правительство отколовшейся Чеченской Республики и позволил сепаратистам открыть посольство в Кабуле. После этого поступили сообщения о том, что в Чечне находятся 200 боевиков-талибов, а чеченские беженцы, особенно молодые парни и семьи ведущих чеченских командиров, начали прибывать в Кабул и Кандагар. В Мазари-Шарифе был организован совместный учебный лагерь для обучения исламских диссидентов со всей Центральной Азии. Эти события явно угрожали безопасности России. Посол России в Таджикистане Максим Пешков заявил журналистам: «Ситуация в Афганистане является проблемой номер один для Центральной Азии и России. Москва была недовольна присутствием партизанских лагерей в Афганистане и надеялась, что Объединенный фронт закроет эти объекты, если они уничтожат талибов. Эта надежда могла быть реализована с освобождением Мазари-Шарифа, Герата, Кундуза и Кабула, а также атаками ВВС США на учебные объекты террористов. Немаловажно подчеркнуть, что многие из этих лагерей, которые использовались для подготовки чеченских боевиков, также имели связи с «Аль-Каидой» [5].

Позиция международных террористических организаций обозначается риторикой, сопряженного с террористами правительства Ирана, которое во всеуслышание объявило «шайтаном» номер один США, и «шайтаном»

номер два СССР, а затем погромило посольство США в 1979 году и посольство СССР в 1980 году [8. С. 418].

Однако некоторые религиозные экстремисты, в том числе некоторые афганские арабы и ближневосточные джихадисты, были гораздо больше заинтересованы в продолжении советско-афганской войны, нежели войны против американцев, признавая «шайтаном» номер один СССР. Практическим подходом террористов в, так называемой, войне с Россией стала сеть Хаттаб, которая в 1990-х годах, была сильнейшей террористической группировкой, даже более серьезной, чем та, которую Бен Ладен смог создать за тот же период в Афганистане. Многие боевики выбрали путь Хаттаба, даже не будучи частью его группы. Так некоторые джихадисты были просто «странниками», не имея прямой принадлежности к той или иной террористической группе на Северном Кавказе, и сражались с государством, которое, по их мнению, было главным угнетателем мусульман.

Некоторые чеченские радикальные исламисты, такие как Басаев, обучались в лагерях боевиков в Афганистане. Боевики из Северного Кавказа по-прежнему базируются в оплотах нео-талибов, таких как Вазиристан.

Поскольку нео-талибы намного ближе к джихадистскому образу мышления, чем талибы, которые были до них, справедливо предположить, что, так называемый, новый афганский эмират во главе с нео-талибами может сосредоточить свои силы на джихаде в Ферганской долине. Россия, в свою очередь акцентирует огромное внимание на обеспечение безопасности и развития в этом регионе, учитывая тот факт, что судьба Центральной Азии и Афганистана взаимосвязана.

Однако протяженность и рельеф границ Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана с Афганистаном препятствует эффективному контролю их границ. В связи с этим постсоветские государства Центральной Азии, за исключением нейтрального Туркменистана, имеют полноправное членство в трех международных организациях, которые они используют для укрепления своей безопасности. Таджикистан и Узбекистан являются членами Содружества Независимых Государств (СНГ), а Туркменистан имеет статус ассоциированного члена. Таджикистан также является членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а Таджикистан и Узбекистан являются полноправными членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [7. С. 52-57].

Контртеррористическая деятельность ШОС началась в 2004 году, когда участники создали Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) на саммите ШОС в Ташкенте, после чего последовали регулярные контртеррористические военные учения. В октябре 2007 года ШОС подписала соглашение с ОДКБ в Душанбе о расширении сотрудничества по региональным вопросам, включая транснациональную безопасность, преступность и незаконный оборот наркотиков. Инициатива ОДКБ, способная дать единый от-

вет на региональную нестабильность, заключается в соглашении 2009 года о создании Коллективных сил быстрого реагирования (КСОР), к которому присоединились пять из семи членов альянса [10. С. 122].

Такая деятельность по самообороне является благоразумной в свете трансформации афганских талибов в полноценного политического актора, признаваемого мировым сообществом включая США и Россию. С момента вторжения США в октябре 2001 года в Афганистан и изгнания талибов из власти в течение двух месяцев, талибы впоследствии убили десятки тысяч афганских гражданских лиц в своем стремлении вернуть себе власть. Талибан приютил несколько террористических групп, в то же время в значительной степени финансируя их за счет роста торговли наркотиками в Афганистане, которая в настоящее время производит около 90% мирового опия.

Реальность того, что талибы в настоящее время контролируют больше половины страны, усиливает обеспокоенность по поводу политической стабильности в Афганистане после вывода иностранных сил. Еще больший скептицизм вызывает то, что сменяющие друг друга администрации США годами игнорировали афганское правительство, сначала отказавшись разрешить ему участвовать в переговорах, а совсем недавно подписав соглашение без участия правительства президента Ашрафа Гани. Несмотря на соглашение, насилие между талибами и афганскими правительственными силами продолжается, хотя и в меньшей степени. Даже Кабул не застрахован, так 25 марта 2020 года террористы ИГ напали на сикхский храм, чтобы «отомстить мусульманам в Кашмире», захватив 80 заложников и убив 25, прежде чем были нейтрализованы силами безопасности.

Уместно обратить внимание на то, что соглашение США о мире с Северным Вьетнамом, заключенное в январе 1973 года, позволило США выйти из конфликта во Вьетнаме с «миром и честью». Точно так же соглашение от 29 февраля 2020 года с талибами является тактическим маневром, позволяющим Соединенным Штатам и их союзникам относительно спокойно выйти из своей 19-летней афганской кампании, позволяя Трампу якобы выполнить свое обещание о прекращении «бесконечных войн» и привести домой тысячи военнослужащих США. В дополнение к представлениям о хрупкости данного двустороннего соглашения можно отметить, что оно исключало вклад афганского правительства, а тем более соседей Афганистана [9. С. 40].

Что касается будущего Афганистана, то вполне вероятно, что без фискальной поддержки США у правительства Ашрафа Гани мало шансов устоять против движения «Талибан», которое после соглашения с США почти непрерывно нападает на афганские правительственные силы.

Хотя уверенные прогнозы относительно будущего Афганистана в значительной степени невозможны, есть тревожные признаки того, что его нестабильность сохранится и попытается выйти за границы страны. Так как

у талибов существует свое представление о соглашении, в корне отличающееся от западного. 29 февраля 2020 года, через несколько минут после Дохинского соглашения, лидер талибов Хибатулла Ахундзада опубликовал заявление «о расторжении оккупационного соглашения с Соединенными Штатами» на веб-сайте движения «Голос джихада». Ахундзада отметил, что «... после того, как союзные войска во главе с Америкой вторглись против нашей родины, Исламский Эмират, представляющий афганскую нацию, с Божественной помощью Аллаха, наконец, достиг соглашения о прекращении оккупации Афганистана после почти девятнадцати лет джихада и борьбы. ... Эта победа является коллективной победой всего мусульманского и моджахедского народа...» [1].

Соседи Афганистана могут утешиться тем, что у талибов есть националистическая программа воссоздания исламского эмирата. Тем не менее, Аль-Каида, поддерживающая глобалистскую повестку дня, поздравила талибов и афганский народ с мирным соглашением, назвав его «исторической победой» для моджахедов. Это был первый официальный комментарий «Аль-Каиды» о развитии событий через официальное отделение «Аль-Сахаб» на платформах обмена сообщениями RocketChat и Telegram 12 марта 2020 года.

Такие заявления побудили северных соседей Афганистана расширить свое сотрудничество, выходящее за пределы риторики и многосторонних встреч. Узбекистан и Таджикистан подписали соглашение «Партнерство-2020» о военном сотрудничестве. 11 марта 2020 года на таджикском полигоне Фахробод в 30 километрах к югу от Душанбе начались широко-масштабные таджикско-узбекские антитеррористические учения, которые продолжались более четырех дней. В учениях участвовали самолеты, бронетехника, артиллерия и стрелковое оружие, чтобы отразить проникновение террористов из Афганистана. Подключение самолетов имеет большое значение, поскольку ни «Талибан», ни какая-либо из террористических группировок, действующих в Афганистане, не имеют элементов авиации, контроль над небом обеспечивает решающее преимущество в военных действиях Запада. Кроме того, в то время как туркменские, узбекские и таджикские военные активы относительно скромны, активы стран-членов СНГ, ОДКБ и ШОС, являющихся российскими могут потенциально обеспечить существенную военную поддержку в наихудших сценариях.

Соглашение США с талибами на самом деле является тактическим маневром, позволяющим США начать реализацию новой стратегии в отношении Центральной Азии, поскольку Китай и Россия борются за влияние в богатом энергоресурсами регионе, а боевики из Афганистана угрожают его дестабилизировать.

Учитывая изменяющиеся контуры стратегической обстановки и геостратегические интересы России и интересы безопасности в регионе, ее тесную

географическую близость и важную региональную мощь, Россия должна не только поддерживать свою нынешнюю дипломатическую направленность в регионе, но и в значительной степени укреплять ее. Геополитическая стабильность в Центральной Азии оказывает не только прямое влияние на экономические интересы России в регионе, но также имеет более серьезные последствия для ее национальной безопасности. Поэтому уместно, чтобы Россия и государства Центральной Азии действовали коллективно и всецело разделяли позицию контртеррористической концепции ШОС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Афганские талибы запустили английский «Голос джихада» // <https://lenta.ru/news/2006/12/02/jihad/>.
2. *Казанцев А.А.* Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия / Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России; Центр Евро-атлантическая безопасность. М.: МГИМО-Университет, 2009.
3. Казахстан разворошил гнезда террористов // https://inosmi.ru/middle_asia/20120121/183574636.html.
4. Концепция национальной безопасности РФ // <https://utmagazine.ru/posts/9921-концепция-национальной-безопасности-рф>.
5. Посол России в Таджикистане подтвердил позицию Москвы в том, что если талибы останутся у власти в Афганистане, это афганскую проблему не решит // <https://ria.ru/20011023/3268.html>.
6. *Содиков Ш.Д.* Проблема международного правового статуса водных ресурсов в Центральной Азии // Закон и право. 2018. № 12.
7. *Содиков Ш.Д.* Сотрудничество России и Таджикистана в рамках ОДКБ в борьбе с новыми вызовами и угрозами безопасности в Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. 2016. № 11 (102).
8. *Шеберцин Л.В.* Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М.: ТГ Алгоритм, 2016.
9. *Шило Н.И.* Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны. М.: МГИМО-Университет, 2008.
10. *Шумилин А.И.* Ближневосточные конфликты: европейский подход. The Middle East conflicts: European approach: монография. М.: Ин-т Европы РАН, 2019.

Sh.D. SODIKOV
*Candidate of Sciences (law),
research fellow at the Institute of International
Studies of MGIMO, Russian Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia*

AFGHANISTAN AS A SOURCE OF REGIONAL SECURITY THREAT

The article considers three aspects symbolizing the state of affairs in and around Afghanistan: the fragmentation of domestic political players, the increasing securitization of rhetoric regarding Afghanistan by neighboring countries and the diversification of Afghanistan's global partners. While the US strategy showed signs of slowing amid growing violence, Russia developed its strategy and began to implement it under the banner of the SCO.

Key words: *Afghanistan, Central Asia, Russia, national security, international terrorism, radical Islam.*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В данной статье исследуется роль этнорелигиозного фактора в обеспечении региональной стабильности и безопасности на Ближнем Востоке, также исследуется история возникновения этнополитических проблем на протяжении всей истории формирования региона. Сложность этнических и этноконфессиональных отношений анализируется на примере стран Ближнего Востока, таких как Израиль, Сирия и Ливан, на основе фактов, представленных в научной литературе, и статистических данных о влиянии этнополитических отношений на их политическую систему. Также изучаются отношения стран Ближнего Востока, фактор внешней власти, связь этнических проблем с конфессиональными.

Ключевые слова: *региональная стабильность и безопасность, религиозно-этнические отношения и конфликты, этноконфессиональный состав, нусайриты, хайрария, шамалия или шамсия, алавиты, Национальный Меджлис, «Национальный пакт», «Фалангисты».*

Введение. Ближневосточный регион играет важную геостратегическую роль в нынешних глобальных геополитических процессах, он давно привлекает ведущие страны с точки зрения своих природных ресурсов (нефти и газа) и географического положения.

Известно, что западные исследователи называют Ближний Восток термином «Middle East», который традиционно включает Палестину, Сирию, Ливан, Иорданию, Египет и арабские страны Персидского залива. В бывшую советскую эпоху эксперты называли этот регион Ближним Востоком (Палестина, Сирия, Ливан, Иордания и шесть государств Персидского залива).

Ближний Восток сегодня признан одной из самых горячих точек в мире, а причины возникновения такой ситуации разные. Это определяется, во-первых, спецификой политических процессов в регионе, а во-вторых, тем, что исторически сложившиеся этнополитические отношения оказывают существенное влияние на эти процессы.

В связи с этим Э. Мелкумлян отмечает что, «Роль этнических групп в формировании политической системы Ближнего Востока велика, а политическая стабильность в регионе во многом зависит от взаимодействия этнических общностей» [5].

Как отмечалось выше, одним из наиболее важных и проблемных аспектов в процессе формирования политической системы региона являются исторически сложившиеся этнополитические отношения, в которых этнические и этноконфессиональные конфликты и их переплетения играют особую роль.

В этой статье мы исследуем сложность этнических и этноконфессиональных отношений, влияние этнополитических отношений на их политическую систему на примере стран Ближнего Востока, таких как Израиль, Сирия и Ливан.

Методы исследования. В данной работе были использованы научные методы и подходы, использованные при изучении истории разных регионов. В некоторых случаях использовались этнографические методы с учетом культурных и этнических особенностей этноконфессиональных групп в исследуемом регионе. Этногенез народов и наций на Ближнем Востоке и в прилегающих регионах также изучается методом историко-сравнительного анализа участия курдов в общественно-политических процессах и формировании государств в регионе. В частности была изучена роль этнических и религиозных факторов в новейшей истории Ирака, Ливии и Сирии, а также исследован вопрос возникновения этноконфессиональных проблем в формировании нынешней политической ситуации в регионе.

Основная часть. Известно, что государство Израиль является парламентской республикой. Фактическая конституция основана на Основных законах Израиля, которые регулируют отношения в исполнительной, законодательной и судебной ветвях власти, а также в других важных областях, хотя это и не является основной официальной Конституцией. Высшим законодательным органом является Кнессет (однопалатный парламент). Высшим исполнительным органом является правительство. Глава государства избирается Кнессетом на пятилетний срок.

Основными политическими партиями являются Рабочая партия Авода, основанная в 1968 году, Правый блок «Ликуд», Левая партия «Мерец», в которую входят РАТ (Движение за гражданские права), Синуи (Изменение), МАНАП (Союз рабочих), SHAS является религиозной партией, такой как Мафдал (национально-религиозная партия), Израиль Ба-Алия (Израиль на подъеме), Яхадут ха-Тора ха-Мекудет и другие [2. С. 92].

В своем исследовании «Появление израильской демократии в 1948-1967 годах» Мэддинг сравнивает особенности мажоритарной и консенсусной модели демократии в Израиле и признает, что модель большинства существовала в первые годы существования политической власти в стране. По его мнению, несоответствие между моделями большинства и консенсуса очевидно при при-

нятии письменной Конституции, основная проблема заключается не в том, принимать или не принимать письменную конституцию, а в той отражает и защищает ли консенсусная модель демократии конкретные интересы [8. С. 5].

С начала периода становления государственности в Израиле наблюдались различные модели демократии. П. Меддинг отмечал, что «гибридизированное» правительство Израиля имеет четыре большинства: кабинет, который возвышается над парламентской системой; унитарное и централизованное правительство; существование парламентского суверенитета [8. С. 5]. Среди них можно добавить еще четыре категории. Это принцип пропорционального управления, многопартийности, плюрализма в политических взглядах и широкой правительственной коалиции. Это означает, что израильская демократия представляет собой сложную систему, характерную для других западных демократий. Однако есть некоторые специфические аспекты именно израильской демократии. Это связано главным образом с тем, что этнический фактор играет важную роль в формировании государственных структур.

Хотя арабы были приняты в государственную организацию после создания государства Израиль, больше половины (50-70%) не удалось найти работу, соответствующую их специальностям. Кроме того, наблюдаются проблемы с поиском жилья и безработицей среди арабского населения, что вызывает недовольство со стороны правительства и чиновников. В то же время 80% арабов недовольны состоянием образовательных и государственных учреждений в районах их проживания [3. С. 105]. Эти обстоятельства привели к формированию у арабов негативного отношения к правительству и, что наиболее важно, сближению израильских арабов с экстремистскими организациями в Палестине, Ливане и Сирии и их активному участию в антиизраильских движениях. Что касается Сирии, в последнее время наблюдается увеличение этнических конфликтов в этой стране против Израиля и это серьезно влияет в негативном ключе на политическую систему страны. Сирия – президентская республика. В стране централизованная и иерархическая политическая система с правящей партией Арабского социального пробуждения (БААС). После того как партия Баас пришла к власти в 1963 году была сформирована иерархическая система управления, и она была широко признана националистической партией.

Сегодня президент Башар Асад имеет право назначать и освобождать от должности одного или нескольких вице-президентов, премьер-министра и других членов исполнительной власти, а также руководителей высших судебных органов и губернаторов провинций. Глава государства также имеет право распустить парламент и исполнительную власть или реорганизовать их путем референдума.

Как отмечалось выше, Сирия, как и многие другие арабские государства, имеет сложное этнорелигиозное население. В настоящее время этнический

состав Сирии выглядит следующим образом: сирийцы – 65%; алавиты – 12%; курды – 8%; друзы – 3%; палестинцы – 3%; армяне – 2%; исмаилиты и черкесы – 2%, столько же и евреев с туркменами, и это этническое разнообразие играет важную роль в политической системе страны.

В истории страны этноконфессиональный фактор всегда играл важную роль в жизни общества. Исторически во времена Османской империи сунниты выполняли ключевую роль в управлении государством, составляя большинство населения. Однако позже, а именно в 1946 году после вывода французских войск с территории страны борьба за власть усилилась вновь и ситуация в корне изменилась. Это было особенно очевидно во время военного переворота в Сирии в конце 1940-х и 1950-х годов в усиливающейся борьбе между двумя этнорелигиозными группами: суннитами и друзами. В результате возросла роль алавитов, друзов и исмаилитов, имевших этноконфессиональный дефицит в шиитской секте. После переворота в 1963 году процесс замены суннитских офицеров алавитскими ускорился [4. С. 34].

Этот процесс завершился 13 ноября 1970 года, когда к власти пришел Алавит Хафез Асад, переворот получил название «корректирующее действие». 22 февраля 1971 года он был избран президентом страны и был назначен начальником вооруженных сил. При Хафезе Асаде главной силой стали военные, а государственная власть была монополизирована. В этот период алавиты активизировали процесс нанесения ущерба офицерскому корпусу и силам безопасности [6. С. 3].

Алавиты, появившиеся в северной Сирии в середине десятого века на основе группы этнических конфессий нусайритов, официально считаются шиитами на Ближнем Востоке, хотя они делятся на хайрария, шамалийские или шамские секты в зависимости от их религиозной принадлежности [7. С. 15]. Фактически алавиты по своему происхождению принадлежали к сельскому населению, но впоследствии постепенно адаптировались к городской жизни. До последних лет их места обитания считались самыми отсталыми. Как правило, есть 4 поколения конфедераций алевитов: қалбия, хаятин, хаддадин и матаура. По разным причинам существуют конфликты между этими сообществами.

Сирия традиционно является страной, где ислам не имеет глубоких корней, страной современного облика. На протяжении веков разногласия между существующими в стране этноконфессиями приводили к растущей роли объединения суннитов под знаменем ислама и появлению ими сильного национального движения. В результате в 1970-х годах страна оказалась под угрозой этноконфессионального конфликта между алавитами и суннитами [7. С. 15].

Когда-то Сирия была интегрированной моделью суннитских, шиитских, алавитских, курдских, друзовских и христианских народов. В Сирии, которая в течение 400 лет была частью Османской империи, мусульмане-

сунниты занимали высокие посты. После Первой мировой войны участие шиитских алавитов в Сирии в социально-экономической и политической жизни значительно возросло. После исламской революции в Иране, шиитские алавиты пришли к власти в Сирии под руководством Асада. Сегодня сын Хафеза Асада, Башар Асад, руководит правительством.

Правительство США вместе с Саудовской Аравией поддерживает суннитскую оппозицию против Асада и пытаются свергнуть его^[1]. В свою очередь поддержка со стороны Ирана и России режима Асада превращает Сирию в регион реального этнорелигиозного конфликта, обостряя ситуацию и убивая невинных людей.

В частности среди стран Ближнего Востока значительным влиянием на региональные политические процессы обладает Ливан. Это связано с тем, что нынешнее этноконфессиональное разнообразие населения региона, возникшее в результате господства различных политических сил в регионе в разные исторические периоды, остается серьезным препятствием для его развития и прогресса. Этот исторический фактор признан экспертами одним из основных причин проблемы.

Известно, что ливанское государство географически является одним из государств ближневосточного региона, расположенного на берегу Средиземного моря, территория которого находится непосредственно вблизи к региональными конфликтами. Это оказывает серьезное влияние на политическую систему и безопасность в Ливане.

Ливан граничит с Сирией на северо-востоке и государством Израиль на юге. На протяжении веков близость Средиземноморья к западной культуре, то есть к христианскому миру, к еврейской культуре с юга и к исламскому миру с востока влияла на социально-политическое и экономическое развитие и государственные системы управления.

Сегодня Ливан является единственной страной в мире с конфессиональным правлением. 95% этнического состава населения составляют ливанцы, 4% – армяне и 1% – представители других национальностей.

59,7% исповедуют ислам (шииты, сунниты, друзы и алавиты), 39% – христианство (маронитские католики, греческие православные, армянские католики и православные, сирийские католики и православные, римские католики, протестанты и др.) и 1,3% – представители других религий. Из-за наличия в стране 17 религиозных конфессий координация их интересов в системе государственного управления и деятельности высших органов власти, которое распределяется по конфессиональному фактору считается ключевой проблемой.

Ливан является парламентской республикой, где во главе государства стоит президент. Он избирается из Национального собрания только один раз в шесть лет. Президент назначает премьер-министра и его первого заместителя по предложению парламента. Премьер-министр формирует каби-

нет на основе строгих религиозных квот. В законодательном однопалатном органе – Маджлис ан-Наваб (арабский) или Милли Меджлис (французский) 128 депутатов. Депутаты избираются народом прямым голосованием сроком на четыре года. Квота депутатов также религиозно разделена, поэтому выборы проходят пропорционально.

Хотя Милли Меджлис основан на религиозных квотах, выборы проводятся при активном участии населения.

В Ливане парламент играет главную роль: две трети депутатов голосуют за избрание президента страны. Парламент также утверждает состав правительства, закон и государственный бюджет.

Политологи, историки и аналитики, изучающие историю и современность Ливанской республики считают, что особенность ее развития, формирования руководящих органов заключается в организации силы межрелигиозного равновесия. Они также признают влияние иностранных государств, в дополнение к религиозным конфессиям, в формировании системы правления. Влияние зарубежных стран восходит к образованию ливанского государства. Поэтому изучение истории Ливанской Республики позволяет нам понять формирование ее системы управления и ее нынешние политические процессы.

Фактически создание этноконфессионального общества в Ливане началось в 1840-х годах во время правления ливанского эмира. В Консультативный совет входили три представителя от маронитов и друзов, один от мелькитов, суннитов, шиитов и один от православных. На собрании присутствовало 10 делегатов. В 1864 году правители Османской империи назначили генерал-губернатора-христианина править Ливаном. В нем был создан Центральный административный совет.

Согласно Национальному пакту 1943 года конфессиональные принципы в законодательной и исполнительной власти были оставлены без изменений. Марониты и сунниты были самыми многочисленными общинами в стране. Традиционно каждый пятый депутат мусульманин, всего шесть депутатов христиане. В исполнительной власти марониты выиграли президентство, сунниты назначили премьер-министра и министра финансов. Представители остальной части сообщества (друзы, шииты, греки) распределяют портфель управления в соответствии с их количеством. К 1943 году Национальный пакт был по сути пактом примирения между маронитами и суннитами, которые в то время находились у руководства политической и экономической жизни государства.

В целом, общественно-политическая жизнь в государстве определяется блоками и существующими политическими партиями, которые отражают интересы разных социальных групп населения.

Примечательно, что Сирия, Израиль, США, а также Франция и Иран играют важную роль в формировании ливанской системы управления. Эти

государства управляют и финансируют политические силы внутри страны. Возникновение и продолжение гражданской войны также обусловлено несоразмерными «интересами» этих государств. Это приводит к возникновению в Ливане борьбы, отражающей интересы государств.

Доказательством этого является принятие Советом Безопасности ООН 2 сентября 2004 года резолюции 1559 о предотвращении вмешательства внешних сил во внутренние дела страны. В тексте резолюции призывается к «свободным и справедливым президентским выборам в Ливане без вмешательства и влияния извне». Предложение, сделанное Соединенными Штатами и Францией было направлено против Сирии, которая обладает большим влиянием во внутренних делах Ливана. В резолюции также содержится призыв к выводу всех иностранных сил из Ливана и ликвидации всех военных и невоенных сил в стране. Однако Ливан и Сирия отвергли эту резолюцию.

Вывод. Таким образом, мы проанализировали особенности этнических и этноконфессиональных отношений на примере стран Ближнего Востока, таких как Израиль, Сирия и Ливан. Следует отметить, что важная социальная динамика арабского общества на Ближнем Востоке во второй половине XX века и начале XXI века определяется транснациональной значимостью отношений между религиозными группами в отдельных государствах и их проблемами.

В погоне за своими политическими интересами общины разных конфессий или их отдельные сегменты опираются на поддержку иностранных государств или международных неправительственных организаций на основе национальной религиозной и идеологической солидарности. В свою очередь внешние силы также используют отношения «патрона и клиента».

В то же время этническое и этноконфессиональное разнообразие населения Ближнего Востока, сформированное в результате политики и господства различных сил в регионе в разные исторические периоды, считается важным фактором, влияющим на внутривосточную ситуацию.

Мы считаем, что формирование общего социального и этнического единства между этническим большинством и меньшинством, развитие культурных связей имеет важное значение для обеспечения равенства интересов всех этнических и этноконфессиональных групп в странах региона, а также для укрепления системы этнической стабильности в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Джеффри Штайнберг.* Сирия и Великий Ближний Восток в призме Новой Большой Игры // <http://www.geopolitica.ru/article/ciriya-i-velikiy-blizhniy-vostok-v-prizme-novoy-bolshoy-igr>.
2. *Зубов А.Б.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.

3. Камраков А.А. Этноконфессиональные меньшинства в политическом процессе Большого Ближнего Востока: особенности институционального развития и диаспоральной деятельности. Дисс. к.п.н. Нижний Новгород, 2009.

4. Медведко Л. Счастливая звезда Хафеза Асада // Азия и Африка сегодня. 1996. № 4.

5. Мелкумян Е.С. Реформы в регионе расширенного Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/12-01-06b.htm>.

6. Humphreys Stephen. Islam and Political Values in Saudi Arabia, Egypt and Syria // MEJ, Washington. 1979. Vol. 33. № 1.

7. Peter Medding. The Founding of Israeli Democracy, 1948-1967. Oxford University Press, 1990.

F.E. KARIMOV

*Vice-rector of the Institute of Advanced
Training named after A. Avloni, Tashkent,
Republic of Uzbekistan*

ROLE AND SIGNIFICANCE OF ETHNIC AND RELIGIOUS FACTORS IN THE MIDDLE EAST POLITICAL SYSTEM

This article examines the role of the ethno-religious factor in ensuring regional stability and security in the Middle East, the history of the emergence of ethno-political problems against the historic formation of the region. The complexity of ethnic and ethno-confessional relations is analyzed on the example of the Middle East countries such as Israel, Syria and Lebanon, using the facts presented in the scientific literature, and statistical data on the impact of ethno-political relations on their political systems. The author also studies the attitude of the Middle East countries to such issues, the external power factor, and the co-relation between the above issues and religious problems in the region.

Key words: *regional stability and security, religious and ethnic relations and conflicts, ethnic and confessional composition, nusayrites, khairariya, shamalia or Shamsia, alawites, national Majlis, “national Pact,” “Falangists.”*

DOI 10.35775/PSI.2020.57.5.022

УДК 32.327

С.И. ПОПОВ

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы
народов (RUDN University),*

Россия, г. Москва

А.Р. ОМЕРОВИЧ

*магистр кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов (RUDN University),*

Россия, г. Москва

ИТОГИ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ БУНДЕСТАГА 2017 ГОДА И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В данной исследовательской работе представлено описание избирательного процесса в парламент современной Федеративной Республике Германии, а также обозначены отличительные признаки избирательной системы рассматриваемой страны. В статье авторами рассматриваются итоги и результаты последних выборов депутатов в Бундестаг 2017-го года, анализируются последствия политического характера. Исходя из результатов проведенного исследования, в работе предоставляются проблемные зоны процесса выборов депутатов в парламент Германии, в том числе возникший кризис партийной системы.

Ключевые слова: *выборы, Бундестаг, избирательная система Германии, избирательный процесс в Германии, партийная система Германии, итоги выборов в Бундестаг, проблемные зоны избирательной системы Германии.*

Федеративная Республика Германии – государство, описываемое как демократическое, социальное и правовое. В состав Германии входит 16 территорий. Государственное устройство регулируется в рамках Основного закона Германии, которая считается парламентской республикой.

Бундестаг – парламент Федеративной Республики Германия (Deutscher Bundestag), однопалатный правительственный орган, представляющий интересы всего немецкого народа [1].

В избирательном законодательстве Германии наблюдаются заимствование определенных черт у англо-саксонской традиции. Сосредоточение

партийной системы Германии можно объяснить внедрением в классическую избирательную систему отдельных элементов мажоритарной системы выборов [4].

Необходимо отметить значительные преобразования, произошедшие после объединения в Федеративной Республике Германии, в виде реформирования избирательной системы, которые заключались в модификации Законов, связанных с избирательным правом и системой. Данные преобразования были необходимы в посттоталитарный период, с целью обеспечения приемлемых условий для проведения процедуры выборов, прежде всего с помощью адаптации и стабилизации общества, основных институтов и норм избирательного права.

Рассматривая понятия терминов, касающихся выборов, можно отметить существования множества их трактовок. Однако на уровне законодательных актов Германии термин «избирательная система» присутствует только в первом параграфе первого раздела Закона о выборах в Бундестаг [3], а его расшифровки не существует ни в Основном законе, ни в других законодательных актах страны.

Процесс выборов в Германии представляет собой избрание депутатов Европейского Парламента, в Бундестаг, представительных лиц на места Бундеспрезидента и Бундесканцлера, также в собрания земель законодательного характера и в муниципалитеты.

Выборы в современной Германии проводятся на базе смешанной мажоритарно-пропорциональной системы. Это означает, что на одномандатных округах борется за победу на выборах часть, а именно 299, депутатов на основе относительного большинства. Остальная часть избирается по земельным партийным спискам во многомандатных округах. День голосования назначается Федеральным президентом.

На выборах Германии в Бундестаг происходит, как правило, два, так называемых, избирательных действия. Избрание кандидата в отдельном округе по большему количеству отданных голосов, то есть посредством прямого голосования – это первый. Определение приоритетности той или иной партии посредством партийных списков является вторым актом. Отмечается, что число политических акторов в Бундестаге не находится в прямой зависимости от принадлежащих им, полученных на базе выборов, прямых мандатов. Напротив, конечный итог избирательного процесса обуславливается вторым действием – голосованием по спискам.

В конечном счете, порядок присваивания мест в немецком Бундестаге базируется в основном на голосах вторичного голосования, прямые мандаты не игнорируются. Партия, которые превысили 5%-ый барьерный порог и одерживает победу в наибольшем количестве округов во втором действии избирательного процесса, достаются добавочные переходные мандаты. В данной ситуации исходом становится превышение, в сравнении с уста-

новленным количеством в законодательстве Германии, количества, действующих депутатов Бундестага.

Последние выборы в Бундестаг в Федеральной Республике Германии состоялись 24 сентября 2017 года. Число избирателей достигло 61,6 миллиона. Явка на выборах дошла до отметки в 46,9 миллионов. Выборы данного года побили рекордное число участвующих политических партий со времен объединения Германии. Общее количество партий составило 42 единицы, 16 из которых выдвинули свою кандидатуру в первый раз, 8 выдвинулись только по мажоритарным избирательным округам, остальные 34 по мажоритарным округам и по партийным спискам. В октябре Федеральным руководителем выборов Дитер Заррайгером были официально предоставлены итоги прошедшего голосования. Рассмотрим результаты:

1. Тандем, состоящий из партий: «Христианско-демократический союз (ХДС)» и «Христианско-социального союза (ХСС)». Партийным лидером вместе с этим, кандидатом на должность Канцлера первой партии является Ангела Меркель. Председатель второй партии стал Х. Зеехофер. Меркель в ходе кампании предоставила открытую границу Германии для беженцев и мигрантов, что вызвало разногласие между представителями двух партий. Зеехофор выступал за установление верхней границы для притока, Меркель напротив отклоняла данное предположение. Лозунгом союзных партий стал: «за Германию, в которой мы хорошо и с удовольствием живем». За них проголосовало 32,9% избирателей (246 мандатов), что отражает снижение на 8,6% голосов в сравнении с 2013 годом.

2. «Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)». Представителем партии стал Мартин Шульц. Партия показала самый низкий результат с 1949 года – 20,5% (153 мандата), что на 5,2% ниже в сравнении с прошлыми выборами.

3. «Свободная демократическая партия (СвДП)». Место партийного председателя стал Кристиан Линднер. Он провел реформацию партии и сделал упор на представителей молодежи и женщин-политиков. Партия набрала 10,7% (добавочно 5,9%) голосов (80 мандатов).

4. Право-популистская партия «Альтернатива для Германии (АдГ)», представителями которой стали Александер Гауланд и Алиса Вайдель. Партия делала упор на все группы избирателей и представляла объединение патриотов с нетрадиционной ориентацией, хотя и высказывалась изначально в пользу традиционной семьи. Также партия выдвигала себя в качестве альтернативного варианта политических взглядов А. Меркель. Главным лозунгом кампании стал: «Германия, поверь в себя!». По итогу число голосов достигло 12,6% (добавочно 7,9%; 94 мандата).

5. «Левую» партию представляли два кандидата в канцлеры Сара Вагенкнехт и Дитмар Барч. Они были отражение двух сторон партии – «опозиционно-бескомпромиссное» и «прагматично-договороспособное», набравшие 9,2% (добавочно 0,6%; 69 мандата).

6. «Союз-90/Зеленые». Партию представляла председатель фракции в бундестаге Катрин Геринг-Экардт и сопредседателя партии Джема Оздемира. Главной целью партии было 3-е место на выборах. Внутри кампании выделались проблемы экологии, а также предложения по введению «зеленых» технологий в экономическую сферу. Процент набранных голосов составил 8,9% (плюс 0,5%; 67 мандатов).

7. Остальные партии в сумме набрали 5 процентов голосов, что на 1,2% меньше чем в 2013-ом году.

В 2017 году на выборах в Бундестаг количество мест, которые были предоставлены избранным бундесбюргерами кандидатам, достигло наибольшего числа за весь исторический период существования Парламента Германии. На сегодняшний момент в состав депутатов Бундестага Федеральной Республики Германии входит 209 представителей.

Подводя итоги прошедших выборов, можно отметить, что наблюдается появившийся кризис партийной системы, которая традиционно сложилась при проведении выборов в Германии. Помимо этого, заметна трансформация партийного распределения политических сил и характеристик, которые выразились в негативном отзыве граждан по отношению к деятельности правящей партии, доказательством чему служит значительное снижение полученных голосов в ходе последних выборов. Отмечается изменение в политическом настроении бундесбюргеров, то есть часть избирателей сменила предпочтение и отдала голос за другую политическую партию.

Одной из проблемных точек стало то, что выборы в Бундестаг 2017 года не смогли дать конкретики на вопрос о том, кто станет «локомотивом» страны на ближайшие четыре года, который должен был управлять экономикой Европы и стать лидеров Евросоюза [2. С. 28-36].

Проанализировав итоги выборов в Бундестаг 2017 года можно найти позитивные стороны. Одна из них состоит в высокой степени организованности, также в неимении каких-либо коррупционных махинаций.

Однако не смотря на это суть политических партий в Германии, которая заключается в идеологической составляющей, постепенно начинает искореняться, что приводит к затруднительному для граждан нахождению отличительных черт и позиций партий. Наличие практически одинаковых позиций в программах и изречениях политических партийный акторов во время выборов подтверждает нарастание негативных волнений в социальной, экономической и политической сферах развития страны.

Заключительной проблемой системы выборов в Федеральной Республике Германии состоит в наличие двух голосов. Подтверждением этому может служить факт о том, что данная ситуация может вызвать манипуляторную деятельность по отношению к избирателям. Так как право двух голосов открывает возможность для союзных партий заполучить большее количество мандатов, чем для партий, которые выступают без чьей-либо поддержки

в условиях равного количества полученных голосов от электората. Это свидетельствует об, своего рода, отклонениях от демократического принципа, которому следует Германия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бундестаг – это что? // <https://fb.ru/article/261785/bundestag-eto-chto>.
2. Дервянченко А.А. Выборы в германский бундестаг в 2017 году: основные результаты и тенденции // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 1.
3. Федеральный Закон о выборах в Бундестаг. Редакция 1 сентября 1975 г.
4. Федеральный закон о выборах – Bundeswahlgesetz от 23 июля 1993 г., в редакции от 9 июля 1997 г.

S.I. POPOV

*Ph.D. in Political Science,
Associate Professor, Department of Policy
Analysis and Management, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

A.R. OMEROVICH

*Master, Department of Policy Analysis
and Management, Peoples' Friendship University
of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

THE RESULTS OF BUNDESTAG ELECTIONS IN 2017 AND THEIR POLITICAL CONSEQUENCES

This scientific research represents a description of parliamentary elections in the modern Federal Republic of Germany, along with distinguishing features of the country's electoral system. The authors analyze the results and effects of the last Bundestag elections, which were held in 2017 and their political consequences. This study detected problem areas of Germany's parliamentary election, including the crisis of the party system.

Key words: *elections, Bundestag, the electoral system of Germany, the electoral process in Germany, the results of the Bundestag elections, problem areas of Germany's parliamentary elections.*

кандидат политических наук,
доцент факультета международных отношений
и зарубежного регионоведения Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
Россия, г. Москва

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГАЗОВОГО РЫНКА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется роль природного газа, как одного из ключевых видов топлива и энергии, спрос на который в мире постоянно увеличивается. Автором раскрываются тенденции, трансформирующие глобальный энергетический ландшафт углеводородных ресурсов, подчеркивая значение природного газа, который может стать основой перехода к углеродно-нейтральной экономике. Увеличение потребления и новые технологии добычи позволяют говорить о том, что природный газ изменяет ситуацию в международных отношениях, по-новому определяет интересы главных игроков газового рынка, крупнейших производителей газа США, России, и потребителей – ЕС и Китая. Выбор природного газа в качестве основного энергетического ресурса окажет существенное влияние на геополитику, технологические и экономические тенденции.

Ключевые слова: газ, углеводородные ресурсы, возобновляемые ресурсы, геополитика, Россия, США, ЕС, Китай, внешняя политика, энергетическое доминирование.

Международные газовые рынки благодаря современному технологическому прогрессу и появлению новых крупных мировых игроков претерпевают серьезные изменения – происходит переход региональных рынков в единый глобальный. Частично эти сдвиги связаны с драматической революцией в области добычи сланцевого газа в США, которая началась около десяти лет назад, а также благодаря активному развитию рынков СПГ (сжиженного природного газа). После очень сильного увеличения экспортных мощностей СПГ в Катаре около десяти лет назад, вывел его на первое место, но последние события привели к тому, что Австралия обогнала Катар, и в будущем мы можем увидеть три страны – Катар, Австралия

и США – чьи объемы экспорта СПГ значительно превышают 100 млрд куб. Россия, которая всегда была крупным экспортером газа по трубопроводу в Европу, также становится крупным экспортером СПГ, как и некоторые африканские страны. Что касается спроса на газ, то он все больше смещается в Азию, в частности в Японию, Китай, Южную Корею, Индию и другие страны Юго-Восточной Азии, хотя Европа также постепенно начала увеличивать импорт СПГ [7].

Кроме того, договорная структура рынков газа также меняется с увеличением разобщенности между ценами на нефть и газ, отменой пунктов назначения, сокращением коротких контрактов, возрастающей ролью спотовых цен и появлением конкретные финансовых рынков (будущие контракты), делающие рынки газа все более похожими на рынки нефти.

Таким образом, если еще недавно рынки газа традиционно были региональными с относительно небольшим взаимодействием между различными континентами, то сегодня они все больше превращаются в единый глобальный рынок.

Все это имеет важные геополитические последствия. Очевидно, что мы также должны принимать во внимание наличие политических кризисах между Россией и ЕС после присоединение Крыма и последующие санкции со стороны Запада в отношении России, которые значительно ухудшили энергодиалог между двумя акторами. Это делает безопасность поставок энергоносителей главным приоритетом для выработки европейской политики вместе с его климатической политикой, которая направлена на декарбонизацию ЕС к середине столетия и, следовательно, ставит под сомнение долгосрочную роль природного газа в его энергетическом балансе.

Необходимо принять во внимание еще один фактор – недавнюю коммерческую напряженность между США и Китаем, которая, в зависимости от того, как она будет развиваться, может оказать значительное влияние на будущий экспорт США СПГ в Китай. В Европе мы можем увидеть поле битвы за российский трубопроводный газ и экспорт СПГ из США. На Ближнем Востоке – недавний политический конфликт между Саудовской Аравией, ОАЭ и Египтом с одной стороны и Катаром с другой, а также воинственное отношение США и Саудовской Аравии с одной стороны и Ирана с другой.

Все эти события имеет последствия для рынков газа. Даже Иран, обладающий вторыми по величине запасами газа в мире, при отсутствии санкций может также стать крупным экспортером СПГ. Ясно, что одних экономических и конкурентных соображений недостаточно для объяснения будущего международного газового рынка и развития торговли, поскольку в этом участвуют значительные геополитические факторы.

Из всех ископаемых видов топлива самый большой рост в мире наблюдается у природного газа: с 1990 г. мировая потребность в природном газе удвоилась, достигнув 3 849 млрд. куб.м. в 2018 г (среднегодовой темп роста

2,5%, по сравнению со среднегодовым темпом роста 1,9% для угля и 1,3% для нефти за тот же период). Хотя доля нефти в общем спросе на первичную энергию снизилась с 40% в 1990 г. до 33,6% в 2018 г., доля угля по-прежнему составляет около 27% (из-за Китая она выросла до 30% в 2010 г., но сейчас быстро снижается). Доля природного газа увеличилась с 20% в 1990 г. до почти 24% сегодня. В большинстве прогнозов ожидается, что доля природного газа превысит долю угля до 2025 г., а долю нефти – около 2040-2045 гг.

Еще более впечатляющим является резкий рост СПГ, при этом среднегодовой прирост за последние два десятилетия составил 6,6%. Этот впечатляющий темп роста также можно оценить по следующим показателям: если в 1990 г. СПГ составлял 16% мировой торговли газом, то в настоящее время – 46%. Международное энергетическое агентство (МЭА) ожидает, что к 2040 г. объем торговли СПГ удвоится и составит около 730 млрд куб. м. (350 млрд куб. м в 2018 г.), что составит к тому времени около двух третей мировой торговли газом.

В связи с истощением запасов традиционных газовых ресурсов США ожидали, что в 1990-х гг. запасы природного газа постепенно истощатся и поэтому планировали импортировать огромное количество СПГ. Но затем, в 2000-х гг., благодаря новым технологиям по разработки сланцевого газа (520 млрд куб. м. в 2018 г.), США стали крупнейшим в мире производителем газа (после России) и, вероятно, будут основным экспортером СПГ в течение десятилетия на уровне Катара и Австралии.

Однако важность американского СПГ для мировых рынков газа связана не только с огромными размерами потенциальных объемов экспорта, но также с оригинальными и очень гибкими договорными соглашениями американских компаний, которые могут революционизировать всю отрасль СПГ.

В настоящее время ЕС является крупнейшим в мире импортером газа, опережая Китай, но в будущем ожидается, что Китай резко увеличит импорт газа благодаря огромным размерам экономики, которая будет продолжать расти, так и по мере увеличения доли газ в его энергетическом балансе вытесняя уголь. Китай импортирует газ в основном из Казахстана, Мьянмы, а в последнее время также из России (по недавно построенному газопроводу «Сила Сибири»). Кроме того, Китай развивает огромные мощности по регазификации СПГ на своем побережье, что позволяет ему импортировать все более крупные объемы СПГ.

Вероятно, что США будут иметь сильную дополнительные стимулы для импорта больших объемов СПГ из США. Фактически это позволило бы несколько уравновесить крайне неравные торговые отношения между КНР и США, но усиливающаяся воинственная политика санкций нынешней администрации США может отбить у Китая желание полагаться на крупномасштабный импорт СПГ из США.

Природный газ играет важную роль в энергетическом балансе ЕС, составляя около 23%. В 2018 г. ЕС импортировал около 321 млрд. куб. м природного газа, что означает коэффициент зависимости от импорта около 60%. Поскольку внутреннее производство в ЕС будет продолжать падать, ожидается увеличение кратко- и среднесрочного импорта, также принимая во внимание, что ЕС хочет обезуглеродить свою экономику и, следовательно, начав сокращение потребление угля. Возникает вопрос в более долгосрочной потребности в природном газе, поскольку по мере дальнейшей декарбонизации ЕС ему в конечном итоге также понадобится значительно сократить использование природного газа.

Традиционно газоснабжение ЕС обеспечивалось в основном, из России, Норвегии и Алжира, а в последние годы катарским СПГ и из других стран. В будущем ожидается серьезное сражения между российским трубопроводным газом и американским СПГ в Европе, т.к. ни один из других поставщиков не может добавлять значительные объемы газа на рынки ЕС. Эта конкуренция, безусловно, будет выгодна для европейских потребителей, так как будет оказывать понижающее давление на цены.

В прошлом году импорт СПГ в ЕС сильно увеличился, но даже при коэффициенте использования 50% всех мощностей для его переработки, еще остается более 100 млрд куб. м простаивающих мощностей. Это означает, что, если российские маршруты поставок будут прерваны по каким-либо техническим или политическим причинам, имеется достаточно альтернативных возможностей импорта СПГ для обеспечения достаточной безопасности поставок европейским потребителям. Ни один участник рынка, даже Россия, больше не могут играть доминирующую роль и навязывать свою рыночную власть частям Европы.

Таким образом, поставки СПГ из США и другие страны, которые гораздо более гибки, чем трубопроводный газ, будут служить гарантией будущей безопасности поставок, но это не означает, что Европе обязательно нужно диверсифицировать свою деятельность за пределами России, если другой газ будет дороже российского.

Добыча нефти и газа в США находится на подъеме, меняя внутренние рынки и роль производства США в мире. Президент США Д. Трамп говорит о стратегии «энергетического доминирования», о нефти и газе как о двигателе роста и экспорта [12]. Термин «доминирование» не является точным, но в настоящее время Соединенные Штаты уже стали крупнейшим в мире производителем газа и глобальным игроком на газовых рынках.

До начала 2000-х гг. добыча нефти и газа в Соединенных Штатах в течение многих лет снижалась. В США был запланирован парк терминалов СПГ, которые готовились к тому, что внутренняя добыча газа не сможет удовлетворить спрос. Но затем произошло важное изменение – инженеры-бурильщики при помощи новых технологий смогли объединить горизон-

тальное бурение и гидроразрыв пласта для добычи нефти и газа из пластов, которые ранее были неэкономичными. Начиная примерно с 2005 г., добыча природного газа в Соединенных Штатах увеличилась почти на 70% с 2005 по 2018 гг. В настоящее время США являются нетто-экспортером природного газа по трубопроводам в Мексику и в виде СПГ по всему миру. Бум будет продолжаться, поддерживаемый экспортными проектами, запланированные на середину 2020-х гг., позволяющие увеличить экспортный потенциал СПГ из США в пять раз по сравнению с его нынешним уровнем [6].

Когда мир ожидал, что США станут значительным импортером природного газа, компании инвестировали значительные средства в сжижение СПГ, особенно в Катаре, на Ближнем Востоке и в Африке, для принятия американского газа. Бум производства природного газа в США привел к тому, что этот газ стали использовать на внутреннем рынке. В результате рынок СПГ стал более конкурентоспособным и прозрачным. Контракты стали менее ограниченными, а минимальные требуемые объемы и ограничения на перепродажу газа стали менее распространенными. СПГ в США также меняет ценовые нормы. Цены на СПГ часто основывались на нефти, в связи с отсутствием рынка сжиженного газа, который позволял бы определять цены.

Эти изменения в динамике рынка имели важные последствия для Европы. Страны ЕС импортируют около 78% своего природного газа, из которых Россия обеспечивает почти 40% импортируемого газа. Импорт российского газа имеет географический и экономический смысл – существует значительная пропускная способность трубопровода для обслуживания европейских рынков недорогим российским газом, а проекты «Северный поток» и «Турецкий поток» увеличивают эту мощность и предоставляют России больше возможностей для доставки газа.

Тем не менее, политики Европейского Союза считают, что Россия использовала газоснабжение в качестве политического оружия, и вероятность такого вмешательства возрастает с увеличением пропускной способности трубопровода, указывая на то, что Россия дважды прекращала поставки газа в Европу во время споров с Украиной [16. Р. 227]. В 2014 г. ЕС также ввел санкции против России после присоединения Крыма, что еще больше осложнило ситуацию. Некоторые аналитики утверждают, что Москве нужны доходы от продажи газа в Европу так же, как Европе нужен газ. Тем не менее, многие в Европе считают Россию ненадежным поставщиком [3].

Энергетическая безопасность с 1973 г. в основном рассматривается как проблема потребителя, т.е. с точки зрения доступа к необходимым расходным материалам на разумных условиях. Диверсификация производителей подразумевала в этом контексте избежание потенциального политического риска и одностороннего ценообразования, связанного с наличием единственного или доминирующего поставщика.

СПГ через ценообразование (и при условии наличия материальных резервов) становится своего рода ценовой гарантией от предполагаемой зависимости. Ситуация на рынке изменилась так, что долгосрочный трубопроводный газ начинает конкурировать с СПГ. Доминирующий поставщик уже не будет устанавливать и практиковать одностороннее ценообразование.

Что касается альтернативных поставщиков перспективе они все несут потенциальный риск, которые не имеют ничего общего с политическим или ценовым риском и будущее трубопроводного газа выглядит неопределенным. Рост экспорта СПГ из США открывает больше возможностей для Европы. Европа может импортировать американский СПГ, хотя сегодня объемы невелики и стоят дороже, чем российский трубопроводный газ, но есть и желание европейских чиновников расширять европейский рынок для американского сжиженного газа [10]. Наиболее важным для европейских стран является развитие рынка покупателей газа с растущим предложением. Больше поставок и более гибкие условия ставят Европу в лучшую переговорную позицию с Россией и снижают способность России политизировать свои поставки газа.

Исторически ряд стран использовали свои ресурсы нефти и газа в политических целях, но Соединенные Штаты не были среди них. Нефтегазовая отрасль в США целиком находится в руках частных лиц, принимающих индивидуальные бизнес-решения. Однако всплеск добычи нефти и газа и риторика президента Трампа об «энергетическом доминировании» поставили вопрос о том, движутся ли Соединенные Штаты в направлении политизации своих энергоресурсов [13].

Производство нефти в США, безусловно, сделало недавние санкции против Ирана и Венесуэлы более политически приемлемыми, смягчив их влияние на мировые нефтяные рынки. Поставки газа были политизированы в продолжающемся торговом сражении США с Китаем, вторым по величине импортером СПГ в мире и крупнейшим мировым рынком газа.

Администрация Д. Трампа настаивала на том, чтобы Китай импортировал больше американской нефти и газа, чтобы сократить торговый дефицит США с Китаем. Однако Китай отреагировал на американские тарифы на китайские товары, повысив тарифы на нефть и газ в США. В январе 2020 г. Китай пообещал увеличить импорт нефти и газа в рамках предварительной торговой сделки, но не отменил тарифы. Таким образом, энергетика в двусторонних отношениях, очевидно, останется разменной монетой в дальнейших переговорах.

Природный газ является ископаемым топливом с самым низким содержанием углерода – он может «смягчить» изменения климата, если заменить топливо с более высоким содержанием углерода (СО₂), такое, как уголь или нефть на газ. Газ с низким содержанием углерода также облегчает улавливание и хранение углерода, что является полезным качеством, поскольку мир стремится к более глубокой декарбонизации.

Тем не менее, сведение к минимуму выбросов метана и факельное сжигание при добыче газа в США имеют решающее значение для климатических преимуществ газа и для сбыта американского газа в страны, наиболее обеспокоенных изменением климата.

Развитие технологий облегчило и удешевило выявление утечек метана при добыче газа, но администрация Д. Трампа находится в процессе отказа от правил, принятых администрацией Б. Обамы, требующих обнаружения и ремонта утечек, а также других технологий для сокращения выбросов метана во время производства.

Сжигание является еще одним источником парниковых газов при добыче нефти и газа [2]. Природный газ часто добывается вместе с нефтью, но цены на природный газ в США сегодня очень низкие, и в некоторых случаях нет ни инфраструктуры, ни экономических стимулов для транспортировки газа из скважины для продажи.

Водород пользуется беспрецедентным импульсом в повестках дня политиков и бизнеса. Международное сообщество также демонстрирует твердую приверженность делу борьбы с изменением климата, предлагая различные решения для достижения энергетической стратегии, направленной на нейтрализацию климата. В этом контексте лидирует Европейский Союз.

Долгосрочная стратегия для углеродно-нейтральной экономики до 2050 года и европейский «зеленый курс» были разработаны в соответствии с целью Парижского соглашения, направленной на ограничение повышения глобальной температуры до уровня значительно ниже 2°C и продолжение усилий по поддержанию ее равной 1,5°C [4]. В национальных энергетических планах, представленных государствами-членами, о том, как достичь этих целей, водород появился в качестве соответствующего варианта для обеспечения перехода на экологически чистую энергию [1. С. 68-74].

В соответствии с этими тенденциями в 2019 г. председательство Японии в G20 обратилось к Международному энергетическому агентству с просьбой подготовить доклад для оценки текущего состояния водорода на международном уровне и предложить пути дальнейшего стимулирования его использования. Между тем, инициативы по возможному применению водорода, продвигаются на многочисленных международных форумах, включая Всемирный экономический форум (ВЭФ), Международное агентство по возобновляемой энергии (IRENA) и другие [8].

Несмотря на то, что водород является самым распространенным элементом во вселенной, в природе его нет. Когда он производится с помощью электролиза воды, химического процесса, работающего на возобновляемых источниках энергии, который расщепляет H₂O на водород и кислород и который генерирует нулевую эмиссию углерода, конечный продукт маркируется как «зеленый водород». Тем не менее, в настоящее время только «примерно 4-5% мирового водорода получается таким способом, и этот

процесс производства остается более дорогим по сравнению с более широко используемым процессом экстракции, который включает в себя ископаемое топливо.

Тем не менее, последние тенденции в производстве энергии, предоставляют уникальную возможность для наращивания производства всех необходимых технологий (таких, как топливные элементы, заправочное оборудование и электролизеры), чтобы снизить затраты и ускорить шире использовать зеленый водород.

В сценарии «обезуглероживания» на 95% тенденции снижения затрат открывает возможность для более широкого использования водорода во многих секторах экономики. Благодаря более высокой плотности энергии водород может обеспечить решение многих проблем электрификации, играя ключевую роль в сокращении выбросов углерода даже в «труднодоступных» секторах.

К ним относятся: тяжелый и дальний транспорт, отопление и высокотемпературное промышленное производство. Применение водорода в этих секторах также будет способствовать повышению конкурентоспособности зеленого газа с ископаемым топливом и удвоению «его конечной потребности в энергии к 2030 г. по сравнению с сегодняшним днем, достигая примерно 23% от общего конечного потребления энергии к 2050 г.» [14].

В европейских сценариях энергетического перехода смешивание водорода с газопроводами может позволить Европейскому союзу справиться со своими потребностями в энергии, одновременно обезуглероживания структуру энергоносителей. Кроме того, создание стабильного маршрута импорта из Северной Африки будет способствовать диверсификации маршрутов энергоснабжения, что значительно повысит энергетическую безопасность и устойчивость европейской энергетической стратегии.

Источники энергии, переживают период быстрых изменений. Возобновляемые источники энергии стали технологически выполнимыми, экономически привлекательны. Необходимость решать проблемы, связанные с изменением климата, становится все более критической и возобновляемые источники энергии могут способствовать решению экологических проблем и удовлетворять наши потребности в энергии. В этих условиях глобальный переход к устойчивым источникам энергии будут продолжать и ускоряться [9].

В настоящее время мир переживает период кардинальных инноваций в своих энергетических системах. То, как энергия поставляется и потребляется, показывает значительный потенциал, который будет нарушен в ближайшие десятилетия. Важно, чтобы такие изменения действительно происходили с выполнением обязательств Парижского соглашения и достижения целей ООН в области устойчивого развития [14; 11].

Решения в производстве электроэнергии и электрификации потребления энергии часто являются предметом обсуждения на тему энергетических

инноваций. Однако, как показывают недавние исследования Международного газового союза, развитие чистых технологий и инновации в цепочках создания стоимости природного газа имеют одинаковое значение и предлагают потенциал для аналогичного преобразующего воздействия [15].

В результате продолжающегося развития в газовых технологиях потенциальный рынок для природного газа может быть намного больше, чем сегодня. Принимая во внимание эти улучшения, а также ценность, которую газ обеспечивает за счет сокращения выбросов парниковых газов и локального загрязнения по сравнению с другими видами топлива, Международный газовый союз и его партнеры обнаружили, что мировой рынок газа может в 2,5 раза превышать его нынешние размеры при максимальном экономическом потенциале в 2040 г. [5].

Достижение максимального экономического потенциала для внедрения газовых технологий, в свою очередь, принесет существенные экологические и социальные выгоды. При таком сценарии газовые технологии могут снизить до трети глобальных выбросов парниковых газов в энергетическом секторе, сократить выбросы загрязняющих веществ, таких как оксид азота, на 30% и обеспечить доступ к чистому топливу для приготовления пищи еще на 1 млрд человек к 2040 г. При рассмотрении относительной стоимости других технологий, использование газа обеспечивает во многих случаях самые низкие выбросы углекислого газа, особенно в промышленности и на транспорте.

Однако такой исход далеко не гарантирован. Уроки, извлеченные из разработки и внедрения газовых технологий в прошлом, а также других решений в области чистых технологий, показывают, что для дальнейшей разработки и внедрения новых инноваций необходимы три фактора:

Во-первых, поддержка государственной политики имеет важное значение для содействия устойчивым исследованиям и разработкам в газовых технологиях, обеспечивая при этом отражение их экологической и социальной ценности, например, посредством внедрения углерода.

Во-вторых, необходимы значительные инвестиции для обеспечения доступа к газу, внедрения технологий для потребления газа и расширения поставок низкоуглеродистого газа. Для достижения максимального экономического потенциала для газа и связанных с ним выгод потребуется \$400-800 млрд. в год.

В-третьих, инновации в газовой промышленности необходимы, в частности, за счет инвестиций в исследования и разработки, и развертывание на ранних этапах, а также при разработке новых бизнес-моделей и новых приложений технологий для снижения барьеров и скорости их внедрения.

Преобразование глобальной энергетической системы, позволяющее одновременно принимать меры по изменению климата, глобальному потеплению, продвигать устойчивое развитие и обеспечивать доступ к недорогой и чистой энергии, потребует устойчивых инноваций во всем мире.

Инновации в газовых технологиях уже позволяют достичь этих результатов и дают существенный дополнительный потенциал для достижения этой цели в ближайшие десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Хлопов О.А. Глобальные проблемы экологической безопасности и изменения климата в контексте международного сотрудничества // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 53 (2).

2. *Chestne N.* Global Carbon Emissions Hit Record High in 2018: IEA // Reuter // <https://www.reuters.com/article/us-iea-emissions/global-carbon-emissions-hit-record-high-in-2018-iea-idUSKCN1R7005>.

3. European Parliament. The EU's Russia Policy. Five Guiding Principles. Briefing. February, 2018.

4. EU 2050 Long-Term Strategy // Climate Action – European Commission // https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en.

5. Global Gas Report 2019 // International Gas Union. 2019 // <https://www.igu.org/publication/302428/31>.

6. *Gross S.* USA: A New Disruptive Actor in the Gas Market // The “Great Game” of Gas: Geopolitics and New Technologies. ISPI. 21 Feb., 2020 // <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/usa-new-disruptive-actor-gas-market-2509>.

7. *Hafner M.S.* The Geopolitics of Gas: Main Players and Dynamics // The “Great Game” of Gas: Geopolitics and New Technologies. ISPI. 21 Feb., 2020 // <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/great-game-gas-geopolitics-and-new-technologies-25043>.

8. International Energy Agency (IEA). The Future of Hydrogen. June 2019 // <https://www.iea.org/reports/the-future-of-hydrogen>.

9. International Renewable Energy Agency (IRENA). A New World – The Geopolitics of the Energy Transformation. January 2019 // https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Jan/Global_commission_geopolitics_new_world_2019.pdf.

10. *Juncker J.-C.* EU-U.S. Joint Statement of 25 July: European Union Imports of U.S. Liquefied Natural Gas (LNG) Are on the Rise. 9 August, 2018 // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4920.

11. Paris Agreement. United Nations 2015 // https://treaties.un.org/doc/Treaties/2016/02/20160215%2006-03%20PM/Ch_XXVII-7-d.pdf.

12. President Donald J. Trump Is Unleashing American Energy Dominance. The White House Gov. May 14, 2019 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unleashing-american-energy-dominance/>.

13. *Raimi D.* Is Energy ‘Dominance’ the Right goal for US Policy? // The Conservative. June 28, 2017 // <https://theconversation.com/is-energy-dominance-the-right-goal-for-us-policy-79825>.

14. Snam. The Hydrogen Challenge: the Potential of Hydrogen in Italy. October 2019 // https://www.snam.it/it/hydrogen_challenge/repository_hy/file/The-H2-challenge-Position-Paper.pdf.

15. The Role of Gas Technologies in the Circular Carbon Economy // International Gas Union 2020 // https://www.igu.org/sites/default/files/node-page-field_file/Gas%20Technologies%20in%20the%20Circular%20Carbon%20Economy%20-%20Final.pdf.

16. Tichý L. EU-Russia Energy Relations: A Discursive Approach. Cham: Springer, 2019.

O.A. KHLOPOV

PhD in Political Sciences

Associate Professor of the Department

of International Relations and Foreign Regional Studies,

Russian State University for the Humanities (RSUH),

Moscow, Russia

GEOPOLITICAL CHANGES OF THE GAS MARKET IN THE CONTEXT OF NEW ENERGY TECHNOLOGIES AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article analyzes the role of natural gas as one of the key types of fuel and energy, fuel, the demand for which is constantly increasing in the world. The author reveals the trends transforming the global energy landscape of hydrocarbon resources, emphasizing the importance of natural gas, which can become the basis for the transition to a carbon-neutral economy. The increase in consumption and new production technologies allow us to say that natural gas is changing the situation in international relations, it redefines the interests of the main players in the gas market, the largest producers – the USA, Russia, and consumers – the EU and China, the choice of natural gas as the main energy resource will have a significant impact on global geopolitics, technological and economic trends.

Key words: *gas, hydrocarbon resources, renewable resources, geopolitics, Russia, USA, EU, China, foreign policy, energy dominance.*

МИР В БОРЬБЕ С НОВОЙ ЭПИДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСА (COVID-19): ВЗГЛЯДЫ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Новая эпидемия коронавируса (COVID-19) распространяется по всему миру и стала общим врагом. В настоящее время подавляющее большинство стран сделали борьбу с эпидемией главным приоритетом. Однако следует отметить, что эпидемическая ситуация в большинстве стран мира еще не достигла «наивысшего пика», и пока неизвестно, когда можно будет контролировать распространение нового коронавируса (COVID-19) в мире. Тем не менее, исторически, крупные эпидемии часто вызывают изменения в ландшафте мира и несут много неопределенных рисков. На этот раз фон вспышки эпидемии нового коронавируса особенный. Мир сталкивается с серьезными проблемами, такими как сопротивление экономической глобализации.

Ключевые слова: *коронавирус, вспышка, Китай, Россия.*

Введение. По состоянию на 30 апреля новый коронавирус (COVID-19) распространился в 212 странах и регионах по всему миру. Информационное агентство Синьхуа, Женева, 29 апреля (Репортер Лю Цюй) сообщает, что последние данные, опубликованные Всемирной организацией здравоохранения 29-го числа, показывают, что совокупное число подтвержденных случаев новой коронавирусной инфекции достигло 3 018 952 случаев. Количество новых подтвержденных случаев заболевания коронавирусом (COVID-19) увеличилось на 66 276 случаев до 3 018 952 случаев с предыдущего дня, а число случаев смерти увеличилось на 5 376 и достигло отметки 207 973 случаев [6].

Развитие и реагирование на эпидемическую ситуацию в основных западных странах. Соединенные Штаты. По состоянию на 1 мая, согласно данным Университета Джона Хопкинса, число подтвержденных случаев новой коронавирусной инфекции в США составило 1 098 565, с 64 600 смертельными случаями. Тем не менее, с точки зрения методов развития и ре-

агирования на эпидемию, основные средства массовой информации, такие как «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», CBS и CNN, выразили свое недовольство.

Что касается новой эпидемии, правительство США получило «предупреждение» еще в январе. Специалист по инфекционным заболеваниям и Национальный центр медицинской разведки Государственного департамента США выпустили раннее предупреждение, предсказав, что новая эпидемия распространится на Соединенные Штаты и может стать «глобальной пандемией». 18 и 30 января министр здравоохранения и социальных служб США, дважды позвонил Трампу, чтобы сообщить о потенциальной серьезности вспышки. 28 января старший медицинский советник Департамента по делам ветеранов США Картер Мехер еще раз предупредил о масштабах эпидемии. 29 января Наварро, директор Национального управления торговой и производственной политики Белого дома, предупредил, что эпидемия может привести к 500 000 смертей и экономическим потерям в триллионы долларов [57]. В течение февраля Белый дом и эксперты сектора общественного здравоохранения также неоднократно выпускали предупреждения о вспышках.

Однако администрация, возглавляемая президентом Трампом, «не восприняла это всерьез». 26 февраля Трамп даже публично заявил, что число подтвержденных случаев заболевания в Соединенных Штатах «упадет почти до нуля в течение нескольких дней», и сказал на следующий день: «Это похоже на чудо, оно исчезнет» [42]. До 5 марта, после того, как люди во всем мире начали советовать людям избегать церемонии рукопожатия, Трамп все еще обменивался рукопожатием с большим количеством людей во время посещения мероприятий.

10 марта в Соединенных Штатах было зарегистрировано более 600 подтвержденных случаев заболевания, в том числе 26 смертей. 11-го числа более 1 000 случаев были диагностированы в Соединенных Штатах и эпидемия распространилась на 37 штатов и столицу штата Вашингтон [58].

10 марта губернатор штата Нью-Йорк объявил, что зона в радиусе 1 мили будет создана в Нью-Рошеле в северных пригородах Нью-Йорка. И будет доставлять еду для жителей. Так называемый «закрытый город». Губернатор штата Нью-Йорк, Эндрю Куомо также заявил, что «зона ограниченного доступа» ограничивает объекты «объектами», а не «людьми», и закрывает большие места сбора (например, школы и церкви) на две недели. Дезинфицирует соответствующие общественные объекты [55]. Цель состоит в том, чтобы создать большие собрания, чтобы гарантировать, что распространение вируса сведено к минимуму. В это время Трамп наконец осознал серьезность «новой эпидемии коронавируса» и начал напоминать всем, что «все должны быть бдительными». Он сказал: «Если вы больны или плохо себя чувствуете, оставайтесь дома» [19].

13 марта Трамп официально объявил, что Соединенные Штаты ввели чрезвычайное положение в ответ на новую коронавирусную инфекцию. Что касается трансграничных поездок, 19 марта по местному времени Государственный департамент США выпустил предупреждение «наивысшего уровня», в котором говорится, что гражданам не следует выезжать за границу во время эпидемии» [19].

Впоследствии крупные регионы, такие как Сан-Франциско, штат Нью-Йорк, Калифорния и Лос-Анджелес в США, издавали «приказы о закрытии» один за другим и начали ограничивать эпидемию [37]. 16 марта Сан-Франциско объявил, что он будет закрыт с полуночи. Если нет необходимости выходить на улицу, граждане должны оставаться дома. Аптеки, продуктовые магазины, банки, заправочные станции и основные коммунальные службы будут продолжать работать, бары и спортивные залы будут закрыты, а рестораны будут принимать только блюда на вынос. Начальник полиции Билл Скотт заявил, что нарушения правил будут считаться проступком [59]. 19 марта губернатор Калифорнии Гэвин Ньюсом объявил «постановление о закрытии» по всему штату, требующее от жителей оставаться дома, чтобы предотвратить распространение новой эпидемии коронавируса. В течение этого периода власти большинства городов Соединенных Штатов просили жителей не покидать свои дома, если они не заняты в жизнеобеспечивающих сферах или выход на улицу не связан с необходимостью совершения покупок.

Также, Спикер Палаты представителей Пелоси заявил, что Трамп должен «немедленно использовать Закон об оборонном производстве для мобилизации массового производства и организации распространения всех необходимых материалов, для того чтобы избежать серьезного дефицита поставок в случае обострения эпидемии».

Но 12 апреля, спустя почти месяц после объявления чрезвычайного положения, число диагнозов в Соединенных Штатах продолжало расти высокими темпами, что поставило под сомнение способность Трампа реагировать на эпидемию. 13 апреля репортер CBS Пола Рид подвергла критике медленную реакцию Трампа на эпидемию, потеряв драгоценное время в феврале. В предыдущий день (12 апреля) Энтони Фордж, ведущий американский эксперт по инфекционным заболеваниям и член Рабочей группы по борьбе с инфекциями Белого дома, заявил на CNN, что если бы он мог действовать раньше, не было бы никаких сомнений в том, что будет спасено больше жизней [10].

13 апреля губернаторы нескольких штатов на восточном и западном побережьях США заявили, что они самостоятельно решат, когда снять ограничения и возобновить экономическую деятельность.

16 апреля Трамп под экономическим давлением объявил, что поэтапно перезапустит экономику США. «На первом этапе не разрешено собирать-

ся больше 10 человек, школы и бары по-прежнему остаются закрытыми, но кинотеатры, рестораны, гимназии могут быть открыты при гарантии соблюдения социальной дистанции между посетителями. На втором этапе не разрешено собираться в группы из более чем 50 человек, где социальная дистанция не соблюдается. Неотложные поездки могут быть разрешены, а школы и молодежные лагеря могут быть вновь открыты. Третий этап разрешает возвращение сотрудников в офисы. Но решение об отмене ограничительных мер, будет приниматься губернаторами каждого штата в зависимости от ситуации» [48].

Стоит отметить, что у основных американских СМИ разные взгляды на перезапуск экономики. Таким образом, после расследования, проведенного многими СМИ, фактическое число смертей, вызванных «новой коронавирусной инфекцией», значительно отличается от официальной статистики и может даже в несколько раз превышать официальное объявление. Опрос «Нью-Йорк Таймс» показал, что, согласно последним данным Центров США по контролю и профилактике заболеваний, общее количество смертей в семи штатах, где преобладала вспышка нового вируса, в течение пяти недель с 8 марта по 11 апреля составляло почти на 50% выше, чем об этом было объявлено. К таким штатам относятся Нью-Йорк, Нью-Джерси, Мичиган, Массачусетс, Иллинойс, Мэриленд и Колорадо. Опрос показал, что в период, когда эпидемия была наиболее тяжелой, внезапное увеличение общего числа смертей показало, что многие случаи, классифицируемые как другие причины смерти, на самом деле были связаны с новой коронавирусной инфекцией. Возьмем в качестве примера эпидемический центр штата Нью-Йорк. За последние пять недель число смертей в штате Нью-Йорк выросло более чем втрое, чем обычно [1]. Поэтому многие представители системы здравоохранения в Соединенных Штатах не испытывают оптимизма по этому поводу и предупреждают, что до полной ликвидации новой эпидемии еще далеко.

Великобритания. По словам британского Премьер-министра Бориса Джонсона, который вернулся на работу, после болезни, в настоящее время в Великобритании самый большой риск возникновения новой вспышки коронавируса (COVID-19). Он призвал британский народ не терять терпение в связи с мерами «социального дистанцирования» [31].

9 марта власти Великобритании провели свое первое экстренное совещание по ситуации вокруг новой инфекции. В тот день было зафиксировано 163 случая, в том числе 2 смертельных. 12 марта премьер-министр Великобритании Борис Джонсон провел заседание Комитета по чрезвычайному положению «Кобра», заявив, что Великобритания приложит все силы для сдерживания эпидемии. На встрече Джонсон объявил о серии мер по борьбе с новой коронавирусной инфекцией [5].

Стоит отметить, что британские эксперты в то время не рекомендовали принимать жесткие противоэпидемические меры. По их мнению, приостановление работы школ, отмена массовых мероприятий не могли эффективно предотвратить распространение нового коронавируса (COVID-19) [43]. 13 марта главный научный советник британского правительства Патрик Валенс объяснил меры, принятые правительством: «Мы надеемся, что благодаря этим мерам у британского народа повысится иммунитет к новому коронавирусу (COVID-19), тем самым не произойдет большой нагрузки на медицинскую систему. Наша цель – попытаться уменьшить пик и замедлить распространение эпидемии, а не полностью ее подавить. Если вы подавляете что-то очень сильно, оно отскочит, когда вы отпустите, и отразится неправильно. Валэнс указал: «Этот вирус, вероятно, станет сезонным и будет появляться каждый год. Но если подавляющее большинство людей, зараженных этим вирусом, сможет создать групповой иммунитет, тогда больше людей получит пользу исходя из этого. Таким образом, мы можем уменьшить распространение вируса». Валэнс сказал, что для достижения «группового иммунитета» около 60% населения должно быть заражено новым коронавирусом (COVID-19) [5].

Однако с быстрым распространением новой инфекции в Великобритании, правительство и СМИ больше не могли продолжать свой «британский юмор» и начали принимать ряд мер по предотвращению и контролю эпидемии.

17 марта британское правительство объявило о проекте чрезвычайного законопроекта о борьбе с новой эпидемией [2]. Помимо поддержки британской медицинской системы, усиления социальной помощи и поддержки, новый законопроект также предоставит правительству больше полномочий для сдерживания эпидемии. 20 марта этот законопроект вступил в силу на острове Мэн. По указанию Бориса Джонсона, после закрытия всех развлекательных заведений и ресторанов, Великобритания официально войдет в состояние социального отчуждения.

21 марта королева Англии выступила с заявлением, призывающим всех вспомнить «британский дух». В своем заявлении она сказала: «Мир вступает в период неопределенности, и каждый играет жизненно важную роль. Многим из нас нужно будет найти новые способы поддерживать связь друг с другом и обеспечивать любовь близких» [18].

После этого Британия начала отказываться от «групповой иммунизации» и приступила к комплексному политическому реагированию на вспышку.

Во-первых, были закрыты школы по всей стране. Были предоставлены ваучеры для супермаркетов или магазинов для учащихся из неблагополучных семей. Во-вторых, оказана финансовая помощь детям, родители которых трудятся в сферах обеспечивающих жизнедеятельность страны. К таковым относятся медицинские работники, учителя, социальные работники, ключевые работники государственной службы, государственные служащие,

переработчики пищевых продуктов, дистрибьюторы, курьеры, сотрудники служб общественной безопасности, вооруженные силы, пожарные команды, тюремные работники, поставщики услуг по гидроэнергетике, общественные организации, транспортники, финансовый обслуживающий персонал и т.д.).

Борис Джонсон объявил, что с 22 марта все бары, рестораны, спортивные залы и кинотеатры в Лондоне будут закрыты и начнут работать только на вынос. Правительство обязалось выплатить 80% зарплаты работникам, которые не могут работать из-за карантина. В тоже время все предприятия должны быть освобождены от уплаты НДС, чтобы поддержать всех в этот трудный период.

27 марта у Бориса Джонсона был диагностирован коронавирус. 5 апреля после недели изоляции дома, он поступил в больницу из-за симптомов. Вечером 6-го он был переведен в отделение интенсивной терапии для лечения из-за обострения заболевания.

12 апреля премьер-министр Великобритании Борис Джонсон произнес свою первую речь, вернувшись к работе, заявив, что Великобритания все еще находится на пике распространения вируса. Однако сейчас нам удалось переломить ситуацию и есть признаки того, что мы проходим пик эпидемии и близки к успеху. Джонсон повторил пять условий, которые необходимо выполнить для снятия карантина: обеспечение того, чтобы национальная система медицинского обслуживания (ГСЗ) могла реагировать на эпидемию; снижение уровня ежедневной смертности; доля людей, зараженных коронавирусом должна упасть до контролируемого уровня; обеспечение в необходимом объеме средствами индивидуальной защиты [33].

30 апреля премьер-министр Великобритании Борис Джонсон представил на регулярной пресс-конференции правительства новую информацию о показателе уровня заболеваемости R для средств массовой информации и общественности. Патрик Валенс, главный научный советник британского правительства, подтвердил, что текущее значение показателя заболеваемости R в Великобритании составляет от 0,6 до 0,9, доказывая, что эпидемия в Великобритании достигла своего пика [32]. В соответствии с этим, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон заявил, что Великобритания, возможно, пережила пик новой эпидемии коронавируса, и правительство объявит о плане постепенного возобновления работы на следующей неделе.

Франция. Агентство Синьхуа, Париж, 29 апреля. Французское агентство здравоохранения выпустило пресс-релиз 29-го апреля. Во Франции диагностировано 128 442 случая и 24 087 смертей [28]. По состоянию на 1 февраля проблемы со здоровьем во Франции по-прежнему сосредоточены на квартальном гриппе. В то время в результате ежеквартального гриппа погибли 22 человека, изолированы 486 человек, а 253 были тяжело больны.

Согласно данным французского агентства здравоохранения от 3 февраля, только 6 новых случаев заражения коронавирусом были подтверждены [28]. Следовательно, по сравнению с новым коронавирусом (COVID-19) вирус гриппа явно привлекает больше внимания. Лишь 7 марта французский департамент здравоохранения начал придавать значение новому коронавирусу (COVID-19). В то время число новых случаев заражения коронавирусом (COVID-19) достигло 949, в результате чего погибли 16 человек. Соседняя Италия добавила 1 247 подтвержденных диагнозов в тот же день, в результате чего общее количество достигло 5 883.

По состоянию на 13 марта Франция диагностировала 3 661 случай новой коронавирусной пневмонии, увеличившись почти на 800 по сравнению с предыдущим днем и в общей сложности на 79 случаев смерти. Президент Франции Макрон еще раз выступил с речью на национальном телевидении в Елисейском дворце, объявив, что все пациенты с подозрением на коронавирус пройдут тестирование. Люди должны покупать маски и носить их систематически.

Начиная с 12:00 17 марта Франция ввела ограничения на поездки по всей стране. За исключением редких моментов, таких как неспособность работать удаленно и приобретение предметов первой необходимости для повседневной жизни, людям не разрешается выходить на улицу по собственному желанию, и они должны заполнять и иметь при себе сертификат об исключительных поездках при каждой поездке [30]. Министерство внутренних дел Франции заявило, что минимальный штраф за нарушение «порядка ограничения» будет увеличен с 38 евро до 135 евро (около 1 041 юаня), а максимальный штраф с 135 евро до 375 евро (около 2 892 юаня) [26].

27 марта премьер-министр Франции объявил, что продлит карантин, по крайней мере, до 15 апреля. Все достопримечательности Парижа с этого момента будут закрыты для посещения [27].

19 апреля, согласно оценке Министерства здравоохранения Франции, если Франция не введет карантин с 17 марта, то 23% населения (14,8 млн.) могут быть заражены новым коронавирусом в течение этого месяца. Приблизительно 590 000 человек должны быть госпитализированы, и более 140 000 человек должны быть переведены в отделение интенсивной терапии, а количество необходимых коек для интенсивной терапии превысит 100 000, а число случаев смерти в стационаре почти 74 000. На самом деле, число смертей в больницах во Франции на 19 апреля достигло 12 000, что означает, что карантин позволил избежать более 60 000 смертей, фактическое сокращение составило 83,5% [52].

26 апреля во Франции было зарегистрировано 242 новых случаев смерти за один день, но случаи заражения достигли минимума за апрель, эпидемия пошла на спад. Министр труда Франции Мириэль Пенико заявила 29-го числа, что на данный момент в общей сложности 890 000 компаний подали заявки на финансовую поддержку для 11,3 млн. работников [60].

Германия. По состоянию на 30 апреля в Германии было диагностировано в общей сложности 132 240 случаев, в частности 6 870 случаев смерти. Как и в других европейских странах, новому коронавирусу (COVID-19) изначально не уделялось достаточного внимания в Германии [25].

До 8 марта немецкое агентство по профилактике и борьбе с болезнями объявило о 847 новых коронавирусных (COVID-19) пневмониях, что на 163 случая больше, чем в предыдущий день. Когда темпы роста было трудно контролировать, правительство Германии действительно начало обращать внимание. В то время 392 пациента с новой коронавирусной (COVID-19) пневмонией были диагностированы в Северном Рейне-Вестфалии, регионе с наибольшим количеством зараженных. Министр здравоохранения Германии Шпан отметил, что Германия отменит масштабные мероприятия. Но он по-прежнему считает, что нельзя приостанавливать работу школ. Решение о закрытии школ местные власти должны принимать самостоятельно исходя из эпидемической ситуации.

13 марта в Германии было диагностировано 3 062 случая, что почти в три раза больше, чем на предыдущей неделе. Пятнадцать из 16 федеральных земель Германии объявили, что занятия начнутся на следующей неделе. Тем не менее, по состоянию на 14-е число людей с диагнозом коронавирусная пневмония в Германии достигло 4 500 человек, что составляет более 1 000 случаев в день [25]. В связи с быстрым развитием эпидемии все 16 штатов Германии объявили о приостановке занятий в школах и университетах. Столица Берлин закрывает общественные места, такие как таверны, бары, кинотеатры, музеи, клубы, общественные и частные спортивные сооружения. Приказ о закрытии всего Берлина, который первоначально должен был вступить в силу 17-го числа, также вступит в силу немедленно. Помимо Берлина, во многих городах Германии, включая Штутгарт, Нюрнберг, Карлсруэ, были введены аналогичные запреты. Крупные компании, в том числе Daimler, также позволяют сотрудникам работать из дома [7]. Хотя рестораны и супермаркеты все еще работают, введение вышеуказанного запрета привело к тому, что социальная жизнь в немецких городах постепенно оккупируется под воздействием эпидемии.

22 марта было сообщено, что число новых случаев коронавирусной инфекции в Германии превысило 33 900, а число смертей превысило 90. Премьер-министр Меркель также была изолирована дома из-за контакта с носителем коронавирусной инфекции. Германия выпустила судебный запрет, в котором говорится, что, за исключением членов семьи, собрания более двух человек запрещены [4].

Кроме того, запрет также включает необходимость соблюдения расстояния между людьми более 1,5 метра в общественных местах; запрет на проведение массовых собраний и мероприятий; закрытие ресторанов, парикмахерских и т.д. Магазины закрыты. В тоже время компании могут

продолжать работать, но должны обеспечивать строгое соблюдение правил гигиены. Эти запреты будут длиться не менее двух недель.

В телевизионном выступлении 22-го числа Меркель заявила: «Новый коронавирус (COVID-19) распространяется в нашей стране с тревожной скоростью ... В настоящее время наше поведение является наиболее эффективным «противоэпидемическим»: мы должны максимально сократить общественную жизнь и сократить контакты с людьми, которые могут распространять вирус. Короче говоря, именно так мы спасаем жизни». Она также сказала, что это не рекомендации правительства, а правила, которые необходимо четко соблюдать [13].

После осуществления жестких противоэпидемических мер, таких как «закрытие города» и социальный запрет на срок более месяца, давление общественного мнения в Германии возросло. 20-го был сделан первый шаг в снятии карантина, в результате чего вновь открылись магазины площадью до 800 кв. Канцлер Германии Ангела Меркель обратилась к общественности и правительствам штатов с призывом и впредь поддерживать высшую степень бдительности в отношении эпидемии. Она предупредила, что выход из режима самоизоляции должен происходить поэтапно, медленно и разумно, иначе, если произойдет новая вспышка эпидемии, повторное закрытие на карантин будет неизбежно [8].

ВОЗ. Согласно последним данным, опубликованным Всемирной организацией здравоохранения 27-го числа, число подтвержденных случаев новой инфекции увеличилось на 85 530 случаев до 2 878 196 по сравнению с предыдущим днем; смертность увеличилась на 4 982 случая [24]. В настоящее время эпидемия продолжает распространяться. Хотя число вновь подтвержденных случаев и смертей во многих странах сокращается, вирус все еще распространяется, и многие страны еще не достигли пика.

Генеральный директор ВОЗ Тан Десаи заявил 27 апреля: «Вторая волна эпидемии все еще будет зависеть от нас». Он отметил, что если страны предпримут соответствующие меры, повторной вспышки эпидемии можно будет избежать [56].

Медицинские эксперты ВОЗ предупреждают, что ослабление ограничений не означает отказ от ограничений, и мы должны уделять пристальное внимание развитию эпидемии, одновременно ослабляя контроль. До разработки вакцин и специальных препаратов общественность не должна ослаблять свою бдительность. Пандемия новой коронавирусной инфекции – это беспрецедентный глобальный кризис, который требует от всех стран совместной работы, единства и готовности к долгосрочной противоэпидемии. Правительства всех стран должны серьезно выполнять свои обязанности и прилагать все усилия для обеспечения здоровья и безопасности жизни людей [20].

Развитие и противодействие эпидемии в Китае и России. По состоянию на 27 апреля в Китае в совокупности было подтверждено 84 347 случаев, совокупная смерть составила 4 643 случая [11].

Самый первый случай обнаружения новой коронавирусной инфекции был обнаружен в Китае в середине декабря 2019 года. 30 декабря Уханьская муниципальная комиссия по здравоохранению выпустила «Чрезвычайное уведомление о том, как преуспеть в лечении необъяснимой пневмонии» [51]. 31-го числа Национальная комиссия здравоохранения Китая и Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний направили группу экспертов в Ухань для оказания помощи в проведении расследования, что позволило Китаю ответить на новый коронавирус (COVID-19).

3 января 2020 г. Китай уведомил ВОЗ о необъяснимой пневмонии. В то же время об этом также уведомили США и другие страны. 9 января Китай выделил вирус, определил новый коронавирус (COVID-19) в качестве основного патогена, вызывающего необъяснимую пневмонию, и поделился результатами с ВОЗ и соответствующими странами международного сообщества. 20 января ВОЗ отправилась в Ухань, чтобы провести инспекцию на месте. 22 января Национальная комиссия по здравоохранению получила в общей сложности 571 подтвержденный случай пневмонии с новой коронавирусной инфекцией в 25 провинциях (автономных районах и муниципалитетах) в Китае (444 случая в провинции Хубэй), в том числе 95 тяжелых случаев и 17 случаев смерти (все случаи смерти из провинции Хубэй). 23 января, после проверки соответствующими экспертами и подтверждения того, что новый коронавирус (COVID-19) чрезвычайно опасен и распространяется, китайское правительство решило незамедлительно «закрыть город» Ухань, как наиболее пострадавший. Метро, общественный транспорт, паром и междугородние пассажирские перевозки приостановлены в Ухане, а железнодорожный вокзал и аэропорт временно закрыты [15].

24 января Государственный совет сообщил местным органам власти, что они должны сделать все возможное, чтобы отреагировать на новую пневмонию, вызванную новым коронавирусом, в соответствии с «Законом о чрезвычайных ситуациях Китайской Народной Республики» и «Законом Китайской Народной Республики по профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями». В соответствии с новым вызовом некоторые города придется «закрыть на карантин», отменить публичные собрания и запретить людям собираться. Граждане обязуются мыть руки, носить маски, измерять температуру тела, поддерживать социальную дистанцию и проводить медицинские наблюдения на дому. В регионе было быстро сооружено большое количество инфекционных больниц [50].

26 января 2020 года Генеральная канцелярия Государственного совета выпустила «Уведомление о продлении праздничных каникул в связи с китайским Новым годом», продлевая праздничные нерабочие дни до 2 февраля 2020 года [9]. С тех пор, за исключением Тибета и Ганьсу, все регионы последовательно объявляют о продлении отпуска, продлевая дату с 2 по 9 февраля, чтобы удовлетворить 14-дневные потребности в изоляции.

Кроме того, в некоторых провинциях с высоким уровнем заражения также введена политика «запрета», аналогичная городу Ухань. 10 февраля Центральный Комитет партии и Государственный совет приняли решение полностью поддержать провинцию Хубэй в профилактике и лечении новой коронавирусной инфекции и решительно победили в профилактике и борьбе с эпидемией [36].

Благодаря большой работе и усилиям по предотвращению распространения эпидемии кумулятивное число подтвержденных случаев по всей стране возросло до 35 329 на 29 февраля (включая 7 365 тяжелых случаев) и в общей сложности 2 870 смертей. Однако тенденция роста уже резко упала. По состоянию на 9 апреля было зарегистрировано в общей сложности 81 907 подтвержденных случаев и в общей сложности 3 336 случаев смерти. После этого количество зараженных людей продолжало сокращаться. 27 апреля совокупное количество диагнозов увеличилось менее чем на 3 000 по сравнению с 9 апреля [58].

1 мая правительство Китая объявило, что во всех 31 провинциях отменены меры повышенного реагирования [23].

Кроме того, стоит отметить, что по состоянию на 16 апреля правительство Китая оказало или оказывает материальную помощь 127 странам и 4 международным организациям. Китай также пожертвовал ВОЗ 20 миллионов долларов США, направил в общей сложности 13 групп медицинских экспертов в 11 стран и провел более 70 видеоконференций с участием более 150 стран и международных организаций. Местные органы власти, предприятия и неправительственные организации Китая также предоставили медикаменты для более чем 100 стран и регионов и международных организаций [17].

28 апреля согласно сообщению правительства в России было диагностировано 93 558 новых случаев заболевания коронавирусом (COVID-19) [49].

11-16 марта число диагнозов в России быстро увеличилось с 28 до почти 100. 16 марта российское правительство решило ограничить полеты в и из стран ЕС. 17 марта на экстренном совещании по профилактике эпидемии российское федеральное правительство объявило: «С 18 марта по 1 мая 2020 года иностранным гражданам временно запрещен въезд» [41].

24 марта число новых случаев, диагностированных в России, достигло 495 [58]. Премьер-министр России Михаил Мишустин поручил Министерству юстиции России, Министерству внутренних дел и Министерству экономического развития составить план введения ограничительных норм для юридических и физических лиц. Каждый департамент должен представить план до 25 марта [12].

В соответствии с указаниями Михаила Мишустина председатель Госдумы РФ Вячеслав Володин, и председатель комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников подго-

товили законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, согласно которому нарушители карантина несут соответствующую уголовную ответственность.

25 марта президент Путин выступил с обращением к нации, в котором предложил использовать все ресурсы и возможности для борьбы с эпидемией, вызванной новым коронавирусом (COVID-19) [40], и отложил референдум по конституционным поправкам. В своем обращении президент отдельно отметил важность финансовой поддержки людей, ушедших на карантин, обеспечение стабильности рынка труда и недопущение безработицы. Государство поможет предприятиям решить эту проблему. 2 апреля в целях дальнейшего контроля над эпидемией Путин еще раз объявил, что «карантинный отпуск» будет продлен [21].

С 22 апреля 2020 года в Москве были приняты специальные меры для борьбы с распространением коронавируса. Предусмотрено, что при использовании личного и общественного транспорта в Москве требуется специальный пропуск (не относится к пешеходам и детям до 14 лет) [22].

Введены четыре типа специальных пропусков: работа, волонтеры, поездки в медицинские учреждения и другие пропуска в личных целях. В частности, рабочие пропуска выдаются один раз в месяц и действительны до конца месяца. Пропуск для поездки в медицинские учреждения и в личных целях получают в день поездки и действительны в течение одного дня. Пропуск для поездок в личных целях можно получить два раза в неделю, каждый действителен только один день [22].

28 апреля число диагностированных случаев за ночь увеличилось более чем на 6 000. Президент Путин объявил о продлении изоляции до 12 мая [39].

Объективно говоря, государственная система является фундаментальной гарантией процветания страны, долгосрочной стабильности и счастья людей. Как китайское, так и российское руководство имеют сильные мобилизационные и управленческие возможности. Как сообщает РИА Новости, мэр Москвы Сергей Собянин заявил в своем личном блоге, что по результатам скрининговых исследований количество людей, фактически зараженных новым коронавирусом (COVID-19) в Москве, составляет около 2% городских жителей. Он сказал, что это число является самым низким значением среди крупнейших городов мира, пострадавших от эпидемии. Сдерживание распространения эпидемии в основном достигается соблюдением москвичами дисциплины и мер самоизоляции.

Коронавирус и китайско-российское сотрудничество. В XXI веке Китай и Россия, как крупнейшие соседи мира, поддерживают хорошие отношения взаимной поддержки и сотрудничества на международной арене.

В конце января этого года Группа компаний «СПБ ТВ» передала Центральному радио и телевидению 50 000 медицинских масок для поддержки китайских журналистов, которые находятся на переднем крае борьбы

с эпидемией [16]. 5 февраля российская группа экспертов по профилактике эпидемий прибыла в Пекин в качестве первой и единственной группы иностранных экспертов, которая сотрудничает в области профилактики и борьбы с эпидемиями в Китае, и сотрудничает с Китаем в области профилактики эпидемий и разработки вакцин. 9 февраля Россия отправила в Ухань специальный самолет для доставки материалов гуманитарной помощи общим весом более 23 тонн [29]. Президент Си Цзиньпин отметил: «Россия поможет нам в самое трудное время для Китая в борьбе с эпидемией, и мы будем помнить об этом». Россия была одной из первых стран, которые помогли Китаю бороться с эпидемией. В то время как ситуация с эпидемией в стране находится под контролем, и ситуация улучшается, Китай начал оказывать России помощь в рамках своих возможностей [29]. В марте группа медицинских экспертов, направленная китайским правительством, активно работает в Москве, обмениваясь и распространяя противоэпидемический опыт с российской стороной, и активно помогает российской стороне в приобретении противоэпидемических медицинских материалов в Китае.

Кроме того, лидеры Китая и России также заявили, что обеим сторонам следует изучить новые и гибкие пути сотрудничества в контроле за эпидемической ситуацией для содействия постоянному развитию двустороннего сотрудничества. Согласно данным, опубликованным Главным таможенным управлением Китая, объем торговли между Китаем и Россией в первом квартале этого года составил 25,353 миллиарда долларов США, увеличившись на 3,4% в годовом исчислении. Китай и Россия поставили цель увеличить к 2024 году объем двусторонней торговли до 200 миллиардов долларов США [46]. Даже в то время, когда новая эпидемия коронавируса оказывает негативное влияние на международную торговлю, Китай и Россия все еще продвигаются к достижению вышеуказанных целей.

Но стоит отметить, что с момента начала вспышки западные страны издали множество стратегий по борьбе с распространением нового коронавируса (COVID-19). Воздействие этой политики не ограничивается здоровьем и безопасностью и экономикой страны, но и повлияет на развитие мировой экономики.

Кроме того, некоторые западные страны также пытались политизировать эпидемическую ситуацию и приписывать ее определенной стране или региону, препятствуя «противоэпидемическому» сотрудничеству стран всего мира. Кроме того, под маской прав человека в некоторых странах был нанесен удар по мерам профилактики и борьбе с эпидемией. Яо Ян, профессор Национального исследовательского института развития Пекинского университета, отметил: «В этой новой эпидемии, многие западные СМИ и политики не особенно дружелюбны по отношению к Китаю. Даже в определенной степени ситуация «новой холодной войны» фактически сложилась [38]. Причина этой ситуации. Как сказал госсекретарь США Помпео

в своем выступлении 15 апреля 2019 года: «Мы лжем, мы обманываем, мы крадем ... Это слава Соединенных Штатов». В связи с этим президент России Путин отметил: «Некоторые пытаются дискредитировать Китай, называя его источником вируса, это недопустимо» [45].

Уже в XVII веке такие ученые, как Томас Гоббс, Бенедиктин Спиноза и Фрэнсис Бэкон в своих работах говорили о таком состоянии государства, при котором нет центральной власти или фиксированного порядка. В этом мире люди одиноки, эгоистичны и даже дики. Они сосредоточены на «самосохранении» и личных интересах, движимы эмоциями и живут в постоянном беспокойстве по поводу собственной безопасности. На международный уровень выдвигается отсутствие международного авторитета и беспорядок в отношениях между странами. Каждая страна, организация или политик может стать «варварским», «иррациональным» и «эгоистичным» человеком. Нынешнее международное сообщество очень похоже на то «естественное государство».

В настоящее время страны пытаются нанести ущерб интересам мира в целях самосохранения. Объективно говоря, эти действия являются не чем иным, как подтверждением реальности упомянутого выше «естественного состояния». Его основная цель – «самосохранение», «индивидуальные интересы» и «кризис передачи власти».

Еще в XVII веке Гуго Гроций, отец международного права, указал в своей работе «О праве войны и мира», что источником силы «международного права» является «согласие нескольких национальностей». Конечная цель соглашения – поддерживать справедливость, стремиться к миру и сокращать войну. С этой точки зрения практика этих стран и политиков не имеет ничего общего с законами страны.

Тем не менее, подводя итог, можно отметить, что простое цитирование публичного международного права и использование фактов может не сработать на практике. Международный порядок и справедливость по-прежнему необходимо поддерживать вместе. Поэтому Китай и Россия должны и дальше укреплять сотрудничество и стремиться развиваться одновременно на «нескольких фронтах», как с точки зрения медицинского сотрудничества, так и с позиции политической поддержки, и экономического развития. Работать вместе для поддержания глобального экономического порядка и справедливости. Объективно говоря, в этот особый период опыт Китая и России в развитии международного сотрудничества в борьбе с эпидемическими заболеваниями послужил важным ориентиром для стран и привнес позитивную энергию в глобальное сотрудничество в борьбе с эпидемическими заболеваниями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Американские эксперты: число смертей в США от новой пневмококковой пневмонии, возможно, превысило 100 000 // Китайская молодежная сеть. 01.05.2020 г.

2. Беспрецедентный британский ресторан и гостиница закрыты, государство платит // Сина Финанс // <https://news.sina.cn/global/szcx/2020-03-21/detail-iimxuwqwa2277292.d.html>.

3. Более 158 000 случаев были диагностированы в Германии // Зарубежная сеть. 28 апреля 2020 г. // <https://news.sina.com.cn/w/2020-04-28/doc-iircuuyi0210348.shtml>.

4. Более 330 000 подтвержденных случаев по всему миру: изоляция премьер-министра Германии дома // China News Network. 23 марта 2020 г. // <http://www.chinanews.com/gj/2020/03-23/9134257.shtml>.

5. Британская «групповая иммунизация» вызывает споры! Более 200 ученых совместно выступили против // Новости финансов. 15.03.2020 г.

6. ВОЗ – во всем мире было диагностировано более 3 миллионов новых случаев коронавируса // Агентство Синьхуа // https://www.sohu.com/a/392162699_267106.

7. Германия: приостановка занятий во всех 16 штатах, запрещающая деятельность до 50 человек // Новости Китая // <https://health.huanqiu.com/article/3xQcBj4fVUn>.

8. Германия начинает частично снимать ограничения // Sing Tao Global Network. 21.04.2020 г. // <http://oversea.stnn.cc/Euro/2020/0421/739030.shtml>.

9. Главное управление Госсовета издало «Уведомление о продлении праздников Весеннего фестиваля 2020 года» от 26 января 2020 г.

10. Губернатор США пожаловался Трампу: противоэпидемические материалы были куплены федеральным правительством // Новости Феникса // <https://news.ifeng.com/c/7uzUGqxYTIG>.

11. Динамика нового коронавируса в реальном времени // Sina News. 27 апреля 2020 г. // https://news.sina.cn/zt_d/yiqing0121.

12. До семи лет лишения свободы: российский закон направлен на суровое наказание тех, кто нарушает самоизоляцию // Sohu Новости // https://www.sohu.com/a/382991787_120058819.

13. Иностранные СМИ одобряют запрет на проведение массовых мероприятий в Германии // Sina News // <http://news.sina.com.cn/w/2020-03-23/doc-iimxuwqwa2698281.shtml>.

14. Какова международная роль? Общественное мнение одобряет приостановление Трампом финансирования ВОЗ // CCTV News Client. 17.04.2020 г.

15. Китай объявляет основные факты в борьбе с новой эпидемией коронавируса // Агентство Синьхуа. 06 апреля 2020 года.

16. Китай и Россия работают вместе в борьбе с эпидемией // Российско-китайское обозрение // https://www.sohu.com/a/388832286_115239.

17. Китайское правительство оказывает материальную помощь 127 странам и 4 международным организациям // Министерство иностранных дел. 10.04.2020 г.

18. Меры по профилактике и борьбе с эпидемией в Великобритании: закрытие школ, выплата заработной платы, комплексная медицинская помощь // Новости Tencent. 24.03.2020 г. // <https://xw.qq.com/cmsid/20200324A0HRLQ00>.

19. «Трансформация взглядов» Д. Трампа: от «вирус волшебным образом исчезнет» до «я знал, что новый вирус станет пандемией» // Новости Феникса. 19 марта 2020 г. // <https://news.ifeng.com/c/7uxoczyqgUK>.

20. Мировые лидеры объединяют усилия в интересах обеспечения всеобщего и повсеместного доступа к новым вакцинам, средствам диагностики и лечения для борьбы с COVID-19 // Выпуск новостей Женева. 24 апреля 2020 г. // <https://www.who.int/ru/news-room/detail/24-04-2020-global-leaders-unite-to-ensure-everyone-everywhere-can-access-new-vaccines-tests-and-treatments-for-covid-19>.

21. Обращение президента РФ Владимира Путина. 08.04.2020 г. // <https://sopropa.ru/obrashhenie-prezidenta-rf-vladimira-putina-08-04-2020.html>.

22. Официальный сайт мэра Москвы // <https://mos.ru>.

23. Официальный сайт правительства Китая // <http://www.gov.cn>.

24. Официальный сайт ВОЗ // <https://www.who.int/ru>.

25. Официальный сайт Министерства здравоохранения Германии // <https://www.bundesgesundheitsministerium.de/>.

26. Официальный сайт Министерства внутренних дел Франции // <https://www.interieur.gouv.fr>.

27. Официальный сайт правительства Франции // <https://www.gouvernement.fr>.

28. Официальный сайт Министерства здравоохранения Франции // <https://solidarites-sante.gouv.fr>.

29. Правительство Российской Федерации доставило 23 тонны медикаментов в Ухань // Министерство иностранных дел // https://www.sohu.com/a/371899556_162522.

30. Президент Франции Макрон: «Продление ограничений до 11 мая. Граница со странами, не входящими в ЕС, будет по-прежнему закрыта» // CCTV News. 14.04.2020 г.

31. Премьер-министр Великобритании: Соединенное Королевство в настоящий момент подвергается наибольшему риску вспышки коронавирусной инфекции // Агентство Китайских новостей // https://www.sohu.com/a/391722137_123753.

32. Премьер-министр Великобритании: Показатель R заражения составляет менее 1. Пик эпидемии в Великобритании пройден // Новостной клиент CCTV. 01.05.2020 г.

33. Премьер-министр Великобритании: Соединенное Королевство в настоящий момент подвергается наибольшему риску новой вспышки коронавируса // China News Network. 28.04.2020 г. // <http://news.cctv.com/2020/04/28/ARTIPK8lhXwVPgmhFESKGQzt200428.shtm>.

34. Премьер-министр РФ Михаил Мишустин заразился коронавирусом // 30 апреля 2020 года // <https://gomel.today/rus/news/world-8021>.

35. Правила пропускного режима вводятся в Москве // https://www.1tv.ru/news/2020-04-18/384218-novye_pravila_propusknogo_rezhima_s_22_aprelya_vvodyatsya_v_moskovskom_regone.

36. «Приложите все усилия для помощи 19 провинциям» // Economic Daily. 15 февраля 2020 г. // <http://news.cctv.com/2020/02/15/ARTIDVo1j19XWS7po5paD2wf200215.shtml>.

37. Противоэпидемия в США, закрытие городов // Феникс Финанс // <https://finance.ifeng.com/c/7uzxTwfkmZe>.

38. Профессор Пекинского Университета: «Новая холодная война» // Lookout Think Tank. 27.04.2020 г.

39. Путин объявил о продлении нерабочей недели в России до 30 апреля // Interfax // <https://www.interfax.ru/russia/702183>.

40. Путин выступил с обращением к россиянам из-за коронавируса // РИА Новости. 25 марта 2020 г. // <https://ria.ru/20200325/1569140258.html>.

41. Россия ограничивает авиасообщение со странами ЕС с 16 марта 2020 года // Новости. Общество. 13.03.2020 г. // <https://citytraffic.ru/2020/03/13/1>.

42. СМИ США: Трамп игнорирует многочисленные предупреждения спецслужб о вспышке новой коронавирусной эпидемии // Новости Китая // http://news.china.com.cn/2020-04/29/content_75990275.htm.

43. Соединенное Королевство не осуществляет строгой профилактики и контроля. Швеция больше не считает количество диагнозов, ВОЗ: не сдавайся // Новости Netease. 14.03.2020 г.

44. Самоизоляция вызвала сопротивление в Германии // <https://de.hujiang.com/new/p1301399/>.

45. Ставить Китай в качестве источника вируса – недопустимо, заявил В. Путин // Новости Shanguan. 17 апреля 2020 года // <https://www.jfdaily.com/wx/detail.do?id=238162>.

46. Статистика таможенного взаимодействия Китая и России в первом квартале // Главное таможенное управление // <http://search.customs.gov.cn/search/pcRender?pageId=f5261418ddc74f03b27e3590c531102b>.

47. Технические запасы в США растут, рыночная стоимость Tesla возвращается к 100 миллиардам // China Securities Journal. 07 апреля 2020 г. // <http://finance.ifeng.com/c/7vUBgcxUxM6>.

48. Трамп предлагает трехэтапное снятие ограничений // Сина Финанс.

49. Тысячи за сутки: COVID-19 продолжает охватывать Россию // <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065403.shtml?updated>.

50. Уведомление правительства провинции Гуандун о возобновлении предпринимательской деятельности и времени открытия школ // Народное правительство провинции Гуандун. 28.01.2020 г.

51. Ухань находит неизвестную причину пневмонии // CCTV News Client. 31 декабря 2019 г. // <http://www.chinanews.com/sh/2019/12-31/9047818.shtml>.

52. Французский эксперт: «Карантин» позволяет избежать более 60 000 смертей от новой коронавирусной инфекции // ССТВ. 23 апреля 2020 года.

53. ФРС печатает деньги // Соху Финанс // https://www.sohu.com/a/391714027_104543.

54. Число первичных обращений за пособием по безработице в США выросло на 6,6 миллиона // Глобальная сеть Форекс. 09.04.2020 г. // <http://forex.hexun.com/2020-04-09/200960884.html>.

55. Штат Нью-Йорк создает «зону контроля» для борьбы с новой эпидемии коронавируса // China News Net // http://news.youth.cn/gj/202003/t20200311_12233314.htm.

56. Эпидемия новой коронавирусной инфекции развивается во всем мире. Придет ли вторая волна эпидемии? // Газета Синьхуа. 28.04.2020 г.

57. Ян Лин: «Китайский экономический еженедельник». 19 апреля 2020 г. // <http://finance.sina.com.cn/wm/2020-04-19/doc-iircuyvh8674014.shtml>.

58. Baidu облачные данные, мировая эпидемиологическая статистика // https://www.360kuai.com/mob/subject/400?sign=360_6aa05217&stab=2.

59. Global Anti-epidemic Upgrade San Francisco Announces Closure // 21st Century Business Herald. March 17, 2020 // <https://finance.sina.cn/china/gj/gjcj/2020-03-18/detail-iimxyqwa1182817.d.html>.

60. 427 новых случаев смерти во Франции // Китайская молодежная сеть. 30.04.2020 г. // <http://www.gxnews.com.cn/staticpages/20200430/newgx-5eaa26c4-19495533.shtml>.

61. 427 миллиона человек впервые на прошлой неделе обратились за пособиями по безработице в США // Surging News G4. 23 апреля 2020 г.

HAO LONG

*Candidate of Sciences (political sciences),
working for a Doctorate Degree at the School
of International Affairs, Peking University,
Beijing, China*

THE WORLD IN THE FIGHT AGAINST THE NEW CORONAVIRUS EPIDEMIC (COVID-19): VIEWS OF CHINESE AND RUSSIAN SCIENTISTS

A new coronavirus (COVID-19) epidemic is spreading around the world and has become a common enemy. Currently, the vast majority of countries have made fighting the epidemic their top priority. However, it should be noted that the epidemic situation in most countries has not yet reached the “highest peak,” and it is not yet known when it will be possible to control the spread of the new coronavirus (COVID-19). However, historically, large epidemics have often caused changes in the world landscape and have a lot of uncertain risks. This time, the background of the new coronavirus outbreak is special. The world faces serious challenges, such as resistance to economic globalization.

Key words: *coronavirus, outbreak, China, Russia.*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Статья посвящена исследованиям развития многопартийности в Узбекистане. Проанализирован первый этап на пути становления общества с широким участием масс в принятии политических решений. Автор подчеркивает необходимость существования различных политических партий, которые должны представлять интересы и запросы общественности. Основная цель статьи выявить особенности формирования многопартийности, одного из основных конституционных принципов организации политической жизни в демократическом государстве, наиболее распространенным принципом политического и идеологического плюрализма.

Ключевые слова: *многопартийность, парламент, Узбекистан, президент, законодательная власть, разделение властей, двухпалатный парламент.*

За годы независимости Узбекистан формировался и действовал на основе открытых и свободных выборов, следуя демократическим принципам парламента, на основе многопартийной системы. За годы независимости был накоплен необходимый опыт, благодаря которому теперь можно проанализировать достоинства и недостатки результатов работы двухпалатного парламента. Постоянная борьба между партиями – идеологическая и программная, постепенно проявляется в повседневной деятельности парламента, в ходе которой каждая партия стремится достичь своих целей. Следует отметить, что на этом пути возникают трудности и допускаются ошибки, поэтому президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев 13 июля 2017 года выступил с таким заявлением: «... успех наших реформ зависит, прежде всего, от зрелости политических партий и их готовности взять на себя ответственность за свою родину» [13].

Степень, в которой идеи, программные цели или позиции политических партий в обществе, интересы отдельных социальных групп реализуются

в жизни, часто определяется интенсивностью конкуренции между их парламентскими фракциями, что в результате оказывает положительное влияние на качество законов. Это показывает, что роль парламента можно объяснить степенью его вовлеченности в процессы, происходящие в нашей стране. В настоящее время сама жизнь ставит условие реализации выполнения единого требования для каждой стороны – хорошо продуманного, включая альтернативные, конкурентоспособные проекты и программы [15. С. 68].

Полная реализация критериев законности в обществе требует отражения и постоянного укрепления государства. Основными направлениями реформ в Узбекистане являются реализация принципа разделения властей, развитие парламента в политической системе общества, повышение роли партий.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2; 3. С. 52-60; 4. С. 914-921; 5; 6].

Однако проблему многопартийности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В этом отношении позитивные результаты достигаются во всех сферах нашего общества, основываясь на идее «От сильного государства к сильному гражданскому обществу». Выступление первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании палат Олий Мажлиса в январе 2005 года было посвящено наиболее важным вопросам социально-экономической жизни страны, в том числе разделению власти. Формирование законодательной палаты на основе многопартийного, альтернативного законодательства является ярким воплощением демократии и свидетельствует о растущей социальной и политической активности наших граждан, их стремлении к самоопределению, а также об их участии в государственных делах.

Политические партии – независимые объединения со стабильной структурой и постоянным характером развития, который выражает политическую волю своих членов и сторонников, определяет политическую ориентацию государства, формирует государственные органы, а также осуществляет в некоторой степени власть. Различные определения партии можно найти в законах ряда стран, следует отметить, что они могут значительно отличаться от местных политических и правовых традиций.

Многопартийность является одним из основных конституционных принципов организации политической жизни в демократическом государстве, наиболее распространенным принципом политического и идеологического плюрализма. Принцип многопартийной легитимности означает, что государство признает и гарантирует право граждан вступать в политические партии в соответствии с их взглядами, также гарантирует их равенство перед законом, свободу деятельности. Принцип многопартийности не ис-

ключает правового запрета или роспуска той или иной партии. В частности это касается тех, чья основная риторика направлена на разжигание национальной, расовой, религиозной или социальной нетерпимостей, призывает к свержению законных государственных органов или нарушению действующего законодательства [7. С. 6-7].

Политическая партия – это политическая организация, которая представляет интересы определенных социальных групп и объединяет их наиболее активных представителей. В демократическом обществе политические партии являются важной составляющей политической системы общества, они непосредственно участвуют в определении приоритетов государственной деятельности и формировании представительных и исполнительных органов власти.

Многопартийность необходима, в первую очередь, для того, чтобы полностью отражать цели всех существующих в государстве социальных групп, стимулировать народные массы к активному политическому участию с целью привлечения внимания государственных деятелей к проблемам и запросам, которые больше всего тревожат общественность [7. С. 9].

Потребности, связанные с сознательным и активным участием людей в управлении государством и обществом, в свою очередь способствуют формированию политических и правовых интересов в его слоях. «Политико-правовые интересы» основываются на трех столпах – «политика», «право» и «интересы». Суть их состоит в деятельности, которая, с точки зрения определенных социальных субъектов, проявляется в рациональной организации общественной жизни, государственного управления через политические и правовые механизмы [12. С. 121-122]. Политические партии являются одним из этих механизмов и, в целом, четким выражением идеи парламентаризма.

Роль политических партий в формировании законодательных и представительных органов власти в нашей стране возрастает. В то же время на них возложена огромная ответственность за соблюдение избирательного законодательства при подготовке и проведении выборов. Например, статья 9 Закона «О статусе депутата Законодательной палаты и члена Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан» гласит: на сегодняшний день в Узбекистане создан правовой статус политических партий как государственного института. В целом законодательство Узбекистана обеспечивает правовую основу для деятельности политических партий, действующих на демократических началах.

Демократические принципы Конституции Узбекистана, а также правовые и политические реформы дали возможность для создания в стране новых партий. 18 февраля 1995 года была создана Социал-демократическая партия Узбекистана «Адолат», 3 июня 1995 года Демократическая партия Узбекистана «Миллий тикланиш», а 28 декабря 1998 года – Национально-

демократическая партия «Фидокорлар». 15 ноября 2003 года в политической системе Узбекистана была создана другая политическая партия – Либерально-демократическая партия Узбекистана. Закон о политических партиях, принятый Олий Мажлисом (парламентом) 25 декабря 1996 года [14], сыграл важную роль в создании многопартийной системы в Узбекистане. 8 января 2019 года была создана Экологическая партия Узбекистана.

«Демократия и социальная система должны интегрировать и гармонизировать плюрализм общественных интересов. Для этого на основе имеющегося опыта используются социально-психологические, социально-правовые и организационные механизмы. Но отмечается, что эти механизмы имеют тенденцию терять свой демократический характер по мере того, как они отходят от личности и социальной группы, то есть по мере того, как они приближаются к социальному институту и социальной системе» [12. С. 121-122]. С этой точки зрения задача либерализации политической сферы общества в стране в начале XXI века и дальнейшая демократизация многопартийности в обществе является важным аспектом политических реформ. Согласно статье 5 Закона «О политических партиях», «государство гарантирует защиту прав и законных интересов политических партий и предоставляет им равные юридические возможности для достижения их целей и задач. Кроме того, впервые в политической жизни статья 12 того же закона прямо и четко устанавливает права политических партий: Политические партии имеют следующие права:

- свободно распространять информацию о своей деятельности, пропагандировать свои идеи, цели и решения;
- участвовать в подготовке соответствующих решений через своих представителей в выборных государственных органах;
- участвовать в выборах Президента Республики Узбекистан, органов государственной власти в порядке, установленном законом;
- проводить встречи, конференции и другие мероприятия, связанные с деятельностью партии;
- создавать средства массовой информации и использовать другие средства массовой информации в порядке, предусмотренном законодательством;
- создавать союзы с политическими партиями Республики Узбекистан, устанавливать договорные отношения с ними и другими общественными объединениями [14].

Одной из важнейших особенностей гражданского общества является создание правовой основы для свободного выражения различных взглядов в политических институтах и политических процессах, а также воспитание лиц, способных к плюралистическому мышлению. С этой целью статья 13 закона «О политических партиях» устанавливает правовые рамки для свободного функционирования партийных фракций в Олий Мажлисе и их вклада в политическое развитие общества в соответствии с нормами современных государств» [10. С. 74].

Закон также предусматривает правовые рамки, необходимые для функционирования политических партий на демократических началах.

В частности, закон предусматривает создание политических партий, принципы их функционирования, членство в партиях, гарантии деятельности политических партий, уставы, регистрацию и весь правовой статус отношений собственности сторон. В соответствии с этим законом политические партии имеют право на свободу деятельности по обеспечению демократической воли граждан, юридическому равенству партий, а также их ответственности перед обществом.

Одна из основных причин возникновения политических партий в развитых странах и их значение в поддержании отношений между государством и обществом объясняется их ролью в формировании государственной власти. В истории человечества не было изобретено ни одного инструмента для формирования справедливой политической партии [8. С. 35]. Гражданское общество и практика построения правового государства показывают, что только политическая элита, сформированная политическими партиями, способна действовать в интересах как государства, так и общества.

Хорошо известно, что источником репутации политической партии как является деятельность самой партии и ее членов. Фактор активизации членов партии измеряется тем, что интересы рядовых членов учитываются в практической деятельности партии и ее программных документах. Одна из основных функций сторон – не только представлять интересы своих членов и социальных групп, но и помогать им в достижении их собственных интересов [1. С. 30-36].

Никто не сможет самостоятельно сформировать политические интересы. Это требует постоянного общения между индивидами и партиями, участия разных людей в общественных организациях и создания социальных и политических пространств для личной деятельности. Для того, чтобы каждый человек мог участвовать в деятельности партийных организаций, необходимо сформировать в этих организациях дух доверия, выражать их интересы и реализовывать их. Другими словами, каждая партия может привлекать внимание избирателей благодаря широкому и последовательному продвижению программных целей, соответствующих интересам и чаяниям избирателей.

Реализация «Концепции дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране», разработанная Первым Президентом Республики Узбекистан И.А. Каримовым, знаменует собой начало нового этапа в построении гражданского общества в стране. В результате реализации концепции демократизации и совершенствования законодательной базы для повышения роли политических партий правительство сможет осуществлять свое управление на основе воли народа. Необходимое требование того, что «кандидат в премьер-министры Республики Узбекистан должен выдвигаться политической партией, получившей

наибольшее количество мест на выборах в законодательную палату Олий Мажлиса» [9. С. 12] способствует резкому увеличению роли партий в формировании государственной власти.

Предвыборные кампании политических партий в парламенте, в местных органах власти и органах самоуправления должны быть сосредоточены не только в реализации программных целей, но и в решении вопросов, волнующих общество (политических настроениях и проблемах, касающихся электората). Только тогда возрастет роль политических партий в создании основы политической воли населения. Для достижения высокого уровня доверия требуется постоянно проводить исследования, тщательно планировать программы политических партий и формировать долгосрочные стратегии. Это, в свою очередь, означает, что депутаты законодательной палаты и местных советов должны обладать чувством ответственности и выполнять свои обязательства на необходимом уровне. Невозможно представить развитие общества без политических дебатов и политического плюрализма. Возможность принятия «вотума недоверия премьер-министру» [9. С. 12], также обеспечивает социальную и политическую стабильность в стране. Вотум недоверия премьер-министру – это не событие, которое проводится непосредственно депутатами, избранными от политических партий, скорее посредством процесса влияния избирателей на политические партии и партийные фракции.

В то же время в Концепции предусмотрено, что новый кандидат в премьер-министры будет предложен Президентом Республики Узбекистан для рассмотрения и утверждения Палатами Олий Мажлиса после консультаций со всеми фракциями политических партий в Законодательной палате Олий Мажлиса. Другими словами, члены партийных фракций участвуют в формировании правительства в качестве депутатов.

В то же время статья 32 Конституции Республики Узбекистан гласит, что такое участие осуществляется посредством самоуправления, референдумов и демократического формирования государственных органов [11. С. 8]. Слово «демократическая организация государственных органов» в настоящем конституционном положении означает прямые выборы государственных органов населением.

Безусловно, за годы двухпалатного парламента страна многого достигла в области законотворчества, приобрела необходимый и важный опыт, но сейчас настало время глобализации и интенсификации, когда все аспекты общественной жизни постоянно меняются. Это, в свою очередь, требует достижения нового уровня в сфере законодательных обязанностей правомочий.

Взгляды Президента Шавката Мирзиёева на законотворчество особенно важны. В частности, «сегодня деятельность фракций политических партий и депутатов по законодательной инициативе неадекватна. Например, в 2015-2017 годах наш парламент принял 55 законов, но фракции не приня-

ли никаких законов. Совсем нет! Разве это не оценка текущей деятельности политических партий? Или из 46 законопроектов, внесенных в 2017 году, только 9 были инициированы депутатами» [13].

По сути, инициатива по разработке новых законов является одной из основных задач депутатов. Представители политических партий должны регулярно продвигать инициативы по разработке законопроектов, основанные на требованиях времени, условиях общества и основных потребностях населения.

Из роли институтов гражданского общества в развитии парламентаризма можно сделать следующие выводы:

- во-первых, развитие парламентаризма создает здоровую политическую конкуренцию между политическими партиями. Это формирует в нашем обществе такую систему при которой наиболее важную роль приобретают свобода слова, честное голосование, доступ к общественному мнению, интеграция общественных интересов и конкуренция политических сил на свободных и демократических выборах;

- во-вторых, наиболее важным показателем эффективности парламентаризма является создание реальных условий и правовых рамок для обеспечения избирательных прав людей, права на свободу выражения мнений, воли и осуществления их интересов;

- в-третьих, политические партии являются основной политической силой, которая затрагивает общество. Пока политические партии не действуют, ни в одной стране не существует правил демократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Керимов А.А. Современный парламентаризм: особенности и проблемы развития // Политические институты. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11.

2. Крылова М.А. Модель оценки влияния PR-технологического инструментария избирательной кампании политической партии // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50).

3. Медведев Н.П. Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 4 (35).

4. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Орел Н.А. Рецензия на статью Е.Е. Нечай, Д.Д. Прокопчука, Р.А. Гриценко «Институционализация политических партий: мировой опыт» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 6 (45).

5. Отабоев А. Эволюция научных взглядов по вопросу об обществе и политических институтах // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50).

6. Прокопчук Д.Д., Гриценко Р.А., Дельгадо А.А. Политические партии и партийные системы: анализ категорий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

7. Беков И., Ҳамидова К. Сайлов ва сиесий партиялар. Тошкент: Ўзбекистон, 2009.

8. Жумаев Р.З. Давлат ва жамият: демократлаштириш йўлида. Т.: Шарқ, 1998.

9. Каримов И.А. Мамлакатимизда демократик ислохотларни янада чуқурлаштириш ва фуқаролик жамиятини ривожлантириш концепцияси. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Қонунчилик палатаси ва Сенатининг қўшма мажлисидаги маъруза. 2010й 12 ноябрь. Тошкент: Ўзбекистон, 2010.

10. Қирғизбоев М. Партология курсидан ўқув қўлланма. Т.: 2006.

11. Конституция Республика Узбекистан. Т.: Узбекистан, 2013.

12. Мамадалиев Ш.О. Халқ ҳокимияти: назария ва амалиёт. Тошкент: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2003.

13. Мирзиеев Ш.М. Парламентимиз ҳақиқий демократия мактабига айланиши, ислохотларнинг ташаббускори ва асосий ижрочиси бўлиши керак. Президент Шавкат Мирзиеевнинг Олий Мажлис палаталари, сиесий партиялар ҳамда Ўзбекистон Экологик ҳаракати вакиллари билан видеоселектор йиғилишидаги маърузаси // Халқ сўзи. 2017 йил 13 июль.

14. Сиесий партиялар тўғрисида. Ўзбекистон Республикасининг Қонуни // Олий Мажлис Ахборотномаси, 1997-й., 2-сон, 36-модда; Халқ сўзи, 1997й., 4 (1521)-сон.

15. Шодмонов А. Ўзбекистонда фуқаролик жамиятининг ривожланиши. Тошкент-Ўзбекистон, 2011.

B.A. DZHAMIYEV

*Senior teacher of the Chair of social sciences,
Institute of retraining and advanced training
of managers and specialists of preschool
educational institutions,
Republic of Uzbekistan, Tashkent*

FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF MULTIPARTY SYSTEM IN UZBEKISTAN

The article is focused on studies of the development of a multi-party system in Uzbekistan. It was analyzed the first stage on the path to the formation of a society with the broad participation of the masses in political decision-making. The author emphasizes the need for the existence of various political parties, which should represent the interests and demands of the public. The main goal of the article is to identify the features of the formation of a multi-party system, one of the basic constitutional principles of the organization of political life in a democratic state, the most common principle of political and ideological pluralism.

Key words: *multi-party system, parliament, Uzbekistan, president, legislative branch, separation of powers, bicameral parliament.*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ИСЛАМСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

Несмотря на то что проблема экстремизма является актуальной для нашей страны уже много десятилетий, в правовом поле отсутствовало четкое определение этого понятия. В политологической, исторической и социологической литературе такие понятия, как «экстремизм», «радикализм», «фундаментализм», «ваххабизм» и «терроризм» использовались как синонимы. Однако автору этой статьи представляется это некорректным, поскольку в эти понятия не вкладывается полностью идентичный смысл. В связи с этим, мы считаем необходимым остановиться на этой проблеме более подробно. Кроме того, автор ставит перед собой задачу проанализировать нормативную-правовую базу РФ, чтобы в одном месте собрать основные принципы и подходы, которые используются органами исполнительной и судебной власти при противодействии этой проблеме.

Ключевые слова: экстремизм, федеральный закон, радикализм, терроризм.

Процессы, происходящие сегодня в ближневосточном регионе, имеют влияние на всю мировую политику. Их отголоски слышны на всех континентах. Одним из государств, чьи интересы непосредственно затрагивает политическая обстановка на Ближнем востоке, является Россия. Сегодня все мировые СМИ освещают деятельность так называемых радикальных группировок. При этом зачастую даже в экспертных кругах происходит подмена понятий: фундаменталистов называют ваххабитами, террористами и т.д. Однако такое пренебрежение понятийно-категориальным аппаратом нам представляется неоправданным.

Следует подчеркнуть и то, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 3; 4; 5; 7; 8. С. 188-195; 13].

Однако проблему борьбы с экстремизмом нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Фундаментализм изначально обозначалось консервативное течение в протестантизме, которое утверждало, что в качестве безусловного *фундамента* веры может быть принято только Священное Писание, а его рациональное толкование невозможно. Таким образом, протестанты также отстаивали неограниченную возможность человека для свободного (буржуазного) предпринимательства. Именно под этим значением этот термин был внесен в Оксфордский словарь английского языка [14. Р. 6]. Как мы видим, непосредственной связи с теми разрушительными действиями, которыми известны ал-Каида и ИГ у слова «фундаментализм» нет. Единственное, что их объединяет, – это консервативность в религиозных взглядах.

Ваххабизм – это консервативное течение в суннитском исламе, появившееся на Аравийском полуострове в XVIII веке и получившее свое название от имени своего основателя – Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба (1703-1792). Он вступил в политический союз с предводителем одного из бедуинских племен – Абд ал-Азизом ибн Саудом, результатом чего стало объединение разрозненных частей Аравийского полуострова в одно государство – Королевство Саудовская Аравия. Ибн Сауд стал королем (его клан до сих пор является правящей элитой КСА), а учение Абд ал-Ваххаба – центральной идеологией молодого государства [9. С. 498-499].

Абд ал-Ваххаб полагал, что праведный ислам – это ислам времен Пророка Мухаммада и первых трех праведных халифов. Такие жесткие временные рамки связаны в том, что период между правлениями третьего и четвертого праведного халифов характеризовался расколом в исламе, что, с точки зрения ал-Ваххаба, говорит о невозможности для четвертого халифа занимать трон. Безусловно, такой жесткий подход к определению периода расцвета мусульманской религии стал причиной осуждений, которые сыпались на ал-Ваххаба со стороны современных ему мусульманских мыслителей Египта, Сирии и т.д. Кроме того, он отрицал все остальные новшества, которые были привнесены в эту религию, считая их ересью (определенный культ святых, который тогда уже сформировался в исламе, возможность толкования Корана и Сунны разумом человека, наличие какого-либо посредника между Богом и человеком). Ваххабизм подвергался критике за излишнюю строгость, негибкость, не дипломатичность, не традиционную трактовку некоторых догматов ислама.

В XIX веке в самой Саудовской Аравии вспыхнули волнения и противостояния между радикальными ваххабитами и сторонниками гармоничного и комплексного развития страны. Как известно, любой раскол в исламе всегда носит только политический характер. Эти восстания не стали исключением. Их причиной стал дележ сфер влияния на внутривосточной арене,

что привело к их противостоянию со светской (королевской властью). Хотя мы понимаем, что понятие светскости в исламе носит весьма условный характер и зачастую не затрагивает сферу политики в принципе [12. С. 599-607]. Это привело к тому, что крупные ваххабитские восстания в Мекке и Медине были разгромлены, а их лидеры казнены. С тех пор сами саудиты не любят называть свое понимание ислама ваххабитским – они обычно говорят, что являются суннитами, но придерживаются очень малочисленного ханбалитского мазхаба (1). По их мнению, с ваххабизмом в КСА было покончено в 30-х годах XIX века.

Из приведенного нами небольшого анализа видно, что прямой связи между ваххабизмом и экстремизмом нет. Их немного сближает друг с другом методика претворения своих планов в жизнь, однако тут тоже возникает вопрос: насколько корректно сравнивать деятельность, например, ИГ по отношению к суверенным государствам и деятельность ваххабитов, которая изначально была направлена на создание мощного государства. С таким же успехом экстремистами можно назвать Мартина Лютера и его сторонников.

Анализируя значение термина «**радикализм**» можно прийти к следующим выводам. Изначально этот термин обозначает бескомпромиссную приверженность каким-либо идеалам и концепциям. Зачастую приверженцы радикальных позиций стремятся коренным образом изменить существующее положение вещей в обществе. Хотя исследователи отмечают, что с тем же успехом в обществе может существовать и радикальный консерватизм [2. С. 73-75]. Таким образом, мы приходим к выводу, что радикализм – это наиболее общее обозначение какой-либо деятельности или системы взглядов, направленных на резкое изменение социального порядка. Почему радикалов нельзя называть радикальными консерваторами? Дело в том, что консерватизм сам по себе направлен только на сохранение текущего состояния дел с опорой на традицию и, зачастую, религию. А понятие радикализма шире: оно охватывает и реакционеров, и консерваторов и сторонников революционного способа изменения социального и политического порядка в государстве.

В термин «**терроризм**» в современном российском законодательстве (Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года) вкладывают следующее значение: «идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с силовым воздействием, устрашением мирного населения и/или иными формами противоправных насильственных действий» [10].

Вывод напрашивается сам собой: терроризм – это один из методов претворения экстремизма (радикализма) в жизнь. То есть терроризм – это один **методов** (путей, способов) претворения идеологии экстремизма (в данном

случае можно использовать и термин «радикализм») в жизнь. Поэтому терроризм, являясь частным проявлением экстремизма, не может быть его синонимом.

Более четкое понятие «**экстремизма**» содержится в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В соответствии с Федеральным законом РФ «О противодействии экстремизму и экстремистской деятельности», экстремизм (экстремистская деятельность) это [11]:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- финансирование, организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению.

В российском Уголовном кодексе есть пять статей, связанных с экстремистской деятельностью: 280 («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»); 280.1 («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»); 282 («Возбуждение ненависти либо вражды»); 282.1 («Организация экстремистского сообщества»); 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации»). Уголовная ответственность за данные преступления возникает с 16 лет. Степень уголовной ответствен-

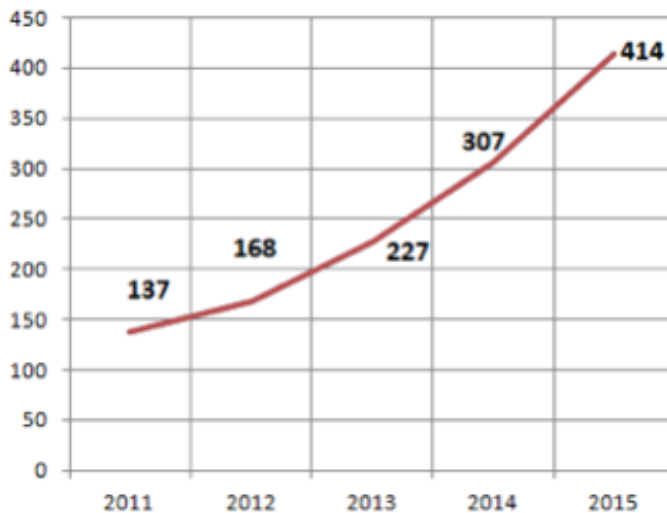

График 1. Число осужденных лиц по основной статье для ст. 282, ст. 282.1, ст. 282.2 и ст. 282.3 в 2011-2015 гг.

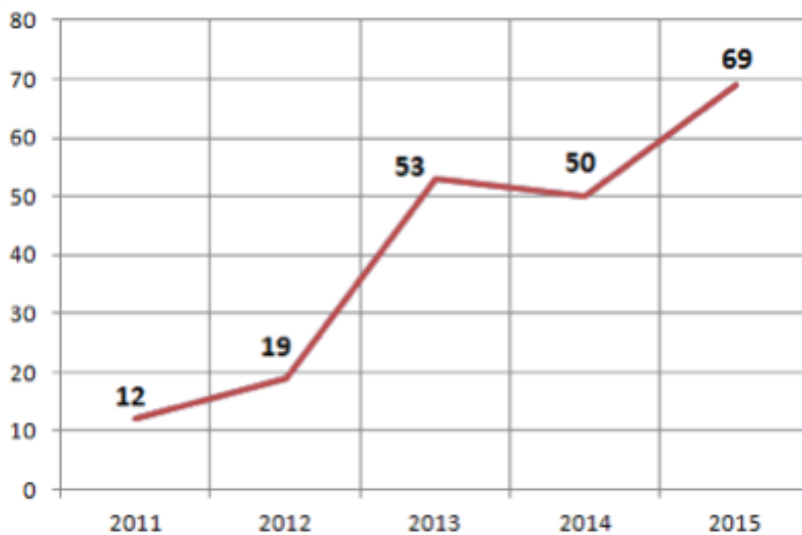

График 2. Число осужденных лиц по основной статье для ст. 280, ст. 280.1 в 2011-2015 гг.

ности зависит от степени тяжести преступления – штраф от ста тысяч рублей до лишения свободы (от шести месяцев до пожизненного заключения).

Некоторые статистические данные по применению указанных выше статей УК РФ могут быть представлены в виде графиков [6]:

Почему число осужденных растёт? Очевидно, что это связано не с желанием российских спецслужб применять именно эти статьи УК РФ при возбуждении уголовных дел как можно чаще. На наш взгляд, ответ прост: к сожалению, мы должны констатировать успех пропагандистской деятельности международных экстремистских организаций (в первую очередь, ИГ), что приводит к желанию некоторых представителей молодежи встать под их знамена. Но вербовочная деятельность фундаменталистов направлена не только на привлечение солдат в свои ряды для участия в боевых действиях на Ближнем Востоке, но и на то, чтобы их новообращенные боевики создавали террористические ячейки на территории своих стран. Так происходит и в России. Из-за успешной работы органов государственной безопасности (ФСБ, МВД, СК, Генпрокуратура) эти ячейки обнаруживаются, а боевики попадают под суд. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется подобная тенденция, связанная с увеличением числа осужденных по статьям УК РФ, связанных с экстремизмом.

Экстремизм в своем стремлении революционным способом изменить или разрушить существующий легитимный строй в государстве может осуществляться по различным направлениям: политическому, религиозному, этническому. Для каждой страны характерен тот или иной вид в большей или меньшей степени – это определяется историческими и геополитическими предпосылками конкретной страны или региона. Необходимо четко понимать, что в современной науке вкладывается в каждое из этих понятий.

Говоря о таком виде экстремизма как **политический** его можно понимать, как насильственные действия, направленные на изменение политического строя и политики государства. Это может быть, как непосредственно деятельность человека или группы лиц, так и финансирование подобной деятельности. Самые распространенные типы действий, характерные для политического экстремизма:

- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности;
- унижение национального достоинства;
- осуществление массовых беспорядков хулиганских действий и актов вандализма.

Не менее опасным с точки зрения социальной гармонии является экстремизм **религиозный**. Профилактика этого типа экстремистской деятельности, и борьба с ней является одной из первостепенных задач как для нашего гражданского общества, так и для органов государственной безопасности. Если мы говорим об исламе, то нельзя забывать, что именно для этой рели-

гии характерное тесное переплетение светского и духовного, политического и религиозного. А потому нельзя не прийти к выводу, что религиозный экстремизм в России (например, на Северном Кавказе) может быть проводником сепаратистских настроений, что несет угрозу самому существованию нашего государства в его целостном виде. Каковы механизмы этого типа экстремистской деятельности: сначала создается общество (с претензией на создание государства), в котором одна-единственная религия (в данном случае, ислам) выполняет функцию главенствующей (государственной); зачастую происходит уже разобранное нами выше деление всего общества по религиозному признаку по принципу «свой-чужой», что становится основой для последующей социальной и политической дискриминации. Одно из важных образующих положений в идеологии радикалов – джихад, который трактуется как вооруженная борьба за веру. Ведение такой религиозной борьбы против неверных (кяфилов) вменяется в обязанность каждому мусульманину. Интересно отметить следующий парадокс: зачастую исламские экстремисты бывают более терпеливы к носителям других авраамических религий, чем к мусульманам другого течения или же даже другой исламской общины. Так называемый джихад против шиитов или не перешедших под их знамена суннитов будет намного более жестоким, чем против христиан или иудеев.

Опасность исламского экстремизма заключается в следующем:

- он не признает никакой вариант западной культуры и западные политические и социальные институты. Опасно, что происходит полный отказ от диалога культур, что приводит к одной-единственной возможной форме взаимодействия с Западом: вооруженная борьба;
- он организован по принципу нетократии – сетевой структуре, которая затрудняет борьбу с ним, так как отсутствует единый центр управления. То есть ликвидация одного из лидеров не дезорганизует функционирование всего организма;
- он довольно регулярно интегрируется в криминальную среду, получая доход от ее деятельности (в основном от наркобизнеса, торговли оружием);
- политики запада ссылаются на его деятельность для оправдания собственных планов, которые направлены против России.

Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации основывается на следующих принципах [11]:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций;
- законность;
- гласность;
- приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации;
- неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

Противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим основным направлениям [11]:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

При этом указанный выше Федеральный закон четко определяет, что «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами».

Россия – федеративная республика со смешанной (президентско-парламентской) формой правления. Именно поэтому во всех сферах жизни государства (социальной, образовательной, национальной, безопасности) происходит четкое разделение функций между органами власти: Президентом, Правительством, федеральными органами исполнительной власти, органами власти субъектов федерации, органами местного самоуправления. Подобное разграничение обязанностей нашло свое отражение и в сфере борьбы с экстремистской деятельностью [11]:

Президент Российской Федерации:

- определяет основные направления государственной политики в области противодействия экстремистской деятельности;

- устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет, по противодействию экстремистской деятельности.

Правительство Российской Федерации:

- определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет, в области противодействия экстремистской деятельности;

- организует обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти по противодействию экстремистской деятельности необходимыми силами, средствами и ресурсами.

Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции.

Приведенный выше анализ показывает, что проблема четкого определения такого опасного социального явления, как «экстремизм» в национальном законодательстве России решена полностью и максимально профессионально. Два ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму» дают максимально исчерпывающие

характеристики экстремистской деятельности. Федеральный законодатель предусмотрел все возможные толкования для этого явления и потому максимально подробно прописал все его атрибуты. В свою очередь, Уголовный кодекс предусматривает различные наказания за те деяния, которые попадают под статьи упомянутых выше Федеральных законов.

На наш взгляд, от исследователей, политиков, журналистов требуется максимально осторожный подход при выборе использования терминологии, чтобы не было путаницы и смешения понятий. В рамках настоящего исследования мы кратко, но емко охарактеризовали каждое из понятий, которые часто встречаются в современных СМИ, интервью, исследованиях. Зачастую между ними ставится знак равенства. Однако наш анализ опровергает саму возможность подобной практики и отводит каждому из терминов его строгое место в профессиональном вокабуляре.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Политико-правовая школа в исламе (примеч. автора).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Брусиловский Д.А., Есипов И.И.* Стратегия мира: глобальная интеграция между исламофобией и «столкновением цивилизаций» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6 (51).

2. *Водовозов В.В.* Радикализм и радикальная партия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1899. Т. XXVI.

3. *Ежова М.Ю.* Россия и Таджикистан: политика идентичности в новых геополитических реалиях // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 10 (55).

4. *Каратуева Е.Н.* Особенности биологического и экологического терроризма как самостоятельных видов радикализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

5. *Киселев С.Г.* Евразия – пространство геополитического и геочивилизационного противостояния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).

6. *Российская газета* // https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml.

7. *Рустамов И.И.* Идентификация Турции в Средней Азии // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50).

8. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

9. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. Москва: Республика, 2001.

10. Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

11. Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189271&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7576635290505167#02311040782121132>.

12. Хвалец А.А., Бурьгин А.А. Исламизм и светскость – неотделимые грани политической модернизации Туниса // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

13. Эмиров Р.М. К вопросу о перспективах ислама как системообразующего фактора на Кавказе // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).

14. Giddens Anthony. Beyond left and right: the future of radical politics. Stanford: Stanford University Press, 1994.

A.A. BURYGIN

specialist in educational and methodological support at the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

LEGAL FRAMEWORK AND NATIONAL POLICY OF RUSSIA IN THE FIELD OF COUNTERING ISLAMIC EXTREMISM

Despite the fact that the problem of extremism has been relevant for our country for many decades, there was no clear definition of this concept in the legal field. In political science, historical and sociological literature, such concepts as «extremism», «radicalism», «fundamentalism», «Wahhabism» and «terrorism» were used as synonyms. However, the author of this article considers this incorrect, since these concepts do not have a completely identical meaning. In this regard, we consider it necessary to address this issue in more detail. In addition, the author aims to analyze the regulatory and legal framework of the Russian Federation in order to collect in one place the main principles and approaches that are used by the Executive and judicial authorities in countering this problem.

Key words: *extremism, Federal law, radicalism, terrorism.*

DOI 10.35775/PSI.2020.57.5.027

УДК 32.327

ОГУЗ ШАХБАЗ

*научный сотрудник Университета
им. Реджепа Тайипа Эрдогана, Турция;
аспирант дипломатической академии
МИД РФ, Россия, г. Москва*

ГРАНИЦЫ ТУРЕЦКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается распространение турецких научных публикаций и литературы на постсоветском пространстве. Как и многие региональные державы, Турция пытается укрепить свою власть в новом ландшафте современной мировой политики. В статье автор анализирует количество магистерских и докторских диссертаций, написанных по темам, связанным с постсоветским пространством, а также обсуждает социально-политические аспекты научной литературы.

Ключевые слова: *постсоветское пространство, турецкая научная литература, академические исследования на постсоветском пространстве.*

OGUZ SAHBAZ

*Research Associate,
Recep Tayyip Erdogan University, Turkey;
PhD Student, Diplomatic Academy of
Russian Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia*

BOUNDARIES OF TURKISH ACADEMIC LITERATURE ON POST-SOVIET SPACE

The article discusses the Turkish academic writing and literature on post-soviet space. Like many regional powers, Turkey tries to strengthen her power in this young landscape of modern world politics. In article, author analyses the numbers of MA and PhD theses written on post-soviet countries and discusses the socio-political aspects of academic writing.

Key words: *post-soviet space, Turkish academic literature, academic studies on post-soviet space.*

The end of bipolar system of international relations by the collapse of USSR caused cardinal transformations in world politics. At first glance, states gained an obvious autonomy in their foreign relations. Instead of bloc interests and strict bloc behaviors of socialist and capitalist camps, states have been able to develop their own regional and bilateral policies in accordance with the rules of globalization. Ideological conflicts left their places to competition fields. Furthermore, we have been witnessed the emergence of new actors and agendas in world politics. Influence of transnational corporations, global terrorism, organized crime and global warming have diversified and extended the fields of international relations.

No doubts that post-soviet space has gained a particular significance in world politics. Global and regional subjects have paid specific attention to the new independent states, former Soviet Republics: Russian Federation, Ukraine, Belarus, Moldova, Estonia, Latvia, Lithuania, Georgia, Armenia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan. This political landscape, consisting of these new nation states, created new dimensions and directions for foreign and domestic policy of states with its political, economic and ideological features.

Undoubtedly, new political landscape means new scientific object for international relations. These new 15 states of old USSR were perceived as new subjects of world politics. Therefore, they appeared as new objects of scientific research in the scientific community. In addition to Soviet Studies, many western universities have paid particular attention to these countries, opened new research centers and developed new research programs. Over the last 25 years, there have been appeared thousands of political, economic, sociological and cultural studies with regard to these states.

Thanks to the digitalization process of public services, it is now publicly accessible Turkish academic literature, MA and PhD dissertations written since 1959. On the official website of Council of Higher Education of Turkey [5], The National Thesis Center hosts the dissertations and other scientific works in accordance with the permission of the authors. Table (1) contains data on the number of studies and researches conducted in social sciences relating to the post-soviet space.

The indicated number of studies consists of academic texts written in various disciplines such as political science, philology, history, theology, sociology, economics, business management, anthropology, law and higher music schools. Table (2) consists data on the development of academic works over the years.

In the article of A. Celebi which consists of published books on Russia between the years 1991-2016, we see 810 books [3]. However, as for scientific monographs or other academic books in social sciences, no matter how the relations between Turkey or post-soviet states are developing, there is an obvious shortage both in terms of quality and quantity. For instance, it has not yet been written about the history of Soviet Union in Turkish. The only book, written by a

Table 1

**Academic Works on Post-Soviet Space in Turkish Universities 1991-2017
(Resource: National Dissertation Center of Council of Higher Education of Turkey)**

Country	MA Dissertations	PhD Dissertations	Total	Percent %
Russia	291	81	372	23,25%
Ukraine	39	5	44	2,75%
Belarus	5	2	7	0,44%
Moldovia	9	4	13	0,81%
Estonia	4	1	5	0,31%
Latvia	6	1	7	0,44%
Lithuania	8	1	9	0,56%
Georgia	85	13	98	6,13%
Armenia	47	5	52	3,25%
Azerbaijan	476	119	595	37,19%
Kazakhstan	132	19	151	9,44%
Turkmenistan	59	9	68	4,25%
Uzbekistan	36	5	41	2,56%
Kyrgyzstan	90	40	130	8,13%
Tajikistan	8	0	8	0,50%
Total	1295	305	1600	100%

Turkish author was the history of Russia by Akdes Nimet Kurat, a monography that was published in 1948 [1]. Together with this monography, in Turkish universities, the main resources of Russian history are the books of N.V. Ryazanovsky [6], E.H. Carr [4], A. Zhdanov [2] and R.A. Jones [7].

In conjunction with Turkey's developing economic and political relations with these states, Turkish scholars have also shown a definite interest on the research of these relations. Nevertheless, there doesn't exist studies in several fields of social sciences and humanities like sociology, psychology or anthropology. Three research areas can be distinguished that academic interest concentrates: energy, commercial cooperation and cooperation within the framework of the Turkic language space. It can also be understood from the Table 2, that studies on Azerbaijan and Russia stresses a certain condensation of interests. However, Turkey's academic ecosystem does not have a systematic and institutionalized research trends, environment and background of post-soviet space. Despite the fact that Russia is the historical opponent of Turkey or Central Asian societies has been the most heroic theme of Turkish official discourse, social scientists did not pay scholar attention to post-soviet space. The only academic linkage

**Development of Academic Works in Turkey
over the years (Resource: National Dissertation
Center of Council of Higher Education of Turkey)**

	Russia	Ukraine	Belarus	Moldova	Estonia	Latvia	Lithuania	Georgia	Armenia	Azerbaijan	Kazakhstan	Turkmenistan	Uzbekistan	Kyrgyzstan	Tajikistan	Total
1989	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
1990	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	3
1991	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
1992	2	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	5
1993	4	-	-	-	-	-	-	2	-	4	1	-	1	-	-	12
1994	2	-	-	-	-	-	-	-	-	10	1	-	1	3	-	17
1995	4	-	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	10	3	-	24
1996	3	-	-	-	-	-	-	1	-	8	-	1	6	1	-	20
1997	6	-	-	-	-	-	-	1	-	6	1	-	-	-	-	14
1998	5	-	-	-	-	-	-	-	-	15	2	4	3	4	-	33
1999	11	-	-	-	-	-	-	-	-	13	6	1	1	3	-	35
2000	8	-	-	-	-	-	-	2	-	24	4	4	1	5	1	49
2001	13	-	-	-	-	-	-	1	1	24	6	7	2	7	-	61
2002	13	1	-	-	-	1	-	2	-	27	9	4	-	11	-	68
2003	11	2	-	-	-	-	-	-	5	26	6	6	-	6	-	62
2004	9	2	1	1	-	-	-	5	2	37	6	5	1	7	2	78
2005	8	1	-	-	1	1	1	2	3	25	2	4	3	6	-	57
2006	16	1	-	1	-	1	-	4	3	29	8	2	2	7	-	74
2007	15	1	-	1	-	-	-	4	3	38	5	6	1	3	-	77
2008	19	1	-	2	-	-	-	3	2	29	5	2	-	12	-	75
2009	14	3	-	1	1	-	-	7	2	33	8	3	1	7	-	80
2010	24	7	-	1	-	1	-	11	5	27	10	2	1	10	1	100
2011	18	2	-	1	1	-	-	7	6	16	8	-	1	7	-	67
2012	29	1	2	-	-	-	1	6	7	32	13	2	2	4	-	99
2013	25	3	-	1	1	-	-	10	4	26	12	2	1	4	2	92
2014	24	1	-	-	-	1	1	5	2	23	8	1	-	5	1	71
2015	29	7	2	1	1	2	1	5	1	25	14	6	1	5	-	100
2016	29	7	2	1	-	-	2	9	2	41	9	1	1	5	1	110
2017	27	4	-	2	-	2	1	11	4	45	7	5	1	5	-	114
Total	372	44	7	13	5	9	7	98	52	595	151		41	130	8	1600

between Turkey and these societies was the language studies at the faculties of philology in Ankara, Istanbul, Izmir and Kayseri. Hereupon, it is worth noting that the “Russian Studies”, “Eurasian Studies” or “Central Asian Studies” are young disciplines in Turkey, which are still developed after 2010 with the foundation of research centers in the bodies of several universities. The preliminary assumption that the Russian Empire, USSR and Russian Federation, as northern historical opponent must occupy a wide scope in social sciences literature, does not coincide with the reality of academic programs in Turkey. History of Russia is studied in the departments of History, the Russian language is studied in the departments of Russian philology of pedagogical faculties and Russian foreign policy is studied in the departments of international relations of the faculties of public administration and political sciences. As regards to other fields of social sciences, such as economics, sociology, cultural studies and political science, one can claim that there is no systematic research mechanisms or systematic approaches, apart from the works of individually motivated scholars, researchers.

Accordingly, one can observe a disorganization in the field of Russian studies in Turkish academic literature. Despite centuries of relations, wars, developing economic relations and obvious socio-cultural ties between the peoples of Turkey and Russia, Turkish academy does not have high profile and internationally accredited institutions for studying Russia and post-soviet space. The primary reason of this fact is the attitudes of political decision makers with regard to Russia. Since 1917, Russian-Turkish relations had different features from being close allies against imperialism to Cold War hostility. However, the fact has been remaining in the minds of Turkish politics that Russia is portrayed as historical enemy. Therefore, Russia related issues are identified and included in the political scope, very often in the scope of national security. Hence, until the end of Cold War, “Russia” has been a politicized theme and official political discourse was determinative in the field of academic activities. Academic institutions have been shaped to keep youth safe from the danger of “communism” which meant from the danger of Russia. As a result, politicized and ideologized theme “Russia” and Russia related fields could not stand as independent academic disciplines. Alongside of political factor, an underestimated socio-economic factor exists in this discussion. If we look at the qualitative structure of trade between Turkey and post-soviet space, particularly with Russia, we will see that this trade regime is totally different from Turkey’s economic relations with West. As is known, the rules of private law must be respected in commercial relations with West. However, in the commercial relations between the USSR and Turkey, legacy of which is still existing, the rules of public law served as the juridical frame of commerce. This fact had two important consequences. Firstly, those, who were planning to export in early stages goods and in 1980’s services, had to coordinate these commercial operations with the civil servants of Turkey. The position of state, as the main subject of foreign trade, made impossible to establish direct relations with

the other side of trade. Thus, the lack of direct interaction between two parts of commerce caused the third side's raising role, influence and determinant position, which made bureaucracy the most powerful actor in any type of relations with USSR. As a result, taking into account the fact that there were no other ties except trade, in Turkish media and academy, clichés and stereotypes were reproduced instead of objective assessments or scientific researches. Secondly, it should be noted that the nature of international trade requires the ideological interaction of two parties. Commercial relations based on public law does not allow such interactions to be established. The static and official relations between public institutions organized the transactions without the participation of producers and consumers. Thus, the Turkish bureaucracy, which is traditionally plays key role in economy, could have stabilized its own strength and influence thanks to Soviet financial and technical help in development of heavy industry in 1930s and 1960-1970s. Since the factories and other facilities established with Soviet assistance belonged to the state, and since their personnel were considered as public officers, instead of socio-political interaction between two sides, Turkish rightwing politicians and bureaucrats were strengthened their positions since there was an obvious populism in distribution of working places in these public companies. Furthermore, trade regime between Turkey and USSR also empowered the alliance between big landowners and urban traders with bureaucracy. As USSR basically imported from Turkey raw materials and agricultural products for the purpose of exchange of goods, both big landowners and traders have strengthened their positions in the economy and politics, thanks to state support and their alliance with Turkish bureaucracy.

When one thinks on the basis of abovementioned heritage of trade and economic relations between USSR and Turkey, it wouldn't be a wrong assessment that there is not a radical transformation of the nature of economic ties. Despite direct interaction opportunities, actors are still looking for state's assistance and subsidies. It is possible to consider this on two axes. Firstly, the bureaucratic difficulties and dominance of oligopolies in post-soviet economies are limiting the emergence of free competition markets. Moreover, the lack of full-fledged mechanisms and principles causes chronic problems like corruption (both in public and private sector), falsification and unilateral economic sanctions. Therefore, the support of local bureaucracies is still very important.

Secondly, as a result of bureaucratized and monopolized conditions, subjects in both economic and political spheres do not need the help of scientific knowledge, in particular social and political science. Obviously, the business structures are based on nonbranded trading activities in certain areas such as energy, tourism, textile, agriculture, raw materials and construction. Apart from PR and advertising activities, it is known that these sectors are not in need of scientific knowledge created by social scientists. To sum up, it wouldn't be wrong assessment that Turkish academic literature of post-soviet research is still developing

and faces with many challenges, above all, socio-political challenges. Academic trends and research community are not institutionalized in Turkey. Scientific knowledge, which is produced by social scientists, is not used in private or public sector. Individually motivated researchers are carrying out the mainstream academic activity on post-soviet space.

REFERENCES:

1. *Akdes Nimet Kurat*. Rusya Tarihi Başlangıcından 1917'ye Kadar, Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara 1948.
2. *Andrei Zhdanov*. New Aspects of World Conflict, Arthur E. Adams, ed., Readings in Soviet Foreign Policy. Boston: D. C. Heath and Company, 1961.
3. *ÇELEBİ A.* Türkiye'de Rusya'ya Dair Çıkan Kitaplar (1991-2016). Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2016. № 3 (2) // <https://dergipark.org.tr/tr/pub/mtad/issue/29711/319710>
4. *Edward Hallett Carr*. A history of Soviet Russia. The Soviet Impact on the Western World. New York: The MacMillan Company, 1948.
5. National Dissertation Center of Council of Higher Education of Turkey // <https://www.tez.yok.gov.tr/ulusaltezmerkezi/giris.jsp>
6. *Nicholas Valentine Riasanovsky*. A history of Russia. Oxford University Press, 1993.
7. *Robert A. Jones*. 'Socialist Internationalism' and the Warsaw Pact Intervention in Czechoslovakia. The Soviet Concept of 'Limited Sovereignty' from Lenin to Gorbachev: Brezhnev Doctrine. London: MacMillan, 1990.

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Научная статья посвящена исследованию политических аспектов современных отношений между Россией и Китаем в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». Актуальность исследования заключается в том, что благодаря реализации данной стратегической концепции, КНР активно проводит свою внешнеэкономическую политику в странах Европы и Центральной Азии, используя историческую модель «шелкового пути». В рамках статьи выделены положительная и отрицательная стороны соблюдения политики инициативы «Один пояс, один путь» для Российской Федерации. Проанализированы трудности и проблемы российско-китайских отношений, которые препятствуют реализации инициативы «Один пояс, один путь». Предложен список мероприятий, благодаря которым реализация данной инициативы может привести к взаимовыгодным отношениям России и Китая, устранить взаимные политические трудности. Выделены политические аспекты российских интересов при реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: политические аспекты, инициатива «Один пояс, один путь», шелковый путь, китайско-российские отношения, экономика Китая, режим санкций, геополитические аспекты, Центральная Азия.

28 марта 2015 года в Китайской народной республике (КНР) была опубликована «Концепция и план действий по продвижению и совместному созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

Первоисточник, изданный с санкции Госсовета КНР, был подготовлен тремя ведомствами:

- Госкомитетом по делам развития и реформ;
- Министерством иностранных дел;
- Министерством коммерции.

В рамках издания, он получил название «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [10].

На сегодняшний день, инициатива «Один пояс, один путь» предполагает реализацию экономических, внешнеэкономических и геополитических целей Китая. Эта инициатива была провозглашена в условиях «новой нормальности» замедления темпов роста китайской экономики при наличии серьезных структурных проблем, и она в первую очередь призвана дать стимулы экономическому развитию самого Китая в период структурной трансформации его социально-экономической модели [6].

При этом данная инициатива играет важную роль и в рамках экономического развития Российской Федерации, ключевым торговым и внешнеэкономическим партнером которой выступает Поднебесная.

Крайне важна роль инициативы «Один пояс, один путь» в формировании современной политической карты мира. По причине того, что данная концепция внешнеэкономической политики касается торговых вопросов, ее особенности, цели, задачи и результаты реализации активно обсуждаются в политических кулуарах многих стран, среди которых Россия и сам Китай.

Актуальность научного исследования на тему «инициатива пояс и путь в современных условиях: политические аспекты» заключается в том, что благодаря реализации данной стратегической концепции китайское государство активно проводит свою внешнеэкономическую политику в странах Европы и Центральной Азии, используя историческую модель «шелкового пути».

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [4; 5; 7; 8; 12; 15; 16].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Целью данной статьи является презентация исследования особенностей политических аспектов современных взаимоотношений России и Китая в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Для этого, в рамках научного исследования, необходимо решить следующие задачи:

- охарактеризовать положительные и отрицательные аспекты соблюдения политики инициативы «Один пояс, один путь» для Российской Федерации;
- проанализировать трудности и проблемы российско-китайских отношений, которые препятствуют реализации инициативы «Один пояс, один путь»;
- предложить список мероприятий, благодаря которым реализация инициативы «Один пояс, один путь» может привести к взаимовыгодным отношениям России и Китая, устранить взаимные политические трудности;
- выделить политические аспекты российских интересов при реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Необходимо отметить, что инициатива «Один пояс, один путь» играет важную роль для России, в том числе в политической сфере.

Обозначим положительные и отрицательные аспекты соблюдения политики инициативы «Один пояс, один путь» [14]:

– положительная сторона для России заключается в том, что в условиях современного режима экономических и политических санкций отечественным производителям важно найти новых внешнеторговых партнеров как для импорта оборудования, продукции и сырья, так и для экспорта своей продукции;

– отрицательная сторона для России заключается в том, что из-за соблюдения инициативы «Один пояс, один путь» Китай может стать гегемоном на евразийском пространстве, что жизненно важно для российских внешнеполитических интересов. Нет гарантий и защитных механизмов от впадения России в «болезненную» зависимость от китайских денег, как, например, это было с западными инвестициями до 2014 года.

Если рассматривать в совокупности положительную и отрицательную сторону от реализации политики инициативы «Один пояс, один путь», для Правительства РФ в данной ситуации крайне важна нейтральная позиция в очень чувствительном вопросе российско-китайских отношений. Вместе с тем, для нашей страны, попросту, нет иной, более выгодной альтернативы действий, что связано, в первую очередь, с режимом санкций Запада.

Рассматривая российско-китайские отношения, можно выделить следующие трудности и проблемы, которые препятствуют реализации инициативы «Один пояс, один путь» [13; 10; 11; 2. С. 89-92; 1. С. 76-77]:

– геополитические игры России и Китая, поскольку концепция развития ЕАЭС и «Один пояс, один путь» имеют существенные различия и важные пересечения в политических интересах;

– региональная нестабильность в Центральной Азии, которую необходимо преодолевать общими усилиями России и Китая в рамках деятельности международной организации «Шанхайская организация сотрудничества» (ШОС);

– отсталость рыночной инфраструктуры в регионе и низкая скорость транспортного сообщения вследствие особенностей развития регионального транспортного комплекса;

– проблемы торгово-экономического сотрудничества, которые проявляются в односторонности российско-китайского торгового баланса;

– сложности инвестиционного сотрудничества и реализации международных инвестиционных проектов двух стран;

– национальные особенности Китая и России, различия в языке, культуре и политической системе.

Несмотря на наличие проблем, политические аспекты реализации инициативы «Один пояс, один путь» могут пойти во благо всем сторонам, если принять следующие возможные мероприятия и рекомендации:

– важно преодолевать взаимный скепсис в отношениях и увеличивать политическое доверие между Китаем и Россией;

– необходимо совместное сотрудничество в реализации такой задачи, как создание безопасной международной среды в регионе Центральной Азии;

– необходимо ускорение процессов модернизации рыночной инфраструктуры и международного транспортного сообщения между странами;

– необходима оптимизация структуры торгово-экономического сотрудничества и совершенствование системы товарообмена между Россией и Китаем;

– необходимо стимулирование инвестиций, расширение сфер взаимной инвестиционной деятельности, увеличение количества общих проектов двух стран;

– необходимо углублять культурные связи и обмены, устранять препятствия на пути ко взаимопониманию.

На данный момент Россия заинтересована в участии в инициативе «Один пояс, один путь». Это благоприятно влияет на создание возможностей для ее участия в транспортно-логистической сети Евразии, что позволит обеспечивать дополнительные возможности для транзита и предоставления логистических услуг, а также для выхода Российской Федерации на новые зарубежные рынки [3. С. 373-383].

Реализация проектов инициативы «Один пояс, один путь» будет укреплять промышленную кооперацию между странами региона, формируя возможности для создания добавленной стоимости, зарождения новых экономических кластеров [9. С. 154-156].

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

– на сегодняшний день, инициатива «Один пояс, один путь» предполагает реализацию экономических, внешнеэкономических и геополитических целей Китая, но несмотря на это, играет важную роль для экономического и политического развития Российской Федерации, ключевым торговым и внешнеэкономическим партнером которой выступает Поднебесная;

– если суммировать, как положительную, так и отрицательную сторону от инициативы «Один пояс, один путь», для Правительства РФ в данной ситуации необходима нейтральная позиция. Однако, с другой стороны, для нашей страны, нет иной, более выгодной альтернативы, что связано, в первую очередь, с режимом санкций Запада;

– на данный момент существуют определенные проблемы и трудности в рамках политических аспектов развития китайско-российских отношений при реализации инициативы «Один пояс, один путь», преодоление которых приведет к получению взаимных экономико-политических выгод для России и Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абдураманова Д.Р.* «Один пояс, один путь»: краткая характеристика и внутренние цели Китая // Молодой ученый. 2019. № 29 (267).
2. *Албитовой Д.С.* Основные аспекты внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии КНР в Центральной Азии // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 11 (77). Часть 1.
3. *Ван Люин, Сунь Хаоюань.* Роль Нового шелкового пути в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 2А.
4. *Гаджиев К.С.* Сдвиги в отношениях Запада с Россией в контексте ее сближения с Китаем // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).
5. *Жао Тяньтянь.* Национальный имидж КНР и РФ на современном этапе: сравнительный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).
6. *Киреева А.А.* «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение // Сравнительная политика. 2018. № 3.
7. *Кун Дэкунь.* О рисках и контрмерах по сопряжению инициативы «Один пояс, один путь» Китая с «Евразийским экономическим союзом» России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Том 9. № 4 (49).
8. *Курылев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).
9. *Ли Мин.* Влияние китайского мегапроекта «Один пояс и один путь» на российскую экономическую сферу // Молодой ученый. 2018. № 16 (202).
10. *Лузянин С.Г., Афоняева А.В.* Один пояс, один путь – политические и экономические измерения // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2017. № 40.
11. *Лузянин С.Г.* «Один пояс, один путь»: Российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22.
12. *Михайленко А.Н.* Сопряжение евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1.
13. *Михалев М.С.* «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 6 (50).
14. *Симонова А.И.* «Один пояс – один путь» как глобальный китайский экономический проект // Восточная аналитика. 2017. № 3.
15. *Сыздыкова Ж.С., Хубоншоев Ш.Д.* Таджикистан в проекте «Один пояс, один путь»: плюсы и минусы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

16. У Тун. Проблемы функционирования механизма сотрудничества Китая с партнерами в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

D.E. PALILOV

Senior lecturer, Department of political science and mass communications, Financial University under Russian Federation government, Moscow, Russia

THE BELT AND WAY INITIATIVE IN MODERN CONDITIONS: POLITICAL ASPECTS

A scientific article is devoted to the study of the peculiarities of modern political aspects between Russia and China in the framework of the “Belt and Way” initiative. The relevance of the study lies in the fact that, thanks to the implementation of this strategic concept, the Chinese state is actively pursuing its foreign economic policy with the countries of Europe and Central Asia, using the historical model of the Silk Road. The article highlighted the positive and negative sides of adhering to the policy of the Belt and Way initiative for the Russian Federation. The difficulties and problems of Russian-Chinese relations that impede the implementation of the “Belt and Way” initiative are analyzed. A list of events is proposed, thanks to which the implementation of the “Belt and Way” initiative can lead to mutually beneficial relations for Russia and China, and eliminate their political difficulties. The interests that Russia may have in identifying the political aspects of the “Belt and Way” initiative are highlighted.

Key words: *political aspects, Belt and Way Initiative, silk road, Sino-Russian relations, China's economy, sanctions regime, geopolitical aspects, Central Asia.*

РАЙОН ВЕЛИКИХ ОЗЕР АФРИКИ (РВО): КОЛЛЕКТИВНАЯ ОБОРОНА КАК СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ НЕБОЕСПОСОБНОСТИ КОНГОЛЕЗСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Статья посвящена анализу проблемы небоеспособности конголезских вооруженных сил, а также выяснению причин, связанных с этим. Особое внимание уделяется важности регионального измерения с точки зрения безопасности. Таким образом, коллективная оборона предлагается в качестве надлежащего ответа на проблемы обороны, с которыми сталкивается Демократическая Республика Конго (ДРК). Делается вывод о том, что решение проблем вооруженных сил и вопросов дефицита безопасности в ДРК требует координации усилий государств путем создания комплекса региональной безопасности, механизма, в соответствии с которым гармонизация дипломатических отношений между государствами РВО должна стать приоритетом.

Ключевые слова: *Вооруженные силы Демократической Республики Конго, небоеспособность, коллективная оборона, региональный комплекс безопасности.*

Введение. С 1996 г. Демократическая Республика Конго (ДРК) остается страной района Великих озер (РВО), ослабленной особенно на востоке вооруженным конфликтом. Одной из причин продолжающегося конфликта является слабость конголезской национальной армии. Отметим, что хрупкость конголезского государства и его органов обороны способствует распространению влияния повстанческих групп. Число вооруженных групп в восточной части ДРК в 2018 г. увеличилось с 70 до 120 [17. С. 108-109]. Первая десятка рейтинга «Фонда мира» за 2006 г. показывает, что ДРК является одним из самых несостоявшихся государств [3. С. 207]. Согласно тому же рейтингу, эта страна является одним из самых «хрупких государств» мира (8 место) [17. С. 108]. Что касается органов обороны, то следует под-

черкнуть, что вооруженные силы Демократической Республики Конго (ВС ДРК) оказываются неспособными обеспечить безопасность на всей территории, в связи с чем, как правило, вооруженные конфликты на востоке продолжаются. Ка Мана подчеркивает, что в стране «нет сильной армии, способной защищать территорию и отстаивать национальные интересы» [4. С. 33]. Следует отметить, что это состояние недееспособности не соответствует веберовскому подходу, согласно которому, *«государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области претендует, с успехом и за свой счет, на монополию легитимного физического насилия»* [18. С. 96-97]. Вооруженные группировки в ДРК используют эту слабость конголезских вооруженных сил, чтобы создать ситуацию нестабильности на востоке страны, они также являются источником гуманитарной трагедии и всплеска насилия в этой географической зоне. С 1 июня 2017 г. по 26 июня 2019 г. расследование проведенное «Барометром безопасности Киву» («ББК», *Kivu Security Tracker – KST*) показало, что в 2018 г. на 100 000 жителей Киву убитых среди местного населения приходится 8,38 [10. С. 5]. Было также показано, что в 2019 г. около 12,8 миллионов человек нуждались в гуманитарной помощи и защите со стороны государства, что составляет 10% от общего числа случаев в мире [10. С. 3]. Все это из-за небоеспособности вооруженных сил, которые не могут справиться с угрозами безопасности в стране. Несмотря на то, что правительство Конго всегда проводило политику, направленную на реформирование армии посредством военного сотрудничества с некоторыми крупными державами, улучшения остаются невидимыми. Следует также отметить, что присутствие сил ООН в ДРК (миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в ДРК (МООНСДРК)) не оказывает существенного влияния на безопасность. Тем не менее, усилия, предпринимаемые надрегиональными институтами, например, Международной конференцией по району Великих озер (МКРВО), остаются до сих пор безрезультатными.

И так, каковы причины, связанные с дисфункцией конголезских вооруженных сил? Какие есть альтернативы для их преодоления? Данная статья направлена на выявление причин, связанных со слабостью конголезских вооруженных сил, а также определения возможностей для их разрешения. В силу этого крайне важно, чтобы регион был более вовлечен в урегулирование межгосударственных проблем для восстановления стабильности в ДРК. Таким образом, создание системы коллективной защиты является, на данный момент, важной необходимостью.

Причины дисфункций конголезской национальной армии. Отметим, что причин дисфункции конголезских вооруженных сил много, включая клиентелизм, отсутствие реальной политической воли и неэффективность в области военного сотрудничества.

Говоря о клиентелизме в конголезской армии, следует подчеркнуть, что во время своего правления диктатор Мобуту хотел сохранить слабую, рас-

колотую, лояльную армию, «которая не вмешивается в политику». Офицеры в основном назначались за «их лояльность, клиентские отношения, а не за навыки» [9]. Мобуту поддерживал свой клан, предлагая повышение по службе для офицеров из его этнической группы – Бангала, и его родной провинции – Эквадор. Правительство Джозефа Кабилы также характеризовалось милитаризацией политики и экономики. Таким образом, исследование RVI показывает, что клиентелизм является первой дисфункцией. Согласно этому исследованию, подчиненные солдаты вынуждены регулярно выплачивать деньги своему начальству. А взамен старшие офицеры обеспечивают своим подчиненным защиту, льготное налогообложение, повышение по службе, отпуск или обучение. Все эти элементы доказывают, что милитаризация политики с целью завоевания власти стала реальностью в ДРК. Существует также проблема милитаризации экономики, что, следовательно, позволяет чиновникам, политикам и бизнесменам извлекать выгоду из прибыли страны от продаж полезных ископаемых, древесины, рыбы и оружия. Вот почему, по данным RVI, офицеры часто затрачивают много ресурсов на различные коммерческие проекты [9]. Кроме того, как отмечают Джейсон Стернс и Кристоф Фогель из «Исследовательской группы по Конго Университета Нью-Йорка» (GEC), более двух десятилетий конфликта породили военную буржуазию: людей, принадлежащих к экономической, политической и военной элите, использовавших конфликт в целях продвижения по карьерной лестнице и, следовательно, заинтересованных в продолжении насилия [10. С. 12].

Конголезская проблема требует военного решения, поскольку большинство разрастающихся повстанческих групп на востоке страны борются не за власть, а за интересы транснациональных корпораций и небольших компаний. Таким образом, М. Вака указывает на то, что «канадские компании в ДРК финансировали или снабжали оружием военные силы и повстанческие движения, также обостряли и без того высокую напряженность, провоцировали конфликт и вызвали разделение, чтобы постоянно контролировать ресурсы». Автор также добавляет, что «тот факт, что компании и государства берут на себя обязательства по добыче полезных ископаемых повстанческими движениями, является доказательством заинтересованности и решимости внешних лобби в чисто экономических целях в отношении открытия мировых рынков, что приводит к глобализации экономики» [19. С. 88]. «В 2006 г. Специальный представитель ООН по правам человека и транснациональным корпорациям охарактеризовал горнодобывающую промышленность как особый случай ее большого и в равной степени повсеместного социального и экологического влияния и отметил, что 2/3 злоупотреблений со стороны транснациональных корпораций происходят из добывающего сектора» [19. С. 81]. Эту военную экономику, которая наблюдается на востоке ДРК, можно объяснить реалистичным подходом Моргентгау, согласно

которому политики действуют на международной арене с целью увеличения своей власти, что определяется национальными интересами [19. С. 32-33]. Итак ДРК является жертвой собственных ресурсов. В связи с отсутствием политической воли это привело к дисфункции вооруженных сил ДРК.

Что касается отсутствия реальной политической воли со стороны конголезских лидеров, можно подчеркнуть, что нерешенность проблем сектора безопасности напрямую связана с политической волей конголезских властей. Исследователь проблем ДРК глава НПО *International crisis group* Тьерри Виркулон считает, что кризис, который сотрясает восток, имеет не только военный, но и политический характер. Проблема в том, что армейские вопросы решаются крайне медленными темпами [9. С. 171]. Эта дисфункция органов безопасности ДРК заслуживает особого внимания со стороны политических элит страны. И так на что надеяться с новым конголезским президентом? На этот вопрос, Лариса Я. и Бенно отвечают, что при новом президенте Феликсе Чисекеди, скорее всего, произойдут перестройки внутри фрагментированной политической и военной элиты [13. С. 4]. По отношению к бывшему президенту Джозефу Кабиле, нынешний президент Феликс Чисекеди уже демонстрирует свои усилия в области нейтрализации вооруженных группировок, которые дестабилизируют восточную часть страны.

Говоря о военном сотрудничестве, данный подход является целесообразным с точки зрения реформирования конголезской армии. Но несмотря на тот факт, что ДРК не прекратила подписывать военно-технические соглашения с некоторыми крупными державами, ситуация остается неизменной. Здесь речь идет о соглашениях с ЕС в рамках программы ЕВРОСЕК и США в вопросах объединенного командования в африканской зоне АФРИКОМ (англ. *United States Africa Command, AFRICOM*). Несмотря на все инициативы, предпринятые в плане военного сотрудничества и реформирования конголезской армии, ситуация остается прежней. В том же контексте сохраняются реформы национальной армии между правительством Конго и Российской Федерацией. В июне 2018 г. было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Данное соглашение является важным шагом на пути урегулирования проблем в Конго [2. С. 131] в том смысле, что, как заявил министр обороны ДРК г-н Криспин Атама Табе, «оно позволит национальной армии запастись качественным оружием для лучшей защиты национальной территории» [20]. Проблема состоит в выполнении этого соглашения. Все меры, предпринятые в области реформирования конголезских структур безопасности, не привели к положительным результатам. Конголезские силы обороны до сих пор остаются небоеспособными и не могут обеспечить безопасность на востоке страны. Неэффективность в вопросах военного сотрудничества заставляет нас подчеркнуть необходимость региональных усилий, направленных на создание системы коллективной обороны.

Необходимость в коллективной обороне. Необходимость создания системы коллективной обороны в РВО может быть объяснена двумя аспектами: глобализацией и панафриканизмом. Влияние глобализации можно объяснить тем, что тенденция региональной интеграции обусловлена готовностью африканских лидеров противостоять вызову и риску экономической маргинализации Африки. Таким образом, региональные блоки были построены для того, чтобы справиться с экономическими, политическими и культурными проблемами, которые привнесла с собой глобализация. Речь шла также об усилении связей между государствами для удовлетворения потребностей населения [7. С. 3]. Процесс региональной интеграции, в котором находятся государства РВО, является преимуществом для создания системы коллективной обороны. Региональная интеграция рассматривается как адекватный ответ на дефицит безопасности в ДРК. В данном случае региональная интеграция объясняется как процесс объединения нескольких государств, путем постепенного отказа последних от своего суверенитета в целях формирования нового коллективного участника международного порядка [6. С. 262-263]. Региональная интеграция – результат объединения более или менее формализованных на институциональном уровне государств, принадлежащих к определенной географической зоне, с целью долгосрочного экономического и/или политического сотрудничества [7. С. 2]. В случае РВО, следует подчеркнуть, что экономика остается наиболее важным аспектом в процессе региональной интеграции, но и вопросы безопасности должны учитываться.

Необходимость в солидарности государств субрегиона возникает по причине недееспособности конголезских вооруженных сил. В этой связи концепция Дэвида Митрани гласит, что в результате достигнутого прогресса в средствах связи, улучшения транспортной инфраструктуры, а также совершенствования в военной области (разработка ядерного оружия и оружия большой дальности), государство обладает меньшими возможностями в защите своих граждан от враждебных нападений. Согласно автору, было бы гораздо успешнее создать возможности для сотрудничества [15. С. 274]. Концепция функционализма помогает осознать, что государства нуждаются в региональной поддержке не только во время войны, а что любое нынешнее государство имеет ограниченные возможности в плане обороны.

С панафриканской точки зрения, важно подчеркнуть, что, степень самоопределения в решении проблем безопасности также необходима. Бездействие международных сил в установлении возможных путей выхода ДРК из создавшегося кризиса должно побудить региональных лидеров заняться вопросами безопасности самостоятельно. Несмотря на присутствие МООНСДРК на конголезской земле, повстанческие группировки продолжают дестабилизировать ситуацию, что вызывает негодование конголезцев против бездействия МООНСДРК. Слабое участие МООНСДРК оправдано

тем, что ее мандат не позволяет ей совершать какие-либо наступательные действия. В ДРК, как и в Мали, присутствие «голубых касок» не дает положительных результатов с точки зрения безопасности, мира и стабильности. В связи с этим следует также подчеркнуть, что бездействие сил ООН вызывает негодование со стороны многих африканцев, в связи с чем ООН рассматривается как организация, отстаивающая интересы исключительно богатых стран. Кроме того, МКРВО не оказывает положительного воздействия с точки зрения обеспечения безопасности в ДРК. Вот почему панафриканизм должен быть движущей силой регионального сотрудничества в интересах безопасности. Наличие общей системы обороны является частью того, что Кваме Нкрума считал единственным будущим Африки [16. С. 17].

Важно, чтобы африканские государства выходили за рамки национальных государств, унаследованных от эпохи колониализма, это нужно для того, чтобы сформировать сообщество безопасности. Мы поддерживаем идею Дэвида Митрани, что решение адекватного уровня безопасности, заключается в углублении возможностей для сотрудничества и совместной работы [15. С. 274]. Как справедливо отмечает президент Руанды Пол Кагаме, сами африканцы должны решать африканские проблемы, поскольку помощь «извне континента (...) иногда может еще больше осложнить их». Согласно Б. Бузану, на современном этапе у отдельных региональных подсистем безопасности как составных частей международной системы существует значительная автономия, в отличие от всеобъемлющей жесткой структуры времен холодной войны [1. С. 190]. На данный момент у стран РВО отсутствует чувство панафриканского пробуждения, способного консолидировать африканских лидеров для сотрудничества. Для этого целесообразнее было бы, чтобы сами африканцы находили решения своих проблем. Отметим, что солидарность государств РВО является подходящим решением проблемы отсутствия безопасности в ДРК, но до сих пор улучшения отсутствуют, хотя идея формирования сообщества безопасности существует уже несколько лет. Эта идея была отражена в Дар-эс-Саламской декларации о мире, безопасности, демократии и развитии в РВО от 20 ноября 2004 г. Данная декларация провозглашает волю глав государств и правительств: *«Наша коллективная решимость сделать район Великих озер районом мира и безопасности для государств и народов, политической и социальной стабильности, общего роста и развития, пространством для сотрудничества на основе политики сближения как части общей судьбы, которую мы полны решимости достичь в соответствии с чаяниями наших народов при всестороннем участии нашего народа...»* [7. С. 1].

Инициативы, направленные на координацию усилий осуществляются, но отсутствие самосовершенствования выступает серьезным препятствием для африканских государств. По сравнению с бывшими президентами Конго, нынешний президент Феликс Чисекеди понимает важность региональ-

ного сотрудничества в стабилизации своей страны. Он постоянно выступает с инициативой координации действий с соседними странами в борьбе с вооруженными группировками на востоке. В июне 2019 г. в Киншасе была запланирована встреча с участием представителей разведывательных служб Конго, Руанды, Уганды, Танзании и Бурунди, главной целью которой была координация усилий, особенно по вопросам безопасности. Кроме того, лидеры армий РВО вместе с войсками МООНСДРК и Африканским командованием вооруженных сил США «АФРИКОМ», встретились в Гоме (Северная Киву) под руководством штаба ВСДРК. Цель этой встречи, по словам пресс-секретаря ВСДРК генерала Леона Ричарда Касонги, было обсуждение коллективной безопасности в субрегионе и поиск решений [12]. Несмотря на все эти усилия, реализация остается проблематичной.

Желание координировать действия находит свое значение в теории комплекса региональной безопасности, разработанной Барри Бузаном и Оле Вейвером из Копенгагенского института исследований мира (*The Copenhagen Peace Research Institute – COPRI*). По мнению Б. Бузана, комплекс региональной безопасности означает совокупность государств, чьи основные проблемы безопасности и озабоченности настолько взаимозависимы, что их проблемы национальной безопасности не могут быть разумно проанализированы или решены отдельно друг от друга. Динамика формирования и структура комплекса безопасности генерируются государствами внутри комплекса через их взаимное восприятие безопасности [5. С. 17]. Согласно этой теории, международная система может быть разделена на региональные единицы, в рамках которых взаимодействие в области безопасности может быть конфронтационным или кооперативным [21. С. 28-29]. На основании этих определений следует указать, что в РВО отсутствует реальное коллективное военное устройство, способное противостоять угрозам безопасности. Кроме того, региональное или международное измерение безопасности вытекает из того, что конфликт внутри одной страны может выходить за пределы своей страны и иметь последствия для другой. Транснациональная тенденция конфликтов является реальностью в РВО. В качестве примера следует отметить случай с сотнями тысяч беженцев, включая вооруженные ополчения «Интерхамве» – Руандийские вооруженные силы, которые бежали в ДРК после геноцида 1994 г. Там они основали Демократические силы освобождения Руанды (ДСОР) – вооруженную группировку, рассматриваемую как один из основных источников дестабилизации в восточной части ДРК.

Создание системы коллективной безопасности в РВО является необходимостью, учитывая продолжающиеся вооруженные конфликты на востоке ДРК. Это заслуживает особого внимания, поскольку совместные действия могут также оказывать влияние в экономических сферах стран. По этому поводу М. Бучаримуге говорит о проблеме сильной милитаризации в вос-

точной части ДРК, вызванной присутствием МООНСДРК и АФРИКОМ. Автор упоминает случаи регулярных интервенций угандийской и руандийской армий по собственной инициативе или в рамках соглашения с режимом Джозефа Кабилы без уведомления конголезского парламента (например, операции «Наш союз» (*Umoja Wetu* на суахили) и операция «Кимина II» в Северном и Южном Киву в 2009 г.). Это военное вмешательство, эксплуатация и разграбление местных богатств, таких как нефть и древесина, официально оправдывается невидимым терроризмом со стороны Вашингтона [8. С. 13]. Отметим также, что ухудшение дипломатических отношений между государствами составляет серьезное препятствие с точки зрения коллективной обороны в РВО. Несмотря на то, что государства пытаются координировать свои усилия, трудно поверить в реальное сотрудничество в тот момент, когда существуют напряженные дипломатические отношения между Руандой и ее соседями, особенно Бурунди и Угандой. Более того, обязательным условием для того, чтобы государства приступили к процессу коллективной обороны является политический диалог. Все это приводит к мысли о том, что гармонизация дипломатических отношений между государствами является предпосылкой для создания реального комплекса региональной безопасности.

Выводы. Создание системы коллективной обороны в РВО является целесообразным механизмом в борьбе с дефицитом безопасности. Этот механизм требует выполнения предварительных условий, включая гармонизацию дипломатических отношений между государствами. Несмотря на желание координировать усилия в ДРК не следует полагать, что странам РВО будет легко консолидироваться и сформировать действенный комплекс региональной безопасности, так как между некоторыми странами в настоящий момент наблюдается дипломатическая напряженность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Жукова О.Н. Регионы в современной системе международных отношений и комплекс безопасности // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты. 2018.
2. Ндайисаба О. Угроза «балканизации» демократической республики Конго и позиция государств региона великих озер Африки // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. DOI: 10.31429/26190567-20-3-127-135
3. Подвинцев О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7.
4. Сидорова Г.М. Кто виноват в нестабильности Демократической республики Конго? // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39).

5. *Abourabi Y., Sanctis J.* L'émergence de puissances africaines de sécurité: étude comparative // Etudes de l'IRSEM. 2016. T. 44.

6. *Abdoulaye M.* Gouvernance et intégration régionale en Afrique Centrale // Mouiche I., Ewusi S.K. Gouvernance et sécurité en Afrique subsaharienne francophone: entre corruption politique et défis sécuritaires. 2015.

7. *Alphonse N.* L'intégration africaine face à la mondialisation: État des lieux, défis et perspectives // https://jaga.afrique-gouvernance.net/_docs/luaba.pdf.

8. *Bucyalimwe Mararo S.* La gouvernance en Afrique des Grands Lacs: état des lieux et perspectives // musabyimana.be. 2015.

9. *Christophe R.* RDC: armée congolaise, le problème et la solution // <http://afrikarabia.com/wordpress/rdc-armee-congolaise-le-probleme-et-la-solution/>.

10. D'étude sur le Congo G. Congo, l'oublié. 2019.

11. *El Bikam A., Kourouma O., Ndong Z.A.* Union Africaine: Quelles Options d'Autonomie Stratégique Possibles? // African Union: What are the Possible Options for Strategic Autonomy? 2017.

12. *Jonathan K.* Grands Lacs: Les armées de la RDC, du Rwanda, du Burundi, de l'Ouganda ainsi que l'AFRICOM et la MONUSCO planifient la «neutralisation» des groupes armés // <https://actualite.cd/2019/09/13/grands-lacs-les-armees-de-la-rdc-du-rwanda-du-burundi-de-louganda-ainsi-que-lafricom-et>

13. *Jäger L., Zogg B.* Congo: l'alternance dans la continuité // Politique de sécurité: analyses du CSS. 2019. № 239. DOI: <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000323169>

14. *Lagrange M.A.* Les mécanismes de paix régionaux dans les Grands Lacs: des outils incapables de promouvoir la démocratie? // Revue Tiers Monde. 2016. № 4.

15. *Meyer A.* L'intégration régionale et son influence sur la structure, la sécurité et la stabilité d'Etats faibles: l'exemple de quatre Etats centrafricains: дис. Paris: Institut d'études politiques, 2006.

16. *Msellemu S.A., Machangu H.M.* Beyond the African Unification Debate: Why is Pan-African Unity Still a Distant Dream? // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 2. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-47-2-15-21

17. *Normand N.* Le grand livre de l'Afrique: Histoire et société-Culture et institutions. Politique et sécurité-Économie et développement. Editions Eyrolles, 2018.

18. *Ndao A.* L'informalisation de la violence physique légitime: le Sénégal à l'épreuve des milices islamiques // Lien social et Politiques. 2016. № 76. DOI: <https://doi.org/10.7202/1037067>

19. *Waka M.P.* Les valeurs canadiennes en contexte international: analyse de la rhétorique politique et des pratiques des multinationales canadiennes en République Démocratique du Congo (2000-2010). 2017.

20. *Willy A.L.* La coopération militaire avec la Russie va permettre à la RDC de mettre fin à l'embargo sur les armements (Crispin Atama) // <https://actualite.cd/2018/06/14/la-cooperation-militaire-avec-la-russie-va-permettre-a-la-rdc-de-mettre-fin-a-lembargo-sur-les-armements-crispin-atama/>

21. Wannakula Aratchilage M. Le complexe de sécurité en Asie orientale: la rivalité sino-indienne. Université de Lausanne, Faculté des sciences sociales et politiques, 2018.

NDAYISABA AUGUSTIN

*Post-Graduate Student, Department
of Comparative Political Science, Peoples'
Friendship University of Russia,
Bujumbura, Burundi*

GREAT LAKES REGION OF AFRICA (GLR): COLLECTIVE DEFENSE AS AN APPROPRIATE SOLUTION TO THE PROBLEMS OF INCAPACITY OF THE CONGOLEAN ARMED FORCES

The article analysis the problem of incapacity of the Congolese armed forces as well as finding out the reasons connected with this. Particular attention is given to the importance of the regional dimension in terms of security. Collective defense is thus proposed as an appropriate response to the defense challenges facing the Democratic Republic of the Congo (DRC). It is concluded that resolving the problems of the armed forces and the issues of security deficit in the DRC requires coordinating the efforts of states by creating a regional security complex, a mechanism whereby the harmonization of diplomatic relations between the countries of the GLR should be a priority.

Key words: *Armed Forces of the Democratic Republic of the Congo, incapacity, collective defense, regional security complex.*

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ МОСТ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛИИ ОСВОЕНИЯ ТРАНС-АРКТИКИ

Северный морской путь, пролегающий вдоль акватории береговой линии РФ по морям Северного Ледовитого океана, становится одним из факторов увеличения актуальности Арктического региона. Установление круглогодичного водного транспортного потока вдоль Северной широты способствовало бы в развитии экономической составляющей региона, а также благоприятно сказалось бы на общественно-социальной конъюнктуре. Ситуация развития СМП имеет стратегическое значение не только для РФ, которая имеет планы на развитие морской магистрали в качестве транзитного пути от Востока к Западу, с предоставлением услуги в виде сопровождения торговых кораблей Российскими ледоколами, но и для всех стран, связанных с морскими перевозками. По вопросу развития Северного морского пути существует ряд вопросов, являющихся стратегическим вызовом для РФ, в число которого входит глобальное потепление, суверенитет СМП, научные экспедиции неарктических стран и военная безопасность региона. Проводимая политика внедрения в международные отношения государств, не относящихся к Арктическому региону, выражается двояким значением, с одной стороны, появления новых источников финансирования и технологического обеспечения стало бы ощутимой поддержкой для стран Арктической пятерки, а также открытие для РФ новых рынков сбыта добываемой нефти-газового сырья, безусловная победа политики РФ против увеличения влияния третьих стран в регионе.

Принятие официальных стратегических документов неарктическими странами говорит об их желании присутствовать в регионе и о выстраивании долгосрочной политики, что является для РФ сигналом.

Северный морской путь, начинающийся от Мурманска и фактически заканчивающийся портом Певек, является морской магистралью от Европы к Азии, образующую в Арктике широкий водный путь от любой точки мира, изменяя статус Арктических вод в Транс-Арктику.

Ключевые слова: Арктический регион, Северный морской путь.

За последнее время статус Арктического региона изменился и приобрел весомый уровень, увеличившись в масштабе всей планеты. Безусловно, все это исходит из-за вызовов, которые угрожают всему миру, например, глобального потепления, которое до поры до времени всегда будет актуальной темой, ввиду незначительной эффективности и сложности мер противодействия этому процессу. В международной конференции «Arctic Frontiers», проведенной в начале 2020 года, в норвежском городе Тромсе, официальные лица: ученые, эксперты, международники, дипломаты, пришли к выводу, что на территории Арктического региона не существуют проблем, которые невозможно разрешить, кроме вопроса глобального потепления. Сложившаяся ситуация показывает, что действительно факт поднятия температуры в Арктике зафиксирован, и при складывающемся темпе роста вопрос таяния ледников Арктических морей и Северного ледовитого океана станет делом времени, что неизменно откроет доступ к морским водным маршрутам по Северной широте. Помимо этого, существует точка зрения, что данный процесс поднятия общей температуры в Арктике цикличен, и по истечении времени, все вернется на круги своя, что затруднит открытие перспективного водного маршрута [3].

Цели исследования и актуальность темы:

Статья рассматривает реализацию политики Российской Федерации по освоению водного транспортного маршрута «Северный морской путь» – изучается данный вопрос с позиции новых угроз: рассмотрение вероятных рисков срыва установленных объемов грузоперевозок по трассе СМП, недавними подписанными нефтяными сделками «ОПЕК +», и его влияния на Арктическую стратегию РФ.

Актуальность исследования: заключается в изучении международно-экономических процессов по нефтяным сделкам и их влияние на стратегию РФ в Арктике.

Задачи:

1. Анализ состояния и возможных сценариев развития обстановки в Арктическом регионе.
2. Экстраполяция нефтяной сделки «ОПЭК+» на деятельность и развития СМП.
3. Оценка состояния и перспектив повышения эффективности.

Методы исследования:

Представляет собой сочетание политико-экономического подхода. В качестве ключевого метода исследования планируется использование системного анализа. Помимо этого, планируется использовать ряд общенаучных методов: метод сравнительного анализа, метод контент- и ивент-анализа, политико-прогностический метод и др.

Выводы: Результаты исследования могут быть использованы различными ведомствами и организациями для прогнозирования ситуации в Арктическом регионе.

Стратегическое планирование в развитии СМП. О повышении статуса Арктической стратегии в международных отношениях можно узнать благодаря увеличению политических связей и научно-исследовательских конференций, принятием новых стратегических документов все большим количеством стран, а также их обновлением во второй, а то и в третий раз странами Арктической пятерки и неарктическими государствами для системного планирования своей внешней политики в регионе.

Российская Федерация имеет большие планы на Северный морской путь, реализация которого распределена поэтапно. Прежде всего для осуществление своих проектов Россия нуждается в обновлении ледокольного флота по причине износа и выхода из строя некоторых атомных ледоколов, созданных еще во времена Советского союза. До 2024 года планируются ввести в строй новые суда проекта 22220 «Арктика», «Сибирь», «Урал», которые по своей мощности смогут в разы усилить атомный ледокольный флот РФ [4]. На стадии строительства также находится атомный ледокол проекта 10510 «Лидер», который будет иметь мощность в 120 мвт для преодоления льдов толщиной в 4 метра, открывая круглогодичный морскую коммуникацию в СМП. Установление круглогодичного морского трафика от Европы к Азии позволит достигнуть объема грузооборота к 2024 г. до 80 млн тонн с последующим увеличением к 2030 года до 120 миллионов тонн, а в 2035-м – 160 миллионов. Согласно оценкам экспертов KPMG, вклад Северного морского пути в ВВП России составит до 2% в год (к 2050 году), а выигрыш для бюджета – 4,4 трлн рублей от налоговых поступлений и увеличения дивидендов. Так за 2018 год, общий объем товарооборота составил 20 млн. тонн, а в ноябре 2019 года выполнили поставленную задачу с достижением 26 млн. тонн. Прежде всего, нужно отметить, что установленная планка высока, но, как утверждают эксперты, достижения, благодаря экспорту ресурсов из региона, перевозка которых составит большую часть, оставляя за транзитной перевозкой малую долю. В долгосрочной перспективе планируется увеличить количество международных транзитных перевозок, от которых Российская сторона будет получать плату за проход и за предоставление атомных ледоколов в качестве сопровождения [2]. Именно для этого и предполагается создание круглогодичного морского пути от Европы к Азии по трассе СМП и ее позиционирование, как альтернативы Южному водному пути через Суэцкий канал. Достижение этих целей далеки от реальности, так как на практике международный транзит через Арктику не является востребованным, за 2018 год составила всего лишь 0,49 млн. тонн и 0,43 млн тонн за 2019 год, эти цифры занимают ничтожную часть за весь объем годовой перевозки. Ситуация усугубляется скептическим настроем Западных компаний и стран к РФ и к ее проектам, влияющим и на программу СМП. Осенью 2019, компания «Nike», а также одна из крупнейших организаций по контейнерным перевозкам «СМА

СМГ» отказались использовать Северный морской путь, аргументируя свои действия, как акт не загрязнения окружающей среды, что является весьма неубедительным ответом. Несмотря на все обстоятельства, РФ активно развивает СМП, создаются и улучшаются все большее количество портов, что, безусловно, отражается и на человеческий капитал, и на жизнедеятельность в Арктике. 5 марта 2020 года президент подписал новую стратегию развития Арктических территорий РФ до 2035 года, в котором отсутствует посыл развития и увеличения транзитных путей через СМП, что ставит в тупик ликвидность морского маршрута. Российская экономика ориентирована только на добывающую инфраструктуру, при котором не будет существовать стабильность, и, соответственно, никакое долгосрочное планирование не будет достоверной. Недавние нефтяные войны являются тому доказательством, прямым образом, ударившим по стратегическому планированию РФ. Под угрозой стоит вопрос достижения согласованных 80 млн. тонн грузоперевозок по СМП. Большую долю от общего количества тонн груза составляет нефть, которую перевозят от нефтеналивного терминала «Ворота Арктики» и загружают нефтью морские танкеры. Каждый год он отгружает до 8 млн. тонн нефти, перевозимых по трассе СМП за 2018 год и 2019, которые после подписания соглашения «ОПЭК+» сократятся, а то и вовсе останутся. Российская сторона хоть и сделала ставку на СПГ в Арктике, что в будущем составит большую часть перевозок через СМП [7]. Производство СПГ в Арктике, согласно стратегии, вырастет до 46,7 миллиона тонн в 2024 году, 73,5 миллиона в 2030-м и 120 миллионов в 2035-м. Оставшаяся 15 процентов тонн груза составит нефть, которая уже теряет свои цифры, ввиду переизбытка нефти в мире, из-за которого страны ОПЭК, ОПЭК плюс договорились снизить добычу на 10 млн. тонн баррелей в сутки, из которых России приходится 2 млн. тонн барреля в день, что на 0,7 млн. меньше изначального условия. Сделка ОПЭК+, ограничивавшая объем добываемой нефти ради удержания нефтяных котировок на приемлемом для стран уровне, действовала с 2017 года. В начале марта участники соглашения ОПЭК+, определили о сокращении добычи нефти в условиях проседающего спроса, не договорились о продлении сделки, и она перестала действовать с 1 апреля [6].

Заключение. Северный морской путь является главной морской коммуникацией в российской Арктике, освоение которой в действительности даст толчок в развитии всей Арктики. Улучшения уровня жизни, прямым образом зависит от установление логистических путей для доставки благ цивилизационного общества в труднодоступные местности Арктического региона [1].

Визуализация, Северного морского пути, как потенциального конкурента, Суэцкому каналу, возможно в будущем станет действительностью. Современные реалии диктуют о невозможности конкуренции между дву-

мя этими морскими трассами, даже на рубеже 2035 года. Примечательно то что Суэцкий канал является транзитной магистралью, а СМП только развивает международное транзитное направление, и встречает определенные трудности в реализации этого проекта. СМП будет выполнять роль магистрали для вывоза природных ресурсов Российскими компаниями, а транзитные международные перевозки составляют малую долю от всего объема перевозимых грузов [5]. В следствии, зависимости России от ценовой политики на нефть, и связанности всех будущих проектов на территории Российской Арктики с добывающей инфраструктурой, РФ не имеет твердой поверхности в виду скачкообразности цен на нефть и газ. Цели установленных стратегий могут подвергнуться изменениям, в виду невыполнения установленных нормативов, что в связке с отсутствием транзитных грузоперевозок по трассе СМП, создает реальную угрозу развитию СМП и стратегии РФ. Для решения данного вопроса, РФ не должна отказываться от цели установление транзитной магистрали СМП и пойти на уступки западным логистическим компаниям, в виде предоставления на срок до 10 лет давать право свободного прохода грузовым кораблям в целях упрочнения репутации проходимости данного маршрута, что безусловно привлечет внимание для транзитных грузоперевозок и увеличит их количество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конвенция ООН по морскому праву // Сайт Организации Объединенных Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea184-234.pdf.
2. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия Канады в освоении Арктики // Арктический Регион «проблемы международного сотрудничества». 2013. № 1.
3. *Кулешов В.В., Селиверстов В.Е.* Стратегическая преемственность и зарубежный опыт: уроки для современного этапа освоения российского Севера и Арктики // Российская Арктика: современная парадигма развития. 2014. № 1.
4. Новый ледокольный флот России инфографика // Аргументы и факты // https://aif.ru/money/economy/novyy_ledokolnyy_flot_rossii_infografika.
5. Северный морской путь движется к президентской цели // Деловая газета взгляд // <https://vz.ru/economy/2019/9/3/995575.html>.
6. СМИ сообщили о заключении новой нефтяной сделки ОПЭК+ // rbc.ru // <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8f7a469a79475b57d90d1f>.
7. Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. М.: Просвещение, 2004.

A.D. LUKIN

Postgraduate student of the Diplomatic
Academy of the Russian Ministry of Foreign
Affairs, Moscow, Russia

THE NORTHERN SEA ROUTE IS A BRIDGE BETWEEN EAST AND WEST PERSPECTIVES AND REALITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE TRANS-ARCTIC

The Northern Sea Route, which runs along the water area of the coastline of the Russian Federation, becomes one of the factors of the increase of prospect of developing the Arctic region. The establishment of a year-round water transport flow along the Northern latitude would contribute to the development of the economic component of the region and would also have a beneficial effect on the social and social context. The situation, connected with the development of the NSR, is of strategic importance not only for the Russian Federation, which has plans to implement this sea route, as a transit route from East to West, providing services in the form of escort of merchant ships by Russian icebreakers, but also for all countries, associated with sea transportation. Scientific expeditions, conducted to study the phenomenon of global warming and other challenges, emanating from the Arctic region, become an additional brick of the region's relevance. As a result, the issue of the sovereignty of the Arctic sea waters is raised.

The current policy of introducing non-Arctic states into international relations is expressed in two ways, on the one hand, the emergence of new sources of financing and technological support would be tangible support for the Arctic five, in addition to the emergence of new sales markets for extracted oil and gas raw materials, against increasing the influence of third countries in the region. The adoption of official strategic documents by non-Arctic countries indicates their presence in the region and long-term planning of their policies, which is a signal for the Russian Federation to build the most effective course.

The Northern Sea Route, starting from Murmansk and actually ending with the port of Pevek, is the first branch of the sea route from Europe to Asia, but there is a second branch in the form of the North-West Sea Route, which is an analogue of the NSR that runs along the water area of Canada, which also becomes a promising project connecting marine logistics, forming in the Arctic a wide waterway from anywhere in the world, changing the status of Arctic waters in the trans-Arctic.

Key words: Arctic region, Northern Sea Route, Northwest Sea Pass, Trans-Arctic.

БЕЛАЯ КНИГА ПО АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ – СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В АРКТИКЕ

В статье рассматривается арктическая политика КНР, страна готова активно участвовать в решении вопроса по развитию Арктики вместе со всеми заинтересованными сторонами и совместно реагировать на глобальные вызовы, поддерживать и содействовать миру, стабильности и устойчивому развитию региона. Арктический вопрос касается не только непосредственно арктических стран и народов севера, он также затрагивает интересы стран за пределами Арктики и общие интересы международного сообщества, он напрямую связан с общей судьбой человеческого выживания и развития. Как географически «приарктическая страна», Китай является важным участником в делах Арктики. Преимущества в области дипломатии, экономики, технологий и емкости рынка позволяют Китаю проявить активную роль в поддержании безопасности арктического региона, экологическом использовании арктических ресурсов и балансировании интересов как арктических, так и неарктических стран. Отмечается, что арктическая политика Китая направлена на защиту общих интересов всех стран и международного сообщества, содействие устойчивому развитию Арктики, содействие экономическому и социальному развитию региона и улучшение условий жизни местных жителей, с целью достижения общего развития.

Ключевые слова: *Арктическая политика Китая, Белая книга по Арктической политике Китая, глобальные экологические проблемы, изменение климата, управление по делам Арктики.*

Глобальное потепление с каждым годом все больше меняет внешний вид Арктики растапливая ледники, поэтому сейчас биоразнообразие экологической среды стало важной проблемой, стоящей перед всем человечеством. Защита и освоение богатых ресурсов Полярного круга уже не раз упоминались в международной повестке дня. Возможность разработки арктических транспортных маршрутов становится все более очевидной. Регион претер-

певают исторические изменения, которые оказывают непосредственное влияние на все мировое сообщество, в том числе и на Китай, в то же время экономическая деятельность в Арктике имеет большое значение для экологии и экономического развития Поднебесной. Также участие в международном арктическом сотрудничестве является непосредственным продолжением инициативы Китая «Одного пояса, одного пути» и дополняет формирование «Ледяного шелкового пути».

Географически Китай – одна из самых близких по расположению стран за Полярным кругом, поэтому являясь заинтересованной стороной он несет большую ответственность в изменениях и экономической деятельности арктического региона. В плане «Арктической политике Китая», КНР определили основные цели политики, принципы и инициативы по вопросу Арктики. Занимая важную позицию в современном мире, Китай ведет активную деятельность в международном сотрудничестве по управлению Арктикой, совместно реагирует на глобальные вызовы и сотрудничает с заинтересованными государствами и международными организациями по развитию Северного морского пути, а также строит «Ледяной шелковый путь» линией совместного строительства и использования.

В сочетании с текущим положением дел в Арктике и развитием региона, все более тесно связанным с деятельностью Китая, страна изложила свою политическую позицию по участию в арктических делах и обеспечила соответствующие возможности для дальнейшего совершенствования систематического проведения арктической политики. В речи председателя КНР Си Цзиньпина на тему «Совместное строительство глобального сообщества с единой судьбой» 18 января 2017 года в штаб-квартире ООН в Женеве, было еще раз подчеркнуто, что все заинтересованные стороны должны отстаивать принципы мира, суверенитета, инклюзивности и совместного управления в вопросах арктического региона. Это относится к строительству глубоководных морских путей, проведению в Арктику коммуникаций и интернет-сообщения, обеспечению качественного развития региона, проведения научных исследований и т.п. Все это должно проводиться посредством сотрудничества, а не соревнования [7]. Это полностью демонстрирует идеи Си Цзиньпина о глобальном управлении и взаимовыгодном сотрудничестве на новых стратегических территориях.

26-го января 2018 года, в последний день конференции «Арктические рубежи» 2018-го года в Тромсе, Информационное бюро Госсовета КНР издало «Белую книгу КНР по арктической политике» (далее – Белая книга). Основное содержание документа состоит из пяти разделов: предисловие, ситуация в Арктике и последние изменения, Китай и Арктика, цели арктической политики КНР и ее основные принципы, инициативы и позиция страны касательно участия в арктических отношениях и выводы. Белая книга повышает прозрачность деятельности Китая в Арктике и подчеркивает

ключевую цель – сотрудничество [9]. Во-первых, Белая книга разъясняет миру инициативы Китая в Арктике, а также интересы и цели страны. Китай надеется на сотрудничество со всеми сторонами. Во-вторых, она информирует соответствующие арктические страны о том, что внимание, интересы и сотрудничество КНР в регионе не имеют геополитические цели: они способствуют взаимовыгодному сотрудничеству в Арктике [5]. Наконец в Белой книге разъясняются цели политики Китая и его интересы. Страна проявляет себя в качестве активного участника, вносящего свой вклад в решение вопросов арктического региона [3. С. 84].

Таким образом, Китай обозначил и обнародовал свои основные позиции касательно происходящих в Арктике изменений. В «Предисловии» указано, что на фоне постоянного углубления региональной интеграции и экономической глобализации, ситуация в арктическом регионе тесно связана не только с интересами арктических стран, заинтересованных сторон и с интересами международного сообщества в целом, но и с общей судьбой человеческого выживания и развития. Как страна, ведущая активную деятельность по развитию общества, Китай принимает активное участие в разработке и финансировании арктических отношений, а также способствует качественному развитию Арктики. Китайское правительство поощряет инициативы к более активному участию в системе управления Арктикой и работает с международным сообществом в целях обеспечения и укрепления мира, стабильности и устойчивого развития региона [1].

Арктика является своего рода индикатором климатических изменений, вызванных глобальным потеплением. Регион обладает обильными ресурсами, экстремальным климатом и хрупкой окружающей средой, он является ключевой территорией международного сотрудничества для решения глобальных проблем [10. С. 2]. В Белой книге указывается, что биосфера в Арктике претерпевает глобальные изменения. Согласно научным прогнозам, Северный Ледовитый океан может практически полностью лишиться льда в течение следующих 50 лет. Согласно исследователям Калифорнийского университета, приблизительно к 2050 г. в течение некоторой части каждого года, Северный Ледовитый будет полностью освобожден ото льда, если текущие глобальные выбросы углерода останутся неизменными. Исторически сложилось так, что когда арктический лед тает до самого низкого уровня в сентябре, он покрывает около шести миллионов квадратных километров. Но за последнее десятилетие это число сократилось до четырех с половиной миллионов. Таким образом, изменения в природной среде Арктики могут привести к ускорению глобального потепления, повышению уровня моря, нарушению биоразнообразия, увеличению числа экстремальных погодных явлений и другим глобальным проблемам.

Правительство Китая поясняет, что страны за пределом Арктического региона не имеют территориального суверенитета в Арктике, но у них так-

же есть право на научные исследования, судоходство, авиaperелетов, рыболовный промысел, прокладку подводных кабелей и трубопроводов в открытом море и других соответствующих морских районах Северного Ледового океана. Более того, в соответствии с международным правом и такими нормативными актами, как ЮНКЛОС, они имеют права на разведку и освоение ресурсов в Особой Зоне. Кроме того, стороны Шпицбергенского договора, к которому Китай присоединился в 1925 году, пользуются свободой доступа и захода в определенные районы Арктики, имеют права в условиях равенства и, в соответствии с законом, на осуществление и выполнение научных исследований, производственной и коммерческой деятельности, таких как охота, рыболовство и добыча полезных ископаемых в этих районах [1]. Фактически, на основаниях международного права, «Шпицбергенский договор» подтверждает, что граждане Китая, как граждане договаривающегося государства, могут въезжать на Острова Шпицберген самостоятельно, проводить научные исследования, торговую и туристическую деятельность и другие виды деятельности [4. С. 38].

Однако стоит отметить, что все же участие Китая в арктических делах ограничено и не требует особых прав [4. С. 39]. В отношениях между Китаем и Арктикой, Белая книга определяет положение Китая как важного участника арктических отношений. Являясь «приарктическим государством» и одним из континентальных государств, Китай наиболее близко расположен к Северному полярному кругу [1]. Статус приарктического государства в первую очередь определяет, что КНР относится к неарктическим странам и помимо своих законных прав согласно соответствующему международному праву, Китай не владеет территорией и суверенитетом в Арктике. Во-вторых, статус приарктического государства выражает географическую близость. Являясь одной из крупнейших стран северного полушария, Китай испытывает климатические изменения в Арктике напрямую. Климатическая ситуация в арктическом регионе тесно связана с эксплуатацией экосистемы Китая, которая, в свою очередь, связана со стабильностью экосистемы и безопасностью сельскохозяйственного производства Китая [1]. Таким образом, природная среда Арктики непосредственно влияет и на экономические интересы Китая в области сельского, лесного хозяйства, рыболовства, морской промышленности и в прочих областях. Ряд арктических вопросов имеет важное значение не только для самого региона, но и для существования и развития всех стран и человечества в целом. Среди них: изменение климата, окружающая среда, использование морских путей, разведка и освоение ресурсов, научные исследования, безопасность и международное управление и т.д. [1]. Китай, как страна с быстро развивающейся экономикой, активно пользуется свободой и правами научных исследований, судоходства, авиaperелетов, рыболовства, прокладки подводных кабелей и трубопроводов, а также разведки и освоения ресурсов и т.д. в районах общего пользования, включая Северный Ледовитый океан.

Интересы Китая в регионе интегрированы, и имеют общую принадлежность ко всем странам мира. КНР и арктические государства имеют общие интересы и будущее в Арктике. Арктические месторождения и природные ресурсы также являются критически важным пунктом арктического сотрудничества и совместное участие в их освоении может стать основой для развития двустороннего энергетического сотрудничества в Арктике [6]. Китай является активным участником в Арктических отношениях, поэтому также выступает и ответственным лицом в Арктических делах. С политической точки зрения, Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН и выполняет важную миссию совместного поддержания мира и безопасности в Арктическом регионе и мире в целом. В экономическом отношении, Китай является крупным потребителем энергии и страной с активно развивающейся экономикой и крупным объемом внешней торговли. Развитие и использование маршрутов и ресурсов арктического региона может оказать огромное влияние на энергетическую стратегию Китая и его экономическое развитие. С точки зрения предоставления общественных благ для управления регионом и его экономического развития, китайские фонды и капиталовложения, технологии, а также знания и опыт, безусловно, играют важную роль. Как страна с стремительно растущей экономикой и важный участник мирового сообщества, Китай обязан участвовать в арктическом сотрудничестве для дальнейшего изучения Арктики, ее защиты и работы по устойчивому развитию.

История участия Китая в арктических делах может доказать, что Китай имеет возможности участвовать в арктических делах и играть в них более активную роль [4. С. 38]. В 1925 году Китай присоединился к «Шпицбергенскому договору», который определил правовой статус Китая в участии в делах региона. С тех пор деятельность КНР в Арктике продолжает увеличиваться, а сотрудничество углубляться. С 1999 года Китай официально начал научные исследования в Арктике. В 2004 году была построена Китайская научно-исследовательская станция «Хуанхэ» на островах Шпицберген в Арктике. По состоянию на 2020 год страна успешно провела десять раз научных исследований Северного Ледовитого океана. С помощью платформы судовой станции Китай постепенно создал многопрофильную систему наблюдения за морем, льдом, климатическими изменениями, атмосферой, биологической и геологической системой Арктики. В 2013 году КНР стал аккредитованным наблюдателем в Арктическом Совете. Страна провела переговоры по делам Арктики в различных областях с Россией, Канадой, Соединенными Штатами и странами Северной Европы, а также активно участвовал в важных международных форумах по Арктике, таких как: Ассамблея «Арктического круга», Международный форум Arctic Frontiers («Арктические рубежи»), Международный арктический форум «Арктика – территория диалога» и Министерская встреча по вопросам развития

науки в Арктике. Китай предложил инициативу «Один пояс, один путь» и совместное строительство «Ледового шелкового пути» со всеми заинтересованными сторонами, что предоставит возможности для сотрудничества в деле проведения взаимосвязанности и устойчивого экономического и социального развития арктического региона.

Китай проводит исследования и сотрудничество в Арктике во многих областях. После многолетней напряженной работы стране удалось создать междисциплинарную систему всестороннего наблюдения за климатом, фауной, биологической и геологической системой арктического региона [1]. Сегодня фокус Китая сосредоточен на исследованиях, защите среды и сотрудничестве в Арктике, а также на глобальном управлении, региональном сотрудничестве и охватывает такие дисциплины, изменения в экологической среде, изменения климата, научные исследования, экономическое развитие и культурные обмены. Также важно отметить, что, скорее всего, в результате глобального потепления арктические судоходные маршруты, в будущем станут важными транспортными маршрутами для международной торговли. На данный момент китайские экономисты начали активно исследовать коммерческое использование арктических морских путей, в то же время судостроительные предприятия занялись разработкой технологий для экстремальных погодных условий.

Белая книга обусловила позицию Китая в глобальной системе управления, таким образом, с более высокой точки зрения, объяснила необходимость участия Поднебесной в управлении Арктикой и важность содействия сотрудничеству и взаимовыгодности. С одной стороны, Китаю необходимо официально «вступить» в Арктику и постепенно прояснить свои основные права и интересы в регионе. С другой стороны, необходимо координировать интересы Китая в Арктическом регионе и содействовать международным обменам и сотрудничеству во всех аспектах арктических вопросов, а также работать с соответствующими странами для решения нетрадиционных проблем безопасности, возникающих в связи с арктическими проблемами, с тем чтобы поддерживать мир и содружество в арктическом региональном сотрудничестве, содействовать устойчивому развитию системы управления регионом и посредством этих усилий по консолидации и укреплению права голоса Китая в данном вопросе [8. С. 169].

В Белой книге определены политические инициативы Китая в Арктике: понять, защитить, содействовать развитию и участвовать в системе управления региона, а также выдвинуты основные принципы: «уважения, сотрудничества, беспроигрышного результата заинтересованных сторон и устойчивости»; разработан главный курс и позиции в отношении участия КНР в арктических отношениях [1]. Белая книга является программным документом, направляющим деятельность соответствующих китайских правительственных ведомств и учреждений в их работе по вопросам Арктики.

Китай рассматривает уважение как основной принцип участия в арктическом развитии сотрудничество как единственный способ участия, взаимную выгоду как стремление к участию, а устойчивость – как цель. В будущем Китай планирует укреплять сотрудничество с международным сообществом и организациями, чтобы воспользоваться уникальной возможностью участвовать в развитии Арктики, бороться с проблемами окружающей среды, вызванными изменениями в регионе, продвигать взаимовыгодное сотрудничество, связанное с Арктикой в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и таким образом, совместно строить «Ледяной шелковый путь» с партнерами, чтобы достичь общества с общим будущим для человечества и посредством участия в развитии Арктики, внести свой вклад в установление стабильности и устойчивого развития целого мира [1].

Важная функция Белой книги – прояснить политику Китая, повысить доверие и устранить сомнения. Белая книга в принципе отреагировала и ответила на некоторые зарубежные комментарии, в которых говорилось, что Китай обеспокоен существующим порядком в Арктике. Во-первых, в книге последовательно подчеркивается, что деятельность Китая в Арктике соответствует действующим правовым нормам. Во-вторых – при участии в арктических делах Китай придерживается принципа «партнерства и неприсоединения», подчеркивая важность диалога со всеми арктическими странами и основными заинтересованными сторонами для содействия стабильности и международному сотрудничеству в Арктике. В-третьих – Китай уважает роль и функции Арктического совета и других основных механизмов управления Арктикой. 26 января 2018 года на пресс-конференции заместитель министра иностранных дел КНР Кун Сюанью подчеркнул, что при участии в Арктических делах Китай держится принципа действия «не в офсайде и не отсутствие», «не в офсайде» означает, что Китай, как неарктическая страна, не будет вовлечен в вопросы, которые напрямую связаны с арктическими странами. Участие Китая в Арктических делах будет в рамках соответствующих законов. «Не отсутствие» означает, что Китай будет активно играть конструктивную роль в арктических трансрегиональных и глобальных проблемах [2]. По отношению к беспокойству и давлению, которое экономическая деятельность Китая в Арктике оказывает на окружающую среду, в Белой книге подчеркивается «принцип устойчивости» деятельности Китая в регионе. Деятельность КНР проводится строго по «Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву» и соответствующими правилами Международных морских организаций, а также внутренними законами об охране окружающей среды арктических стран. В то же время, правительство Китая пообещало требовать от всех китайских юридических лиц и граждан, участвующих в деятельности в Арктике, соблюдения соответствующих законов по защите окружающей среды. В ответ на замечания о «чрезмерном приобретении и потреблении арктических ресурсов» в Бе-

лой книге изложены мысли правительства Китая по поводу участия в разработке и использовании арктических ресурсов: экологичное и совместное использование в строгом соответствии с законами и коммерческими правилами. Правительство КНР, как и многие другие правительства мира, считает, что использование арктических ресурсов должно основываться на защите окружающей среды.

Арктические морские пути, нефть и газ, рыболовство и другие ресурсы являются неотъемлемой частью мирового экономического развития. В Китае арктические ресурсы используются двумя типами. Первый заключается в том, чтобы связать рынок с ресурсами и продуктами соответствующих арктических стран и вести двустороннюю торговлю в соответствии с рамками и правилами мировой торговли. Например, нефть и газ из арктических стран, таких как США, импортируются в Китай, а водные продукты Северного Ледовитого океана из Исландии, Дании и Норвегии входят на китайский рынок и т.д. Двусторонняя торговля не только обогатила предложение Китая на рынке, но и способствовала развитию местной экономики и занятости жителей Арктического региона. Второй тип – экономическая деятельность Китая в арктических зонах соответствующих стран в качестве акционеров и инвесторов. Например, Китай участвовал в российском проекте СПГ «Ямал» в качестве одного из инвесторов, а также горнодобывающих проектах в Гренландии. Белая книга также подчеркивает международное сотрудничество для совместного изучения использования экологически чистой энергетики, такой как ветроэнергетика, для достижения глобального низкоуглеродного развития.

В качестве неарктической страны, географически близкой к Арктике, Китай уважает международные правовые базы, касающиеся Арктики, и основную систему управления Арктикой, уважает суверенитет и суверенные права арктических стран, уважает интересы коренных народов Арктики, и в то же время надеется, что арктические страны могут уважать права и свободы неарктических стран при ведении деятельности в регионе в соответствии с международным правом и уважать общие интересы международного сообщества в арктических территориях.

Правительство Китая подтверждает, что будет совместно с международным обществом изучать, защищать, развивать, участвовать в системе управления Арктикой и брать на себя международную ответственность путем международного сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды. Белая книга отражает координацию китайского правительства и политических целей Китая при решении арктических вопросов, содействие совместному реагированию на глобальные вызовы, такие как изменение климата, повышение актуальности и эффективности управления Арктикой, желание совместного поиска точки пересечения интересов и создания базы для совместного использования выгод.

Вывод. Белая книга «Китайская арктическая политика» в полной мере демонстрирует позиции, взгляды, политические и экономические принципы, цели и области сотрудничества Китая с мировым сообществом в различных областях и является торжественным заявлением Китая по арктической проблеме. Этот документ заложил основу для углубленного сотрудничества Китая и арктических стран. Расширение участия Китая в арктических вопросах не противоречит интересам и суверенности арктических государств в Арктике, не отрицает и не ослабляет приоритетные интересы арктических стран, а направлено на улучшение защиты собственных прав и интересов Китая в регионе и способствует повышению эффективности участия всех сторон в сотрудничестве, тем самым изыскивая более справедливую шанс для координации возможностей, которыми могут пользоваться страны в рамках управления Арктикой.

В рамках глобального управления, в качестве участника и инвестора, Китай вносит свой вклад в пользование и защиту окружающей среды, охрану экологии и реагирование на климатические изменения Арктики. Таким образом, проанализировав деятельность и арктические инициативы КНР в целом, можно сделать вывод, что основной целью Поднебесной является укрепление сотрудничества с заинтересованными странами и международными организациями для взаимовыгодной и совместной работы в интересах устойчивого развития мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белая книга по Арктической политике Китая (полный текст) // Сайт Информационное бюро Госсовета КНР, Пресс-канцелярия Госсовета КНР // <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm>.

2. Заместитель министра иностранных дел Кун Сюанью присутствует на пресс-конференции, посвященной Белой книге под названием «Арктическая политика Китая» и отвечает на вопросы журналистов, 26 янв. 2018 г. // <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/zyjh/t1529358.htm>.

3. Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй. Новая политика Китая по Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 7.

4. Ли Чжэньфу. Как правильно понимать арктическую политику Китая // CHINA SHIP SURVEY. 2019. № 3.

5. Лу Мэнцзюнь. Китай опубликовал Белую книгу «Китайская арктическая политика». Глобальное потепление ставит в центр внимания развитие и использование водных путей, 26 января 2018 г. // https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1970582.

6. Песцов С.К., Толстокулаков И.А., Лабюк А.И., Колегова Е.А. Международное сотрудничество в Арктике: интересы и стратегии стран Азиатско-Тихоокеанского региона // <http://ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=890c363f-f2dd-4a4f-bfb3-8499d3cb665e>.

7. Си Цзиньпин. Совместное строительство глобального сообщества с единой судьбой. Выступление в штаб-квартире ООН в Женеве // Жэньминь жибао. 20 января 2017 г.

8. Чжан Чэн. Арктические дела и роль Китая с точки зрения глобализации // Современный мир и социализм. 2019. № 3.

9. Чжао Хуансинь, Ке Иань. Китайско-американский исследовательский центр опубликовал аналитический отчет по Белой книге «Арктическая политика Китая» // Сайт газеты «Чайна Дейли». 17 марта 2018 г. // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1595200388502522069&wfr=spider&for=pc>.

10. Ян Цзянь. Интерпретация «Арктической политики Китая» // Вестник Тихий океан. 2018. № 3.

LEI SHUANG

Ph.D. student,

Far Eastern Federal University,

Vladivostok, Russia

WHITE PAPER: CHINA'S ARCTIC POLICY – PRESENT STRATEGY OF THE PRC IN THE ARCTIC

The article discusses Chinese Arctic policy, the country is ready to actively participate in resolving the issue of developing the Arctic together with all interested parties and jointly respond to global challenges, maintain and promote peace, stability and sustainable development of the region. The Arctic issue does not only concern the Arctic countries and peoples of the north, it also affects the interests of countries outside the Arctic and the common interests of the international community, also it is directly related to the common destiny of human survival and development. As a geographically “subarctic country”, China is an important player in Arctic affairs. The advantages in the field of diplomacy, economics, technology and market capacity allow China to play an active role in maintaining the security of the Arctic region, the environmental use of Arctic resources and balancing the interests of both Arctic and non-Arctic countries. It is noted that China’s Arctic policy is aimed at protecting the common interests of all countries and the international community, promoting the sustainable development of the Arctic, promoting the economic and social development of the region and improving the living conditions of local residents in order to achieve common development.

Key words: *China's Arctic Policy, White Paper, global environmental issues, climate change, Arctic Affairs Office.*

СОТРУДНИЧЕСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА С ГОРОДАМИ-ПОБРАТИМАМИ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Актуальность представленного исследования определяется возрастающей ролью регионов и городов в мировой политике, а также их стремлением к взаимодействию между собой в рамках побратимских связей. Цель исследования – выделить основные направления сотрудничества по линии соглашений о побратимских связях и оценить их эффективность. Проведенные расчеты позволяют предположить, что финские города-побратимы занимают особое место среди всех партнеров Петербурга по региону по совокупности исследованных факторов.

Ключевые слова: парадипломатия, побратимские связи, Санкт-Петербург, регион Балтийского моря.

В современном мире города и регионы все чаще воспринимаются полноценными участниками мировых процессов, выходят на качественно новый уровень экономического развития, выступают с инициативами, обогащают сферы науки и культуры. Партнерские связи между городами, как правило, более динамичны, так как инициативы, исходящие от регионов, зачастую могут быть эффективно реализованы без непосредственного участия федерального центра. Политика открытости, направленная на дальнейшую интеграцию города в международные процессы, развитие эффективной системы коммуникаций являются одними из главных приоритетов новой Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года, в которой отмечается, что ключевым конкурентным преимуществом города является статус важного контактного центра Региона Балтийского моря, следовательно, поддержание и развитие добрососедских отношений в регионе особо важно для его сохранения [9].

В научном сообществе участие городов в международных отношениях принято называть «дипломатией городов» или «парадипломатией», которая означает «выход на прямые связи между городами и другими участниками международного общения, распространение своего влияния и взаимодействие с партнерами в поиске и задействовании ресурсов для своего развития и сотрудничества далеко за пределами национальной территории» [10. С. 375].

Одним из инструментов такого вида сотрудничества являются побратимские связи городов, получившие особое распространение в мире после окончания Второй мировой войны. Основными идеями данного движения являются установление дружественных связей между городами, поддержание мира и распространение демократических ценностей. Изучению института побратимства, анализу внешних и внутренних факторов его формирования и развития уделено внимание в ряде исследований отечественных и зарубежных авторов. Тем не менее, непосредственно побратимским связям Санкт-Петербурга посвящено небольшое количество исследований.

Одним из первых фундаментальных трудов по данной тематике можно считать исследование американского географа Уилбера Зелински, который дал комплексное определение термину «город-побратим» (англ. «sister cities»), проследил исторические предпосылки для его возникновения и высказал предположения о тенденциях дальнейшей конфигурации и форм сотрудничества [12. Р. 5]. Особенности становления и функционирования института побратимства в Европе посвящена работа ученых П. Йонниemi и А.А. Сергунина, которые выделяют преимущества такого вида сотрудничества, а также проводят границу между понятиями «города-побратимы» и «города-близнецы», которые часто как в зарубежных, так и отечественных исследованиях считаются тождественными [11. Р. 122].

Особый вклад в изучение проблем межрегионального сотрудничества внесли исследователи Петербургской школы международных отношений. Можно выделить целый ряд работ Н.М. Межевича и Д.А. Болотова посвященных различным аспектам приграничного сотрудничества на северо-западе России, в том числе его экономической и политической составляющим [2. С. 105]. Побратимские связи как новая форма культурного диалога рассматриваются в статье Ю.В. Николаевой и Н.М. Боголюбовой, где авторы особо отмечают важность такого сотрудничества и стремление, в первую очередь, широкой общественности к развитию взаимодействия [6. С. 383].

Санкт-Петербург поддерживает побратимские связи как российскими, так и зарубежными городами, однако в данной статье объектом исследования являются исключительно зарубежные города-партнеры в регионе Балтийского моря, подписавшие двусторонние побратимские договора о сотрудничестве.

На данный момент Санкт-Петербург реализует сотрудничество с 96 зарубежными городами и 30 регионами в рамках действующих побратимских соглашений. Анализируя список дружественных городов соглашение с которыми было заключено еще в советское время, нельзя не отметить тот факт, что большую часть из них составляют крупные портовые города, важные центры деловой или культурной активности, не являющиеся столицами своих государств. Таким образом, можно предположить, что на начальном этапе побратимские соглашения, в основном, заключались с городами, под-

ходящими под вышеупомянутые критерии, к которым можно также было отнести и Ленинград. Финский порт Турку, ставший первым городом-побратимом в 1953 году, является подтверждением нашего наблюдения, равно как и удовлетворяющие данным критериям Гамбург (1957), Антверпен (1958), Гданьск (1961), Роттердам (1966) и др.

После распада СССР и окончательного формирования Балтийского региона, прослеживается новая тенденция в установлении побратимских связей, а именно заключение договоров с ближайшими партнерами по региону, среди которых можно назвать Стокгольм (1992), Хельсинки (1993), Ригу (1997) и Таллин (1999). Активное развитие побратимских связей в регионе можно объяснить следующим. Во-первых, Санкт-Петербург является крупнейшим городом и портом на Балтике и имеет достаточный потенциал, чтобы занять особое место в геополитическом раскладе на Севере Европы, в том числе через развитие сети побратимских связей. Во-вторых, любая общность всегда служит сближающим и положительно влияющим фактором на инициирование сотрудничества, как мы это видим на примере городов-побратимов первой волны. В данном случае общий географический ориентир в виде моря, историческое и культурное наследие создают благоприятную почву для поддержания добрососедских связей между Санкт-Петербургом и городами региона. В-третьих, сложившаяся после распада СССР в регионе геополитическая ситуация требует постоянного и активного вовлечения всех заинтересованных сторон для выработки оптимальных решений по экономическим, экологическим и иным вопросам.

Исходя из всего вышесказанного, можно заявить, что с момента его образования регион Балтийского моря является для Санкт-Петербурга одной из приоритетных зон развития и поддержания отношений во всех сферах жизни общества, а 19 городов-побратимов могут рассматриваться в качестве проводников такого сотрудничества.

В рамках данной статьи был изучен опыт организации Санкт-Петербургом совместных мероприятий с городами-партнерами региона Балтийского моря за период 2012-2019 гг. Поскольку существует несколько подходов к определению границ рассматриваемого региона, для достижения цели исследования мы учитывали мероприятия, проведенные городами-партнерами, расположенными в государствах, являющихся членами Совета государств Балтийского моря. Анализ был проведен на основании отчетов о ходе реализации соглашений правительства Санкт-Петербурга об осуществлении международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей, предоставленный комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга за период 2012-2019 годов.

Таким образом, были предметом изучения стали 6 стран – Германия, Латвия, Литва, Финляндия, Швеция и Эстония и 6 блоков – культура, экономика, экология, образование, здравоохранение и иная сфера, которая вклю-

чала в себя комплексные мероприятия. Несмотря на то, что соглашения о сотрудничестве имеются и с городами Дании (Орхус), Польши (Гданьск и Краков) и Норвегии (Осло и Ставангер), официальных мероприятий за рассматриваемый временной промежуток по линии побратимских связей проведено не было, следовательно, в исследовании они не учитывались.

Основной составляющей сотрудничества между городами в рамках партнерских соглашений являются мероприятия культурного блока. Это утверждение можно проследить и на примере Санкт-Петербурга: в рамках сотрудничества с партнерскими городами преобладают культурные проекты, такие как организация совместных выставок, выступления петербургских творческих коллективов за рубежом и коллективов городов-партнеров в Санкт-Петербурге. Действительно, в рамках модной на сегодняшний день концепции «мягкой силы», культурное сотрудничество выглядит если не наиболее перспективным, то наиболее отвечающим поставленным целям инструментом, ведь в широкое понятие «культуры» можно включить практически любое мероприятие.

Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что ежегодно проводится и определенное количество мероприятий в экономической и смежных сферах городами-партнерами. В нашей трактовке под словами «смежная сфера» следует понимать, в первую очередь, мероприятия, касающиеся налаживания экономических связей в сфере образования, здравоохранения и экологии. Немаловажный момент – по большей части мероприятия в сфере экономики являются «зеркальными»: если в Финляндии состоялся форум, касающийся выхода петербургского бизнеса на финские рынки, то наверняка уже полным ходом идет подготовка к форуму «Финский бизнес в Санкт-Петербурге».

Экологические мероприятия представляют из себя либо разовые акции, призванные привлечь внимание к экологическим проблемам региона, либо многосторонние круглые столы на тему развития и внедрения экологических стандартов и нововведений в городскую среду. К первым относится, например, международная акция «Чистый берег» [5], совместно организуемая на протяжении нескольких последних лет городами Санкт-Петербург, Тарту, Хельсинки и Таллин. Ко вторым – совместные семинары и проекты, такие как проект «ЭКОвидение», запущенный ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» в партнерстве с Канцелярией Сената города Гамбург, Комитетом по градостроительству и охране окружающей среды города Гамбург, Генеральным консульством Федеративной республики Германии в Санкт-Петербурге [3]. Стоит отметить, что мероприятий в экологической сфере становится с каждым годом все больше – количество мероприятий, имеющих экологическую составляющую, за три года увеличилось почти в два раза.

Что касается сферы здравоохранения, здесь на протяжении нескольких лет успешно развивается проект научно-производственного предприятия

«Биокад», которое в 2017 году достигло, в рамках партнерских связей городов, договоренности с представителями г. Турку об открытии производства онкологических и аутоиммунных препаратов [1]. Уже в 2018 году сторонами был заключен договор аренды на офисные помещения и производственные площади, а также начато проектирование завода по выпуску вышеупомянутых препаратов. Необходимо отметить, что это первая подобная инициатива со стороны российской компании в регионе Балтийского моря. Кроме того, в том же 2018 году между городом Тампере и Санкт-Петербургом было заключено соглашение о внедрении базы доказательной медицины DUODECIM в учреждения Кронштадтского района Санкт-Петербурга. Были предприняты и шаги для дальнейшего развития медицинского туризма между городами [7].

Если рассматривать «классические» экономические форумы, то, помимо ежегодных культурно-деловых миссий в разные города региона, это, прежде всего, «Российско-финляндский Партнериат малого и среднего бизнеса» [13] – форум, последовательно проходивший в течение трех лет в финских городах Турку, Тампере и Хельсинки, а также аналогичный форум «Российско-германский Партнериат малого и среднего бизнеса», прошедший в 2018 году в Гамбурге в рамках проекта Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга «Балтика. Паруса мира» [8]. К слову, в Риге, в рамках этого же проекта, проходили и другие мероприятия, которые затрагивали сферы здравоохранения, экологии, образования.

На текущий момент можно проследить тенденцию распространения «комплексных» мероприятий, объединяющих в своей повестке дня широкий круг обсуждаемых вопросов. В основном такой подход реализуется через так называемые «Дни Санкт-Петербурга», «Петербургские встречи» и др. В программах этих мероприятий просматривается широкий спектр вопросов – от общегражданских инициатив, вроде «более активного использования Международного пункта пропуска маломерных судов на форте «Константин» туристами и яхтсменами из Финляндии», до вопросов, связанных с взаимным сотрудничеством с городами Финляндии в сфере библиотечного дела. На таких мероприятиях, что немаловажно, все чаще находится место и круглым столам по вопросам развития бизнеса и партнерских отношений в сфере предпринимательства.

Что касается распределения активности сотрудничества в рамках региона Балтийского моря, здесь преобладают связи с Финляндией, Германией и странами Прибалтики. Именно на города из этих стран приходилось около 80% всех совместных инициатив Санкт-Петербурга в рамках сотрудничества с партнерскими городами за последние пять лет. Весу двусторонним отношениям с городами-партнерами из Финляндии придает и тот факт, что оба последних губернатора Санкт-Петербурга успели побывать в городах-партнерах с официальным визитом. И если визит Г.С. Полтавченко в Тур-

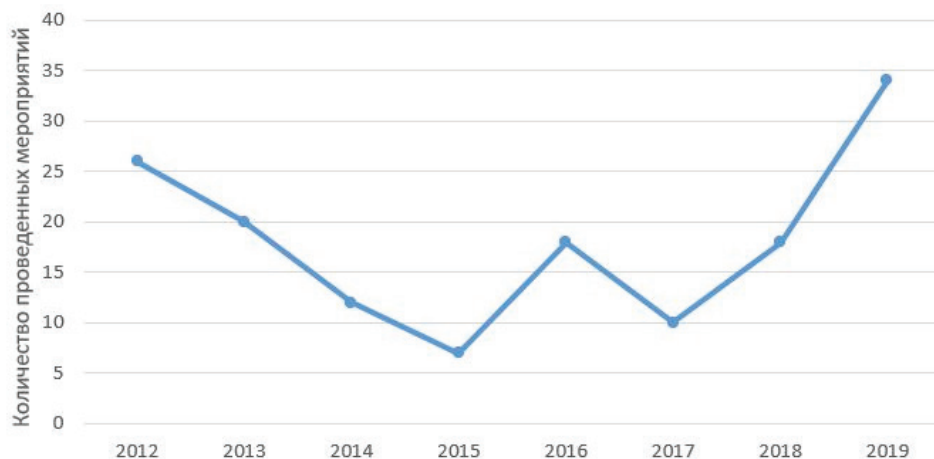

Рисунок 1. Динамика количества проведенных мероприятий в рамках сотрудничества Санкт-Петербурга с городами-побратимами региона Балтийского моря (2012-2019)

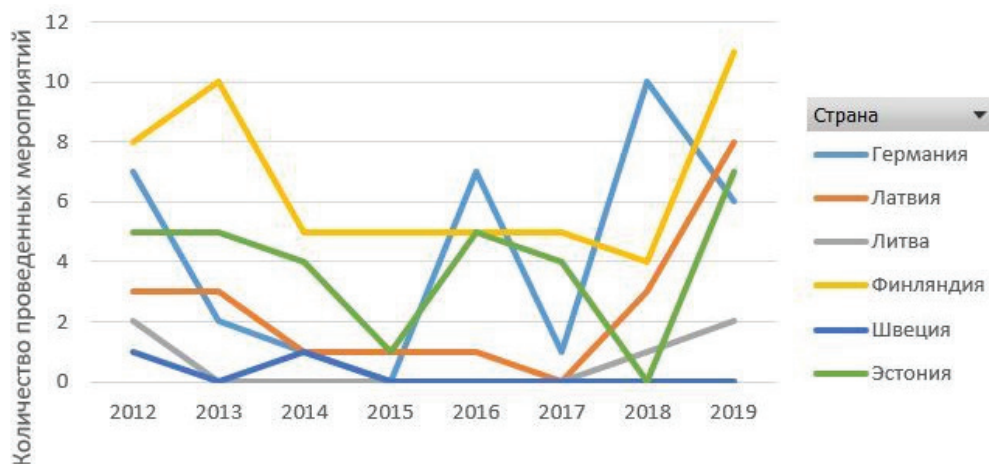

Рисунок 2. Динамика количества проведенных мероприятий по странам

ку в 2017 году был приурочен *исключительно* к культурному мероприятию «Дни Санкт-Петербурга в Турку», то визит А.Д. Беглова два года спустя уже выглядит как полноценный, *чуть ли политический*, шаг «навстречу»: в рамках двухдневного визита состоялись встречи с Президентом Финляндии С. Ниинисте, бургомистром Хельсинки Я. Вапаавуори, а также представителями крупного финского бизнеса [4].

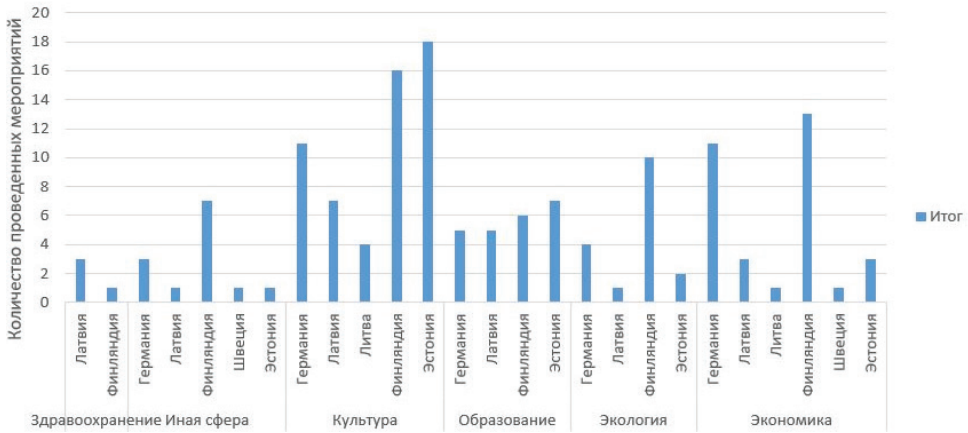

Рисунок 3. Общее количество мероприятий, проведенных в рамках побратимских связей по блокам

Если обратиться непосредственно к количественным показателям, можно попробовать сделать несколько выводов относительно динамики и различий в подходах к сотрудничеству с городами-партнерами.

Изображенный ниже график иллюстрирует динамику количества совместно проведенных Санкт-Петербургом и городами-побратимами мероприятий. Отметим, что на протяжении последних двух лет наблюдаются тенденции роста и ежегодного увеличения количества мероприятий, после постепенного замедления темпов сотрудничества за период 2012-2015.

Количественные показатели сотрудничества по странам представлены следующим образом. Исходя из данных предыдущего графика, сотрудничество со всеми партнерами за период 2012-2015 имело тенденцию к снижению, однако, по сравнению с показателями всех остальных стран, связи с финскими городами побратимами поддерживались и оставались на стабильном уровне, что говорит о желании поддерживать двусторонние отношения даже в кризисные времена.

Данные следующего графика наглядно демонстрируют основные направления сотрудничества по странам в количественных показателях. Отметим явный «перевес» в культурной сфере в пользу Эстонии и Финляндии, а в экономической – в пользу Германии и Финляндии.

В данном случае цифры также иллюстрируют действительность. Сотрудничество с Германией ведется через призму экономической составляющей, и страна рассматривается в первую очередь в качестве ключевого партнера именно в этой сфере. Страны Балтии же, согласно представленным показателям, скорее, не может конкурировать с остальными государ-

ствами региона по направлению экономического сотрудничества с Санкт-Петербургом. Кроме того, государственные интересы с этими странами у РФ совсем иные: на первый план выходят мероприятия, направленные на поддержку сотрудничества по линии работы с соотечественниками.

В результате проведенного исследования и проведя количественный анализ, мы пришли к выводу, что сотрудничество с финскими городами-побратимами характеризуется наиболее стабильными показателями, демонстрирует на протяжении практически всего рассматриваемого временного периода тенденцию к росту, а проводимые мероприятия охватывают все выделенные нами сферы жизни общества, в отличие от, например, прибалтийских городов-партнеров, отношения с которыми ведутся либо не особо активно в целом, в случае Литвы и Швеции, либо в большей мере по линии культурного сотрудничества, как, например с Эстонией, которое также, как показывают данные графика, не отличается стабильностью.

Совокупность всех вышеуказанных факторов, а именно проведение на регулярной основе мероприятий культурного блока, взаимовыгодная экономическая кооперация, взаимные обмены официальными визитами глав регионов, а также географическая близость и, в том числе, развитая транспортная инфраструктура особо выделяют финские города-побратимы на фоне других городов дружественного региона и способствуют дальнейшему взаимовыгодному развитию партнерских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Биокад» инвестирует около €25 млн. в организацию производства в финском Турку // Коммерсант // <https://www.kommersant.ru/doc/3305318>.

2. *Болотов Д.А., Межевич Н.М.* Межмуниципальное международное сотрудничество как способ совершенствования государственного и муниципального управления: опыт Ленинградской области // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1.

3. В ДЭЦ Водоканала стартует российско-германский проект «ЭКОвидение» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ingen/news/47353/>.

4. Завершился рабочий визит Александра Беглова в Хельсинки // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // <https://www.gov.spb.ru/press/governor/178588/>.

5. Международная экологическая акция «Чистый берег» // Экологический портал Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности // <http://kpoos.gov.spb.ru/index.php?id=6979>.

6. *Николаева Ю.В., Боголюбова Н.М.* Культура зарубежных стран в России: из истории реализации внешней культурной политики // Труды Санкт-Петербургского государственного Университета Культуры и Искусств. 2014.

7. Отчет о ходе реализации в 2018 году соглашений Правительства Санкт-Петербурга и исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга об осуществлении международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга // http://kvs.spb.ru/media/content/docs/3495/Отчет_о_ходе_реализации_в_2018_году_соглашений_Правительства_Санкт-Петербурга_и_ИОГВ.pdf.

8. Российско-Германский партнериат малого и среднего бизнеса стартовал сегодня в Гамбурге // Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле // <https://cipit.gov.spb.ru/press/news/37990/?category=58&page=2>.

9. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035, принята Законодательным собранием Санкт-Петербурга, утверждена Законом Санкт-Петербурга от 19.12.2018 №771-164 // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/.

10. Шланеко Е.А. Роль городских элит и побратимского движения в формировании трансграничных регионов // Вестник ННГУ им. Лобачевского. 2012. № 4.

11. Joenniemi P. & Sergunin A. Another Face of Integration: City Twinning in Europe // Research Journal of International Studies. 2011. No 22.

12. Zelinsky W. The Twinning of the World: Sister Cities in Geographic and Historical Perspective. Ann. Assoc. Am. Geogr. 1991. Vol. 81. № 1.

13. 9-11 октября в Хельсинки (Финляндия) состоялся III Российско-Финляндский Партнериат малого и среднего бизнеса // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/news/121926/.

N.A. PETROVA

*PhD student, Department of European Studies,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

COOPERATION OF ST.PETERSBURG WITH ITS SISTER CITIES IN THE BALTIC SEA REGION

The importance of this research relates to the increasing role of regions and cities in world politics, as well as their will to interact between each other within the sister cities' relations. The purpose of the study is to identify the main areas of such cooperation and evaluate its effectiveness. The results allow us to conclude that the Finnish sister cities show the highest importance for St. Petersburg in the region.

Key words: *paradiplomacy, sister cities, St. Petersburg, the Baltic Sea Region.*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА АРКТИКИ

Предметом исследования данной статьи является международно-правовой режим Арктики. В статье рассматриваются сложившиеся подходы к правовому регулированию Северного Ледовитого океана, неоднородность существующего международно-правового режима в Арктике в сопряжении с арктическими стратегиями заинтересованных государств. Особое внимание уделяется национальным интересам Российской Федерации в Арктике и особенностям реализации арктического вектора внешней политике в рамках Конвенции по Морскому праву 1982 года.

Ключевые слова: *правовой режим, арктические стратегии, Северный Ледовитый океан, Арктическая зона Российской Федерации, континентальный шельф.*

На сегодняшний день Арктика является одним из регионов, где конкуренция государств продолжает нарастать, и наблюдается интерес со стороны многих международных акторов. Будучи одним из полей конфронтации во времена «холодной войны» на сегодняшний день международное сообщество сходится во мнении, что Арктика должна оставаться регионом мира и сотрудничества. Однако взаимоотношения стран в арктическом регионе сопровождаются весьма противоречивым сложившимся международно-правовым режимом. На современном этапе наблюдается тенденция к правовому оформлению арктических территорий, использования возможностей распространения суверенитета на континентальный шельф с целью извлечения выгоды из ресурсов, залегающих на шельфе богатыми углеводородами Северного Ледовитого океана.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 3; 9; 10; 11; 13].

Однако проблему особенностей международно-правового режима Арктики нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных

обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В основе сложившегося международно-правового режима в Арктике лежит Конвенция по морскому праву, принятая в 1982 году. Однако правовая регламентация морских пространств Северного Ледовитого океана имеет исторические особенности. Прежде всего, необходимо наличие различных подходов к разграничению территории в Арктике: первый – распространение норм морского права на Северный Ледовитый океан, приравнивая Арктику к любому другому району мирового океана, т.е. полное действие Конвенции 1982 г., второй – использование метода равного отстояния (меридианной/срединной линии) в полярном регионе – секторальный подход. Однако также выделяется третий подход – совместное пользование приарктических государств [12. С. 160-161].

Таким образом, регион разделяется на пять секторов, вершиной которых является Северный полюс, а нижней границей – территория государств, имеющих прямой выход в Северный Ледовитый океан, такими странами стали РФ, США, Канада, Норвегия (архипелаг Шпицберген), Дания (остров Гренландия). До 1944 года также в ряд упомянутых стран также входила Финляндия, однако со вступлением в силу Мирного договора, подписанного в 1944 году между СССР и Финляндией, последняя передала Советскому Союзу территории, которые лишили Финляндию прямого выхода в Северный Ледовитый океан [12. С. 161].

Постепенно секторальный подход становится неотъемлемой частью международно-правового режима в Арктике. По мнению И.Н. Барица секторальный подход к разграничению территории Северного Ледовитого оценивает, как обычную норму международного права [2]. Тем не менее, данный режим не носил универсальный характер.

Положения документов преимущественно относились к островам и землям, но не к морским пространствам. Данный факт вызвал острые разногласия в части возможности распространения суверенитета на морское пространство, учитывая уникальность Северного Ледовитого океана. По мнению Е.А. Коровина «по мысли законодателя понятие «земли и острова» обнимает собою и ледяные глыбы и омывающие их воды, ибо в противном случае пришлось бы считать прилегающий к СССР полярный сектор открытым морем, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [8. С. 110].

В связи с научно-техническим прогрессом и изменениями на международной политической арене в середине XX века возникает потребность в кодификации морского права на международном уровне – в результате в 1958 году в принимаются в четыре конвенции, которые вошли в историю как Женевские конвенции по морскому праву: о территориальном море и прилежащей зоне; об открытом море; о континентальном шельфе; о рыболовстве и охране живых ресурсов моря. Положения данных конвенций

модифицировались в Конвенции по морскому праву 1982 году, однако в изначальном варианте они сохраняют юридическую силу и распространяются на страны, не ратифицировавшие Конвенцию 1892 года (в частности США, Колумбия, Израиль и Венесуэла) [4].

С появлением Конвенции по морскому праву 1982 году [7], призванной решить вопросы международно-правового регулирования мировых морских пространств, унификации норм и установления единого международно-правового режима в Северном Ледовитом океане не последовало. Конвенция устанавливает градацию пространства Мирового океана, устанавливая границы внутренних вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа, открытого моря, прилегающей зоны, архипелажных вод, района морского дна, устанавливает единые нормы ко всем районам мирового океана, в том числе к Северному Ледовитому океану, не учитывая физико-географические особенности последнего. Такие особенности Северного Ледовитого океана как маленькая площадь океана, вследствие чего основную часть рельефа его дна занимают подводные окраины материков, а также тот факт, что большую часть года почти все пространство океана покрыто льдами, кардинально отличают Северный Ледовитый от Тихого, Атлантического и Индийского океанов.

Статья 76 закрепляет границы шельфа в пределах 200 миль. Однако страны могут подать заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа претендовать на большую территорию при условии представления доказательств, что данная территория – продолжение континентального шельфа страны. Следовательно, под юрисдикцию государства попадает только территория шельфа, а простирающиеся далее воды признаются открытыми и попадают под действие международной юрисдикции.

Однако ст. 76 закрепляет правила в пользу «международного района морского дна» прибрежными государствами по внешней границе, при этом в п. 8 данной статьи указывается рекомендательный характер комментариев Комиссии, который приобретает обязательный характер после установления границ государством, на основе выданных рекомендаций. Данное утверждение несет в себе ряд противоречий: с одной стороны, Комиссия не правомочна устанавливать границы, она дает только рекомендации, с другой – решения государств относительно границ континентального шельфа, принятые в рамках механизма Конвенции 1982 года с учетом рекомендаций Комиссии носят обязательный характер.

Важной особенностью Конвенции, указывающую особый режим применения законодательства в Северном Ледовитом океане – ст. 234, которая предусматривает право государств «принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где особо

суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года, создают препятствия либо повышенную опасность для судоходства, а загрязнение могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его». Данный пункт стал итогом лоббирования интересов Канады, которая за несколько лет до Конвенции приняла Закон о предотвращении загрязнения арктических вод, прилегающих к континенту и к островам Канадской Арктики (1970 г.), который впоследствии входил в противоречие с постулатами Конвенции по морскому праву, так как страна распространяла специальные права на арктические пространства. В середине 80-х подобный документ принимает и СССР – Закон «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР»» (1984) [6].

При этом Конвенция по морскому праву постепенно ратифицировалась все большим числом государств. РФ ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву в 1997 году – Постановление Правительства России от 16.06.1997 № 717 «О порядке утверждения перечень географических координат, точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации». Приняты законы «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» 1998 г., «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» 1998 г. и «О континентальном шельфе Российской Федерации» 1995 г. Законы об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе не содержат каких-либо специальных положений, относящихся к арктическим морским пространствам, то есть к пространствам Северного Ледовитого океана в полной мере соответствовали положениям Конвенции ООН 1982 г.

Более того, Россия, официально подав заявку на расширение континентального шельфа по правилам Конвенции по международному праву признала превалирование норм Конвенции, в результате чего 1,7 млн. кв. км остались в открытом море, то есть юридически больше не находились под юрисдикцией страны.

Принятие Конвенции по морскому праву дало возможность большему количеству акторов участвовать в споре за Арктику. Секторальный подход замыкал круг заинтересованных государств в рамках пяти стран, однако с принятием Конвенции появилась возможность пересмотреть политическую карту Арктики в пользу новых игроков. Акцентируя внимание на значимости «общих ресурсов человечества» Евросоюз и НАТО стремятся уменьшить влияние арктических стран, в особенности России, на процессы, протекающие в Арктике. Помимо ЕС и НАТО интерес к Арктике начали проявлять нерегиональные игроки, у которых появилась возможность включиться в управление региональными процессами и получить равный с арктическими странами доступ к природным ресурсам и транспортному потенциалу СЛО [5].

Таким образом, в Арктике складывается весьма неоднородный международный режим, который отличает применение универсальных норм международного права (Конвенции ООН по морскому праву 1982 года) наряду с существованием международного обычая в виде секторального разграничения Северного Ледовитого океана, а также применения норм национального законодательства, которое не всегда коррелирует с нормами международного права. Отсутствие единого международно-правового режима проявляется в противоречивости действующих норм, наличии правовых лагун, оставляющих открытыми ряд спорных вопросов, а также в возможности применения механизма контроля обязательств, поскольку интеграция норм международного права в национальное законодательство носит индивидуальный характер, в связи с чем, возможность контроля исполнения неоднозначна. В данной связи применительно к данному региону в юридической науке возникает «арктическое право» как институт международного права, который образовался на стыке различных походов к правовому регулированию региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абдулмазитов Р.Р.* Энергетические и транспортные интересы России в Арктическом регионе // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2014. № 1-2.
2. *Барциц И.* Российский арктический сектор // <http://www/arctictoday.ru>.
3. *Буянов В.С.* Арктический вектор внешней политики России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2014. № 1-2.
4. Женевские конвенции по морскому праву 1958 года // https://legal.un.org/avl/pdf/ha/gclos/gclos_r.pdf.
5. *Жудро И.С.* Обычно-правовые нормы как компонент уникального, исторически сложившегося статуса Арктики // Государство и право. Экономика. 2014.
6. Закон СССР от 28 ноября 1984 г. N 1422-XI «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР»». Система ГАРАНТ // <http://base.garant.ru/1584162/#ixzz6LbA8x5xV>.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf.
8. *Коровин Е.А.* Проблема воздушной оккупации в связи с правом на поллярные пространства // Вопросы воздушного права. 1927. Вып. 1.
9. *Мамедли Р.Т.* Политика КНР в Арктике и отношения с Россией: основные тенденции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Том 9. № 5 (50).

10. Назаров А.Д. «Это как освоение космоса»: так оценивает стратегию долгосрочного развития Арктики сенатор А.К. Акимов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

11. Пыж В.В., Коростелев С.В. Учет геополитических факторов в процессе выбора способов разграничения морских пространств в Арктике // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 2.

12. Скаридов А.С. Морское право: учебник для магистров. М.: Издательство «Юрайт», 2014.

13. Явчуновская Р.А. Кризис международного права в реалиях современного миропорядка // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 4.

E.Sh. SABITOVA

*Post-graduate student at the Faculty
of global processes, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia*

FEATURES OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGIME OF THE ARCTIC

The subject of this article is the international legal regime of the Arctic. The article examines the existing approaches to the legal regulation of the Arctic Ocean, the heterogeneity of the existing international legal regime in the Arctic in the perspective of the Arctic strategies of the interested states. Special attention is paid to the national interests of the Russian Federation in the Arctic and the specifics of implementing the Arctic vector of foreign policy within the framework of the 1982 Convention on the Law of the Sea.

Key words: *the legal regime of the Arctic strategy, the Arctic Ocean, the Arctic zone of the Russian Federation, the continental shelf.*

РЕФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА В КОНЦЕ XX ВЕКА КАК РЕСУРС ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОГО РАЗВИТИЯ

В данной статье рассматривается актуальная тема – исследование ключевых проблем формирования системы безопасности в Северо-Восточной Азии в последнем десятилетии прошлого столетия, в основе которой стоит принятая правительствами Японии и США Совместная декларация о союзе безопасности на XXI век. Данная декларация стало основой формирования военно-политического партнерства двух стран и создания нового формата военно-политического союза. Кроме того, двухсторонняя Декларация послужила расширению и укреплению оборонного сотрудничества, зафиксированных в Руководящих принципах японо-американских взаимоотношений в области обороны 1978 г. Благодаря принятию Декларации, правительства Японии и Соединенных Штатов заявили, что японо-американское сотрудничество остается прочной и это партнерство останется жизненно важным и для XXI века.

Ключевые слова: Декларация о союзе безопасности на XXI век, японо-американское военно-политическое партнерство, Программа национальной обороны Японии 1995 г., «Белая книга по обороне 1997 г.», японо-американское военно-техническое сотрудничество.

В конце XX века японское руководство неспособно было спрогнозировать и адекватно отреагировать на ряд внутренних и региональных кризисов. В частности, неопределенность роли японо-американского союза в стратегии США в начале десятилетия, внутривосточная нестабильность в 1993-1994 гг., мощное землетрясение в г. Кобэ и теракт в токийском метро в 1995 г., захват японского посольства в Перу в 1996 г. и испытания ракет КНДР способствовали постепенному сдвигу общественного мнения и оппозиции в пользу признания необходимости «нормализации» Японии. Все это способствовало дискредитации устоявшихся в обществе взглядов

на функционирование политических институтов и вынудило правительство Японии принять 28 ноября 1995 г. «Программу национальной обороны». В качестве основного аргумента для обновления Программы 1976 г. выдвигался тезис об изменившейся международной обстановки после окончания «холодной войны». Поэтому Япония, приняв с помощью США основополагающие документы оборонной политики на двадцатилетний период до 2015 г., создала прочную основу и предпосылки для осуществления реформирования японо-американской системы безопасности.

Стремление США непосредственно участвовать в пересмотре японских документов объяснялось непосредственной заинтересованностью Вашингтона держать под своим контролем все, что делается в Токио в вопросах обороны и безопасности. В связи с чем, с ноября 1995 года американской стороной начинает готовиться с особой тщательностью визит президента США Б. Клинтона в Японию. Совместная подготовка всех материалов, включая декларацию, была довольно длительной. Заместитель генерального директора департамента по делам Северной Америки министерства иностранных дел Японии Х. Танака, принимавший непосредственное участие в подготовке визита в составе японской делегации, отмечает, что перед экспертами обеих сторон, которые работали в самом тесном контакте, была поставлена цель подготовить к предстоящей встрече в Токио в апреле 1996 г. Совместную декларацию по безопасности и общее послание двух лидеров, в котором требовалось изложить цели и задачи японо-американских отношений в новых условиях и на длительную перспективу.

Во время визита в Токио 17 апреля 1996 г. президента США Б. Клинтона совместно с премьер-министром Японии Р. Хасимото было подписано два основополагающих документа: Совместная декларация о союзе безопасности на XXI век и Обращение лидеров двух государств к народам Японии и Соединенных Штатов Америки. В документе подчеркнуто, что его подписание явилось «одним из главных событий в истории двусторонних отношений, является Совместная декларация о союзе безопасности. Недаром министр обороны США У. Перри назвал токийскую встречу в верхах «наиболее значительным событием с момента окончания холодной войны» [1]. Союз безопасности на XXI век – это документ, в котором по-новому трактуется «пакт безопасности от 1960 г.», он является своего рода дополнением к нему. Специалисты отмечают даже, что «без преувеличения объявленный документ является новым двусторонним договором безопасности» [3]. В договоре 1960 г. была зафиксирована взаимность во всех видах сотрудничества кроме безопасности, гарантом которой выступали США. Иными словами, в соответствии с прежним договором Япония не обязана была вмешиваться в военные операции, которые США вели за пределами ее территории. Теперь же, как отмечают токийские обозреватели, договор стал «симметричным», то есть подлинно двусторонним, и на Токио сейчас

в полной мере распространяются все взаимные обязательства по обеспечению безопасности не только в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в глобальном масштабе.

Подписание Совместной декларации о союзе безопасности вызвало оживленные отклики в японской прессе, которая усмотрела в подписанном документе «прорыв» конституционного запрета на коллективную оборону. И хотя совместные мероприятия по безопасности прикрываются «стратегией мира», обозреватели не могли не заметить, что высказанная в документе озабоченность по поводу положения на Корейском полуострове, вокруг Тайваня, о принадлежности островов Спратли вне всякого сомнения дает основание для возможности вовлечения сил самообороны Японии в совместные с США операции в случае крупного развития обстановки в любом из этих районов.

Касаясь упреков в явном нарушении конституционных запретов о коллективной обороне, премьер-министр Р. Хасимото на пресс-конференции по завершении переговоров с Б. Клинтонem подчеркнул «необходимость для Токио и Вашингтона изучить, как Япония должна сотрудничать с американскими вооруженными силами в случае чрезвычайных обстоятельств в Восточной Азии», то есть проблему, которая никогда ранее не обсуждалась публично в Японии. Р. Хасимото отметил с сожалением, что обсуждение вопроса было настолько поспешным, что стороны не смогли коснуться его соответствия конституции Японии, хотя на самом деле для подготовки документа было отведено продолжительное время и при желании можно было решить все неясные вопросы. «Видимо, имеется что-то, в соответствии с чем мы сможем действовать в рамках нашей правовой системы, – сказал Р. Хасимото, – наша задача тщательно изучить, что мы можем и что нет для успешного функционирования двустороннего механизма безопасности, в случае возникновения кризиса» [4].

Ранее предполагалось, что пересмотренный документ значительно сократит взаимные военные мероприятия. Оказалось, что в новой трактовке функции сил самообороны значительно расширяются, выходя за пределы рамок самообороны собственно Японии. Они переводятся на региональный и глобальный уровни.

Японский премьер горячо приветствовал решимость США о сохранении своего военного присутствия в регионе. По подсчетам Вашингтона, выполнение вклада США в создание надежной атмосферы безопасности в АТР потребует содержания в регионе группировки войск США, насчитывающей 100 тыс. человек, с учетом контингента, расположенного на Японских островах.

В декларации говорится о расширении роли Японии в обеспечении не только национальной, но и региональной безопасности, а также построении нового международного порядка в Восточной Азии, что значительно

отличает содержание документа от японо-американского договора безопасности 1960 г., прослужившего авторам декларации основой для интерпретации базового документа, исходя из новых обстоятельств, сложившихся после окончания холодной войны. Премьер-министр Японии Р. Хасимото и президент США Б. Клинтон, как записано в декларации, отметили, что союзные отношения внесут весомый и позитивный вклад в глобальный мир и региональную стабильность, и процветание. Сильный союз между Японией и Соединенными Штатами помог обеспечить мир и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе во время холодной войны. Двусторонний союз способствует динамичному экономическому росту в странах региона. Безопасность и процветание Японии и Соединенных Штатов, констатируется в документе, связаны самым тесным образом с будущим АТР.

Выгоды мира и процветания, которые обеспечиваются американо-японским союзом, стали возможны не только благодаря усилиям двух правительств, но и вкладу японского и американского народов, которые совместно несли бремя обеспечения свободы и демократии. Премьер-министр и президент выразили свое полное одобрение и благодарность тем, кто поддержал союз, особенно японским общинам на территории США и американцам, которые, находясь далеко от дома, посвятили себя защите мира и свободы.

В течение года оба правительства проводили интенсивный анализ изменений политической обстановки и условий безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они изучили различные аспекты японо-американских отношений безопасности и на базе этого анализа подтвердили свою приверженность ценностям, которые являются путеводной звездой национальных политик двух стран: поддержание свободы, развитие демократии и уважение прав человека. Они согласились, что основа японо-американского сотрудничества остается прочной и что это партнерство останется жизненно важным и для XXI века.

Правительства Японии и США подчеркивали, что с окончанием холодной войны возможность глобальных вооруженных конфликтов отступила. В последние несколько лет расширяется политический диалог по вопросам безопасности между странами региона. Растет уважение демократических принципов. Как никогда ранее, в истории расширяется ареал процветания, зарождается азиатско-тихоокеанское сообщество. Азиатско-Тихоокеанский регион стал наиболее динамичным районом планеты [2].

«Белая книга по обороне 1997 г.» выделяет следующие основные положения Совместной декларации.

– Наиболее эффективным условием обеспечения обороны Японии является поддержание требуемого уровня боеспособности сил самообороны, основанной на взаимодействии с японо-американской системой безопасности, продолжение обеспечения безопасности Японии и политика, проводимая США на базе японо-американского договора безопасности.

Перечень тем совместных японо-американских исследований и разработок с начала 1990 года [1. С. 327]

Темы	Краткое содержание	Ожидаемые эффекты	Примечание
Ракетный двигатель на основе новых технологий	Разработка базовых технологий двукратного сжигания твердого ракетного топлива с закачкой воздуха из внешней среды	Увеличение скорости и дальности полета	Совместные исследования проводятся по межправительственному соглашению от 29 сентября 1992 г.
Технологии получения и обработки новейших типов стали	Разработка базовых технологий сварки стального проката со сверхвысоким напряжением, используемого, в частности, в находящихся под давлением обшивках подводных лодок	Увеличение в будущем глубины погружения и полезной нагрузки подводных лодок	Осуществляется в соответствии с межправительственным соглашением о совместных использованиях от 31 октября 1995 г.
Использование керамики в двигателях для боевых транспортных средств	Создание базовых технологий по производству дизельных двигателей с применением керамических материалов	Уменьшение габаритов, снижение расхода топлива и повышение мощности перспективных дизельных двигателей для танков и других боевых бронированных машин	Разрабатываются на основании межправительственного соглашения о совместных исследованиях и разработках от 31 октября 1995 г.
Безопасная для зрения РЛС	Исследования и разработки по базовым технологиям освоения лазерных РЛС с длиной волны, не представляющей опасности для зрения	Вклад в создание в будущем безопасной для зрения аппаратуры локации и распознавания препятствий	Разработки ведутся на основе межправительственного соглашения об исследованиях и разработках от 24 сентября 1996 г.

– Для защиты американских обязательств в современных условиях обеспечения безопасности США необходимо иметь в данном регионе силы передового базирования в количестве 100 тыс. человек, включая войска, расположенные на территории Японии.

– Япония в соответствии с японо-американским договором безопасности продолжает оказывать непосредственную поддержку в качестве страны-хозяйки путем предоставления США необходимых объектов и земельных участков.

Далее в Совместной декларации отмечается, что в интересах усиления доверия в японо-американских союзнических отношениях следует проводить конкретную политику японо-американского оборонного сотрудничества, которая служит основой системы, в том числе продолжать:

– Усиление обмена информацией и мнениями по международному положению во время консультаций по оборонной политике и военному положению.

– Исследование возможного влияния японо-американского союза на мир и безопасность как Японии, так и всего региона после пересмотра «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны».

– Осуществление сотрудничества на основе Соглашения о взаимном предоставлении имущества, объектов и услуг между Японией и США.

– Расширение военно-технического сотрудничества.

– Форсирование совместных НИОКР в области ПРО театра военных действий [2. С. 324-327].

В соответствии с пунктом 4 Совместной декларации и ранее принятыми соглашениями о совместных разработках, самой крупной из которых стал завершившийся в начале 90-х годов проект FSX – создание нового истребителя непосредственной авиационной поддержки войск F-2J, который по новому Среднесрочному плану обороны на 1996-2000 гг. уже стал поступать на оснащение японских военно-воздушных сил самообороны (в таблице 1 отражены проекты, которые находились в процессе совместной японо-американской разработки с начала 90-х годов).

В Совместной декларации стороны согласились инициировать пересмотр Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в вопросах обороны 1978 г., развивая более тесные рабочие отношения, уже установленные между Японией и США. Они признали необходимость развития двусторонней политической координации, включая изучение на основе двустороннего сотрудничества принятия решений по ситуациям, внезапно возникающим в районе, окружающем Японию, и оказывающим важное влияние на мир и безопасность Японии. Как известно, Совместная декларация представляет собой соглашение о намерениях, она не определяет конкретного комплекса вопросов, которые должны решать вооруженные силы сторон в ходе боевых действий. Для этого нужен механизм, определяющий рамки сотрудничества в виде Руководящих принципов, оправдавших себя на практике (как принципы 1978 г.), когда сторонам удалось осуществить большой перечень совместных проектов.

Правительства Японии и США на основе анализа пересмотра изменяющейся политической обстановки и условий безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также различных аспектов японо-американских отношений в военно-политической сфере зафиксировали итоги своей работы в японо-американской Совместной декларации – союзе безопасности на 21-е столетие.

Таким образом, заключенная японо-американская Совместная декларация по безопасности имеет ряд особенностей.

Первая особенность. В ней закреплена роль японо-американских отношений безопасности, расширение сотрудничества в масштабах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Вторая особенность Совместной декларации состоит в объективной оценке международного положения. Признавая значительное снижение угрозы крупного конфликта по сравнению с эпохой холодной войны, декларация констатирует, что отношения безопасности необходимо рассматривать в свете возможных изменений международной обстановки, которые могут произойти в результате влияния таких негативных факторов, как нарушение режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и ракетных технологий.

Декларация еще раз подтверждает важность основополагающих принципов оборонной доктрины Японии, которой сегодня оба правительства доверяют. Архитектура обороны Японии покоится на двух столпах: оборонном потенциале Японии и японо-американских мероприятиях безопасности. Кроме того, США, учитывая существующую обстановку в сфере безопасности в регионе, дали согласие сохранить свой силовой потенциал передового базирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе в количестве 100 тыс. военнослужащих.

Четвертая особенность Декларации заключается в декларировании необходимости укрепления надежности японо-американских мероприятий по безопасности, особенно, в части, касающейся консультаций по оборонной политике и военным потенциалам. Декларация констатирует, что структура войск США в Японии может быть реформирована в соответствии с реальными требованиями обеспечения безопасности, то есть уровень военного присутствия США будет определяться, исходя из конкретного состояния безопасности в регионе.

Пятая особенность касается усиления регионального и глобального сотрудничества в АТР (таких, как миротворческие операции ООН) двух стран, основанных на фундаменте прочных японо-американских мероприятий по обеспечению безопасности.

Шестая особенность Декларации состоит в декларировании стремления сторон к расширению и укреплению оборонного сотрудничества, расширению его рамок, закреплённых в Руководящих принципах японо-американского сотрудничества в области обороны 1978 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белая книга по вопросам обороны 1997 г. (Бозэй хакусэ 1997). Токио: Нихон-но бозэйте, 1998.

-
2. Японская оборона 1997. (Нихон-но боэй 1997). Токио: Асакумо-Син-бунся, 1999.
 3. Journal of Japanese Trade & Industry. 1996. Vol. 5.
 4. The Japanese Times 18.04.1996.

A.A. TUSHKOV

*Postgraduate student of the Department
of international relations and law, Vladivostok State
University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

NORTHERN PACIFIC CROSS-BORDER SPACE (NORTH PACIFIC CROSS-BORDER SPACE) IN REGIONAL AND GLOBAL SECURITY

This article addresses a topical topic: the study of key security challenges in Northeast Asia in the last decade of the last century, which is based on the Joint Declaration on the Security Alliance for the 21st Century adopted by the Governments of Japan and the United States. This declaration became the basis for the formation of a military-political partnership between the two countries and the creation of a new format of military-political union. In addition, the Bilateral Declaration served to expand and strengthen the defense cooperation enshrined in the 1978 Japan-U.S. Defence Relations Guidelines, thanks to the adoption of the Declaration, the Governments of Japan and the United States stated that Japan-U.S. cooperation remains strong and that partnership will remain vital for the 21st century.

Key words: *Declaration on the Security Union for the 21st Century, Japanese-American military-political partnership, Japan's National Defence Program 1995, The 1997 White Paper on Defense, Japanese-American military-technical cooperation.*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОССИЙСКОГО ИСЛАМА И ГЛОБАЛЬНОГО ИСЛАМСКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Цель: Главная задача нашего исследования – анализ и характеристика положения ислама и различных его течений на территории Российской Федерации и его влияния на национальную безопасность России. Модель: Исследование базируется на выявлении основных исламских течений, как традиционных для Российского государства, так и появившихся относительно недавно, и анализе их положения в структуре российского ислама, религии и общества. Кроме того, подвергается изучению и анализу связь явлений и деятелей глобального мусульманского мира с явлениями и духовными лидерами исламской уммы России. Выделяются основные наиболее серьезные риски, связанные с деятельностью мусульман в России и позитивные направления деятельности властей Российской Федерации, направленные на их преодоление. Выводы: предложены основные меры, направленные на сохранение межконфессионального мира и сохранения единства Российской Федерации. Несмотря на то, что многие эти меры реализуются сегодня руководством России, реализация эта, по нашему мнению, проводится недостаточно тщательно и не по всем возможным направлениям. Актуальность тематики: Данная работа актуальна для описания современного состояния ислама и его течений в Российской Федерации. Для того, чтобы сохранять межрелигиозный мир, реализовывать меры противодействия развитию радикализма (как исламского, так и исламофобского) и способствовать развитию исламской религии в России, надо понимать, как устроено исламское российское сообщество, какие процессы в нем происходят и как оно взаимодействует с глобальным исламским миром. Этим и объясняется актуальность данной работы. Работа может быть предназначена для исследователей, занимающихся проблематикой взаимоотношений политики, религии и государства в современном российском государстве.

Ключевые слова: ислам, фундаментализм, радикальные движения, терроризм, национальная безопасность, Россия, экстремизм.

Введение. Ислам появился на политической и религиозной карте мира в начале VII века нашей эры, когда основатель новой религии пророк Мухаммед, объединил разрозненные арабские племена и создал теократическое государство – Арабский Халифат [3. С. 214]. Преемники пророка – халифы, завоевав множество земель Азии, Африки и части Европы, создали одну из великих цивилизаций человечества и одно из самых больших государств своего времени [5. С. 215]. С тех пор ислам оказывает значительную роль на мировую политику, а в некоторых государствах занимает положение государственной идеологии.

С расширением русского государства многие народы, исповедующие ислам, были включены в его состав. Таким образом, ислам стал одной из традиционных религий России. В эпоху Екатерины II ислам был признан одной из официальных религий России. В XIX веке горцы Северного Кавказа под предводительством имама Шамиля создали теократическое государство и долгие годы успешно сопротивлялись русским властям, пытавшимся покорить Кавказ. На наш взгляд, память об этой войне жива и сегодня, поскольку Северный Кавказ до сих пор остается одним из самых нестабильных регионов России.

В Российской Федерации мусульмане проживают почти на всей территории страны, а часть ее субъектов имеет преимущественно мусульманское население. К таким регионам, где последователи ислама составляют большинство населения, стоит отнести: Татарстан, Адыгею, Башкирию, Ингушетию, Дагестан, Северную Осетию, Чечню, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию. Прочие мусульмане распределены по территории всей страны и, в большинстве своем, являются представителями татарского этноса, который является вторым по численности населения в России (согласно переписи населения 2010 года их численность составляет более 53 млн. человек). Таким образом, основной проблемой, рассматриваемой в данной работе, является проблема положения ислама в современной России и его связь с внешнеполитическими акторами и событиями.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [6; 10; 12; 16; 20].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Главными задачами данного исследования является анализ положения современного ислама и его течений в России и их влияние на безопасность страны. Кроме того, анализируется связь российской исламской уммы с внешнеполитическими акторами и событиями, происходящими в глобальном мире ислама.

Направления российского ислама и проблема ваххабизма. Традиционными для России направлениями ислама являются: суннизм ханафитско-

го мазхаба, эзотерическое учение суфизма и, в наименьшей степени, шиизм. Кроме того, в Российской Федерации существует и мусульмане, отказывающиеся идентифицировать себя с суннитским и шиитским направлениями ислама. Особенно это касается Северного Кавказа, где таких мусульман около половины (49,1%). Для таких людей главное всего своя, общеисламская идентификация [17. С. 14].

Также, с распадом Советского Союза в Россию стали проникать представители радикального ваххабизма, проповедующие крайнюю нетерпимость к иноверцам [11. С. 51]. Так, например, опрос, проведенный в 2014 году в Республике Дагестан, показал, что последователи нетрадиционного для России достаточно радикального ханбалитского мазхаба видят в суфизме, издавна распространенным на Северном Кавказе, что-то вроде ереси и характеризуют последователей суфизма как «заблудших мусульман» [1. С. 83]. Мы полностью разделяем мнение многих политиков и ученых, согласно которому ваххабизм стал в России одной из главных проблем, связанных с исламом.

По нашему мнению, такой подъем ваххабизма не обошелся без влияния извне, главным образом, из Саудовской Аравии и Катара. Надо заметить, что под «влиянием» здесь понимается не только активная пропаганда фундаменталистских идей, но и получение российскими мусульманами религиозного образования за рубежом, где российские мусульмане и черпают радикальные идеи. После получения такого образования некоторые из них отправляются на Ближний Восток воевать на стороне террористических организаций [14]. К счастью, государство предпринимает достаточно продуктивные меры против радикалов. По нашему мнению, наиболее эффективной формой борьбы с исламским радикализмом является развитие отечественного исламского образования. Именно такую деятельность и ведет сегодня российское государство, не без помощи которого, создается система российского духовного образования мусульман, в рамках которой нет места радикальным идеям [9. С. 16-17].

Однако далеко не только радикальные идеи толкают мусульманскую молодежь России на учебу в странах Ближнего Востока. Большинство считает, что главные преимущества такого образования заключаются в том, что там можно быстро выучить арабский язык, есть высокопрофессиональные педагогические кадры и множество учебных программ. Мнение о том, что только там дают знания об «истинном» исламе стоит только на 4 месте, но при этом является самым дискуссионным [1. С. 81-82]. Таким образом, по нашему мнению, необходимо популяризировать российское мусульманское образование, обеспечивая в нем должное изучение арабского языка, наличие грамотных преподавателей и разнообразие программ подготовки.

Отдельно стоит упомянуть мнение, согласно которому деление российского ислама на традиционный и экстремистский не отвечает объективной

действительности, в которой исламская религиозная картина в России имеет гораздо большую палитру. По мнению таких исследователей, в исламе всегда существовали демократические и плюралистические традиции, которые развивали ислам и способствовали дискуссиям внутри него. Так, например, по мнению, А.А. Ярлыкапова, это особенно касается Северного Кавказа. Ярлыкапов говорит о том, что в этом регионе всегда было множество течений ислама: шафииты ханафиты, суфии. Все они традиционны для региона и нельзя рассматривать какое-либо из них как более главное. Салафиты просто внесли в религиозную картину региона большую мозаичность, которая и без этого всегда была большой. Кроме того, настоящих ваххабитов, исповедующих ханбалитский мазхаб, на Северном Кавказе мало. Ярлыкапов считает, что в регионе существует «бурлящий религиозный котел», все течения которого то яростно конкурируют друг с другом, то пытаются наладить мирный диалог [19].

Таким образом, нынешняя система, в которой приоритет отдается «традиционному» исламу, вполне удовлетворяет тех мусульман, которые тяготеют к ней. Но ведь существуют мусульмане, которые исповедуют другие догмы в отношении своей религии. Просто назвать их «радикалами» и запретить было бы слишком просто, да и неправильно. Излишний изоляционизм, ограничивающий связи российских мусульман только пространством СНГ, представляется здесь явлением неправильным и не способствующим развитию исламского духовного образования в России. Возможно, это вызвано тем обстоятельством, что в 90-е годы процесс исламского возрождения носил несколько хаотичный характер, что привело к возникновению радикализма [13].

Мы не совсем согласны с такой точкой зрения. С одной стороны, течений ислама в России много и необходимо налаживать контакт с ними. Но, с другой стороны, хотя мусульмане России и должны находиться в контакте со своими единоверцами, например, с Ближнего Востока, такие контакты надо держать под контролем, ибо разница между светским российским государством и ваххабитской теократической Саудовской Аравией огромна.

Внешнеполитический аспект функционирования российского исламского сообщества. Другой важной, на наш взгляд, для национальной безопасности России проблемой являются взаимоотношения шиитов и суннитов в России, которые, как известно, враждуют на протяжении веков. Сегодня этот конфликт выражается, главным образом, в соперничестве ваххабитской Саудовской Аравии и шиитского Ирана. Шиитов в России не так много, но многие из них проживают в нестабильном регионе Северного Кавказа или прибывают как мигранты из Азербайджана. Проблема здесь заключается в том, что российские шииты, как бы мало их не было, не имеют официальных институтов, представляющих их интересы перед государством, которые имеются у суннитов. Другая проблема, как очевидно, заклю-

чается в самих нестабильных отношениях между суннитами и шиитами, которые могут перерасти в конфликт. Мы считаем, что возникновение такого конфликта может привлечь внимание иностранных организаций и других государств, которые могут попытаться использовать его для продвижения своих интересов. На сегодняшний день в России проживает около 600 тысяч шиитов (согласно переписи населения 2010 года) [5].

Важным для нас представляется отметить и связи высшего исламского духовенства России с внешними политическими и религиозными силами. Многие важнейшие религиозные центры ислама, в отличие, например, от центров православия, расположены на территории других государств, что делает такие связи неизбежными. Так, например, острой критике подвергается председатель Совета муфтиев России Равиль Исмагилович Гайнутдин, который был замечен в близких связях с высшим руководством Турецкой Республики и, в частности, с ее президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом. Как известно, именно Гайнутдин был одним из главных инициаторов реконструкции Московской соборной мечети, а сама перестройка велась на деньги не только российских миллиардеров Керимова и Гучериева, но и на деньги правительства Турции, которое выделило на эти цели значительную сумму в размере 12 000 000 \$ [15].

Следует также отметить и то, что господин Р. Эрдоган является приверженцем идеи пантюркизма. Пантюркизм – идеология, согласно которой все тюркские народы представляют из себя одну нацию и должны объединиться под главенством Турции, создав отдельное государство на обширных территориях от Балканского полуострова до Сибири [18. С. 796]. Стоит отметить, что в России на сегодняшний день проживает значительное количество этнических тюрков, большинство из которых, по своему вероисповеданию, являются мусульманами-суннитами. Таким образом, по нашему мнению, может возникнуть мощная этноконфессиональная общность, которая, не без помощи со стороны, способна переродиться в сепаратистское движение.

Российские мусульмане являются сегодня значительной частью исламского мира. Именно поэтому немаловажным будет отметить реакцию мусульманской уммы России на события, происходящие в других частях исламского мира. Так, например, сунниты, составляющее большинство среди российских мусульман, могут негативно рассматривать участие России в Сирийском конфликте, где та, действуя на стороне шиитов-алавитов, ведет боевые действия против суннитов, пуская и радикальных [4. С. 49, 50].

Сюда же можно отнести и события, произошедши в начале осени 2017 года, когда весь мир облетела новость о преследовании мусульманского народа рохинджа со стороны властей Мьянмы. Российские мусульмане бурно отреагировали на эти события, организовав митинги, в том числе и в Москве [2]. Главным «рупором» мусульман России, да и всего мира,

в этой ситуации назначил себя глава Чечни Рамзан Кадыров. Основной посыл, который он донес на митинге 4 сентября 2017 г. в Грозном, заключался в том, что, если Россия встанет в этой ситуации на сторону властей Мьянмы, то он будет против такой позиции [8]. На наш взгляд, подобные заявления, исходящие со стороны наиболее авторитетного мусульманина России и руководителя региона, у которого еще недавно наблюдались сепаратистские устремления, стоит расценивать как потенциальную угрозу для всей национальной безопасности Российской Федерации.

Заключение. Таким образом, по нашему мнению, для такого многонационального и многоконфессионального государства как Россия важна борьба с религиозной нетерпимостью в целом и исламофобией в частности. Для этого сегодня проводится множество мероприятий, посвященных анализу роли ислама в истории и современности нашей страны. Эти мероприятия преследуют цели укрепления межрелигиозного мира и гармонии, пропаганды идей патриотизма, добра и справедливости. Все эти ценности важны для каждого человека, независимо от его расы, пола, национальности и религиозной принадлежности. Данные мероприятия проходят с привлечением представителей духовенства разных традиционных конфессий России, в том числе и ислама.

Таким образом, в заключении надо сказать о том, что в России сегодня активно идет исламское возрождение, которое началось в начале 90-х годов XX века. Сегодня ислам является второй по распространенности религией России, а потому для его успешного развития и сохранения межконфессионального мира и целостности государства необходимо:

- развивать духовное образование для мусульман в России;
- налаживать официальные связи со всеми течениями ислама в нашей стране (за исключением излишне радикальных), помогать им в развитии, а также контролировать их деятельность;
- контролировать отношения российских мусульман с иностранными организациями или государствами;
- осуществлять профилактическую деятельность по недопущению экстремизма и/или исламофобии.

Все эти меры, на наш взгляд, могут помочь сохранить стабильность и обеспечить безопасность такой многоконфессиональной страны как Российская Федерация. Однако очевидно, что не все они реализуются сегодня в полной мере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абдулагатов З.М.* Влияние зарубежного исламского образования на конфессиональное сознание мусульман Дагестана // Исламоведение. 2014. № 3.
2. Акция протеста мусульман у посольства Мьянмы в Москве // РБК. 2017 // <https://www.rbc.ru/photoreport/03/09/2017/59abe8069a7947ec48ace711>.

3. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.
4. Амелина Я.А. Отношение российских мусульман к ИГИЛ и операции воздушно-космических сил России в Сирии // Мусульманский мир. 2016.
5. Большая советская энциклопедия / Под ред. О.Ю. Шмидта. В 55-и т. М.: Сов. Энциклопедия, 1926. Т. 3.
6. Брусиловский Д.А., Есинов И.И. Стратегия мира: глобальная интеграция между исламофобией и «столкновением цивилизаций» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6 (51).
7. Всероссийская перепись населения 2010 // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi_1612.html.
8. Грозное предупреждение // https://www.gazeta.ru/comments/2017/09/04_e_10873592.shtml.
9. Дмитриева Е.Л. Исламское образование в России: история и современность // Россия и мусульманский мир. 2018. № 6.
10. Ежова М.Ю. ИГИЛ: религия, терроризм или что-то еще? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).
11. Ислам: энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. М.: Наука, 1991.
12. Киселев С.Г. Евразия – пространство геополитического и геоцивилизационного противостояния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).
13. Между противодействием экстремизму и обеспечением духовной безопасности: некоторые проблемы исламского образования в России // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdu-protivodeystviem-ekstremizmu-i-obespecheniem-dukhovnoy-bezopasnosti-nekotorye-problemy-islams/>.
14. Мордовский «халифат»: в школу в хиджабе и с автоматом // <https://www.kp.ru/daily/26647/3667565>.
15. Московскую мечеть реконструировали на деньги Керимова и Гуцериева // <https://www.rbc.ru/business/24/09/2015/5602f0dd9a7947153f0cffc6>.
16. Рустамов И.И. Идентификация Турции в Средней Азии // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50).
17. Следзевский И.В. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Северный и Южный Кавказ / Под ред. И.В. Следзевского. М., 2017. Вып. 2.
18. Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. В 16-и т. М.: Сов. энциклопедия, 1967. Т. X.
19. Традиционного ислама на Северном Кавказе нет // <https://lenta.ru/articles/2015/03/04/salafism>.
20. Эмиров Р.М. К вопросу о перспективах ислама как системообразующего фактора на Кавказе // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).

O.A. BUKIN

*Master's degree student of the Department
of comparative political science, faculty
of Humanities and social Sciences, Peoples ' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

ON THE ISSUE OF INTERACTION BETWEEN RUSSIAN ISLAM AND THE GLOBAL ISLAMIC WORLD IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S SECURITY

Purpose: the Main task of our research is to analyze and characterize the position of Islam and its various trends in the Russian Federation and its impact on the national security of Russia. Model: the Research is based on identifying the main Islamic trends, both traditional for the Russian state and those that have appeared relatively recently, and analyzing their position in the structure of Russian Islam, religion and society. In addition, the connection of phenomena and figures of the global Muslim world with the phenomena and spiritual leaders of the Islamic Ummah of Russia is studied and analyzed. The main most serious risks associated with the activities of Muslims in Russia and the positive activities of the authorities of the Russian Federation aimed at overcoming them are highlighted. Conclusions: the main measures aimed at preserving interfaith peace and preserving the unity of the Russian Federation are proposed. Despite the fact that many of these measures are being implemented by the Russian leadership today, this implementation, in our opinion, is not carried out thoroughly enough and not in all possible directions. Relevance of the topic: This work is relevant to describe the current state of Islam and its trends in the Russian Federation. In order to preserve inter-religious peace, implement measures to counter the development of radicalism (both Islamic and Islamophobic) and promote the development of Islamic religion in Russia, we must understand how the Islamic Russian community is organized, what processes are taking place in it, and how it interacts with the global Islamic world. This explains the relevance of this work. This work may be intended for researchers dealing with the relationship between politics, religion and the state in the modern Russian state.

Key words: *islam, fundamentalism, radical movements, terrorism, national security, Russia, extremism.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕТЕВОГО ИМИДЖА Д. ТРАМПА

Политическая психология предоставляет широкие возможности для анализа личности в политике. Д. Трамп является харизматичным политиком, чья личность привлекает к себе внимание как исследователей, так и широкой общественности. В статье мы сосредоточимся на психологических особенностях Д. Трампа.

Дональд Трамп широко использует «Твиттер» как инструмент политической коммуникации. Его победа в 2016 году и повышенное внимание к его публикациям в этой социальной сети позволяют говорить о том, что Трамп использует Твиттер эффективно и рационально. Стратегия формирования имиджа Дональда Трампа создала принципиально новый политический имидж, который отличает Дональда Трампа от его конкурентов и предшественников. С точки зрения политической психологии Дональд Трамп – «супергеройская антиполитическая знаменитость».

Ключевые слова: сетевой имидж, психологические особенности, политическая коммуникация, Твиттер.

Политический имидж является важнейшей составляющей современной избирательной кампании. Демократия предполагает, что граждане должны выбрать кандидатов и наделить их властью. Но насколько граждане информированы о кандидате? Информация крайне ограничена, и часто такая информация становится объектом манипуляции со стороны политтехнологов. Они создают специальный имидж кандидата, а затем (в случае его или ее победы) имидж государственного деятеля.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 2; 3; 4; 6; 7. С. 20-33; 8].

Однако проблему политического имиджа нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Д. Трамп является политиком, который активно пользуется различными технологиями для создания эффективного имиджа.

Дональд Трамп стратегически использует Твиттер в политических целях и относится к нему как к инструменту. Дональд Трамп является «продуктом, который надо продать», а Твиттер – рекламная площадка, но площадка, обладающая специфическими свойствами. Поскольку Твиттер является социальной сетью, которую Трамп использует наиболее активно, она дает возможность исследователям судить о том имидже, который строит Д. Трамп.

Рассмотрим психологические особенности Д. Трампа которые определяют его как новый тип политика – «супергеройская антиполитическая знаменитость».

Психологическими особенностями имиджа Д. Трампа являются:

– радикальная персонализация. Трамп харизматичен, настоящий шоу-мэн, он написал 15 книг о бизнесе, снялся более чем в ста фильмах и сериалах, реалити-шоу. Он любит публичность и поэтому политика для него – это арена, где можно показать себя во всей красе. Чего стоит только его мимика во время выступлений. Пытаясь отыскать слабое место Трампа не стоит забывать, что он прошел подготовку военной академии, что существенно изменило его отношение к жизни. Настоящий «супергерой» должен быть один. Он «главный герой» и не терпит конкуренции;

– высокая самооценка. Проведенный анализ высказываний Д. Трампа показал, что он считает, что он «сделал больше, чем все его предшественники, и работает больше, чем другие Президенты» (Твит от 25 апреля 2020 г.). Настоящий «супергерой» должен всех спасти и всегда побеждать. Он не знает слова «поражение»;

– эмоциональность суждений. Импульсивность Д. Трампа, его стремление задавить противника, манера исправлять собственные ошибки нападением на оппонента не сулят ничего хорошего в случае возникновения серьезного мирового кризиса, наподобие Карибского. Поэтому остается надеяться, что избежать кризисной ситуации поможет американская система сдержек и противовесов, которая не оставляет важные решения на откуп одного человека;

– расчетливость. Уникальность психология Д. Трампа заключается в сочетании эмоциональности и расчетливости действия бизнесмена. Эта противоречие снимается, если мы возьмем в расчет, что Д. Трамп – это типичный политик-харизматик. Политика по определению – это сфера рационального, но она смешивается с эмоциями, когда речь заходит о личности таких политиков как Д. Трамп.

Дональд Трамп – прирожденный политик и дипломат, он обладает даром говорить неправду, но при этом не лгать, он может поддерживать и высказывать прямо противоположные точки зрения и мнения, но при этом никогда не выбалтывать свое мнение однозначно. Несомненно, черты и свойства ха-

рактера личности 45-го президента США Дональда Трампа имеют как личностное индивидуальное наполнение-содержание и форму, так и общественное, социальное и государственное (политико-экономическое). Д. Трамп, как любой публичный общественный, политический или государственный деятель ведет себя и поступает так, как предписано ему конституцией, законами и интересами США, при этом он вынужденно или естественно играет определенную роль в этом театре жизни, под названием национальная и глобальная политика.

Благодаря своему опыту в шоу-бизнесе и использованию методов продвижения в поп-культуре, Трамп превратил президентскую кампанию 2016 года в экспансию своего персонального имиджа, кооптируя все кабельные новостные каналы, которые транслировали его бесплатно. Трамп не соответствует ни категории «суперзвезда политическая знаменитость», ни категории «повседневная политическая знаменитость», которая до сих пор обсуждалась в литературе [11. Р. 590]. Вместо этого политический имидж Дональда Трампа с точки зрения политического имиджа сочетает в себе элементы обоих типов политиков-знаменитостей. На наш взгляд, использование различных сторон его личности и методов манипуляции, которыми Д. Трамп оперирует в Твиттере, позволяют Дональду Трампу создать его отличительный имидж – «знаменитость – антиполитик – супергерой». Такой новый имидж соответствует эпохе «популизма» и «анти-политики».

Политик-знаменитость может вовлечь в политический процесс новые социальные группы. Однако пример Д. Трампа показывает, что его имидж «антиполитика супергероя» наоборот развивает антидемократическую повестку.

Безусловно, политический имидж Дональда Трампа можно считать имиджем «политика-знаменитости» с учетом того, что он политик, выходящий из опыта шоу-бизнеса и использующий методы массовой культуры для электоральной борьбы. Политиков-знаменитостей часто считают лидерами, которые появляются в ответ на общественные настроения направление против политического истеблишмента. Политики-знаменитости опираются на широкое использование СМИ (а не на политические организации). Такой имидж позволяет лучше вступать в коммуникацию с недовольными избирателями. Мэтью Вуд и соавторы проводят различие между типом «суперзвезда политическая знаменитость» и типом «повседневная политическая знаменитость» [11. Р. 592].

«Суперзвездные политические знаменитости» и «повседневные политические знаменитости» используют разные медиаплатформы, маркетинговые приемы и роли. В то время как «суперзвездные политические знаменитости» появляются в «традиционных» программах телевизионного вещания, «повседневные политические знаменитости» появляются в нетрадиционных двусторонних средах, таких как реалити-шоу и Твиттер. Политики-знаменитости могут появляться в интернет-пространстве в связи со

скандалами, однако это контрастирует с далекими и отчужденными от народа «повседневными политиками знаменитостями».

«Суперзвездные политические знаменитости» формируют свой имидж как в рамках представлений о «сильном, решительном лидере». Обычные политики-знаменитости строят свой имидж из желаемого образа, что они «нормальные люди, такие же, как избиратели», хотя в действительности они изолированы от рядовых жизненных проблем (1). Обычный гражданин ищет кандидатов «против истеблишмента», потому что он не доверяет нынешней правящей элите.

«Суперзвездные политические знаменитости» должны быть и «такими же, как мы» (обычные люди) и более особенными и способными одновременно. Что касается интернет-платформ, то можно предположить, что в настоящее время большинство политиков используют интернет-каналы коммуникации, такие как Twitter, в ответ на необходимость быть «такими же, как мы». Однако можно предположить, что степень использования классических ТВ-программ вещания и интерактивных сред разнятся у политиков традиционного типа и новых «политиков-суперзвезд».

Д. Трамп много внимания уделяет критике Демократической партии и средств массовой информации. Он наделяет их качествами как «лживые», «бездельники», «лгуны» и т.д. Сам Д. Трамп выступает как эффективный менеджер, который спасает экономику в тяжелый период, но ему мешают «злодеи демократы» и «фейковые СМИ». Д. Трамп в Твиттере предстает как командный игрок, но он много уделяет внимания твитам своего сына. Личное пространства смешивается с деловым. Твиты Трампа короткие, эмоционально окрашенные. Тон его текста решительный, деловой.

Многосторонний сетевой имидж Дональда Трампа – бизнесмена и знаменитости – позволяют ему использовать элементы, связанные как «повседневной политической знаменитостью», так и «политической звездой суперзвезды», чтобы создать имидж, который является убедительным и заслуживающим доверия, несмотря на то, что состоит из довольно противоречивых элементов: политик-знаменитость является одновременно антиполитиком и супергероем.

Дональд Трамп создал мощную смесь техники создания имиджа, которые он использовал, чтобы создать имидж, который имеет исключительный жизненный опыт из уникальной смеси обыденности и исключительности. Это позволяет ему адаптироваться к новым ситуациям и вызовам. В зависимости от контекста он может подчеркнуть свои качества как сильного и решительного лидера или обычного гражданина, не создавая впечатление, что он может быть непоследовательным или не заслуживающим доверия. Следовательно, имидж «супергероя знаменитости антиполитика» представляет Дональду Трампу некоторую гибкость.

Тем не менее, требования такого политического имиджа представить себя лучше подходящим для выявления и решения проблем, чем кто-либо другой, одновременно обесценивая обычных «политиков», снижают качество демократических политических процессов [9. Р. 346-356].

Имидж Дональда Трампа как знаменитости – антигероя – супергероя отражает понимание процесса принятия политических решений как авторитетной (если не авторитарной) установки «истины» одним компетентным человеком, а не процесса согласования позиций, основанного на плюрализме идей и интересов [10. Р. 2633].

Кроме того, заявления о том, что текущие проблемы, такие как нехватка рабочих мест, являются исключительно ошибкой некомпетентных политиков, уменьшают сложность принятия политических решений и взаимозависимости субъектов бизнеса и секторов экономики, которые связаны с процессами глобализацией. Позиция «супергероя» показывает, что Дональд Трамп не способствует сотрудничеству, командной работе, многосторонности и компромиссу, а предпочитает односторонность и конфронтацию [5. С. 127-160].

Дональд Трамп развил тенденцию, которая наметилась несколько лет назад. Неудовлетворенность простых граждан действиями старых элит (истеблишмент) привела к запросу на «анти-политика» – кандидата, противопоставляющего себя старым элитам. Массовое распространение интернета и усталость граждан от политики в старом формате привели к запросу на появление «политиков-суперзвезд». Люди всегда верят в чудо, что все проблемы будут разрешены быстро и решительно, без испытаний и кропотливой работы. И пусть в жизни это редко удается сделать, существует вера в «супергероя», решающего все общественные проблемы. Так возник запрос на «политика-супергероя». Дональд Трамп удивительным образом стал сочетать в себе черты политического имиджа, удовлетворяющие такого рода запросам, а интернет-платформа «Твиттер» стал инструментом для поддержания такого имиджа.

Некоторые достижения Д. Трампа в построении сетевого имиджа могут служить примером для российских политиков. При сохранении общественного запроса на эффективных менеджеров публичная сфера все чаще требует грамотного информационного сопровождения достижений власти. Д. Трамп активно выражает свою позицию в Твиттере, не избегая и других средств коммуникации в виде традиционных пресс-конференций. Это может стать примером для наших публичных политиков. Постоянное присутствие в публичном сетевом пространстве придает их работе открытость, раскрывает позиции по текущим проблемам и общественным дебатам. Твиттер здесь ведется эффективным инструментом для построения сетевого имиджа.

Оппозиционным российским политикам в качестве рекомендаций можно отметить предвыборную стратегию Д. Трампа по критике политической

элиты, которая уже довольно долго обладает политической властью. Борьба с закостенелым политическим истеблишментом, сочетание защиты национальных интересов и защиты интересов рядовых граждан – это интересные направления развития предвыборной пропаганды в ближайшем будущем. Направления и аргументация такого рода критики может быть использована и в России на выборах различного уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Как тут не вспомнить знаменитый «железный закон олигархии» Роберта Михельса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Демидова Е.Н. Специфика образа Дональда Трампа и Ангелы Меркель как политических лидеров современности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

2. Кобландин К.И., Сапарбекова Д.С. Роль медиа в формировании имиджа современного политического деятеля // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

3. Крюкова Е.В. Политические технологии как инструмент воздействия на психологию масс // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

4. Лузан А.А., Лузан С.А. Феномен Трампа // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2.

5. Медушевский А.Н. Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94).

6. Мовсесян О. Личность политического лидера // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

7. Слизовский Д.Е. Политическое лидерство: методологические проблемы исторической интерпретации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2003. № 4.

8. Сулейманова Ш.С. Роль интернет-технологий в формировании политической среды // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

9. Street J. Do Celebrity Politics and Celebrity Politicians Matter? // British Journal of Politics and International Relations. 2012. 14 (3).

10. Van Steenburg E., Guzmán F. The Influence of Political Candidate Brands During The 2012 and 2016 US Presidential Elections // European Journal of Marketing. 2019. Т. 53. № 12.

11. Wood M., Corbett. J., Flinders M. Just Like Us: Everyday Celebrity Politicians and the Pursuit of Popularity in an Age of Anti-Politics // British Journal of Politics and International Relations. 2016. 18 (3).

L.V. CHERNYSHOVA
*Undergraduate Institute of State
services and management of the Russian
Presidential Academy of National Economy and
Public Administration,
Moscow, Russia*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE NETWORK IMAGE OF D. TRUMP

Political psychology provides ample opportunities for the analysis of personality in politics. D. Trump is a charismatic politician whose personality attracts the attention of both researchers and the general public. In the article, we will focus on the psychological features of D. Trump.

Donald Trump makes extensive use of Twitter as an instrument of political communication. His victory in 2016 and the increased attention to his publications on this social network suggest that Trump uses Twitter efficiently and rationally. The image-building strategy of Donald Trump has created a fundamentally new political image that distinguishes Donald Trump from his competitors and predecessors. In terms of political psychology, Donald Trump is “a superhero anti-political celebrity”.

Key words: *network image, psychological features, political communication, Twitter.*

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье проведен теоретический анализ понятия многополярность и теории многополярности, раскрыты объективные обстоятельства, ведущие к построению многополярного мира.

Ключевые слова: многополярность, теория, международные отношения, миропорядок, цивилизация, полюс, субъект.

Международные отношения на современном этапе исторического процесса характеризуются значительно возросшим многообразием взаимосвязей, динамичным развитием, а главное, непредсказуемостью. Огромное число государств по всему миру обрело свободу исторического творчества. Множественность центров экономического роста и политического влияния, представляющих собой все культурно-цивилизационное многообразие, стала гарантом становления нового миропорядка на совершенно новых принципах и началах. Новый миропорядок если не разрушает вовсе, то значительно ослабляет бывшие механизмы международных отношений, пересматривая прежние идеологические, социологические и философские аксиомы. Структурная особенность нарождающейся системы – многополярность.

Актуальность темы обусловлена влиянием теории многополярности на развитие современной системы международных отношений и целого ряда важных проблем и рисков, которые будут определять ход мировой политики в ближайшие годы.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2; 5; 6; 7; 8; 9].

Однако проблему многополярности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В контексте международных отношений слово «многополярность» впервые было использовано американскими политологами в исследовании

ях, посвященных проблеме распространения ядерного оружия. Стоит отметить работу Карла Дойча и Дэвида Сингера «Многополярная система власти и международная стабильность», опубликованную в журнале *World Politics* в 1964 году. Концепция многополярности мировой политики в РФ чаще всего ассоциируется с фигурой Евгения Примакова. Темы многополярности в своих работах касались такие отечественные исследователи, как Сорокин К.Э. «Геополитика современного мира и Россия» [12. С. 7], Быков О.Н. «Международные отношения: трансформация глобальной структуры» [3. С. 573], Баталов Э.Я. «Мировое развитие и мировой порядок» [1. С. 366], Дугин А.Г. «Теория многополярного мира». Однако до сих пор в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей не дано четкого определения понятию «многополярный мир».

Также нельзя считать полноценной и всесторонне разработанной и теорию многополярности. Из известных теорий международных отношений практически ни одна не подходит в качестве базы для построения теории многополярного мира. Реализм не подходит, потому что оперирует с такой базовой категорией как «национальное государство». Либерализм берет за основу западноевропейскую либерально-капиталистическую модель общества. Неомарксизм рассматривает миро-систему как «богатый Север и бедный Юг», игнорируя зону полупериферии. Постмодернизм, критикуя реализм и либерализм, позитивного сценария не предлагает. Только в теории «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона можно рассмотреть некоторые аспекты, которые могут быть использованы для построения теории многополярного мира. Так как теория многополярности признает цивилизации, а не национальные государства, в качестве главных субъектов международных отношений. В центре теории многополярности стоит концепция «Полюса» – геополитического, геоэкономического, гецивилизационного пространства, как радикально нового субъекта миропорядка. Полюса сопоставимы между собой по-военному, экономическому, демографическому, политическому, географическому потенциалу и представляют цивилизационные образования, которые и создают в мире определенную повестку дня. Многополярная модель имеет глобальный характер, что отличает ее от многоцентричности и многосторонности.

Многополярность является альтернативной концепцией развития мирового сообщества, по отношению к прежним формам мироустройства, и в тоже время непосредственно связана с эволюцией предшествующих систем международных отношений. До XXI века судьбы мира вершились исключительно внутри ареала западной цивилизации. Сегодня участниками многополярной системы международных отношений, объективно, могут стать представители других цивилизаций.

Каждому варианту полярности присущ свой характер международных отношений, определяющий рамки реального суверенитета государств, сте-

пень конфликтности между субъектами системы и устойчивость миропорядка. Многополярность XXI века имеет серьезные отличия от моделей международных отношений, существовавших ранее:

- от однополярности отличается тем, что не один полюс, одно государство, формирует институты системы и «правила игры», а предполагается несколько самостоятельных центров силы;
- от биполярности тем, что структура мирового устройства, уравнивается не двумя полюсами являющимися ядрами двух противоборствующих систем, а подразумевает наличие нескольких (более двух) полюсов, центров принятия решений, которые, взаимодействуя между собой, определяют контуры глобальной политики;
- многополярность не сводима и к бесполярности. «Многополярность допускает, что в международной политике должно возрастать значение новых негосударственных акторов. Но этими акторами должны быть, прежде всего, самобытные, исторически сложившиеся и имеющие привязку к пространству органические общества (такие, как этносы)» [4. С. 26].

Существует ряд объективных причин, толкающих мир к многополярности: конечность природных ресурсов, быстрый рост численности населения планеты, ограниченность пригодных для проживания территорий, несовпадение ключевых интересов участников международных отношений, культурно-цивилизационные различия.

Если начало XXI века ознаменовалось расширением масштабов глобализации, то сегодня происходит трансформация прежней архитектуры международных отношений и построение нового миропорядка. Изменяется не только система международных отношений, но и базовые принципы ее организации. «Политкорректные» постулаты США, объявившие либеральную демократию панацеей при решении всех существующих мировых проблем и поставившие во главу угла «демократизацию мирового порядка», мягко говоря, теряют свою актуальность.

Вместо того чтобы стать «орудием мира», научные теории демократического мира оказались замешаны в приведении «к глубокому расколу и дорогой войне» [13. Р. 147]. «Курс на свободу», предложенный США, на деле вылился в недавние тщетные попытки насильственной демократизации стран Северной Африки и Ближнего Востока (Ирак, Ливия, Сирия). Становится очевидным, что суверенитет отдельных государств несовместим с международной либеральной демократией.

Процесс формирования новой политической структуры мира, которую мы наблюдаем уже сегодня, нарастает по мере того, как слабеет гегемония США в мире. Политико-экономическая модель, предложенная Западом, в современных условиях показывает свою недееспособность. Термин «либеральный миропорядок» уже отсутствует в Стратегии национальной безопасности администрации Трампа. Подвергается сомнению и военно-

политическое единство Запада. Европа, некогда несменный центр мировой политики, утрачивает свой столь высокий статус, хотя веками именно борьба за контроль в этом регионе приравнивалась к борьбе за контроль над всем миром. Сегодня Европа переживает экономический и политический кризис, пытаясь освободиться от влияния США и последствий выхода Великобритании из ЕС. В Европейском союзе на сегодняшний момент не сложился единый вектор политики в решении международных вопросов. Политика Дональда Трампа стала для европейцев разоблачением их «королевской наготы». Все очевиднее становится тот факт, что США во главе коллективного Запада утрачивают способность безраздельно доминировать в мировой политике. Однако говорить о скором крахе Соединенных Штатов преждевременно. Скорее всего, этот процесс будет постепенным, исходя из объективных обстоятельств, в том числе с учетом роста влияния периферийных стран. Как сказал П. Кеннеди: «этот уход будет долгим».

Переход к новому миропорядку, начинается с вызовов, бросаемых державами, стремящимися к его ревизии. По мнению А. Федяшина, профессора Американского университета в Вашингтоне, последние годы происходит восстановление суверенитетов нескольких государств, включая Россию, Китай и Индию. Но идет переоценка не только сравнительной значимости и роли отдельных стран и регионов мира, но и такого понятия как цивилизационные интересы. Поляризация отдельных цивилизаций и связанных с ними стран в XXI веке становится уже не просто фактом, а доминирующим процессом. Вопросы по изучению нынешнего состояния международных отношений приобретают новое видение, если рассматриваются с точки зрения цивилизационного подхода.

Долгое время цивилизация Запада, используя техническое превосходство, навязывала народам всего мира свое представление об образе и укладе жизни. Культурные и национальные особенности других цивилизаций просто игнорировались. Однако возникшее вследствие глобализации международное разделение труда, интернационализация производства и торговли, приведение к единой системе финансово-кредитных и денежных механизмов, создание глобального информационного пространства послужили толчком к новому этапу развития системы международных отношений. Сегодня в противовес западному миру китайская, индустриальная, исламская и другие цивилизации также заявляют о праве участвовать в решении глобальных вопросов, бросающих вызов всему человечеству. Эти цивилизации занимают обширные территории, имеют постоянный прирост населения, обладают большими, порой уникальными, запасами природных ресурсов и быстро наращивают свой военно-экономический потенциал. У каждой из этих цивилизаций есть собственная система ценностей, от которой они не отказываются. Российская цивилизация выступает как великий конгломерат народов и народностей, с многовековой великодержавной историей.

Стратегическая цель цивилизаций Китая и Индии – превратиться в одного из основных субъектов международных отношений. Находясь в процессе формирования, как субъекты международных отношений, Латиноамериканская и Африканская цивилизации доказывают, что могут противостоять фатальной зависимости от Запада, как в экономическом развитии, так и на уровне культурно-нравственного потенциала. В ответ на «вестернизацию» культуры и отношений в обществе, на военную экспансию западной цивилизации, мусульманская цивилизация поддерживает традиционно высокую роль религии и через нее проповедует свои «незападные» ценности. И в этом смысле ислам – не только религия, но и особый уклад жизни, сильно отличающийся от западного. Сегодня под влиянием вызовов и угроз, нарастающих в современном мире, задачей каждой цивилизации будет поиск своей роли и места в формирующемся новом мировом порядке.

«Многополярность – это отражение реально существующей культурно-цивилизационной множественности, многообразия современного мира и, конечно же, это реальное отражение желания народов самим свою судьбу определять», – справедливо заметил министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров.

Базисом для выстраивания мирных международных отношений в новом миропорядке могут служить международные организации, такие как ООН, БРИКС, ШОС, АСЕАН, Африканский союз и другие. В этом списке группа БРИКС является ярким примером организации, объединяющей страны почти со всех континентов мира. «Экономический потенциал Бразилии, России, Индии и Китая таков, что они могут стать четырьмя доминирующими экономическими системами к 2050 году. Территории пяти стран БРИКС занимают 28,2% мировой площади, там проживает 42% населения Земли, а их объединенный валовой внутренний продукт составляет колоссальные 16,8 трлн долларов или 22,5% мирового ВВП» [14]. Для большинства стран мира БРИКС является более привлекательным проектом, чем гегемонизм Запада во главе с США, насильственно насаждающий «принципы демократии». Группа БРИКС выступает с новым видением мира, декларируя уважение и сохранение цивилизационного разнообразия, безусловное невмешательство во внутренние дела друг друга, социальную и экономическую справедливость в масштабах всего мира. Это рознит БРИКС с G-7, созданной лидирующими державами, чтобы в своем кругу «вершить судьбы мира».

Однако многополярность несет в себе как новые возможности, так и разные нагрузки, и риски, так как трансформация международных отношений сопровождается рядом негативных процессов. Это и обострившиеся территориальные претензии стран друг к другу, рост национализма, а также религиозный фанатизм со стремлением навязывать свою религию другим.

Поэтому концепция «...многополярного мира без уяснения особенностей такой системы, ее преимуществ и изъянов как для мира в целом, так

и для отдельных крупных держав, без достижения консенсуса между ведущими мировыми державами относительно того, как будет осуществляться коллективное управление, без признания всеми участниками необходимости согласованного взаимодействия и разумной конкуренции – не позволит...» [10. С. 4-25] обеспечить поддержание международного порядка.

Та «турбулентность», в которой сегодня пребывает система международных отношений, должна, в конечном итоге, привести к созданию нового миропорядка с новым балансом сил и выработке основных принципов его функционирования. Как мудро заметил выдающийся государственный деятель нашей страны Андрей Андреевич Громыко: «лучше десять лет вести переговоры, чем один день – войну».

В отличие от предшествующих этапов мировой истории, сегодня международный порядок формируется не как результат новой глобальной войны и не в интересах победителей, а с учетом реальной структуры международных отношений, которая эволюционирует в направлении многополярности. Окончательные контуры новой геополитической структуры еще не сложились. Их соотношение определяет вариативность сценариев развития мирового порядка, вероятность осуществления которых далеко неочевидна [11. С. 495]. Однако именно осуществление «многополярного сценария» приведет к созданию системы, в рамках которой будут учитываться мнения и интересы всех участников международного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок // Анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005.
2. *Божков Г.А.* Взаимосвязь мирового порядка и системы международных отношений // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).
3. *Быков О.Н.* Международные отношения: трансформация глобальной структуры. М.: НАУКА, 2003.
4. *Дугин А.Г.* Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013.
5. *Жильцов С.С.* Роль Евразийского экономического союза в геополитических процессах на постсоветском пространстве (часть вторая) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).
6. *Жчао Тяньтянь.* Национальный имидж КНР и РФ на современном этапе: сравнительный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).
7. *Зайцева Е.А., Коровина Е.В., Трофимова Ю.В.* Проблемы и перспективы сотрудничества России с блоком НАТО в XXI веке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 8 (53).
8. *Ивкина Н.В., Пархитько Н.П.* Основные принципы, проблемы и перспективы сотрудничества региональных международных организаций

в многополярном мире (на примере НАТО и Африканского союза) // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51).

9. *Курылев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

10. *Мартынов Б.Ф.* Дилемма «многополярного мира» и Латинская Америка // Латинская Америка. 2009. № 10.

11. Политология: учеб. для студентов вузов / Р.Т. Мухаев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

12. *Сорокин К.Э.* Геополитика современного мира и Россия // Полис. Политические исследования. 1995. № 1.

13. *Hobson C.* Roundtable: Between the Theory and Practice of Democratic Peace. Introduction // International Relations. 2011. Vol. 25. No. 2.

14. https://finance.rambler.ru/other/43157722/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

S.A. LESHCHENKO

*Student of Moscow State Linguistic
University, Moscow, Russia*

MULTIPOLARITY AS AN OBJECTIVE PERSPECTIVE FOR THE DEVELOPMENT OF THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

The article provides a theoretical analysis of the concept of multipolarity and the theory of multipolarity, reveals the objective circumstances leading to the construction of a multipolar world.

Key words: *multipolarity, theory, international relations, world order, civilization, pole, subject.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ ЛЕБЕДЕВОЙ М.Л. «ФРАНЦУЗСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА» [6]

В рецензионной статье анализируются теоретико-методологические проблемы, связанные с региональными политическими исследованиями в рамках предметного поля политической регионалистики, как составной части политической науки. Подчеркивается актуальность статьи Лебедевой М.Л. «Французское региональное политическое пространство: концептуально-теоретическая характеристика» для сравнительной политологии.

Ключевые слова: *региональное политическое пространство, французская модель децентрализации управления, теоретико-методологические проблемы, политическая регионалистика.*

За последние два десятилетия в России надежно утвердилась «Политическая регионалистика» как новое направление политической науки, комплексно изучающее проблемы политических регионов. При этом возникло много проблем, связанных с определением и ограничением предметного поля политической регионалистики, как научной и учебной дисциплины.

Как неоднократно нами подчеркивалось в различных монографиях и учебных пособиях, что проблемы территориального устройства общества и государства являются объектом исследования целого ряда наук: политологии, социологии, политической географии, социально-экономической географии, региональной экономики и др. При этом одним из наименее разработанных аспектов территориального устройства общества является социально-политический, так как серьезные разработки этих проблем отечественные социология и политология стали уделять внимание только в последние годы. Речь идет, прежде всего о социально-территориальных проблемах в политическом контексте как на поселенческом, так и на региональном и государственном уровне, а также современных проблемах децентрализации, местного самоуправления и федеративного устройства.

Исходя из сложившейся ситуации, для более четкого определения предмета политической регионалистики, как отрасли политической науки, в последние годы достаточно основательно уточнен ее понятийный аппарат. И ключевым понятием при региональных исследованиях для большинства политологов и политиков стало словосочетание «политический регион». Имея в виду, что в арсенале у различных исследователей-географов, экономистов, социологов и этнологов есть еще и такие понятия, как «экономический регион», «социо-культурный регион», «этнополитический регион» и т.д.

Вместе с тем, понимая невозможность абсолютного исключения взаимосвязей политической географии и политологии, приходится руководствоваться близкими по содержанию понятиями и терминами этих двух научных направлений.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 7; 9; 12; 13. С. 1029-1037; 14; 15. С. 19-32; 16].

Однако проблему региональных политических исследований нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Применяемые Лебедевой М.Л. в статье «Французское региональное политическое пространство: концептуально-теоретическая характеристика» методы исследования и междисциплинарный подход показывают как положительные стороны совмещения предметных пространств географии и политологии, так и некоторые его недочеты.

К примеру, исходя из различных подходов ученых, вот как определяет автор статьи, содержание понятия «политический регион». «Политический регион (пространственно организованное или исторически сложившееся территориальное сообщество) – это определенный уровень политических отношений. В тоже время ряд авторов политическую определенность рассматривают как одну из характеристик любого региона. Другие авторы считают это свойством регионов определенного типа. Третьи авторы понимают регион как субъект политики, а соответственно, объект политического анализа. Являясь активной политической единицей, политическим актором, регион становится субъектом политической регионализации, уровнем политического действия, выступает как совокупность властных институтов, обладающих определенными компетенциями в рамках определенной территории государства» [6].

И с таким определением автора сложно не согласиться. Ведь для современных государств XXI века наравне с множеством проблем социально-экономического характера чрезвычайно актуальными становятся вызовы, связанные с трансформацией ее территориально-политического устройства, а решение проблем интеграции региональных политических процес-

сов в общий процесс современной политической жизни страны является одной из важнейших задач стабильного и эффективного развития любого государства. В связи с этим современная политическая регионалистика как новая научная и учебная дисциплина становится востребованной потому, что она дает возможность системному осмыслению территориальных политических явлений, комплексному и всестороннему раскрытию проблем региональных политических институтов и политического процесса в региональном измерении, а также учета международного опыта регионального развития в условиях глобализации на примере государств-участников СНГ или государств Евросоюза. Кроме того, такой подход помогает подробно охарактеризовать различные модели унитарных государств и анализировать современные модели федеративных государств [8].

Как нам представляется, другие определения понятия политического региона и региональной политики, встречающиеся в научной литературе, касаются, уже других научных направлений и прежде всего, предмета изучения политической географии и региональной экономики. Не случайно, авторы этих научных дисциплин употребляют как синонимы термины «регионально-экономическая политика» и «региональная политика». Что же касается политической регионалистики, то она, являясь одним из разделов общей регионалистики и представляя собой одно из направлений политологии, в этом контексте изучает социально-политические и политико-правовые аспекты регионов и территориальных общностей [8].

Раскрывая взаимосвязи между политологией и регионалистикой следует иметь в виду, политическая регионалистика – одна из новых отраслей политической науки. Если исходить из того, что политология определяется как наука о политике, а политика – это многообразный мир отношений, деятельности, поведения, ориентаций, взглядов и коммуникационных связей между людьми по поводу власти и управления обществом, а понятие регион определить как территорию страны, нескольких соседних стран, часть территории одной или нескольких соседних стран с более менее однородными природными, экономическими, социально-политическим и культурными условиями, то политическая регионалистика – это одно из направлений как политологии, так и регионалистики, изучающее проблемы региональной структуры государства и общества, регионального развития и межрегионального взаимодействия, при этом уделяющее особое внимание пространственным формам политических явлений, динамике политических процессов и институтов в регионах, характеру и расстановке политических сил, своеобразию процессов формирования региональных элит, проблемам взаимодействия центра и периферии, а также обратному воздействию региональной политической среды на государство и общество в целом.

Несколько слов об объекте политической регионалистики. Если объектом изучения общей регионалистики, как определено в «Политической

энциклопедии», является «регион как самостоятельная пространственно-географическая, административно-территориальная, институционально-политическая, экономическая, социальная, историко-культурная, этническая и демографическая величина» [10. С. 333-334], то объектом изучения политической регионалистики является региональная государственная политика, политика регионов и политическая сфера региональных общностей.

При этом политическая регионалистика, формируя свой предмет, рассматривает политические процессы и отношения на нескольких структурных уровнях:

- на уровне региона, состоящего из территорий нескольких государств;
- на уровне региона, состоящего из территории одного государства;
- на уровне региона, состоящего из территории части одного или нескольких государств;
- на уровне региона, составляющего территорию одного или нескольких муниципальных образований.

В зависимости от соответствующего уровня политическая регионалистика меняет количественные и качественные характеристики и параметры своего предмета изучения [8].

Исходя из этого следует подчеркнуть, что предмет политической регионалистики связан, прежде всего, с закономерностями становления и развития политической власти в регионах, взаимного влияния государственной политики на регион и политики регионов на государство, а также с закономерностями функционирования политической сферы жизни региональной общности.

Конечно, при таком определении предмета политической регионалистики следует пояснить, что когда речь идет о регионе, состоящем из территории нескольких государств или частей нескольких государств, то речь идет о регионах тех государств, которые объединены в различные политические союзы. Конкретным примером тому могут служить регионы государств Европейского Союза или Союза Белоруссии и России. Эта сфера изучается зарубежной политологией в рамках «внутренней геополитики».

Отечественная политическая регионалистика рассматривает политическую сферу регионов как административно управляемых территорий, совпадающих с границами республик, краев, областей и автономных округов (субъектов Российской Федерации), а также с границами территорий, входящих в федеральные округа и межрегиональные экономические ассоциации.

Нередко политическая регионалистика отдельно рассматривает политические институты, политические процессы и отношения в регионах, отличающихся социально-экономическим или этнополитическим своеобразием и однородностью, но не совпадающих с административными границами субъектов Федерации. Речь идет о таких регионах как Северный Кавказ, территории Крайнего Севера и т.д.

Перспективы политической регионалистики как отдельного научного направления и учебной дисциплины будут определяться в рамках развития российской регионалистики в целом и естественно во взаимосвязи с развитием отечественной политологии. К примеру, нами уже несколько лет формируется новое научное направление этнополитическая регионалистика.

Российская регионалистика, как подчеркивает большинство ученых, за последнее десятилетие развивается особенно динамично и находится на подъеме, и это в определенной степени связано с тем, что «она в этот период брала некий реванш в тех предметных областях, которые ранее были приглушенными по причине неясности или полной закрытости самого предмета – проблем реального федерализма и реального самоуправления, территориальных асимметрий и региональных депрессий, региональных финансов и межбюджетных отношений, внешнеэкономической региональной деятельности и неуправляемой миграции и т.д.

«Регионалистика в предстоящий период начнет превращаться из взаимосвязанных, но все же традиционно изолированных областей изучения региональных ситуаций (право, география, анализ социальных отношений, экономика, политология, демография, экология и др.) в единую междисциплинарную отрасль знаний с исключительно высоким уровнем системности.

В перспективе региональные исследования будут все более уходить в глубь – на уровень небольших территориальных образований, где внутренняя целостность и имманентно присущая любой региональной среде системность (взаимосвязь пространства, расселения, экономики и т.п.) проявляется наиболее отчетливо. Муниципальная (городская, сельская, районная) Россия, ее проблемы и обоснования их решений могут стать огромным и исключительно урожайным полем новейших региональных исследований» [11. С. 30-31].

Такую оценку состояния и перспектив общей регионалистики можно отнести в такой же степени и к разработке проблем политической регионалистики в равной степени как научной, так и учебной дисциплины.

В заключении следует подчеркнуть, что статья Лебедевой М.Л. дает хороший материал для сравнительной политологии. Особенно ценными являются выводы автора о децентрализации французского унитарного государства, так как конституционные поправки 2020 года ориентируют дальнейшее развитие федерализма в России по модели дальнейшей централизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алехнович С.О., Слизовский Д.Е., Пашенская Р.А.* Централизм и децентрализм в федеративных отношениях: проблемы соотношения принципов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 3.

2. *Вайшля С.С.* Этническая региональная автономия Латгалии как результат административно-территориальной реформы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

3. *Галкина Г.М.* Региональная политика в Европейском Союзе: цели школьного образования // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

4. *Глебов В.А., Макухин А.В., Попов С.И.* Необходимость и целесообразность применения в Российской Федерации опыта реформ местного самоуправления Польши // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 4 (18).

5. *Гончарова Л.Н.* Геополитическая трансформация евразийского региона в условиях глобализации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 2.

6. *Лебедева М.Л.* Французское региональное политическое пространство: концептуально-теоретическая характеристика // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 5 (57).

7. *Медведев В.Н.* Размышления над прочитанным. Местное самоуправление (МСУ): актуальная муниципальная повестка // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 3 (17).

8. *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика. М., 2005.

9. Политическая регионалистика: теория и практика. Сборник трудов по материалам международного симпозиума / РУДН, Коллектив авторов. Отв. ред. Н.П. Медведев, Д.Е. Слизовский. М., 2003.

10. Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2. М., 1999.

11. Проблемы федерализма, местного самоуправления и территориального развития в России. Научные исследования, прикладные проекты, библиография за 1990-1999 гг. / Под общей ред. В.Н. Лексина и А.Н. Швецова. М., 2000.

12. *Сабанин С.А.* Россия-XXI век: цели и задачи, место и значение общественной географии в развитии современной экономики государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 9 (54).

13. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Послесловие к статье О.Г. Румянцева «О некоторых политологических аспектах конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации» // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 3 (55).

14. *Слизовский Д.Е., Глебов В.А.* Местное самоуправление (МСУ) в исторических поселениях: особенности и специфика деятельности, функционирования и взаимоотношений власти и населения // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 3 (17).

15. *Слизовский Д.Е.* К вопросу о теории федерализма: компенсация недостатков // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 4 (18).

16. Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография / Москва, 2019. Сер. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева.

N.P. MEDVEDEV

*Doctor of sciences (political sciences), Professor,
Moscow, Russia*

**AFTERWORD TO THE ARTICLE
BY M. L. LEBEDEVA “FRENCH REGIONAL
POLITICAL SPACE: CONCEPTUAL AND
THEORETICAL CHARACTERISTICS”**

The review article analyzes theoretical and methodological problems associated with regional political research within the framework of the subject field of political regional studies, as an integral part of political science. The relevance of the article by M. Lebedeva is emphasized. “French Regional Political Space: Conceptual and Theoretical Characterization” for comparative political science.

Key words: *regional political space, the French model of decentralization of management, theoretical and methodological problems, political regional studies.*

НАШИ АВТОРЫ

Агапов Платон Валериевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (platonbogun@gmail.com).

Белоусова Марина Александровна – учитель средней общеобразовательной школы № 32 г. Омска, Россия, г. Омск (belousowa.marina2016@yandex.ru).

Букин Олег Алексеевич – магистрант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (oleg.bukin.2018@inbox.ru).

Бурьгин Александр Алексеевич – специалист по учебно-методической работе Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (aa95burygin@mail.ru).

Джамиев Бекзод Акрамович – старший преподаватель кафедры Общественных наук Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов дошкольных образовательных учреждений, Республика Узбекистан, г. Ташкент (bek-17-67@mail.ru).

Дубровина Ольга Викторовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Дубровина Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, координатор Национального Союза Политологов, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Евдокимова Надежда Вениаминовна – доцент, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных специальностей РГЭУ (РИНХ), Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Елишев Сергей Олегович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (elishev@list.ru).

Каратуева Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры управления социально-политическими процессами и истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (e_karatueva@mail.ru).

Каримов Фарход Эркинович – проректор Института повышения квалификации имени А. Авлони, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Крылов Александр Александрович – аспирант кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления –

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Орел (krylova94@mail.ru).

Кукушкина Валерия Валерьевна – магистрант кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей РГЭУ (РИНХ), Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Лебедева Маргарита Леонидовна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева, Россия, г. Москва (lebedevameg@mail.ru).

Лещенко Святослав Александрович – бакалавр Московского государственного лингвистического университета, Россия, г. Москва (Student_MSLU@outlook.com).

Лукин Александр Дмитриевич – аспирант Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (resolute94@mail.ru).

Лэй Шуан – аспирант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leishuang@yandex.com).

Маковский Василий Александрович – аспирант кафедры политологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (makovskiy2010@mail.ru).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, Россия, г. Москва (Medvedev_rudn@mail.ru).

Ндайисаба Огюстин – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Бурунди, г. Бужумбура (andayisaba51@gmail.com).

Огуз Шахбаз – аспирант дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва; научный сотрудник Университета им. Реджепа Тайипа Эрдогана, Турция (oguz@oguzsahbaz.ru).

Омерович Алиса Расимовна – магистр кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (aliceadamova@mail.ru).

Осипова Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, профессор, заведующий кафедрой современной социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ngo@socio.msu.ru).

Палилов Денис Евгеньевич – старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Парфейников Игорь Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент Пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, Россия, г. Пятигорск (voprospolitolog@yandex.ru).

Парфейников Владислав Игоревич – магистрант Института международных отношений Пятигорского государственного университета, Россия, г. Пятигорск (voprospolitolog@yandex.ru).

Петрова Наталия Алексеевна – аспирант кафедры Европейских исследований СПбГУ, Россия, г. Санкт-Петербург (Nataliya_petrova@mail.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (serjpo@mail.ru).

Похожаев Валерий Иванович – адъюнкт Военного Университета Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва (11300vch@mail.ru).

Пряхин Владимир Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, профессор кафедры дипломатии МГИМО, Россия, г. Москва (pryakhin2010@mail.ru).

Сабитова Эльмира Шамилевна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (sabehlmira@mail.ru).

Смирнова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, Россия, г. Мытищи (smirnova-skm@yandex.ru).

Содиков Шарбатулло Джаборович – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (sodikov.mgimo@yandex.ru).

Старосек Александр Константинович – прокурор апелляционного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Омской области, Россия, г. Омск (lawyer.alex2013@mail.ru).

Султанов Комилжон Аслонович – соискатель Республиканского центра духовности и просветительства, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Тушков Анатолий Александрович – аспирант кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Устюжанинов Илья Дмитриевич – аспирант кафедры истории общественных движений и политических партии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (Ustug94@yandex.ru).

Филина Нина Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина, Россия, г. Омск (nina.filina@mail.ru).

Хао Лун – кандидат политических наук, докторант Школы международных отношений Пекинского университета, Китай, г. Пекин (haolong@pku.edu.c).

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Россия, г. Москва (rggu2007@rambler.ru).

Чернышова Людмила Владимировна – магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Шмидт Вильям Владимирович – доктор философских наук, профессор, государственный советник Российской Федерации 1 кл.; заместитель председателя Ассамблеи народов России, член Управляющего совета Ассоциации российских религиоведческих центров, директор Центра религиоведческих и этнокультурных исследований и экспертизы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (william@list.ru).

Шукуровский Артур Романович – аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (shukurovskiy@mail.ru).

Юлдашев Бекмирза Элмуродович – научный соискатель Каршинского государственного университета, Республика Узбекистан, г. Карши (avazov.75@bk.ru).

OUR AUTHORS

AGAPOV P.V. – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of History and Theory of Sociology at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BELOUSOVA M.A. – Teacher of secondary school No. 32 in Omsk, Omsk, Russia.

BUKIN O.A. – Master's degree student of the Department of comparative political science, faculty of Humanities and social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

BURYGIN A.A. – Specialist in educational and methodological support at the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

CHERNYSHOVA L.V. – Undergraduate Institute of State services and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

DUBROVINA O.V. – Doctor of Political Science, Full Professor, Professor of the Department of Political Science and Political Management, School of Political Studies, Institute for Social Sciences, RANEPa, Moscow, Russia.

DUBROVINA O. Yu. – PhD in Political Science, Coordinator, National Union of Political Scientists, Moscow, Russia.

DZHAMIYEV B.A. – Senior teacher of the Chair of social sciences, Institute of retraining and advanced training of managers and specialists of preschool educational institutions, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

ELISHEV S.O. – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Sociology at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

EVDOKIMOVA N.V. – Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Foreign Languages for the Humanities of RSUE (RINH), Moscow, Russia.

FILINA N.V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Philosophy, History, Economic Theory and Law, Omsk State Agrarian University named after P.A. Kolybin, Omsk, Russia.

HAO LONG – Candidate of Sciences (political sciences), working for a Doctorate Degree at the School of International Affairs, Peking University, Beijing, China.

KARATUEVA E.N. – Candidate of political science, associate Professor of the Department of management of socio-political processes and history of the Saint Petersburg state agrarian University, Saint Petersburg, Russia.

KARIMOV F.E. – Vice-rector of the Institute of Advanced Training named after A. Avloni, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

KHLOPOV O.A. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.

KRYLOV A.A. – Graduate student of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Oryol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Oryol, Russia.

KUKUSHKINA V.V. – Master student of the Department of Foreign Languages for the Humanities of RSEU (RINH), Moscow, Russia.

LEBEDEVA M.L. – PhD in politics, associate professor, Associate Professor at Political Science, Russian State Agrarian University – MSHA K.A. Timiryazev, Moscow, Russia.

LEI SHUANG – Ph.D. student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

LESHCHENKO S.A. – Student of Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

LUKIN A.D. – Postgraduate student of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

MAKOVSKIY V.A. – Postgraduate student at the Chair of political science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of sciences (political sciences), Professor, Moscow, Russia.

NDAYISABA AUGUSTIN – Post-Graduate Student, Department of Comparative Political Science, Peoples' Friendship University of Russia, Bujumbura, Burundi.

OGUZ SAHBAZ – Research Associate, Recep Tayyip Erdogan University, Turkey; PhD Student, Diplomatic Academy of Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

OMEROVICH A.R. – Master, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

OSIPOVA N.G. – Doctor of Sociology, Professor, Dean at the Faculty of Sociology, Professor, Chairperson of the Department of Modern Sociology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

PALILOV D.E. – Senior lecturer, Department of political science and mass communications, Financial University under Russian Federation government, Moscow, Russia.

PARFEYNIKOV I.S. – Candidate of Law, Associate Professor, Pyatigorsk branch of North-Caucasian Federal University, Pyatigorsk, Russia.

PARFEYNIKOV V.I. – Undergraduate, Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

PETROVA N.A. – PhD student, Department of European Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

POKHOZHAEV V.I. – Adjunct, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

PRYAKHIN V.F. – D.Sc. (political science), Professor (International Relations Dept., RSHU), Professor (Diplomacy Dept., MGIMO-University), Moscow, Russia.

SABITOVA E.Sh. – Post-graduate student at the Faculty of global processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SHMIDT V.V. – Doctor of Sciences (philosophy), Professor, 1 Class State Adviser of the Russian Federation; Deputy Chairman of the Assembly of Peoples of Russia, member of the Governing Council of the Association of Russian religious research centers, Director of the Center for religious and ethno-cultural research and expertise of the Institute of Public Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

SHUKUROVSKIY A.R. – Postgraduate student at the Chair of National and Federative Relations, Institute of Public Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

SMIRNOVA T.S. – Graduate student of the department of political science and law, Moscow Region State University, Mytishchy, Russia.

SODIKOV Sh.D. – Candidate of Sciences (law), research fellow at the Institute of International Studies of MGIMO, Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

STAROSEK A.K. – Prosecutor of the Appeal Desk, Criminal-Judicial Department of the Prosecutor's Office of the Omsk Region, Omsk, Russia.

SULTANOV K.A. – Seeking a degree at the Republican Center for spirituality and enlightenment, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

TUSHKOV A.A. – Postgraduate student of the Department of international relations and law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

USTYUZHANINOV I.D. – Post-graduate second year student, Department of History of social movements and political parties Faculty of History Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

YULDASHEV B.E. – Seeking a degree at the Karshi State University, Karshi, Uzbekistan.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 10. Issue 5 (57), 2020

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.05.2020

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “PrintUP”

Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105

Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

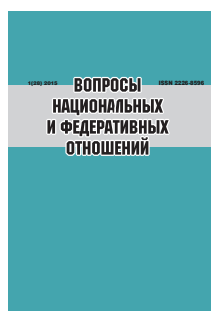

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

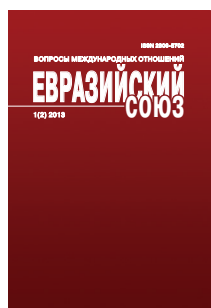
Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»

в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная					Количество комплектов					
	услуги почты										
	полная										
на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											